

Вячеслав Кумин Наемник

предоставлено правообладателем <http://litres.ru>
«Вячеслав Кумин «Наемник»»: Лениздат, «Ленинград»; СПб; 2006
ISBN 5-289-02329-1

Аннотация

Его оклеветали и преследуют – и мафия, и полиция. Единственное спасение – стать звездным наемником. Но его будут искать и на других планетах. Выход – стать лучшим из лучших и вернуться домой, чтобы устроить свою вендетту, свою маленькую войну. И горе тем, кто станет на пути Наемника.

Вячеслав Кумин Наемник

Войска Торговой Федерации в спешном порядке покидали поле боя. В небе кружили вертолеты «Блэкшарк», прикрывая с воздуха солдат, которые на бегу скидывали с себя бронжилеты и оружие, уменьшая тем самым свою массу. Все делалось для того, чтобы в транспортный шаттл влезло как можно больше бойцов Федерации.

Вдалеке у горизонта уже вовсю шла воздушная схватка. Федеральные истребители «Лихтнинг» преграждали путь своим противникам «Бейстам», чтобы те не могли сбить тяжело взлетающие транспорты «Элефант», в каждом из которых находилось до полутысячи притиснутых друг к другу солдат или же более дорогое, с точки зрения командования, военное имущество – вроде танков, атмосферных самолетов и прочей боевой техники.

Времени катастрофически не хватало, и планета была окончательно потеряна. На орбите из последних сил вели бой тяжелые крейсера, обеспечивая достаточно большое окно для эвакуации наземных войск. К противнику подходило подкрепление в виде ударной

космической группировки из пяти линкоров и трех крейсеров. Нужно было уходить, чтобы не остаться здесь насовсем.

Но вот последний «Элепхант» прилепился к своему транспортному кораблю, и вся группировка с боями стала уходить прочь из потерянной системы. Там, на планете, еще остались войсковые части и отдельные группы солдат. Если они не погибнут сразу в запале схватки, то их обменяют один к одному на пленных солдат противника.

1

Планета Альпамир была одним из последних, среди сотен, новоколонизированным миром. Вокруг нее был поднят настоящий бум, сюда стекались люди в поисках лучшей доли и в большинстве своем находили ее. На Альпамире шел бурный рост городов и соответственно населения. Буквально за двадцать лет выросли огромные мегаполисы. Но принимались и меры, ограничивающие рост, как по высоте, так и по площади, для более равномерного заселения планет и стимулирования новой экспансии.

По одному из таких городов, а точнее по его пригороду с маленькими двух- и трехэтажными зданиями, строившимися без каких-либо ограничений, ехал старенький автомобиль, в котором сидели четверо приятелей, друживших еще со школьной скамьи.

Автомобиль был действительно старинным, выпущенным где-то сто двадцать лет назад и давным-давно снятым с производства, а потому очень редким, особенно в новых колониях, что в принципе исключало вероятность его угона. По крайней мере, на Альпамире их было не больше тридцати штук при населении полтора миллиарда человек.

– Макс, ну продай ты мне этот мастодонт! – уже в который раз просил Уолш Росс, отец которого был преуспевающим бизнесменом, одним из совладельцев строительной компании. – Я отвалю тебе кучу бабок, на которые ты сможешь купить целый пентхауз в самой элитной части города, да еще со скидкой от фирмы, и не ютиться в своем домишке на окраине города. Ну так как?!

– Да не продаст он тебе его, – ответил за Макса Фил, – этот, как ты выразился, мастодонт дорожает год от года, и лет через двадцать на него можно будет купить небольшой звездолет!

– Макс, ну на кой тебе звездолет?! Да еще через двадцать лет! Живи, как человек, сейчас, – продолжал искушать Брюстера Уолш. – Но если хочешь, то я могу посодействовать в приобретении небольшой космической яхты...

– Да отстань ты от него! – вступился Вольф за сидящего за баранкой Макса, который широко улыбался и еще не проронил ни слова. – После того как ты его купишь, поставишь его в бронированный гараж, и мы больше не сможем покататься на этом чудесном образчике старины по имени «Питергольф». Так что не приставай к нему.

Максимилиан Брюстер, или просто Макс, был единственным из четверки, у кого не было богатых родителей, и до всего ему приходилось доходить самому. Единственным его преимуществом был этот старый парогазовый «Питергольф», стоящий бешеных денег и доставшийся от отца, а тому в свою очередь от его отца и так далее. Так что автомобиль был своего рода семейной реликвией, переходившей к младшему из сыновей.

Машина вышла из поворота, и ее на большой скорости обогнал здоровенный джип на водородном энергоносителе, экологически чистом в отличие от топлива, потребляемого поршневым парогазовым движком, которое и находить-то стало трудно.

– Купи такую машину, – предложил Макс своему приятелю. – Вон, какая крутая тачка.

– Да у меня и покруче есть, но мне твоя нужна!

– Не продам, ты же знаешь... – оказал Макс и включил радио, показывая, что больше он не намерен слушать просьбы о продаже.

Машина являлась ценностью потому, что в ней было все «родное»: как выпустил завод-изготовитель, так все и осталось, в том числе и радио, из которого сейчас доносились новости:

«На бирже стоит настоящая паника! – вещал диктор, – поговаривают о повторении так называемой „черной пятницы“. Падение индексов достигает десяти и более пунктов по добывающим и перерабатывающим предприятиям, и все из-за потери своих позиций Торговой Федерацией в районе Синего квазара. Стоимость акций самой Федерации снизилась на двадцать пять процентов. А теперь более подробная информация об упавших индексах...»

– Макс, выруби этого урода, не могу больше! – попросил с заднего сиденья Фил, отец которого был брокером на бирже. Филу же предстояло пойти по его стопам. – Дома и в колледже все эти индексы, проценты и прочая мура, да еще и здесь это слушать! Не могу, достало!

Брюстера не пришлось долго упрашивать, к тому же ему были по барабану все эти индексы и их падение, и он переключился на другую волну. «Главное, чтоб бамбук не падал! – подумал Макс, непроизвольно посмотрев вниз. – Он мне сегодня пригодится».

Машина въехала на мост, соединяющий Франбред с его пригородом, отделенным от основного массива широкой пропастью восьмидесятиметровой глубины, на дне которой текла глубокая река, берущая свое начало высоко в горах и образованная множеством бурных ручьев. Мост через реку пользовался недоброй славой.

В глаза бросились разительные отличия, и без того яркие улицы стали еще наряднее. Город готовился к грандиозному и самому популярному празднику – Годовщине Переселения Марка. Сегодня будут отмечать юбилей – пятьсот лет. На столичной планете пройдут военные парады, которые будут транслироваться в прямом эфире на всю Новоземную Федерацию.

«А теперь немного о погоде», – прозвучал голос девушки.

– Давай, давай, что там с погодой?! – весело прокричали пассажиры почти хором.

«Сегодня ночью будет двадцать градусов тепла, без осадков. Ветер юго-западный, слабый».

– Отличная погодка! – воскликнул Фил.

– То, что нужно! – согласились остальные.

«А теперь предлагаем вашему вниманию музыкальную композицию».

Сначала зазвучал какой-то дикий смех, а потом послышались полуэротические придыхания.

– Это что, порнуха, что ли? – не понял Макс.

– Ты что никогда не слышал эту песню? – удивился Уолш.

– Нет.

– Это пропаганда наемничества, – вставил по большей части молчаливый Вольф. – Послушай, тебе будет интересно.

Макс ничего не ответил, внутренне скривившись. Как-то он по-пьяному делу ляпнул, что мечтал быть наемником, впрочем, он и сейчас иногда об этом думал, но потом всячески отнекивался от сказанного. Что ни говори, а война всегда притягивала его. «В конце концов, это на генном уровне заложено, – подумал Макс, – мальчишки любят играть в войну».

Вздохи закончились, и зазвучала сама песня:

Верь новой мечте
Под небом огромной страны,
Каждый несет в себе свет
Звездной войны.
Цепи возвышенных слов,
Как вестники новой беды,
Остерегают тебя от этой войны.

Звезды – манят и ранят.
Звезды – сияньем своим закрывают

Усмешку жестокой судьбы
Мы – армия звездной войны.

– Ну почему же пропаганда, – не согласился Макс. – По-моему, как раз наоборот – отговаривают всяческих идиотов от войны...

– Все дело в психологии человека, – стал разъяснять Вольф. – Нам как бы говорят: война это плохо, но, как известно, запретный плод сладок и оттого более желанен. Открытая пропаганда запрещена и даже призывные плакаты могут висеть только непосредственно на вербовочном пункте. Послушай дальше, сейчас второй куплет будет, все поймешь.

Но Макс, наоборот, убавил звук до грани слышимости и спросил:

– Вы ничего не слышали?

– Нет, а что? – за всех спросил Уолш.

– Крик, я слышал чей-то крик, – пояснил Макс, совсем выключив радио. – Надо бы посмотреть, в чем дело.

– Тебе показалось, – сказал Фил. – Народ веселится, потому орет.

– Нет, – уперся Макс, – крик был другой.

– Какой? – насмешливо спросил Уолш.

«Ааа!!!» – раздался душераздирающий крик. Теперь он был гораздо ближе.

– Вот такой, – ответил Макс и резко остановил машину, так, что завизжали тормоза.

– Потихше, Макс, а то ты нас всех угробишь, – проворчал Фил. Ему все это сильно не нравилось. Он, как и Вольф, старался не ввязываться в неприятности.

2

Машина остановилась возле поворота в тупик, о чем предупреждал висящий рядом знак. До цели путешествия приятелей – ночного клуба «Гоблин» – оставался какой-то квартал. Еще несколько переулков и все, они на месте.

– Так, Вольф, остаешься в машине и вызываешь полицию, – взял ситуацию в свои руки Макс на правах первого, услышавшего крик. – А мы все пойдем и посмотрим, что случилось.

– Может, не надо, а? – попытался тот отговорить своих друзей от авантюрной затеи.

Вольф Слэйтер был худощав, слабее остальных физически, что наложило на него свой отпечаток – молчаливость и нежелание ввязываться во все подозрительное, не говоря уже об откровенно опасном. Родители Вольфа были преподавателями в каком-то университете, и, наверное, это как-то отразилось на его физическом состоянии. Друзья таскали его с собой, потому что, когда Вольф был в своей знакомой среде, то становился нормальным человеком – веселым шутником.

– Надо, Вольф, надо, – ответил Уолш. – Иногда надо делать вещи, которые в принципе делать не стоит. Ты меня понимаешь?

– Если честно, то нет. Но тут небезопасно, – напомнил Вольф, – машину могут раздолбать, причем вместе со мной.

– Отгони ее к «Гоблину», – ответил Макс. – Мы пешком придем, когда разберемся, что к чему, тут всего-то пара кварталов. Все давай, – махнул рукой Макс, догоняя своих друзей, уже скрывшихся за поворотом.

– Это я с радостью.

– Только не увлекайся...

Тупик оказался довольно грязным местом, с баками из-под мусора, который вываливался, скрывая сами бачки. Создавалось впечатление, что мусорная машина не заглядывала сюда уже месяц.

В углу за одной из таких куч было непонятное шевеление. Вдруг бак отлетел, и все увидели, что трое парней пытаются совладать с девушкой, которая отчаянно отбивалась, но кричать уже не могла, силы ее были на исходе.

Один держал ее голову и руки, второй старался удержать ноги, которые все время

вырывались, и ему приходилось их снова ловить. Третий пытался справиться с замком штанов, но и это было сделать не так-то легко, девушка извивалась змеей. Последнему это надоело, и он резким движением ударил ее в бок кулаком, после чего она окончательно обмякла.

– Ну, наконец-то! – громко сказал один из них, когда другому удалось сорвать с нее брюки. – А то возимся с ней уже черт-те сколько!

– Начинай, давай!

Возившийся с замком не в пример быстрее расстегнул свои штаны.

«Пора, – подумал Макс, – мы сюда не для наблюдения пришли».

– Не подскажите который час? – громко спросил Макс Брюстер, поскольку знал, что самый идиотский вопрос в подобных ситуациях сбивает с толку сильнее всего.

– Чего?

Компания замерла на своих местах.

– Который час, спрашиваю!

Все трое медленно поднялись с земли, оставив бессознательную жертву в покое. До них уже дошло, что намеченное развлечение сорвалось и продолжить его сегодня вряд ли удастся. Так же медленно они достали ножи-бабочки.

«Хорошо хоть стволов нет, – успел подумать Макс. – А то схлопотали бы по самое не могу!»

– Вот вы и нашли неприятности на свою задницу, – сказал самый высокий из троих, по всей вероятности, главная секс-сила.

– Не могу не согласиться, – ответил Уолш, быстро осматривая близлежащее пространство. Осмотрев, он уже шепотом добавил: – Макс, Фил, там справа от вас, поднимите...

Макс бросил взгляд, куда сказал Уолш, и увидел там разбросанные стальные трубы. С Филом они бросились туда и, схватив тяжелую сталь, почувствовали себя гораздо увереннее. Фил даже показательно небрежно передал две трубы Уолшу.

– Отличные жестянки, – одобрил Росс, крутанув их в руках так, что трубы описали дугу. – Трое на трое, это вполне приемлемо.

Макс таким мастерством похвастаться не мог. Он вообще опасался за свое сердце, которое так быстро билось, что, казалось, сейчас выскочит из груди. Даже в ушах зазвенело. Немного успокоившись, он шагнул вперед, навстречу остановившимся противникам.

Отступать тем было некуда, кроме как пробиваться через эту троицу с обрезками труб. Главарь в доверок к своему ножу поднял такую же одиноко лежащую трубу, поскольку известная истина, что против лома нет приема, даже с ножом, работала и здесь. Один из членов банды вернулся назад и приставил нож к горлу своей жертвы.

– Не стоит, – сказал Уолш, – если ты ее сейчас поранишь, вы отсюда точно не выйдете.

– Что ты предлагаешь? – спросил высокий.

– Бросаем оружие и тихо-мирно расходимся, без геройских драк и потасовок.

– Ладно, – сказал главарь, демонстративно складывая свой нож и засовывая его в карман. – Идет, мы уходим. Лейл, пошли.

«Что-то долго полиции нет, – подумал Макс. – Может быть, Вольф забыл? Но нет, не должен, в тупости его никак не обвинишь».

После того как бандиты ушли, зло сверкнув глазами, Макс подбежал к их жертве, чтобы проверить – все ли в порядке, и когда нагнулся над ее лицом, отметив привлекательность и даже красоту, то получил мощный удар по щеке. Брюстер инстинктивно отдернулся назад, и второй удар заточенных ногтей прошелся мимо. Девушка очнулась и приняла своих спасителей за нападавших.

– Не троньте, отстаньте от меня!

– Тихо! Не дергайся, мы ничего тебе не сделаем, – стал уверять ее Макс, но безуспешно. Она ничего не хотела слышать, а в ее глазах стоял неподдельный ужас, в таком состоянии человек почти не соображает и ничего не осознает.

Вдалеке, чуть слышно, зазвучал вой полицейских сирен. Служители порядка довольно сильно запаздывали.

– Пойдем, Макс, нам тут больше нечего делать, – позвал Фил.

– Нужно рассказать, что здесь произошло, – ответил Брюстер, стирая кровь со щеки.

«Сейчас я выгляжу как самый настоящий насильник, – попытался со стороны представить себя Макс. – Три глубокие царапины от ногтей. Да уж...»

– Тебе это надо? – поддержал Фила Росс. – Давать показания в полицейском участке, писать объяснительные, это ж сколько часов мы там просидим?! Пошли, веселье, наверное, уже в самом разгаре...

– Ладно, пойдем, – согласился Макс, вставая и размышляя о том, как она вообще здесь оказалась. – А то Вольф, наверное, совсем издергался.

– Вот именно.

Приятели оставили жертву неудачного нападения и практически бегом покинули тупик, поскольку полицейские сирены звучали уже совсем близко. Объясняться с ними никому не хотелось, даже если бы после этого случая они и получили бы благодарственные грамоты от полицейского департамента за активную гражданскую позицию.

3

– Ну вот, даже не помахались, – разочарованно сказал Уолш, любитель подраться. Задира и бабник в одном лице.

– Будут тебе еще драки, сам не рад будешь, – ответил Вольф, встречая своих приятелей у входа в ночной клуб.

Вся группа вошла в помещение, их ноги до колена окутал густой белый туман. Народ в центре площадки, в основном молодой и отвязный, уже вовсю отплясывал модный ритм. Всем весельем заправляли два диджея, сидящих внутри кабины вертолета, а точнее, в его передней половине, задняя часть просто отсутствовала. Вертолет был старый, еще времен Трехлетней войны, все его внутренности когда-то демонтировали, и вместо приборной панели была установлена музыкальная аппаратура, над которой и колдовали музыканты, сидя в пилотских креслах.

Клуб был предназначен для так называемой «серебряной молодежи», «золотая» развлекалась в более дорогих местах. Но и до такого места Максимилиан Брюстер, откровенно говоря, не дотягивал, но это было раньше. Теперь он стал здесь абсолютно своим.

Макс открыл свое дело, конечно, не без помощи своих друзей, и теперь мог приходить сюда открыто, а не тайком через черный вход, как это было еще две недели назад. Брюстер занялся пошивом спецодежды для рабочих, производство было небольшим, но уже появились первые заказы, и в будущем он надеялся расширить свое производство. Ну, а то, что найти заказы ему помогли также друзья, его особо не напрягало, в конце концов, хочешь жить – умей вертеться. Макс старался следовать этому правилу.

Приятели прошли к зарезервированному столику, подбежал официант.

– Что будете заказывать?

– Сначала по пиву, – ответил за всех Уолш. – А потом видно будет.

– Сей момент!

– А вот и девчонки! – радостно воскликнул Фил, указав на соседний столик, когда официант ушел. – День прошел не зря, если их, конечно, удастся захомутать.

– Ваш заказ!

– Ну ты шустрый!

– Вот держи чаевые, – Уолш протянул десять реалов, что было довольно много. – Получишь еще столько же, если так же быстро принесешь вон тем дамам по «Кровавой Мэри».

– Они любят «Желтую Симону», – разоткровенничался официант за такие чаевые.

– Еще лучше! – Уолш отвалил двадцатку, которая тут же исчезла. – Принеси им по «Симоне» и скажи, что от нас.

– Будет исполнено!

Официант, похоже, превзошел самого себя: не прошло и двадцати секунд, как на столике у девушек появились высокие бокалы, а сами девушки смотрели в их сторону.

– Ну что пойдем, – позвал Уолш и, подхватив свой бокал с пивом, двинулся к соседнему столику. – Не следует заставлять девушек ждать.

Делать было нечего, и события развивались так быстро, что все остальные двинулись за ним. Хорошо еще, что количество парней совпадало с числом девушек.

– Привет, меня зовут Уолш, а это мои друзья – Вольф, Макс и Фил. А как зовут вас, прелестные леди? – Уолш подсел поближе.

– Ната, – ответила рыженькая. – А это Елена, Ханна и Ольга.

– Очень приятно, – продолжал Уолш, – а что же вы такие грустные на этом празднике жизни?

– Наша подруга ушла минут двадцать назад, – ответила Елена. – Вы ее случайно не видели? Она ушла куда-то со своими новыми приятелями.

– А как она выглядит?

– Примерно нашего роста, длинные черные волосы. Одета в зеленую курточку и синие брюки.

– Кажется... – успел сказать Брюстер, узнав по описанию жертву неудавшегося нападения. Он непроизвольно погладил щеку с царапинами, но замолчал, получив чувствительный пинок по своей ноге.

– Нет, мы ее не видели, – перебил Макса Уолш, посмотрев тому прямо в глаза колючим взглядом. – Или кто-то все же видел?

– Нет, не видели, – вынужден был подтвердить Макс.

– Ну, а раз такое дело, то давайте веселиться. Ничего с вашей подругой не случится! Пойдемте потанцуем.

И разбившись на пары, они пошли в центр зала, где уже толпилось довольно много народу. Девушки веселились и танцевали, даже не подозревая о том, что случилось, или чуть не случилось, всего в квартале отсюда.

А на центральном экране шел показ прямой трансляции. Наземный парад сухопутных сил сменила более величественная картина. Боевые космические корабли Первого Гвардейского Ударного флота самообороны Новой Земли величественно проплывали над планетой в парадном построении. Растянувшись и встав между двумя лунами, которые в этот момент находились на максимально близком друг от друга расстоянии, они произвели залп. Тысячи лазерных лучей прошли пространство, вслед за ними выстрелили новейшие артиллерийские орудия с электромагнитным ускорением, и за триста километров от них в космическом пространстве вспыхнули взрывы праздничного салюта.

4

У Энрике Бэкли был неприятный разговор со своим боссом Антонио Маччини. Этот человек владел сырьевым спутником, транспортной компанией по космическим перевозкам, а также двадцатью пятью процентами всего игорного бизнеса Альпамира. И это только официально. Его настоящую империю плохо представлял даже Энрике, занимавшийся делами личной безопасности своего босса. По сути, он являлся левой рукой этого человека. Специалист, служивший правой рукой, занимался экономическими вопросами.

Предки Маччини заработали первоначальный капитал грабежом, а точнее абордажем боевых кораблей на поприще большой войны между Арабийской конфедерацией и Юанской республикой несколько сотен лет назад.

Арабийцы уже сто лет проигрывали одну планету за другой, и все-таки из-за чего бывшая мощная конфедерация так катастрофически ослабла, до конца было неизвестно. Но,

тем не менее, они отступали и скоро должны были окончательно проиграть. Но чем меньше сил становилось у конфедератов, тем ожесточеннее они дрались. После таких боев в космосе дрейфовала куча самого разного хлама: от груд бесформенного железа до вполне боеспособных кораблей. Эти-то корабли и становились жертвами абордажников, или, как их еще называли, «робберов».

«Робберы» врываются на захваченный корабль, уничтожали оставшихся в живых членов экипажа и уводили судно в неизвестном направлении. Причем корабли были как юанские, так и арабские, пиратам было без разницы, чей корабль угонять, лишь бы он находился в приличном состоянии.

Завершения войны пока не предвиделось, и потому требовались боевые корабли, которые и продавались как тем, так и другим. А воюющим ничего не оставалось, как покупать свои собственные корабли, а иногда и прикупать суда своего противника, чтобы узнать пару-другую технологических секретов врага. Одни за деньги, другие за технологии, которые в свою очередь продавались Новой Земле.

Полученный таким путем от своих предков капитал Антонио Маччини только приумножил. А его владения и влияние были поистине безграничны.

– Единственная причина, по которой ты еще жив, – сказал тогда Маччини, – только та, что с ней ничего не случилось. Насильников кто-то спугнул.

Энрике не боялся смерти, так, по крайней мере, он думал, и не цеплялся за жизнь, но умирать тоже не хотелось, и потому он ничего не сказал поперек. В том, что стервозная девчонка, дочка Маччини, сбежала, скрывшись в толпе, хотя знала, что этого делать нельзя, он по большому счету не виноват.

«Захотела порезвиться, вот и порезвилась, – подумал Энрике. – Что она вообще забыла в этом „Гоблине“? Ведь есть же другие клубы ее уровня, а не эта забегаловка...»

– Так вот, – продолжил Антонио. – Ты можешь заслужить прощение только одним способом.

– Говорите, я все исполню...

– Моя дочь активно сопротивлялась, а потому на ней осталось достаточно следов, чтобы установить личности этих гадов. Генетики уже определили троих подозреваемых, ты должен доставить их мне живыми. Ты слышал, живыми! Я их сам убью. Они будут подыхать долго и мучительно. Если нужно, я даже сделаю им переливание крови, и все для того, чтобы они мучились как можно дольше! Вот их адреса, – Антонио бросил кипу бумаг через стол. Там вместе с адресами были фотографии подозреваемых, чтобы никто ничего не перепутал. – Ты еще здесь?!

Машина остановилась и вывела Бэкли из задумчивого состояния. Это был один из самых грязных районов города, каждая вторая лампа освещения не работала, не говоря уже о каждой первой. «И как можно жить в такой грязи? – подумал Энрике. – Как я жил в такой грязи?»

– Босс, вот дом под номером два в вашем списке, – сказал, обернувшись, водитель.

– Хорошо, Бакс, начинаем. – Из джипа вышли шесть человек. – Вы трое заходите с тыла, а мы – в парадную дверь. Напоминаю еще раз, не попортите его. Пошли.

Три человека быстро обогнули здание, а сам Энрике вошел в парадный подъезд. Нужно было подняться на четвертый этаж, где и жил насильник.

Раздался еле слышный скрип, Бэкли напрягся, вслушиваясь, но ничего больше не услышал. «Нервы, – подумал он, невольно вспоминая молодые годы, когда он устраивал всевозможные ловушки и обманки, чтобы скрыться от полиции. – Но все равно, что-то не так, нутром чую...»

Энрике продолжил подъем и вышел на нужную площадку. Вся группа вытасила парализующие пистолеты. Замок на двери был обычный, и потому Энрике скомандовал:

– Шульц, давай!

Шульц мощным ударом ноги выбил дверь, раздался громкий выстрел из дробовика, и неудачливого взломщика отбросило в сторону с рваной раной в груди. «Дерьмо, опять

бронежилеты забыли надеть, – успел подумал Энрике, вваливаясь в комнату. – В том числе и я».

Совершенно нагой человек, но с пистолетом в руке, уже прыгал в окно. «Голый в поле не воин, – едва успел подумать Энрике, как услышал частые хлопки парализаторов. – Готов сучонок!»

В подтверждение его мыслей заскрипела рация:

– Босс, субчик готов.

– Он живой?

– В порядке.

– Хорошо, мы спускаемся, – сказал Энрике, на ходу выключая рацию. – Да, промашка вышла. В следующий раз аккуратнее надо быть.

– Что с Шульцем делать?

– А что с ним делать, с собой увезем, – ответил Энрике, ногой сбрасывая тело в межлестничный проем. Внизу послышался глухой удар упавшего тела. – В машину его, к этим уродам.

– Вы что делаете?! – закричал пришедший в себя первый пойманный, когда в довесок поверх него положили его голого приятеля, а сверху труп Шульца.

– Заткнись, мразь! – только и ответил Энрике, захлопывая багажник. – Ну что, Бакс, поехали за третьим номером.

– Как прикажете, босс.

5

Макс Брюстер проснулся от жуткой головной боли и принялся вспоминать, что он выпил и в какой последовательности, и тут же подумал, что это уже не важно. Было темно, и его рука проехала по чьему-то лицу. Он ее тут же отдернул.

«Ну, конечно! Девушка из клуба. А где моя машина!!! – в панике подумал Макс, но быстро успокоился, вспомнив, что он вызвал специальную службу, которая и отбуксировала машину в гараж. – Так с этим разобрались... А как зовут ее? Элен, Хелен, Анна, Ханна? Ее зовут Ханна!»

Имя для него имело важное значение.

Он оделся и поплелся на кухню, где-то там должны были быть таблетки от головной боли, специально для таких случаев – при передозировке алкоголя.

«Еще странно, что у меня с ней что-то случилось, – подумал, ухмыльнувшись, Макс, и запил таблетку водой. – Или не случилось? Ничего не помню, – сокрушенно покачал головой Брюстер, но потом просиял, все вспомнив. – Нет, получилось, да, получилось, иначе и быть не могло!»

Макс напрягся, услышав в прихожей шорох. «Это кот, хотя нет. Кот сдох месяц назад... Тогда кто или что?» – подумал он. И чтобы найти ответ на вопрос, поплелся в коридор. Было тихо, и когда он уже подумал, что ему все это просто показалось, дверь слетела с петель, и в образовавшийся проем в полном молчании влетели три человека.

По всей видимости, ворвавшийся не ожидал увидеть свою жертву так скоро, а потому просто и без затей ударил его рукояткой пистолета по голове. Брюстер даже не успел ничего понять и среагировать, как упал в бессознательном состоянии.

– Ты его не слишком сильно приложил? – словно через вату услышал Макс.

– Да нет, легонько. Сейчас оклемается, вот видите, зашевелился!

– Не трогайте, не трогайте меня! – заверещал Брюстер, подсознательно замечая, что где-то уже слышал эти слова. – Забирайте деньги и уходите, они там, в шкафчике, на третьей полке слева!

– Заткнись, мы не грабители! – проорал низенький человек и, видя что его слова не действуют и этот сопляк сейчас снова разорется, вlepил пощечину, жалея, что зубы выбивать запрещено.

– А кто?
– Конь в пальто! – ответил высокий и, когда смех поулегся, добавил. – Кастрировать тебя будем.

– За что!!! Она добровольно!
– Да мы не о ней. – Высокий кивнул в сторону постели, где, забившись в угол, сидела Ханна. – А о той, которую ты со своими приятелями пытался изнасиловать.

– Это не мы! Поверьте мне, это не мы! Мы с моими приятелями, наоборот, пытались предотвратить злодеяние!

– А раны на лице?
– Так она ничего не соображала, наверное, подумала, что я и есть насильник, и врезала! Это ошибка! Это трагическая ошибка!

– Всякое может быть...
Энрике осмотрел комнату при слабом свете ночника. «Что ж, действительно явное отклонение от двух предыдущих случаев, слишком легко и быстро нашли. Не пришлось даже задействовать агентуру, как прежде, – подумал он. – Но нужно доставить трех человек, причем сегодня же. Иначе кастрируют меня, а я этого не хочу».

– Ты знаешь, я тебе верю, но это ничего не меняет. Извини, мне очень жаль. Берите его.
– Нет, не надо, не надо! Прошу вас!

Два человека подхватили Брюстера под мышки и двинули ему в бок, так что он стал хватать ртом воздух, как рыба, не в силах сказать ни слова. А третий надел ему пластиковые наручники, крепко стянув руки вместе. И как был в пижаме, повели его на улицу, где их уже поджидала машина. Стоящий рядом с джипом человек открыл багажник, и от увиденного там Макса вырвало прямо на ботинки главаря.

На востоке поднималась заря. Светало.
– Что же ты, засранец, делаешь?!
– Извините...
– Босс, тут места нет.
– Что, правда? Вот зараза! Ладно, повезем в салоне. Щас только ботинки почищу. – И отерев ботинки о траву, Энрике скомандовал: – Все поехали.

Брюстера в темпе запихали в салон семидверного джипа, на одно из задних мест, и двое амбалов зажали его с двух сторон. Машина плавно тронулась и поехала в сторону города.

– Накройте его.
– Зачем, босс?
– Сейчас будет мост, а там дежурит полицейский. Видите ли там часто всякие придурки желают покончить с жизнью.

– Ну и что?
– Так он в пижаме! У копа это может вызвать подозрение, а нам неприятности ни к чему, даже временные. И еще напомните мне, чтобы в следующий раз взяли машину с тонированными стеклами.

– Понял, босс, щас все сделаем.
Один из конвоиров снял с себя куртку, накинул ее на плечи Макса и даже застегнул верхнюю пуговицу.

– О! Так-то лучше, – похвалил Энрике своего подчиненного.
Картина увиденного Максом трупa мешала трезво размышлять, и приходило понимание того, что с ним будет то же самое. Мысли путались в голове, и только одна пульсировала отчетливее других: надо что-то делать! Но что можно предпринять? Позвать полицейского? Машина выехала на мост, и сразу стало видно, что полицейского сегодня нет. «И так всегда! – в отчаянии подумал Макс. – Когда они нужны, их нет, а когда не нужны, так целая толпа!»

Машина выехала на середину моста. Брюстер больше не размышлял, теперь ему казалось, что он смотрит на себя со стороны. Макс изо всей силы ударил левого конвоира в пах и сразу же с размаху врезал в лицо справа сидящему. Он всем телом рванулся к двери,

каким-то чудом успел открыть ее и вывалился наружу, сильно ударившись об асфальт. Он пролетел по инерции еще несколько метров, пока не ударился о бордюр.

Машина затормозила с визгом и остановилась в двадцати метрах от места падения Макса. Брюстер, не чувствуя боли, быстро вскочил на ноги, к нему уже бежали пять человек, на ходу выхватывая пистолеты. Вид оружия подстегнул Макса, и он, ничего не соображая и доверившись инстинктам, перемахнул через поручни и спрыгнул с моста.

– Ааа... – послышался его протяжный крик.

Преследователи открыли стрельбу по сиганувшему с моста Максусу. Но тщетно, на дальних дистанциях они были не слишком точны, и беглец ушел невредимым.

– Вот дерьмо! – Энрике от злости даже топнул ногой и плюнул в реку. – Сволочь!

– Да, плакали мои денежки, – проговорил один из амбалов с разбитым лицом.

– Какие еще денежки?

– Там в куртке было около тысячи наличными, ну и на карточке около десяти.

– Молитесь теперь, чтобы нас вместо него не кастрировали... – замогильным голосом произнес Бэкли и достал сотовый телефон.

Он звонил своему школьному приятелю Майклу Донатану, ныне майору, начальнику вертолетной группы на близлежащей базе. Энрике иногда выполнял малоприятные поручения Майкла, а тот, в свою очередь, его, небескорыстно, естественно.

– Алло? – донеслось из трубки.

– Привет, Майк, это я.

– Чем могу быть полезен, Энри?

– С моста упал человек, я хотел бы, чтобы твои ребята его поискали.

– Я сейчас же организую поисковую операцию. Уже поднимаю машины...

– Я хотел бы, чтобы это было без огласки...

– Ты знаешь расценки, Энри? – скорее утвердительно, чем вопросительно, сказал Донатан.

– Да, Майк, начинай поиски... – Энрике отключил телефон и сказал, повернувшись к своим подчиненным: – Раз пошла такая пьянка, сбросьте тело Шульца в реку.

– Нет проблем, босс.

Двое подчиненных сбегали обратно к машине и выволокли из багажника безжизненное тело. Пленники притихли, опасаясь, что именно сейчас их и пустят в расход.

– Никогда не думал, что он был таким тяжелым кабаном...

– Помолчал бы уж.

Поднатужившись, бандиты перевалили тело своего боевого товарища через поручни и сбросили в реку.

6

– Ааа... – громко кричал Макс, но недолго. Попадая в рот вода заставила его замолчать.

Холодная вода буквально обожгла его тело, и он стал активно грести закованными руками и махать ногами, пытаясь всплыть с большой глубины. Рядом, оставляя в воде воздушные дорожки, взрывались синеватым светом электрические пули. И он понял, что по нему ведут стрельбу.

Воздуха катастрофически не хватало, легкие жгло от нехватки кислорода, но вот быстрый поток выбросил его на поверхность. Кругом были отвесные скалистые берега, и Макс, несмотря на холод, решил остаться пока на середине реки, поскольку мог запросто расшибиться о камни.

Судороги свели ногу. Она просто болталась в холодной воде и тянула все тело на дно. Макс решил – будь что будет, но нужно выбираться из реки, иначе можно банально утонуть, а так есть хоть маленький шанс удачно зацепиться за камень и при этом не погибнуть. И

Брюстер погреб к берегу. Вскоре он почувствовал, что поток ослабевает, а берег становится более пологим.

Сил уже совсем не оставалось, но он все же смог вылезти на берег, и тут отказала вторая нога. Места были совсем дикие. Сюда еще не успела добраться цивилизация со своими машинами, понятиями о порядке и прочей техногенной моралью.

Макс Брюстер вылез на берег и, отталкиваясь руками, пополз дальше, понимая, что останавливаться нельзя ни в коем случае, иначе замерзнешь. Он полз, пока не осталось сил, и обнаружил, что заполз под какой-то навес из камня с травой, образующий своего рода шалаш, защищавший от ветра. Макс попытался поплотнее укутаться в куртку, так и висевшую на его шее, но ничего не выходило – мешали наручники, а тело колотило так, что зуб на зуб не попадал.

Быстрый осмотр показал, что в карманах есть ворох бумажных денег, пластиковые карточки, зажигалка и ключи. Ему вдруг стало себя так жаль, что слезы покатались сами собой, но он их и не пытался остановить.

Макс выбрался наружу и стал срывать сухую траву, собирать мелкие веточки, и когда набралась достаточно большая куча, запалил костер. Он дымил, создавая серьезную опасность быть обнаруженным, но другого выхода не было. Нужно согреться и обсохнуть, это сейчас главное. Макс все подкидывал и подкидывал топливо в огонь, пока пламя костра не превысило его собственный рост. Набрав силу, костер перестал дымить, и вероятность визуального обнаружения с воздуха заметно упала.

Длинной палочкой Брюстер вытащил из костра тлеющую головешку и попытался расплавить наручники, которые ему уже порядком надоели. Пластик поддавался плохо, и Макс обжегся, но толщина наручников все же заметно уменьшилась. Тогда он взял острый камень и, закрепив его между ног, попытался перерезать пластик, что ему и удалось сделать минут через пять.

– И куда же мне идти? – задал себе вопрос Брюстер, когда в достаточной мере согрелся и обсох. Он говорил в полный голос, опасаясь, что может сойти с ума, если не поговорит. – Домой возвращаться нельзя, к друзьям и знакомым тоже... О том, чтобы остаться здесь на пару дней, не может быть и речи. Насколько я знаю, здесь, хоть и в малых количествах, но присутствует животный мир, а соответственно, есть и хищники. Охотиться я не умею и даже если кого-нибудь поймаю, то вряд ли приготовлю. Что же делать?...

Так и не придя к какому-либо определенному выводу, он направился к городу, от которого по приблизительным расчетам его отнесло на двадцать пять, а то и на все тридцать километров.

– Там я, по крайней мере, смогу нормально поесть и все обдумать. Точно! Пойду прямо в полицию и все им расскажу! – От принятого решения ему стало гораздо лучше. Жизнь снова обрела утраченный смысл.

Высоко в воздухе, возвращаясь с учебного задания, летели два вертолета. Можно было, конечно, остановить и сложить широкие лопасти перпендикулярно к корпусу и добраться до базы как самолет, включив ускорители, но командиру группы было гораздо приятнее управлять машиной именно так, как вертолетом.

– Ивар, – позвал второго пилота командир Рэм Кинг. – Что грустный такой?

– Надоело все, – честно признался Ивар. – Все летаем, летаем... а работы как таковой нет. Скучно.

– Что не увольняешься?

– У меня контракт истекает через полгода. Возможно, я расторгну его раньше срока.

– И что потом? – не унимался Рэм.

– Думаю попробовать себя в качестве боевого пилота. Думаю записаться в армию к «торгашам», у них и зарплата побольше раза в четыре, чем у нас, плюс бонус за каждую сбитую цель.

– Если тебя раньше не собьют, – Рэм приложил руку к шлему и сказал: – Слушаю вас,

господин майор.

– Капитан, покружи над лесом, поищи человека, он упал с моста и должен быть где-то в твоём районе.

– Сэр, это не наша обязанность, для этого есть служба спасения, – Рэм стал прощупывать ситуацию на предмет дополнительного заработка. Он сразу понял, что это «левая» работа, и сейчас все зависело от ответа майора. Обычно в таких ситуациях он делал легкий намек на вознаграждение.

– Это приказ, капитан!

– Слушаюсь, сэр! – капитан оборвал связь и переключился на второй вертолет. – Слушайте новое задание: берете под свой контроль левый берег и докладываете мне обо всем подозрительном и нетипичном для этой местности. Я беру правый берег. Общий радиус поисков – пять километров. Начинаем.

– Вас понял.

И два вертолета спикировали вниз и разошлись в разные стороны, беря под наблюдение каждый свой участок гористо-лесистой местности по обе стороны от реки. Они кружили уже пятнадцать минут, и всем это порядком надоело.

– Господин капитан...

– Слушаю, Чип.

– Примерно в трех километрах к югу замечен дымок от костра.

– Молодец, Чип, до связи.

Рэм уже нажал вызов, собираясь доложить обо всем майору, но передумал. «Нужно делиться, приятель, и не быть таким жадным, – подумал капитан. – Жадность фраера сгубила».

– Господин майор, – Рэм все же вызвал своего начальника.

– Что у тебя, капитан? Вы его нашли?

– Никак нет, сэр. Мы проверили местность самым тщательным образом, но ничего подозрительного не обнаружено. Прошу разрешения вернуться на базу, у нас подходит к концу топливо.

– Разрешаю, – разочарованно протянул майор и отключился.

– А насчет наемничества к «федералам» не советую, – произнес Рэм, как будто разговор и не обрывался. – Они сейчас отступают, и люди у них горят как дрова...

7

Брюстер шел целый день, выбирая места с древесной растительностью, чтобы можно было спрятаться. В прошлый раз ему крупно повезло, когда, как он считал, его не заметили, хотя гул вертолета был совсем близко.

Сейчас он жалел, что не следил за своим физическим состоянием, как это делал его друг Уолш или хотя бы Фил, те много времени проводили в спортзалах. Он часто спотыкался и падал, разбивая руки и колени в кровь о каменистую почву. Период между остановками каждый раз сокращался, а время самого отдыха увеличивалось.

Уже под вечер, когда на небе появились первые звезды, изголодавшийся и исцарапанный колючим кустарником, он увидел цель своего путешествия – Франбред, такой знакомый, но ставшим чужим, столичный город Альпамира.

Макс в последний раз пошарил по карманам и вытащил пластиковые карточки. Взглянув на них в последний раз, он выбросил их, понимая, что воспользоваться ими не сможет. И стал спускаться вниз, это было еще труднее.

Он выглядел таким оборванцем, что выделялся даже среди чумазных нищих, а воришки обходили его стороной, считая, что с такого взять точно нечего. А Брюстер, тем не менее, шел в полицейский участок, как и задумал в самом начале. Но в бедных кварталах они были очень редки.

На глаза попалась закусочная, и живот Макса сильно заурчал, требуя заправки, да так

громко, что на него обернулась одна из проституток. Ноги сами собой несли его к прилавку.

– Двойной, нет, тройной гамбургер и большой стакан чаю, – сделал заказ Макс и, видя, что продавец сомневается в его кредитоспособности, вытащил кончик самой мелкой купюры.

– О'кей. – И на стойке появилось затребованное Максом.

Брюстер налетел на еду, прямо не отходя от стойки, набивая рот до отказа, так что крошки сыпались вокруг. Он ел, даже не прожевывая толком пищу и запивая чаем.

– Ты откуда такой взялся? – поинтересовался продавец, вытирая валившиеся на стойку крошки.

– Из л... у, – попытался ответить Макс и, прожевав, сделал вторую попытку: – Из лесу вестимо.

– Ага! Отец, слышишь, рубит, а я отвожу! – засмеялся продавец.

– Спасибо, – поблагодарил Макс, расплачиваясь за еду. – А откуда я, это длинная история, а времени у меня совсем нет.

– Что ж, я не в обиде.

– Малыш, не хочешь развлечься?

– Уж чего-чего, но только не это. Хотя...

Макс осмотрел жрицу любви. «Вроде ничего, – подумал он, – только сил у меня совсем нет». Брюстер посмотрел вдоль улицы и краем глаза заметил, как от него отвели любопытный взгляд. По темной улице брели редкие люди. «Похоже, теперь о моем богатстве знает каждая крыса, – подумал Макс. – И вполне вероятно, что до полицейского участка мне не дойти. По крайней мере, на своих двоих, а вот на катафалке точно там окажусь».

– Пожалуй, развлекусь, показывая дорогу.

– Пойдем.

Комната оказалась довольно чистой. Без всякой дешевой бижутерии, хотя Макс и не знал, как должны выглядеть подобные места. Если было нужно, он пользовался услугами девочек по вызову, которых привозили прямо на дом.

– Как тебя зовут?

– Лиза... Что приступим?

– Сколько ты берешь за час?

– Полтинник.

– Вот что, Лиза, сказать по правде, мне сейчас не до любовных утех. Я просто хочу хорошо выспаться, а потому поступим так, – Брюстер вытащил деньги и положил их на столик. – Тут у меня тысяча сто, когда я проснусь, здесь должно остаться семь сотен. Как бы это смешно ни звучало, но я надеюсь на твою порядочность. Если захочешь меня обмануть, то дело твое, но тогда сделай так, чтобы я вообще не проснулся. Я пока пойду в душ, а ты постели чистое белье, если тебе не трудно. Ну, так как?

– Идет.

– Спасибо.

Засыпая, Макс подумал о том, правильно ли он поступил, но переигрывать не было никаких сил. Сон свалился на него сразу, не было этих часовых перекачиваний с боку на бок, которыми он мучился, как ему казалось, уже в прошлой жизни.

Ему снилось поле, кругом цветы, чистое небо над головой, высоко парил орел, выискивая добычу, но вдруг картинка поменялась. Налетели хмурые тучи, и среди молний вниз посыпались какие-то точки. «Какой странный дождь, – подумал он во сне. – Какие крупные капли!»

Поляна, которая до этого была оплотом мира и спокойствия, вдруг разлетелась на куски от частых разрывов бомб. Он хотел убежать, но не мог пошевелить даже пальцем. Кольцо разрывов быстро сужалось, все быстрее и быстрее приближаясь к Максиму. Он посмотрел вверх, с неба прямо на него падала бомба, послышался зловещный свист и взрыв.

Макс ничего не понял, по-прежнему поляна была в цветах, а о бомбежке ничего не напоминало. Чистое голубое небо, бабочки порхают с цветка на цветок, птички поют. Он

посмотрел вниз. «Что за хрень, где мои ноги? – подумал Макс, он даже пощупал то место, где они должны были быть, но там ничего не было. – Где мои ноги!!!»

– А-а-а!!!

Брюстер вскочил с кровати, сдернул с себя одеяло и, как сумасшедший, стал хватать себя за ноги, которые были на том месте, где и должны были быть.

– Что случилось! – в комнату вбежала Лиза. – Кошмар приснился?

– И еще какой! Ни за что не забуду, – Макс прищурился от яркого света и смахнул со лба выступивший крупными каплями холодный и липкий пот. Уже давно рассвело. – Где моя одежда?

– Я ее выбросила. Твоя одежда была такой рваной, что тебя забрал бы первый же патруль.

– А как же я тогда...

– Вот возьми это, кажется твоего размера, – Лиза протянула пиджак и спортивные штаны. – Это у меня после полицейской облавы осталось, их владельца забрали в чем мать родила, ну, а он за ними не вернулся. Одежда входит в сумму твоего вознаграждения. Пошли, чай попьем.

– Спасибо, – сказал Макс, быстро одеваясь, и, не пересчитывая, сунул деньги в карман, схватив их со стола. Большого смысла в их пересчете он не видел. Раз он жив, значит, и с деньгами все в порядке.

8

Днем, при ярком свете, пришло ощущение безопасности, и потому Максимилиан Брюстер открыто вошел в полицейский участок. В приемной было не протолкнуться, в «обезьянниках» сидели задержанные, понуро ждавшие решения своей участи – отпустят их сразу или дело дойдет до скамьи подсудимых.

Брюстер подошел к окошку с надписью «Приемная» и постучал в него, в открытом окошке показалось неприветливое лицо сержанта.

– Извините, сэр, я хотел бы подать заявление об убийстве и попытке похищения.

– Даа?... – удивился сержант. – И что?

– В смысле? – не понял вопроса Макс. – К кому мне обратиться?

– Кабинет тринадцать, на втором этаже, – наконец дал вразумительный ответ полицейский. – Поднимешься по лестнице, и направо.

– Я понял.

Найти кабинет оказалось не так-то просто, но его проводил сержант. Брюстер постучал в дверь с цифрой «тринадцать» и вошел.

– Садитесь, – сказал ему седой старичок в звании лейтенанта. Табличка на его столе извещала, что лейтенанта зовут Т. Колумб. – За что вы убили своего соседа по площадке?

– Я? Я не убивал! Тут какая-то ошибка!

– Ну не я же его грохнул.

– Меня зовут Максимилиан Брюстер, я пришел сюда добровольно, чтобы рассказать об убийстве и попытке похищения...

– Это правильно, – одобрил лейтенант. – Явка с повинной смягчит ваше наказание.

– Да что же это такое! Меня! – Макс стал бить себя в грудь. – Меня хотели похитить и чуть не убили! И чуть яйца не отрезали!

– Успокойся, просто тебя привел сержант, и я подумал, что это по моему вызову... Где-то я уже видел твое лицо, но вот где? Склероз меня попутал. Хорошо, давай все по порядку, что, где, когда...

Брюстер рассказывал долго, иногда сбивался или повторялся. Лейтенант его не перебивал, навидавшись за свою долгую службу всякого. Его ум работал четко, как компьютер, а внешняя рассеянность была только прикрытием, для того чтобы вводить в заблуждение своих молодых коллег и преступников, хотя иногда это было почти одно и то

же. На подобную ловушку попались многие, но не все. Взять хотя бы того же Антонио Маччини.

Лейтенант Колумб уже давно сопоставил одно с другим, но все же должен был признаться самому себе, что слишком долго вспоминал лицо этого посетителя. Теперь он вспомнил: на этого пацана, двадцати с небольшим лет, в компьютер одного из его продажных коллег пришел файл. За поимку и доставку этого Брюстера, в обход официальных процедур, объявлялось вознаграждение в десять тысяч кредиток. При зарплате в три тысячи это была внушительная сумма. Оставалось неясным, видел ли получатель файла данного субъекта и как все это можно использовать против Антонио Маччини, на котором, прямо или косвенно, висело десятка два «глухарей». И лейтенант должен был признать, что этого парня использовать никак нельзя, все пришедшие в голову планы рушились как карточный домик. Мафиози был ему откровенно не по зубам, да и к тому же осторожен, как черт. Любая операция с задействованием данного свидетеля приведет к его смерти. Колумбу было не особо его жаль, просто все бесполезно.

– Вот и весь мой рассказ, – закончил свое повествование Брюстер.

– Да, парень, не повезло тебе, и скажу тебе честно: все это бездоказательно, ведь улики у тебя нет, а слова к делу не пришьешь.

– Но как же так?!

– Я не говорю, что не верю. Верю, но этим ничего не изменить. Я не могу даже вписать тебя в программу защиты свидетелей.

– Что же мне делать?

– Не знаю. Бежать, прятаться. Как я понял, деньги у тебя есть, на первое время хватит. Убирайся в другой город и надейся на лучшее. Я же, со своей стороны, так и быть пущу информацию, что ты невиновен и вообще ни при чем. Так что через месяц, от силы три, сможешь вернуться к нормальной жизни.

– Это все, что вы можете?

– Увы, но это так.

– Неужели ничего нельзя сделать! Ведь можно просто объяснить, что я здесь ни при чем, что все это ужасное недоразумение...

– Видишь ли, сынок, в чем беда... Маччини немного придурковат, и если он что-то вбил в себе в голову, то выбить это может только свинцовый посланец весом в девять граммов, желательно в упор, желательно разрывной...

– А кто этот Маччини? Я о нем немного слышал, но подробно не интересовался.

– Один из трех здешних самых крупных владельцев земель, заводов, пароходов и тэ пэ и тэ дэ... Занимается нелегальным бизнесом, проще говоря, преступник, но взять мы его не можем, а почему – долго объяснять, да тебе и не нужно знать. Конечно, по сравнению с воротилами Новой Земли, он довольно-таки мелкая сошка, и там бы его довольно быстро захмутили, но здесь он – бог и царь.

«Хотя, с другой стороны, почему бы и не попробовать, – подумал лейтенант, вернувшись к старым мыслям. – Если все получится хорошо, то рано или поздно Маччини допустит ошибку, и тут я его поймею во... впрочем, я увлекся».

– Но почему пострадавшая девушка сама не расскажет своему отцу все, как было? Она же все видела и могла бы многое прояснить.

– Видишь ли, в чем проблема, – лейтенант устало вздохнул, – у них это семейное...

– Не понял...

Лейтенант Колумб покрутил пальцем возле виска и добавил:

– Но, к счастью, у нее в гораздо меньшей степени, но из-за этого у нее такой необычный заскок.

– Так в чем собственно проблема?

– По моим данным, она сейчас находится в психиатрической лечебнице, по понятным причинам этого не афишируют.

– Тогда откуда вы все это знаете?

– Видишь, какая у меня седая голова? В полиции я работаю без малого полвека и знаю многие способы добычи информации. Но мы отвлеклись. В результате полученного шока она впала в какое-то шоковое состояние с умным названием, из которого ее не могут вывести даже самые лучшие врачи с невероятно дорогими препаратами. Опять же, по моим данным, из этого шокового состояния ее мог бы вывести другой пережитый шок, но сам понимаешь, что в закрытой больнице только тишь и спокойствие. И потому рассчитывать на ее скорое выздоровление тебе не приходится, что на руку ее отцу, она доставляет ему слишком много хлопот, но все же он ее любит и всячески оберегает.

– Вот ведь гадость-то какая!

– Да, неприятная ситуация... В шкафу висит одежда, переоденься, чтобы не бросаться в глаза. Вот адрес, это в Ганновере. Обратишься к этому человеку, скажешь, что от меня, он даст тебе документы, липовые, конечно, но какое-то время ты сможешь с ними продержаться и даже устроиться на кое-какую работу, с которой протянешь некоторое время.

И Брюстер второй раз за день поменял обновку.

9

После ухода Брюстера в кабинет лейтенанта Колумба вошел вечно веселый начальник участка – полковник Паоло Краун, даже выглядевший моложе своего подчиненного лет на десять. Вслед за ним явились два парня в новенькой форме.

– Привет, лейтенант!

– Здравствуйте, сэр, – ответил лейтенант, чуть привстав из-за стола, и сразу же плюхнулся обратно. – Чем могу быть полезен?

– Да, в принципе, уже ничем, – пошутил Краун. – Вот привел двух новеньких ребят, только что из училища.

– А я тут при чем?

– А при том, что ты берешь над ними шефство. Будешь обучать их всему, что знаешь сам, так сказать, передавать опыт молодому поколению.

– И как вы себе это представляете? – спросил Колумб, который этим никогда не занимался. – Что мне с ними делать? Может, показать им, где туалет находится?

– Понятия не имею, а насчет последнего, они уже знают. Желаю удачи, лейтенант.

– И вам того же, сэр, – ответил Колумб, поскольку знал, что за внешним благодушием скрывается взаимная неприязнь, а с чего она началась, он уже, откровенно говоря, и не помнил.

Новички стояли по стойке «смирно», а лейтенант рассматривал их лица. Он на своем личном опыте убедился, что первое впечатление, полученное о человеке, на девяносто процентов самое верное. Хотя бывали и исключения из правил.

– Как вас зовут? – спросил лейтенант, хотя отлично видел их нагрудные планки с именами, у него была дальновзоркость.

– Сержант Твикс, сэр! – ответил первый, которого лейтенант в душе охарактеризовал как исполнительного и в целом надежного.

– Сержант Банин, сэр! – ответил второй.

С ним все обстояло иначе, некоторые черты лица не понравились Колумбу. «Наверное, капризен, – сказал он себе, – карьерист, по трупам пройдет». А вслух спросил:

– Ну, а имена у вас есть?

– Мик, Мик Банин, сэр.

– Оил, – просто добавил сержант Твикс.

– Теодор Колумб. Вот и познакомились. На какую степень вас должны будут поставить после окончания стажировки?

– Седьмую, сэр.

– Плохо учились, что ли, если на седьмую степень, да еще в наш район?

– Никак нет, сэр, – ответил сержант Твикс. – Мы попали сюда после жеребьевки.

– Ну что ж, пожалуй, у меня есть для вас задание. Оружием пользоваться умеете?

– Так точно! – ответили те хором.

– Отлично, вот вам пистолеты, – лейтенант извлек из ящика стола два парализатора «Стек» на десять патронов и по дополнительной обойме к ним. Все это он бросил недоуменно переглянувшимся друг с другом сержантам. – Ваша задача – проследить за объектом, обнаружить возможную слежку за ним и в случае чего обезвредить ее, если та начнет проявлять активные действия по отношению к объекту. Все понятно?

– Так точно, сэр.

– Сразу предупреждаю, это не тренировка, а реальная операция, от исхода которой зависит не только жизнь данного объекта, но и ваша карьера, так что не завалитесь, – лейтенант достал распечатанную фотографию и показал ее новым сотрудникам полиции. – Запомнили лицо? – и когда они кивнули, бросил фото в уничтожитель, после которого, даже склеив все мельчайшие фрагменты, восстановить отображенную на них информацию ни за что не удастся. – Отлично. Объект движется в сторону железнодорожного вокзала. Ну и чего вы ждете?

Полицейские, козырнув, выскочили в коридор как ошпаренные, испортить свою карьеру, ради которой они отучились по пять лет, да еще в первый же день, они не хотели. Ожидая чего-то более скучного и занудного вроде ознакомления со своим кабинетом, они спешили во весь опор, на ходу проверяя оружие на предмет срока годности патронов, чем пугали даже бывалых полицейских.

«Стек» ближнего радиуса действия стрелял пулями, которые, попадая в цель, разрушались и вырабатывали такой электрический разряд, которого хватало, чтобы свалить коня. Без синяков при этом, конечно, не обойтись, но все же лучше, чем настоящая пуля в брюхе.

Им нужно было торопиться. Вокзал был хоть и единственным в городе, но огромным. Так что найти там человека было довольно сложно, но, тем не менее, возможно. Машина, взвизгнув колесами, понеслась вперед, создавая опасные ситуации на дороге.

10

Макс Брюстер вошел в зал ожидания железнодорожного вокзала, который находился в центре полукруглого здания. Повсюду ходили люди, кто-то радостно встречал прибывших, где-то сдержанно расставались, но большинство были безразличны. И Макс почувствовал себя лишним на этом празднике жизни.

Его рейс, если верить расписанию, будет только через полчаса. А потому Брюстер решил перекусить в буфете, благо, что денег после покупки билета на поезд было еще достаточно, около четырех сотен. Итого в свободном обращении у него оставалось три сотни, так как сотню надо будет отдать человеку в Ганновере за фальшивый паспорт.

Брюстер вошел в буфет на четвертом ярусе, из окна которого можно было наблюдать за залом ожидания, и сразу же напоролся на колючий взгляд парня примерно его возраста, сидящего в дальнем конце зала. Но тот не потупил взгляд, как того ожидал Макс, а перевел его за его спину, как будто он с самого начала смотрел туда.

«Ну вот, – обреченно подумал Макс, – на меня уже идет охота, практически загнали в угол, разве что красных флажков не хватает. Хотя вряд ли они будут брать меня прямо здесь, уж слишком много народа, да и полицейский рядом».

Немного успокоившись, Макс сделал заказ и принялся за еду. Ел не спеша, словно желая доказать всем, что он их не боится. А когда посмотрел на дальний столик, то никого там не обнаружил.

А между тем, через стекло соседнего буфета за ним наблюдал Энрике Бэкли. Большие возможности его босса позволили программисту из его группы проникнуть в систему слежения вокзала и отыскать нужного им человека за десять минут.

Энрике Бэкли снова остался цел и невредим после встречи со своим боссом. Только

лишь потому, что он доставил двоих из трех. Маччини сразу же принялся за них в своем подвале, звуконепроницаемое окно которого выходило на чудесный сад, в котором произрастали полсотни самых разных деревьев. Деревья были из числа редких, их привезли на Альпамир по личному заказу мистера Маччини.

Энрике знал, что под каждым деревом лежит скелет, и не всегда только его личных врагов, но и нерасторопных подчиненных. Как заметил Бэкли, там уже были подготовлены три ямы, и он опасался, что в одну из них закопают его вместо ускользнувшей жертвы. Но все обошлось, и после хорошего нагоняя его отправили на поиски третьего. Он хотел рассказать о невинности третьего, но передумал, поскольку найти этого хлюпика будет гораздо проще, чем настоящего, пропавшего с концами.

– Босс, когда чижика брать будем? – стал проявлять нетерпение один из его боевиков, сидевший напротив Энрике.

– Никуда он от нас не денется. Впрочем, Шица, возьми еще двух человек и перекрой выходы на лестницу на первом, втором и третьем ярусе. Я думаю, наверх он не пойдет. Еще двоих отправь в ближайший туалет, а то он столько кофе пьет, что его непременно проберет по-маленькому, там мы его и попытаемся взять.

– Ясно босс, а то уже засиделись, – радостно ответил Шица в предвкушении хоть мелкого, но развлечения.

– Тогда иди...

Двое без пяти минут полицейских сидели в темном помещении, слабо освещаемом экраном миникомпа.

– Ну что, Мик, поставил?

– Да поставил, под стол прилепил. Чуть не засыпался...

– Что так?

– Да только сел за стол, как он вваливается.

– Так это хорошо. Какой номер у камеры был?

– Третий, нет пятый... точно пятый.

– Сейчас посмотрим...

Сержант Банин достал портативный компьютер, размером чуть больше ладони. В нем не было бы ничего необычного, поскольку практически каждый полицейский имел такого же электронного помощника, в котором хранилась важная информация о том, какой самый кратчайший путь из пункта «А» в пункт «Б», до информации о разыскиваемых лицах.

Этот же компьютер был изъят у десятилетнего сопляка-вундеркинда, который каким-то образом усовершенствовал его, встроив новую функцию, а именно – слежение с помощью мини-камер. И этот вундеркинд, поставив видеокамеры в женской раздевалке, подглядывал за интимным действием, сидя в туалете, где его случайно и застукал Мик Банин, открыв первую попавшуюся кабинку.

– Ну что, ты нашел его?

– Да, вот он сидит, кофе попивает.

– Это плохо.

– Почему?

– Если пьет кофе, да еще в таких количествах, значит, он нервничает. Когда человек нервничает, сердце работает быстрее, увеличивается нагрузка на почки, и он хочет в туалет. Все это усугубляет само кофе, являющееся также мочегонным. А у меня почему-то такое чувство, что именно в туалете камеры у нас нет.

– Ну, мы же не извращенцы какие-то.

– Ради дела всегда нужно быть немного извращенцем.

– Ты действительно думаешь, что это все всерьез? – спросил Мик, начавший сомневаться в реальности происходящего. – А не, скажем, подстава, то есть, я хотел сказать – постановка.

– А хрен его знает.

– Кого?

– Старикана этого, лейтенанта Колумба. Но пистолеты настоящие, я проверил. Хотя это так же не исключает вероятности постановки. Будем исходить из того, что это действительно все всерьез.

– Он встал, – сказал Мик, показывая экран своему напарнику.

– Что я говорил, – торжествуя заявил Оил. – Проняло его, как миленького!

– Что делать будем?

– Не знаю, – ответил сержант Твикс, смотря на экран. Сейчас показывала камера под номером «два», дававшая обзор коридора, по которому по своим делам спешила куча народу. – Ладно, сиди здесь, а я пойду в туалет.

– Жаль, что мы еще слежку не выявили.

– Так действительно было бы гораздо проще. В случае чего предупредишь меня, вот возьми, – Твикс протянул наушник и такой же засунул себе в ухо. – Ну все, я пошел.

Сержант Твикс выскочил из подсобного помещения для уборщиков, в котором они сидели, и быстрым шагом двинулся к намеченной цели. Только он вошел, как сам почувствовал, что ему необходимо освободить мочевого пузырь. Только он закрылся в кабинке, поскольку все стенные писсуары были заняты такими же страждущими, как услышал голос напарника в своем ухе:

– Объект заходит за тобой... и еще, кажется, я обнаружил слежку, тоже идет к тебе. Мужик лет тридцати пяти, зеленая куртка, черные штаны, квадратная прическа. Будет на месте примерно через двадцать секунд.

Хлопнула дверь. «Так, объект на месте, – подумал сержант Твикс, сливая балластную воду из организма. – Сейчас еще один должен войти. Не ошибиться бы...»

11

Макс Брюстер подозвал официанта и расплатившись с ним вышел из-за стола. Мочевого пузырь резало, будто там провели ножом. Пританцовывая на месте, он определял, где находится ближайший толчок. Наконец, выбрав направление, он, обгоняя прохожих, побежал к заветной цели.

Народу оказалось немного, только что целой толпой все вышли, и он направился к ближайшему писсуару, но из-за того, что перетерпел, дело никак не шло. Поглощенный своей проблемой, Макс не сразу заметил, как вошедший человек закрыл за собой дверь. Брюстер недоуменно оглянулся и обнаружил, что кроме него и Зеленого, как про себя окрестил вошедшего Макс, никого нет.

Сзади послышалось шевеление, и из кабинок вышли еще два человека. Крепыш с переломанным носом и со шрамом под ухом и еще один под метр девяносто, лысый, производящий негативное впечатление из-за татуировки в виде паука, сидящего в центре паутины, на блестящей от пота макушке.

«Натуральный паук, – подумал Макс. – С такими длинными конечностями только пауком и быть».

– Можешь застегивать штаны, – сказал крепыш. – Все равно у тебя сейчас ничего не получится. Узнал меня?

– Вас довольно трудно забыть, – через силу выдавил из себя Брюстер, опознав Зеленого как Энрике Бэкли и лихорадочно соображая, что в таком случае можно предпринять.

«Завалить троих хмырей голыми руками, так это просто безумие, – сказал себе Брюстер. – Но и они меня убивать прямо здесь не будут, я им нужен живой из-за этого мафиози-психопата. Так что сделать что-то можно только, когда они выведут меня отсюда».

– Ну что добежался, – добавил Энрике. – И ради чего? В конце концов, чем раньше начнется, тем быстрее закончится.

– Вам легко говорить, – сказал Макс, подавившись невесть откуда взявшейся слюной в разом пересохшем горле. – Не вам ведь яйца будут отрезать.

– Тут ты прав. Закатывай рукав, щас мы тебе укольчик сделаем, чтобы ты не шумел, а

то в прошлый раз ты слишком шустрым оказался, – проговорил сзади один из бандитов, направляясь к Макс. – Не бойся, ничего с тобой не случится... пока.

«Ну, вот и все, – обреченно подумал Макс. – Ну почему я позволил уговорить себя и не дождался тогда полицейского патруля, почему?!»

Резкий звук заставил всех обернуться. Дверь кабинки с грохотом открылась и с такой же силой закрылась. В следующий момент из более спокойно открытой двери появился еще один человек и принялся орать, вытянув вперед себя пистолет:

– Руки за голову, лицом к стене, всем встать на колени!!! Быстро, мать вашу, я кому сказал!

Дальше все закрутилось с невероятной быстротой. Брюстер все дальнейшие события отмечал только подсознанием, поскольку сознательно за таким круговоротом уследить было просто невозможно.

Первым, сделав шаг влево, сдвинулся крепыш, в руке он уже сжимал непонятно откуда взявшийся пистолет. Грохнул выстрел, голубая вспышка осветила замкнутое пространство, и крепыш стал падать, вытянув руки с нелепо скрюченными пальцами. В это время в стремительном рывке брызнули в разные стороны оставшиеся члены банды. В следующий миг пространство расколол строенный выстрел, и полыхнула яркая вспышка голубого света. Нежданный помощник Брюстера, как и его недавний низкорослый противник, отлетел к стене, ударившись об нее, и тело его свела судорога.

Макс Брюстер, еще мало что понимая, рванул к двери, бросился в ноги Энрике и повалил его на пол. Снова вскочил, открыл замок и буквально пулей вылетел из этого кошмарного места. Уже потом он поймет, что его спасли инстинкты и что если бы он действовал сознательно, то наверняка бы у него ничего не получилось. А сейчас он со всех ног неся прочь, опять же подсознательно отмечая, что его поезд тронется через три минуты с небольшим.

Сержант Мик Банин мучился неизвестностью. Его товарищ вошел в дверь, за ним последовали все остальные, и ничего пока не происходило. Время растянулось, как слабая резина, казалось, можно заново сотворить весь мир, пока высветится новая секундная цифра на часах.

Вдруг из распахнутой двери выскочил наблюдаемый объект, а за ним аж целых два что-то кричавших преследователя.

– Оил, Оил, ответь, Твикс! – Мик все давил и давил на кнопку вызова, но его напарник не отвечал. – Черт, неужто убили, да еще в первый же день, да еще на стажировке!

Банин выбрался из подсобного помещения и поспешил на выручку своему напарнику.

– Разойдитесь, пропустите, я из полиции! – кричал Мик, продираясь через уже собравшуюся довольно большую толпу зевак.

Но в дверном проеме его не пропускали, тогда он дал кому то кулаком в ухо, сделал подсечку другому и вошел, куда ему было нужно, не обращая внимания на крики боли.

– Оил, Оил, ты живой, – стал он тормозить Твикса. – Ну же очнись!

Банин уже определил, что его товарищ жив, но находится в бессознательном состоянии. Тогда он стал хлестать его по щекам, и вскоре это дало эффект, сержант Твикс пришел в себя.

– Хватит, ты же меня искалечишь, – прохрипел Оил, делая судорожный вздох, как после всплытия с большой глубины. – Давай за ними, этого я сам оприходуя...

– Хорошо! – согласился Мик.

На этот раз зеваки пропустили его без проблем, и Банин побежал к месту посадки объекта.

развязках этажей и забежал куда-то не туда. Осмотревшись, он обнаружил, что находится в подвальном помещении. А также он вспомнил, что пока бежал, свалил с ног какого-то громилу на межэтажной площадке. Тот кинулся ему наперерез, но Макс бросился прямо на него со всего разбегу, кубарем пролетел по ступенькам, вскочил и, не чувствуя боли, побежал дальше. Теперь это падение давало о себе знать: все тело саднило, но переломов вроде не наблюдалось, хотя рука явно была вывихнута.

Брюстер посмотрел на часы, до отправления поезда оставалось две минуты. «Что ж, – подумал он, – меня, наверное, потеряли. Наверное, думают, что я спрятался на одном из этажей, и сейчас проверяют все подряд, а их всего три. Потом они придут сюда».

Проходящий мимо малочисленный персонал станции не обращал внимания на помятого человека, чем тот и пользовался. Макс Брюстер нашел висящую на стене схему эвакуации на случай непредвиденных обстоятельств, изучил ее и теперь двигался к ближайшему выходу на поверхность, который кратчайшим путем привел бы его к искомому составу. Уже поднимаясь по нужной лестнице, Брюстер заметил погоню. «Однако быстро они меня нашли», – подумал Макс и увеличил скорость подъема.

Противники настигали, и вскоре позади беглеца хлопнули выстрелы, и совсем рядом затрещали электрические разряды, наполняя воздух озоном.

Брюстер, свалив с ног нескольких человек, выскочил на площадку перрона. Посадка на поезд подходила к концу, и он метнулся напрямик к своему вагону. Сзади послышалась жуткая брань повторно сваленных людей, это была погоня.

Мик Банин сосредоточенно оглядывал площадь, на которой суетились люди. Минута паники прошла, когда он готов был провалиться сквозь землю из-за того, что потерял из виду объект наблюдения. Но теперь он тщательно просматривал мысленно поделенное на сектора пространство. Народ передвигался, что создавало неудобство, но дело худо-бедно шло.

Через полминуты Мик заметил выламывающуюся из общей картины свалку. Объект преследовали два человека, и Банин, как гончая, сорвался с места. Расталкивая встречающих, он спешил наперерез настигающей жертву погоне. Когда до суматошной троицы оставалось метров тридцать, Мик крикнул:

– Всем стоять! Это полиция!

Но вместо этого двое вскинули пистолеты и выстрелили в направлении сержанта Банина. Два человека позади ушедшего в сторону Мика, дергаясь, упали на пол.

Сержант, пробиваясь сквозь панически разбежавшихся людей, стал стрелять в ответ, что также не добавило спокойствия, но на это ему было наплевать, равно как и на то, что пули его «Стека» валили с ног ни в чем не повинных граждан, он был зол и стремился отомстить.

Первый магазин опустел, но во время стрельбы образовался коридор чистого пространства, и Мик увидел свою цель. Первый же выстрел сбил одного, второй угодил в стенку вагона. Последняя жертва прикрылась заложником, коих в округе было полно.

– Брось оружие, или я вышибу ему мозги, – прокричал оставшийся бандит в зеленой куртке, тыкая стволом пистолета в голову заложника. – Ты же должен знать, что с близкого расстояния даже такая игрушка может это сделать. И вообще кто ты такой?

Лишний раз Банину представляться не хотелось, особенно после того, что он здесь натворил. Вместо этого он разрядил оставшиеся восемь патронов в пятившегося преступника, а в том, что перед ним форменный преступник, он уже не сомневался.

Две пули пришлось в заложника, что было довольно опасно и могло привести к таким судорогам, которые запросто порвут мышцы или сломают кости рук. Остальные ушли мимо, никого не задев, а сам преступник скрылся в проеме между вагонами. «Ну и ладно, – решил сержант Банин, не сделав даже попытки преследования. – Главная задача выполнена, и то хорошо».

Сержант едва успел привести подстреленного в местный полицейский участок, как заметил там своего напарника с лейтенантом Колумбом.

– А где тот хмырь из туалета? – спросил Мик.
– Отпустили, – ответил лейтенант. – И этого тоже придется отпустить...
– Сэр! Но как же так?
– Ничего не поделаешь, но есть и приятная сторона, – сказал Колумб, снимая наручники с задержанного. – Я порекомендую взять вас в участок сразу с пятой степени.
– Ого! – в один голос воскликнули сержанты, сразу позабыв про то, что им пришлось отпустить с таким трудом задержанных бандитов.
– Да, и это несмотря на ваши проделки, особенно твои, сержант Банин.
– Исправлюсь, сэр!
– Да уж постарайся...

Энрике Бэкли нетвердой рукой набирал столь знакомый телефонный номер своего босса. Рука плохо слушалась из-за того, что он не успел достаточно быстро ее отдернуть от заложника и потому получил ослабленный разряд. Наконец номер был набран, и он услышал вечно недовольный голос Антонио Маччини:

– Слушаю.
– Сэр, это я...
– Яйца от коня! Кто я?
– Энрике, сэр.
– Только не говори мне, что он и на этот раз ушел. Это может для тебя плохо кончиться.
– Сэр, ему кто-то помогает...
– Кто?!
– Не знаю, сэр. Они вроде бы представились полицейскими, но документов не показывали, да и оружие у них было нештатным, «стек» вместо табельного «штурмвордера», как у всех.
– Ладно, езжай ко мне на подробный доклад.
И все-то приходится делать самому. Куда идет этот поезд?
– В Ганновер, сэр. Без остановок.
– Хорошо.

13

Поезд длиной пять километров буквально летел над монорельсом. Электромагнитные подушки держали его в воздухе и двигали вперед с сумасшедшей скоростью, такой, что даже становилось больно глазам от мелькания проносившихся мимо пейзажей. Поезд хоть и именовался пассажирским, но большей частью он все же перевозил грузы.

Макс Брюстер даже не помнил, как он оказался в своем купе, события происходили так стремительно, что он не успевал за ними следить и осознавать. Кем были те люди, что два раза спасли его, полиция или конкурирующая банда? А о том, что день грядущий ему готовит, он старался не думать.

Спустя четырнадцать часов поезд остановился в пункте назначения – Ганновере, находившемся на другой стороне Альпамира относительно Франбрета.

Здесь только-только забрезжил рассвет, и Макс Брюстер решил напрямик отправиться к человеку, который должен был дать ему липовые документы.

Он вышел из такси на окраине грязного квартала. Водитель буквально вырвал деньги из рук Макса, и машина, взвизгнув покрышками, умчалась прочь, чуть не сбив переходящего дорогу старичка. Брюстер вошел в дом под номером «семнадцать», постучал в нужную дверь и стал ждать.

После минутной паузы открылось маленькое окошко, и чей-то неприветливый голос спросил:

– Чего надо?

– Мне нужен мистер Ллойд.
 – Не знаю такого... – окошко с громким хлопком закрылось прямо перед носом Макса.
 – Я от лейтенанта Колумба.
 Чья-то рука с силой впихнула его в комнату.
 – А теперь подробней, кто ты и откуда? – спросил полный человек с явно обозначившейся лысиной.
 – Меня зовут Максимилиан Брюстер, я из Франбрета. Лейтенант Колумб сказал, что здесь у некоего мистера Ллойда я получу документы, он обещал об этом позаботиться.
 – Пароль?
 – Ээ... Он больше ничего не сказал.
 – Все в порядке, это я так шучу. Ты попал по адресу, я и есть мистер Ллойд. Посиди здесь, я сейчас все принесу. Только это не бесплатно, – предупредил он.
 – Да, вот ваша сотня, – Макс достал из кармана две банкноты по пятьдесят реалов, которые тут же перекочевали в руки Ллойда.
 – Если тебе не жалко еще одного полтинника, то я поделюсь с тобой некоторой информацией, – сказал Ллойд, отдавая пакет клиенту.
 – Ну... – промычал Макс, раздумывая над неожиданным предложением этого прохиндея. – Хорошо, вот полтинник, только я надеюсь, информация стоит того?
 – Она стоит того, – подтвердил Ллойд. – Я даже действую себе в убыток, но поскольку я кое-чем обязан Колумбу, то скажу, что тебя здесь уже ищут и объявлена награда.
 – То что меня ищут, я и так знаю. А вот то, что за мою голову награду объявили, это действительно интересно.
 – Ты не понял. Ты попал в полицейскую картотеку, но не это самое страшное, от полиции ты мог бы бегать годами прямо у них под носом. За тобой будут охотиться все. Информация в подобной среде, – Ллойд обвел руками вокруг себя, – распространяется очень быстро. Все скоро узнают, что тебя ищет не правосудие, а Маччини, и тогда даже попрошайка сдаст тебя за награду. Тебе здесь не спрятаться, подобная информационная система очень эффективна, можешь мне поверить.
 – Что же мне делать?
 – Тебе нужно было сразу литься с планеты, а теперь уже поздно, и я не знаю, что тебе можно посоветовать. Только затаиться в каком-нибудь глухом месте и не вылезать, но это сам понимаешь нереально.
 – Или робинзонить в лесах.
 – Долго ты там не протянешь.
 – Это точно.
 – Все, тебе пора идти, здесь оставаться долго тоже нельзя.
 – И на том спасибо, – проронил Макс. Полученная информация обескуражила его, особенно масштабность всего происходящего. И даже сейчас ему с трудом верилось в реальность происходящего.
 После ухода Брюстера Ллойд неподвижно просидел в своем кресле ровно пять минут, а потом взял в руки трубку телефона. Чтобы выжить в этом мире, ему приходилось действовать по законам этого мира, подтверждать ему свою лояльность.
 – Алло, – прозвучал в трубке властный голос.
 – Это Ллойд, тут такое дело...

День вступал в свои права, становилось светлее и теплее. А как известно, свет и тепло притупляют чувство опасности. Макс Брюстер петлял по переулкам, не зная, что предпринять и куда теперь податься. Мало-помалу ноги сами вывели его в центр города, который значительно уступал в своем величии столице. Оно и понятно, ведь это был всего лишь промышленный центр, хотя он и считался вторым по значимости на планете.

Уже выходя из трущоб в спальный район, он заметил на себе косой взгляд грязного мальчугана, который тут же сорвался с места и исчез в подворотне. Теперь Брюстер вел себя осторожнее и более осмотрительно, но ничего подозрительного больше заметить не удалось. Вот разве только синяя машина за углом, остановившаяся одновременно с ним. Но и тут вроде все в порядке: из нее вышли вполне приличные люди, которые отправились по своим делам.

Юсеф нервничал, его бригада никак не могла найти какого-то придурка, который, по словам его шефа, вышел из указанного здания меньше минуты назад. К интересующему месту он приехал меньше чем за три минуты, а значит, далеко этот гад уйти не мог, но его не было, и все тут.

Фургон колесил по вонючим улицам еще довольно долго, пока Юсеф не принял решения встать на прикол, дальше, до поступления дополнительной информации, ездить бессмысленно. Пока машина стояла, члены бригады решили подзаправиться, и все жевали бутерброды.

– Уу... Уррод, – просипел Лампа, зажимая пальцами нос. – Какой же ты урод!

– Хряк, еще раз пёрнешь, я тебя убью, – пообещал Юсеф, открывая окно для проветривания. Впрочем, означенный Хряк никак не отреагировал на угрозу главаря, который обещал его убить двадцать раз на дню.

– Ус, я же не нарочно, – все же стал оправдываться Хряк перед Юсефом. – Просто у меня организм такой... своеобразный.

– Я тебя предупредил, а если он у тебя своеобразный, то лечись или жри меньше.

– Кстати, Ус, что этот лох натворил, что за него такую награду объявили? – спросил, чтобы разрядить обстановку, Лампа, щелкая пальцем по приклеенной к борту машины фотографии.

– Не знаю, нам поручили его поймать, причем живым, это к тебе особенно относится, – Юсеф обернулся к Шилу, который наводил лоск на свой любимый десантный нож. – А все остальное мне неинтересно... Все заткнулись! – Юсеф приложил трубку телефона к уху. – Понял. Лампа, заводи. Едем на улицу Стермяжного, на третий переулок. Кажется, наш объект там.

– Ничего себе, куда забрался!

– Еще раз всем напоминаю, он нужен нам живым, иначе вместо награды схлопочем по самые помидоры, мало не покажется. Шило, ты понял? Шило!

– Понял...

* * *

Макс Брюстер сидел между мешками с мусором, отгородившись ими от внешнего мира. Здесь было тепло, только слабенький ветерок давал о себе знать, но и это не мешало – он отгонял легкий тухлый запах от разорванного пластикового мешка.

Идти было некуда, и что предпринять – он не знал. Тем не менее, от подозрительного места с оборванцем он отошел на несколько кварталов. «Может действительно, уйти в леса, – подумал Макс, но тут же отбросил эту идею. – Нет, даже если я и выживу, то через полтора месяца начнутся настоящие холода, и тогда мне несдобровать. Слабоват я для этих робинзонад».

От горестных раздумий его отвлек медленно едущий фургон синего цвета. Рука сквозь мешок сама нащупала твердый предмет, и спустя пару секунд он оказался у Макса. Этим предметом оказалась трубопроводная врезка вместе с краником на конце. «Что-то уж слишком часто я вижу эти трубы, – подумал он. – Наверное, и мне скоро „труба“ придет».

Тем временем фургон остановился на противоположной стороне дороги. Из него вышли четыре человека, разделившись на две группы, они пошли в его сторону, причем двое прямо к нему, будто видя его через черные мешки.

– Да как же вы меня нашли, сволочи! – зло прошептал Брюстер. – Наверное, тот пацан за мной следил.

Макс не стал дожидаться подозрительных субъектов, просто сорвался с места и побежал куда глаза глядят. Топот позади него подтвердил его опасения. Когда он оглянулся, то увидел, что за ним бегут уже три человека, четвертый безнадежно отстал.

Макс не помнил, когда последний раз бежал так быстро, но дома по бокам мелькали с калейдоскопической быстротой, он перебегал из одного переулка в другой, надеясь, что следующий не окажется тупиком. Когда он обернулся во второй раз, преследователей снова оказалось двое. «Хорошо! Еще один отстал, – радостно подумал Брюстер. – Плохо только, что эти двое все ближе». И тогда он заскочил в первый попавшийся подъезд, который как раз открыла какая-то старушка. С ходу раздолбав все лампочки, так что в помещении оказалось довольно темно, он прислонился к стене самой темной ниши и принялся ждать, одновременно стараясь восстановить дыхание и не сорваться на предательский кашель, который так и рвался из его груди. Скрипнула дверь, и в ее проеме показался первый преследователь.

– Выходи, парень, мы тебе ничего не сделаем... – произнес первый, проходя внутрь, поскольку его подгонял второй, тоже желавший войти.

– Выходи... – произнес второй, слепо вертя головой из стороны в сторону.

Брюстер понял, что ждать больше нельзя, никак нельзя дать им привыкнуть к темноте, и бросился вперед. В последний момент нервы его не выдержали, и он закричал, замахиваясь обрезком. Его противник заметил свою жертву, но вместо того, чтобы просто отразить неумелый удар, он выхватил пистолет.

Удар пришелся по кисти руки, державшей пистолет, и в тот же миг грохнул выстрел. Макс Брюстер без замаха врезал, не глядя, своим оружием другому противнику в область головы. Растолкав обезумевших от боли противников, он выскочил на улицу.

15

Макс не помнил, сколько он так бежал, может быть, минут пять, а может быть, всего секунд двадцать, но остановил его мощный удар в голову из-за, как ему казалось, спасительного угла, за которым его ждала свобода, хоть и временная. Из глаз снопом вылетели натуральные искры, по крайней мере, именно так Брюстер расценил вспышку в глазах.

– Я так и думал, что ты от них оторвешься. Эти сопляки только считают себя крутыми, а на самом деле простая шпана, которая даже пороху настоящего не нюхала.

– Ты кто? – хриплым голосом зачем-то спросил Макс.

– Шило. Хочешь узнать, почему меня так зовут?

– Да как-то не очень...

– А узнаешь, – сказал Шило, доставая свой нож.

Солнечный лучик весело пробежал по широкому лезвию десантного ножа. От этого блеска Брюстер вспомнил про свою трубу, оброненную им во время падения. Обрезок был и далеко, и близко одновременно – на расстоянии трех метров, но до него еще нужно было добраться.

Макс понимал, что все зависит от того, в каком настроении находится его мучитель, который за это время мог искромсать его в лапшу уже десятки раз. По всему выходило, что в хорошем, раз начал свое черное дело с разговора, первый удар не считается.

– Нет, нет, нет, даже и не думай, – Шило оттолкнул обрезок к стене дома.

– Спасите! Пожар! – закричал Брюстер.

– Умно, но это тебе не поможет.

Шило оборвал крик ударом ноги в живот, сказывалось долгое сидение без настоящей работы, а бить кого-то просто так ему было неинтересно, тем более мутузить бесчувственную грушу в спортзале, другое дело на задании, где вырабатывался настоящий

адреналин. Шило схватил свою жертву за шиворот и со всего размаху двинул в челюсть, отчего тот отлетел на пару метров. Следующий удар, согнувший Макса пополам, пришелся в печень. Парню показалось, что у него в животе взорвалась ручная граната, тут же нестерпимо захотелось в туалет.

Мочиться под себя Брюстер не стал. В нем всколыхнулась злоба, и он не захотел давать своему мучителю лишнего повода для веселья.

Так Шило гонял Брюстера, пытавшегося хоть как-то защищаться, от стены одного дома к стенке другого несколько раз, превратив того в сплошной синяк, пока избиение не прервал вопрос прохожего, заглянувшего туда, куда заглядывать не стоило:

– Что тут происходит?

– Уроки уличного боя, – ответил Шило, одновременно отводя руку назад.

Нож со звоном вышел из ножен и уже через миг оказался в груди незадачливого пешехода.

– Никуда не уходи, – попросил Шило и пошел вытаскивать свой любимый нож. – Я скоро вернусь.

Брюстер с трудом разлепил наименее поврежденный глаз и увидел недалеко от себя сразу две трубы и две руки. Приложив немалые усилия, он подполз к ним. Первая попытка, равно как и последующие две, оказалась неудачной, рука натыкалась на холодный бетон. Наконец пальцы зацепили стальную трубу, и вскоре она оказалась у него за спиной.

Тем временем Шило, отерев об рубашку убитого свой клинок, поднял свою жертву на руки, несмотря на то, что она выглядела раза в два тяжелее его самого, и забросил в мусорный ящик. После чего подошел к Брюстеру.

– Ну, пожалуй, продолжим.

– Я вам вроде нужен живым, – еле разлепив губы, сказал Макс.

– Так у тебя еще и зубы целы! – удивился Шило. Брюстер и сам удивился не меньше и на всякий случай провел по ним языком, проверяя, действительно ли они целы. – Но это мы сейчас исправим.

Шило, придерживая Макса правой рукой, поставил его на ноги. И как только он занес левую руку для удара, Брюстер, собрав все оставшиеся силы, нанес колющий удар трубой. Хватка сразу ослабла, и его мучитель сделал два шага назад, недоуменно глядя то на Макса, то на трубу, торчащую из его груди, под сердцем.

Брюстер и сам находился в ступоре от увиденного – из краника толчками била кровь. Он, еле переставляя ноги, подошел к что-то невнятно хрипящему Шилу и зачем-то подставил руку под струю крови, словно желая убедиться, что из обрезка водопроводной трубы течет не вода, а именно кровь.

Волна паники охватила Макса, когда упал Шило, так и не сумевший дотянуться до своего оружия, как ни старался. Мощный выброс адреналина взвел Брюстера, как пружину, и он, словно спринтер, рванул прочь из этого кошмарного места, где только что убил человека и стал свидетелем убийства другого.

Из синего фургона вышли трое, они окружили неподвижно лежащего человека.

– Кровищи-то сколько! Интересно, что здесь произошло?

– Это уже не важно. Хряк, ты лучше скажи, что с ним делать?

– Ты лучше не разговаривай, а то напоминаешь мне мою столетнюю соседку. У нее тоже зубов нет, во сне увидишь, не проснешься. Ей уже никакие подсадки не помогают.

– Зубы не беда, новые вырастут через пару месяцев после несложной операции, а моя рука еще быстрее заживет. И хотя мы провалили задание, в целом я рад.

– Это почему же? – не понял Хряк.

– С нами больше нет этого уроды, нервировал он меня, – признался Ус. – Ну что ему приспичило играть с тем лохом, как кошке с мышкой!? Взял бы его по-тихому, так ведь нет, развлечься ему захотелось! Маньяк чертов!

– Ладно, поехали отсюда. А то лишний раз с полицией объясняться...

За два дня, прошедших с момента мордобоя, вздутия опали, а чтобы они исчезли быстрее, Максу пришлось делать себе компрессы из собственной мочи, поскольку в аптеке показываться было опасно. На нем, взамен изорванной, была другая одежда, стянутая с пьянчуги, свалившегося ночью рядом с мусорной кучей, где Макс ночевал.

Брюстер быстро шел по улице в другой конец города, сидеть в течение трех дней на одном месте было небезопасно. Прохожие обходили его стороной, особенно в центральной части города, где он очень уж не соответствовал общей картине. На окраине Ганновера таких, как он, было полно.

Патрульная машина, выехавшая из-за поворота, заставила Макса ткнуться в ближайшую дверь, которая, к счастью для него, оказалась открытой.

Документы были хоть и фальшивые, но простой досмотр патруля, как его уверяли, выдержали бы без особых проблем. Но из-за такой помятой морды, да еще в элитной части города, его вполне могли забрать с собой в участок, а там бы все раскрылось в два счета. Чем все могло закончиться, Макс хорошо себе представлял.

Брюстер оглянулся, чтобы посмотреть, куда он попал. На стене висел огромный плакат, на переднем плане которого стоял солдат, одетый в глухую броню штурмовика, с автоматом наперевес, но без шлема и с устремленным куда-то вдаль суровым взглядом. Над ним в углу был изображен истребитель, явно заходящий в атаку, с подвески которого уже сходила ракета, а внизу стояла надпись: «Работа для настоящих мужчин».

«Надо же! Вербовочный пункт, – подумал Брюстер. – А с другой стороны, что мне остается? В лучшем случае еще один месяц свободы, а потом рано или поздно они меня достанут, как пить дать, достанут. Так что – это судьба».

И Брюстер пересек пустой зал, решительно толкнув единственную дверь, находившуюся под плакатом.

– Добро пожаловать, меня зовут полковник Барнаби.

– Здравствуйте, сэр.

– Присаживайтесь, – полковник показал на кресло перед своим столом. – Или вы ошиблись дверью?

– Нет, сэр, я решил записаться на службу.

– Тогда ты пришел по адресу, – полковник выхватил из стола электронный планшет и шлепнул его прямо перед Максом. – Вот первичный контракт, но предупреждаю, он на три года, и исполнение его обязательно. Нарушение ведет к уголовной ответственности, со сроком заключения до семи лет. Есть только три пути избежать тюрьмы: выполнить контракт, стать инвалидом или умереть.

– Я понял.

– Тогда ставь свое имя и подпись. И еще, в какую армию ты хочешь записаться?

– Если можно, сэр, об этом поподробнее.

– Хорошо, я расскажу, тем более, что времени у меня хоть отбавляй, – признался Барнаби, отметив, что это всего второй за целую неделю. Но выглядел он так, будто по нему проехал грузовик. «А с другой стороны, мне-то какая разница, – подумал он. – Мне, главное, побольше народу записать».

– Так вот, сейчас имеется только два варианта, для которых я набираю солдат. Всего их около восьми... Первый, – продолжил полковник, подняв вверх указательный палец, – Торговая Федерация против айманцев, с пятьюстами монетами жалования в месяц плюс боевые с прочими надбавками за выслугу лет. Второй вариант – Союз Трех Миров, но это на другом конце освоенного мира, за чертову уйму световых лет отсюда. Там придется воевать за оринкцев против чокнутых мамлюков, не признающих никаких правил. Там, в отличие от первой ситуации, идет противоборство на государственном уровне, но и зарплата в полторы тысячи кредитов, опять же надбавки. Если выживешь в течение трех лет, будешь настоящим

богачом... Твое решение?

– Торговая Федерация, сэр, – ответил Макс, поставив размашистую подпись, и оставил отпечаток пальца с образцом ДНК, окончательно отделивший его от прежней размеренной жизни.

– Поздравляю, – полковник выхватил контракт. – С этого момента ты считаешься солдатом Торговой Федерации. Теперь ты настоящий пес войны.

– Спасибо. И еще...

– Я понял. Вылет завтра утром в восемь ноль-ноль гражданским рейсом до Каннакая, оттуда уже непосредственно в учебный центр. До этого времени можешь остаться здесь. Помойся, побрейся и все такое... сержант на втором этаже выдаст все необходимое. Желаю удачи.

– Спасибо...

17

Каннакай оказался одной из тех планет, что принадлежали к буферной, или пограничной, зоне, которая отделяла государственные образования, входящие в состав Северного Союза. На таких планетах позволялось селиться всем, по меньшей мере, половина из которых являлась асоциальными элементами, сосланными сюда по приговору суда после отбывания заключения за тяжкие преступления. Сюда же бежали те, до кого не успела дотянуться рука правосудия.

– Ну что, пойдём, что ли? – не то спросил, не то предложил спутник Макса по имени Кастор.

Кастор Мешко также записался в наемники, поскольку у него был «волчий билет», не позволявший получить хоть сколько-нибудь нормальную работу, а преступником он становиться не хотел по определению. А все случилось из-за того, что он по глупости доложил начальнику хозяйственного склада о случаях хищения, уже потом он узнал, что вором был сам начальник. Его уволили по ложному обвинению, будто бы он сам является этим самым вором, и выдали соответствующую характеристику, закрывшую перед ним все дороги, и вот он здесь.

Чему из этого можно было верить, Брюстер не знал, и особенного желания разбираться в перипетии чужой судьбы ему не хотелось. Все могло быть именно так, как он рассказал, а могло быть в точности наоборот. Но, сравнив рассказ с собственным жизненным опытом, он готов был поверить ему, ведь чего на свете только не бывает.

Свою историю он не рассказал, несмотря на настойчивые просьбы своего попутчика.

Поначалу Максу была подозрительна такая откровенность, но потом он понял, что перед ним просто болтун, чей язык его и сгубил. За недельный перелет он прожужжал ему все уши.

– Пойдем, – согласился Макс. – Только куда идти-то? Кругом одна пустыня.

– А тут недалеко, всего в двух километрах отсюда, судя по проспекту, что мне выдал сержант, находится сборный пункт.

– А почему мне карту не выдали?

– Наверное, забыли...

– А если мы сбежим? – как бы между прочим поинтересовался Брюстер, уже подходя к базе. – С нами же провожатых нет.

– И долго ты протянешь без денег и документов в незнакомом месте? А если поймают, так еще и в тюрьму сядешь.

– Об этом я не подумал.

– То-то и оно, у них тут все продумано...

– База сто три дробь двадцать четыре, – прочитал Макс на вывеске над огромными раздвижными воротами, в которые их пропустили без лишних разговоров по предъявлении жетонов. – Что-то мне уже погано стало.

– Местечко действительно не очень...

Огромный плац окружали постройки, больше похожие на ангары, которые ими и были, пока их не переделали под временные казармы. На пыльном плацу находилось огромное количество народу, представителей разных рас. Немногие счастливицы сидели в тени, кто-то бесцельно бродил из конца в конец, где-то гоняли мяч или просто курили, ожидая неизвестно чего.

– Новенькие?

От неожиданности Макс даже отскочил в сторону, застыв с открытым ртом. Перед ним стоял громила в чине капрала. Видя затруднение своего приятеля, Кастор ответил:

– Так точно!

– Не ори, – поморщился капрал. – Еще неизвестно, сколько вам ждать покупателей, так что ваше место в пятой казарме, места сто три и сто четыре. Всем все ясно? Может повторить?

– Да нет, не надо, сэр, мы понятливые.

– Что значит «покупатель»? – спросил у Кастора Макс, когда отошел капрал. Мешко еще не успел открыть рта, как сзади прозвучало:

– А то и значит, приедут высокие чины и начнут отбирать себе наиболее пригодное, по их мнению, пушечное мясо.

Приятель обернулся, говорящим оказался здоровяк с отсутствующим ухом и перебитым носом, из-за чего он производил впечатление уголовника.

– Меня зовут Стюарт Эстевес.

– Очень приятно, – отозвался Кастор и протянул свою руку. – Кастор Мешко, а это мой друг Макс Брюстер.

– Классно тебя отделали, – сказал Стюарт, пожав руки. – Тут у тебя красное с коричневым, здесь синее, а тут вообще непонятного цвета. – Стюарт потыкал пальцем в лицо Брюстера, впрочем, не задевая его.

– С лестницы упал, – нехотя ответил Макс. И чтобы отвести интерес от своей личности, спросил: – За кого воюем? В смысле, что представляет собой Торговая Федерация? Как я вижу, ты более продвинутый в информационном плане. И против кого мы собственно будем воевать?

– Что ж можно и поболтать, – согласился ответить Стюарт. – Торговая Федерация – это союз примерно тысячи крупных корпораций. Здесь и геологоразведчики, и добывающие, перерабатывающие компании, и оптовые перекупщики, отправляющие товар уже в розничную торговлю, и даже несколько военных поставщиков, гонящих свою продукцию прямо на фронт по демпинговым ценам в счет будущих прибылей. И это не считая тысяч смежных предприятий, напрямую работающих на добытом сырье...

– И кто нам будет противостоять?

– Айманы. А точнее одно из их суверенных государств. Вы же ведь знаете, что после распада Арабской конфедерации они снова раздробились на более мелкие государства, какими и были до вступления в нее. Против одной из таких республик мы и будем воевать за звездное скопление с тремя десятками звезд, получившее общее название «Красный кентавр».

– Надо же! – удивился Брюстер. – Тысяча коммерческих предприятий против целого государства!

– Нужно еще сказать, что, по некоторым данным, за Айман, так называется эта республика, незримо выступают сами арабцы, поставляя тем новейшие технологии и предоставляя военных советников.

– А они там с какого боку? – спросил Кастор. – Я где-то слышал, что арабцы с юанами не принимают участия в торговых войнах, считая их ниже своего достоинства.

– Это так, но у арабцев напряженка с ресурсами, и им волей-неволей приходится крутиться, чтобы выжить. Те же проблемы и у юаниан, несколько десятков их предприятий напрямую участвуют в Торговой Федерации и с пару сотен находится под их полным

контролем, через подставных лиц. По крайней мере, таковы упорно бродящие слухи, а, как известно, нет дыма без огня... Но ничего противозаконного здесь нет.

– Вот и получается, что война империй продолжается, только на другом уровне, – глубокомысленно заметил Кастор.

– Слушайте, мы тут уже несколько часов, а солнце до сих пор находится в зените! – возмутился Макс. – Я сейчас в запеканку превращусь.

– Это потому, что сутки здесь длятся более семидесяти часов.

– А ты здесь сколько?

– Три местных дня. А кто-то еще больше...

– Кошмар! И все на солнцепеке! Может, тогда в казарму пойдем?

– Не советую, там еще хуже. Никакие кондиционеры не справляются с тамошней духотой и вонью. Здесь хоть иногда ветерок дует...

18

Двадцать с лишним шаттлов, подняв в воздух здоровенную тучу песка, с ревом приземлились на отдельной площадке за стеной базы. Вышедшие из кораблей военные чины, по всей видимости, были здесь не в первый раз, поскольку чувствовали себя уверенно и без помощи провожатых добрались до главного здания, в былые, более счастливые для себя времена, служившего диспетчерским пунктом, принимавшим и отправлявшим грузовые и пассажирские корабли.

Между собой они так же были знакомы, поскольку перездоровались достаточно быстро. Кто-то тепло, а кто-то не очень, что объяснялось их соперничеством в «покупке» новобранцев. Всем хотелось заполучить лучших солдат, но существовала определенная очередность, определяющая, кто за кем мог набирать себе наемников.

– Ну что, начнем, пожалуй, – сказал полковник связи Кауман Бинке, быстрее остальных просмотрев интересующие его личные дела будущих солдат. Его безобидное по названию ведомство кроме связи занималось компьютерным взломом вражеских программ защиты. Толковых специалистов было до слез мало, чем и объяснялась скорость обработки им файлов.

– Постой! – хором ответили еще двое, сидевших за своими терминалами. У них работы было не в пример больше.

Майор Учхе представлял инженерно-технические войска, а проще говоря, набирал себе механиков и танкистов для гусеничных и колесных машин, а также будущих ракетчиков и зенитчиков. Словом, всех, кто годился для такой работы.

Полковник Эвтор отмечал для себя тех, кто имел отношение к летающей технике, и действующих летчиков для крылатых машин и вертолетов. Пусть они имеют лишь начальные навыки, но обучить их будет гораздо проще, чем тех, кого просто слепо можно выдернуть из строя. Особенно он радовался, когда удавалось найти уволенных пилотов транспортных компаний, для таких летчиков переподготовка занимает не больше месяца, что сейчас особенно важно, ведь на фронтах откат.

И только трое не принимали участия в таком кропотливом отборе кадров, поскольку это заняло бы чересчур много времени, ведь на них приходилось до восьмидесяти процентов новобранцев. Да и не нужен им был такой отбор.

Майор Генджо с полковником Ниреном представляли штурмовые подразделения, своеобразные войсковые спецназы различных направлений и десантные войска. Майору Ризену выбирать никого не приходилось. Ему предстояло забрать всех остальных, которые не подойдут для так называемых элитных войск. Он был линейным пехотинцем.

Наконец освободились первые двое и подошли к остальным, стоявшим у большого окна и разглядывавшим площадь перед ними.

– Даа... – протянул полковник Эвтор. – Контингент год от года становится все хуже и хуже. Все тупее и дохлее.

- Ну, это, смотря с какой стороны посмотреть, – не согласился Учхе.
- Да ладно вам трепаться, пойдем уже забирать это отребье, – махнул рукой Генджо.
- Подождите, – остановил всех майор Ризен. – Я совсем забыл об одном деле.

При этом Ризен достал из своей барсетки миниатюрную камеру и стал снимать всех тех, кто находился на плацу. Сначала общим, а затем и крупным планом, стараясь заснять лица объединившихся в группы.

– Ризен, вечно у тебя какие-то закидоны, – проворчал полковник Бинке. – Зачем тебе это?

– Вам хорошо, вы отберете себе лучших, и все дела, а мне нужно сделать из оставшихся доходят хороших солдат, понимающих друг друга с полуслова, – пояснял Ризен, одновременно продолжая вести съемку. Остальные наблюдали за ним с интересом. – Видите, они уже объединились в какие-то группы, кучкуются, что-то делают вместе. В большинстве случаев знакомятся психологически совместимые субъекты, значит, если их поставить в одну команду, из них получится полноценная боевая группа с уже определенным неформальным лидером.

– Ну, ты прям профессор какой-то, – не то восхищенно, не то насмешливо сказал полковник Бинке. – Как ты до такого вообще додумался-то?

– Да так, в отпуске. Навестить сестру приехал, а у нее из литературы только труды по психологии, психолог она по профессии. Делать было нечего, и я взял из стопки самую тоненькую книжечку, одолел всего двадцать страниц из ста пятидесяти, потом бросил это дело. Короче, еле дотянул до конца срока пребывания... Ну вот, я закончил, – майор убрал видеокамеру обратно.

– Тогда пойдемте, время не ждет.

19

После обеда всю базу замело песком, поднятым прилетевшими шаттлами разной грузоподъемности, от совсем легких «Раббитов» до тяжелых транспортов «Элепхонт».

Спустя несколько часов всех построили на плацу, и бойкие капралы с сержантами разделили непонятливых новобранцев на шесть стройных шеренг по триста единиц личного состава в каждой, так, чтобы между шеренгами мог спокойно пройти особо придирчивый офицер.

Наконец, через пять минут после того, как всех построили, на помост, переговариваясь между собой, поднялись пять армейских начальников в легко различимой форме.

– Ну вот, это и есть наши покупатели, – просветил своих новых приятелей Стюарт.

– Мы уже догадались, – обронил Кастор.

– Поаккуратней! Ты же мне чуть ногу не отдал, – возмутился Брюстер, отталкивая от себя какого-то тщедушного человека, подумав, что такому уж где-где, а здесь точно не место.

– Извини.

– Итак, – зазвучал с трибуны усиленный динамиком голос. – Меня зовут полковник Бинке, я представляю войска связи. Всех, кого я назову, прошу выйти из строя на красную линию, она прямо перед вами. Ульям Пирсон...

Полковник называл фамилии, и будущие связисты-хакеры выходили из строя навстречу своей судьбе, хотя им предстояло заниматься тем же, чем они занимались раньше, только теперь в военной форме. Выборку он закончил достаточно быстро, и на красной линии стояли двадцать теперь уже бойцов невидимого фронта.

– Зарплата у нас, в отличие от остальных частей, твердая, без всяких там боевых и прочих надбавок, кроме оплаты за классность и выслугу лет, – продолжил Бинке. – Но вы будете в тепле и сытости, с чистым сортиром и гарантированным душем, чего зачастую не будет у остальных. Если вы не сломаете себе шею, по пьянке упав с лестницы, то вернетесь домой целыми и невредимыми. Теперь из строя могут выйти те, кто считает себя, по

меньшей мере, классным специалистом. Я мог кого-то упустить при просмотре ваших личных дел. Неважно, хакер ты или «правильный» программист, требуются и те, и другие. Но предупреждаю, если выяснится, что вы недостаточно хороши, то вас отправят прямо на передовую, конечно, после подготовки, но ускоренной... Для тех, кто уже стоит на линии, есть последний шанс передумать и попробовать себя в другом качестве.

На линию вышли еще пятеро. Сосед Макса, отдавивший ему ногу, тоже дернулся вперед, но потом передумал и вернулся обратно в строй. Из первого набора обратно в строй никто вернуться не пожелал.

– Отлично. Сержант, командуйте.

– Есть, сэр! – сержант подошел к «купленным» новобранцам и скомандовал: – Напрааво! Шагоом марш!

Полковника Бинке сменил другой, по фамилии Эвтор. Его в свою очередь сменил майор Учхе. Из строя все выходили и выходили названные люди. Их тоже уводили сержанты, и, наконец, в небо стартовали первые шаттлы. Строй за это время основательно поредел, но по-прежнему был полон. Снова пробежали сержанты с криками: «Сомкнуть ряды, выровнять шеренги!»

– А теперь будут набирать стопроцентное пушечное мясо, – снова поделился своими невеселыми познаниями Стюарт Эстевес.

– Меня зовут майор Генджо, – обратился к строю следующий «покупатель». – Я буду набирать из вас элитные части, зарплата соответствующая. Под элитными войсками понимаются: войсковой спецназ, абордажные команды, фронтовая разведка, диверсанты, боевые пловцы и так далее. Если кто-то не пожелает служить в названных частях, пусть говорит об этом сразу, если я его выберу.

Майор Генджо спустился с трибуны и отправился вдоль рядов, внимательно осматривая каждого претендента с ног до головы. Иногда он щупал мышцы кому-то в строю и, если считал, что тот подходит, бил его в грудь и говорил: «Ты».

Так он прошел все шеренги, выбрав из них около двухсот претендентов, отдавая предпочтение крепким парням, не обязательно высоким, что объяснялось спецификой выбранной для них профессии, но обязательно жилистым, без лишней показушной мускулатуры, как в дешевом кино про супергероев. Тем не менее, майор Генджо прошел мимо Стюарта Эстевеса, даже не взглянув на него, хотя Макс считал его здоровяком.

Спецназовцы ушли, никто из них не отказался служить в спецвойсках. И на трибуну поднялся столь же немногословный полковник Нирен. Он также прошелся вдоль рядов и выбрал себе четыреста с лишним десантников. На этот раз Стюартом заинтересовались, но полковник выразил какое-то недовольство, и тот остался в строю.

– Ну что, сынки, – устало произнес майор Ризен после трехчасового отбора кадров предыдущими офицерами. – Пойдем грузиться на мои корабли. Поскольку это ваш последний день гражданской жизни, то можно не в ногу.

И оставшиеся толпой поплелись к «Элепхантам». Аккуратные сварные швы на бортах этих машин говорили, что когда-то здесь находились пушки, чтобы отстреливаться от назойливых истребителей, а значит, эти корабли уже успели повоевать и теперь повезут на войну других.

Места хватило всем, даже пустые сиденья остались. Вскоре корабль натужно взревел двигателями и, тяжело оторвавшись от земли, полетел на орбиту, где его уже ждал транспортный корабль, который и должен был отвезти новобранцев в учебный центр. А потом, быть может, и к первому месту боя. Где он будет, еще никто не знал, но то что он будет, ни у кого не вызывало сомнений.

Форт-Слейв, учебный центр на планете Хокин, мало чем отличался от сборного пункта на Каннакае. Только постройки были добротнее, и можно было не сомневаться, что

кондиционер там работает как надо, да на всей территории было полно всяких устройств и сооружений непонятного назначения.

– Выходите, всем выйти из челнока, – загремел громкоговоритель голосом капрала, который за время перелета всех достал своими поучениями. И все, кто еще был внутри, посыпались наружу.

– Опять жара! – не выдержал Макс.

– Жара жаре рознь, – заметил Кастор. – Видишь, травка растет, значит, температура вполне приемлема. К тому же ты только что с корабля с его искусственным климатом. Скоро оклемаешься, вот только солнце мне здесь не нравится.

– А что с ним не так?

– Красное оно... умирает...

– Всем построиться! Не толпиться, быстро!

– Этого Цимберца убить мало, – заметил Стюарт.

– Что-то еще будет, – понуро добавил Брюстер.

И снова умелые сержанты с капралами построили вновь прибывших на плацу, особо строптивых подгоняли пинками. Делали они это без злобы, просто привыкли ко всему и старались делать свою работу хорошо.

Новобранцев оказалась ровно тысяча, и их разбили на десять рот. Перед ними прошел очередной сержант.

– Поздравляю вас, стадо баранов, – начал он свою речь. – Вы сделали первый шаг к тому, чтобы стать настоящими мужчинами. Меня зовут сержант-инструктор Удостон. На ближайшие три месяца, а именно столько продлится ваша подготовка, я стану вашим отцом, матерью и старшим братом в одном лице. Вы третья рота, соответственно у вас третья казарма. Сейчас вы все отправитесь на помывку, потом на раздачу комплектов формы. На все – про все у вас один час, через час я жду вас всех на этом самом месте и советую не опаздывать... Капрал, проводи этот сброд в баню.

Баней оказался простой ангар, куда их всех загнали, кого надо постригли, а кому надо отстригли не в меру большие ногти, отращаемые последователями придурковатой моды на нескольких планетах. Потом всех заставили снять всю одежду и стали щедро поливать из пожарного шланга. Вместо воды из него било какое-то моечное средство, и все стали дружно растираться, стараясь, чтобы состав не попал в глаза, уж больно он едким оказался. Через пару минут помывки ударила чистая вода для ополаскивания.

– Так, теперь все за мной для получения обмундирования, – позвал за собой капрал.

Он отвел их в соседний ангар, где хозяйничал другой капрал с подчиненными рядовыми. Перед ними лежало несколько стопок формы и обуви, выдаваемых в соответствии с комплекцией. Так же обстояло дело и с обувью.

– Так, солдатики, получаете форму у меня, берете иголки, пришиваете свои бирки, не забудьте перед этим написать на них свое имя вот таким карандашом. Карандаш потом вернуть! Потом подойти вон туда, и вам дадут свинцовые накладки.

Форма оказалось немного великовата, но Макс решил не обращать на это внимания, зато сапоги оказались в самый раз.

– Встань на весы, – приказал солдат, и когда Макс встал, еще и измерил его рост. После чего сказал. – Таак, восемьдесят кило, рост – метр семьдесят пять...

– Не может быть, – возмутился Брюстер. – От силы семьдесят три килограмма! Я ж два месяца назад взвешивался!..

– А мне по фигу, сколько ты вешишь, у меня точные весы, – солдат ненадолго отвлекся и ввел данные в компьютер. – Номер пять. Иди к раздаче.

Макс подошел к стойке, на которую кивнул солдат. Другой военнотружущий передал Максy грузы.

– Вон инструкция по применению. Следующий...

Инструкцией оказался наглядный настенный плакат, показывающий, что и куда именно нужно крепить. Брюстер наложил на ноги и руки тяжелые накладки и, вдобавок ко всему,

надел наплечный жилет, сделав все, как было показано на картинке.

– Подохнуть можно, – простонал Кастор, который также мучился с грузами. – И на кой хрен все это нужно?

Макс ничего не ответил, он прислушивался к своим ощущениям. Казалось, что если сделаешь шаг, то непременно грохнешься о землю со всего маху. Грузила утяжелили Брюстера на десять килограммов, и было крайне необычно чувствовать, как изменился центр тяжести, а стоять стало можно только прямо и никак иначе. По-другому стоять просто не получалось, сразу же клонило вниз. Кто-то с непривычки уже упал, вызвав у остальных бурю смеха.

Через час, когда все оделись как положено, они опять построились на плацу, где их уже ждал сержант Удостон.

– Ну вот, теперь на вас можно посмотреть нормально, а то я, как увидел вас, так чуть не сбиланул. Что ж, все управились, опоздавших вроде нет. Вы, наверное, думаете для чего вам эти тяжести? Отвечу: они для вашей общефизической подготовки, чтобы лишний раз в тренажерный зал не ходить и довести всех вас до общесреднего уровня. Будете получать физическую нагрузку от любого своего движения. Вообще-то, раньше подобные базы располагались на планетах с повышенной силой тяжести, но из-за чертовых «законников» из всяких там правовых обществ их перенесли на нормальные планеты... Итак, грузы не снимать от подъема до отбоя. Как я уже сказал, первые две недели будут просто курортом с общефизической подготовкой и теоретическими занятиями. Теперь идите ужинать, после чего через тридцать минут, пожалуй, немного пробежимся – и будете отдыхать.

21

Две недели тянулись, как резиновые, но и они не могли длиться бесконечно. Всему рано или поздно приходит конец, хорошее оно или плохое. Вот и эти две недели подошли к концу. За это время курсанты, как их еще называли сержанты, занимались спортом, заключавшимся в простых пробежках. Круги, которые они нарезали, день ото дня становились все длиннее и частично (каждый раз все больше) переносились на пересеченную местность.

Вот и сейчас третья рота наматывала пятый, двухкилометровый, круг из десяти. Сто курсантов были поделены на взводы, по двадцать человек в каждом. Другие девять рот занимались на различных видах тренажеров.

– Щас подохну, – просипел обильно вспотевший Кастор, когда рота перешла на шаг, иначе такую дистанцию в сплошном марш-броске никому было не выдержать. Ему было сложнее остальных из-за плохо сходившего избыточного веса, а в последнее время ему было особенно плохо.

– Держись, – подбодрил его Стюарт, бежавший без видимых усилий.

– Все хочу спросить, – разлепив ссохшиеся губы, произнес Брюстер, – ты вообще когда-нибудь устаешь?

– Почему не устаю, устаю... просто я стараюсь не показывать этого.

– Я понял, он капралом хочет стать... – озвучил свою догадку Мешко.

– Ну и что с того. И потом, когда вы бежите, то постоянно думаете: «Когда же все это закончится!», я прав?

– Угу, – выдохнул Макс. – А ты о чем думаешь? Не о бабах же... или о них?

– Я вообще стараюсь ни о чем не думать. Просто про себя напеваю несложную ритмичную песенку, вводя себя в некое подобие транса...

– Так что ж ты, морда смуглая, раньше об этом не мог сказать?

– Так вы меня и не спрашивали, – пожав плечами, ответил Стюарт. Он уже давно не обижался на подобные высказывания, так как это не всегда означало оскорбление. Впрочем, тут были свои нюансы...

Все замолчали, и колонна снова пустилась в бег.

Брюстер не верил, что он сможет столько пробежать, да еще с такими свинцовыми накладками, однако же бежал. «Тут явно не обошлось без „химии“, – подумал он. – Ну и пусть, лишь бы по известному органу не сильно било...»

– Что ж, у тебя есть шанс забить дополнительный гвоздик в свою карьерную лестницу, – сказал Макс на бегу, что сильно сбивало дыхание.

– Ты о чем?

– Вон видишь, на повороте кто-то лежит без сил, если дотащим, глядишь, и оценят сей героический поступок.

– Не советую, – тихо произнес Кастор, но так, что его никто не услышал.

– Круги еще резать и резать, – напомнил Эстевес. – Ты сам-то доползешь?

– Попробую...

– Ну, тогда давай.

Эстевес с Брюстером подхватили лежащего в пыли человека, при этом Макс закинул одну руку себе на шею, а Стюарт, из-за своего роста, подхватил вторую под мышку. Тут же подбежал сержант-инструктор Удостон.

– Бросьте этого поганца. Мы не армия спасения, и если кто-то не может продолжать бой, его следует бросить. Вам ясно?

– Так точно, сэр! – хором ответили Макс со Стюартом, но «доходягу» не бросили.

– Так почему не бросаете? Рядовой Эстевес!

– Ээ... Мы несем его в качестве ээ...

– В качестве последнего щита, сэр, – пришел на выручку Брюстер.

– Какого еще щита, солдат?

– Последнего, сэр! Чтобы в случае отступления или при обнаружении засады он прикрыл остальных ценою своей собственной жизни и дал уйти остальной группе, сэр.

– Самый умный?

– Никак нет, сэр!

– Ну-ну... – многообещающе проронил сержант и оставил их в покое.

– Не нравится мне его нуканье, – понуро проронил Кастор, который немного пришел в себя, вероятно, испробовав методику Эстевеса. – Ох, не нравится...

– Да ладно тебе... – отмахнулся Макс, – слышь доходяга, тебя как звать-то?

– Бе... Бертрольд Риверс... Можно просто Берт.

– Стоп, я тебя узнал, это ты мне ноги отдал в тогда, топтун. И что тебе дома не сиделось?

– Да какая теперь разница?...

– Ну, тогда чего в программисты-хакеры не пошел? Ты же хакер?

– Хакер, – признался Бертрольд. – Только я недостаточно хорош.

– Да ну? – не поверил Макс. – Хакер, он и в известном месте хакер.

– Так да не совсем так. Вот вы смогли бы взломать, ну, предположим, хотя бы систему какого-нибудь... э-э-э... возьмем гостиницу?

– Нет, это вряд ли, – признался Макс Брюстер и переадресовал вопрос своим приятелям: – А вы как?

– Никак, – ответил Кастор. – У меня вообще как в анекдоте...

Об анекдоте пришлось на время забыть, снова начался период бега, и все почли за лучшее замолчать. К тому же рядом пробежал сержант, сверкнув глазами.

– Ну, так что там с анекдотом? – спросил Макс, когда вновь начался долгожданный период ходьбы. – Рассказывай.

– А, ну встречаются как-то два приятеля, и один у другого спрашивает: «Как ты с компьютером общаешься, еще на ВЫ или уже на ТЫ?» А тот отвечает: «Я с ним на ТВОЮ МАТЬ!»

– Аналогично, – ответил Стюарт на невысказанный Брюстером вопрос.

– Ну, так вот, а мне это, как семечки, – продолжил Бертрольд. – Теперь видите, какая разница между мной и вами в этом отношении? Точно такая же разница между мной и теми,

кого берут в связисты. Зачем им доводить меня до кондиции, тратить деньги на обучение, когда можно сразу принять на работу готовых специалистов.

– Понятно...

– И еще. Спасибо, что подобрали, – добавил Риверс. – Еще одного истязания сержанта я бы не выдержал.

– Да ладно...

Взвод, в котором бежал Макс Брюстер, пришел к финишу последним. Сержант Удостон, обычно отчитывающий прибывших в хвосте, ничего не сказал. Из чего Макс сделал вывод, что тот готовит для них особо каверзную подлянку.

– Ну что ж, сдохших нет, можете идти на теоретический курс. Сегодня он будет для вас последним.

– И чего нам могут рассказать нового? – удивился Кастор, когда все пошли на занятия.

И действительно, ничего нового там не рассказали, но как любил говаривать преподаватель: «Повторение – мать учения». В запасе у него было еще много разных поговорок, которыми он блистал при каждом удобном случае.

На теоретических занятиях рассказывали, в основном, как можно быстрее и эффективнее убить своего противника. Для этого нужно было запомнить некоторые анатомические подробности строения человеческого тела.

Кроме того, в курс входили навыки выживания в различных биологических зонах, объяснялось, чем можно питаться, а кого лучше не трогать, случись что... По этому поводу преподаватель говорил: «Вы должны стать варварами. Потому как варвар умирает последним, ибо для него не существует внештатных и экстремальных условий. Для него они все штатные и обыденные. Жри, солдат, она богата столь ценными для организма белками». Эту фразу он сказал, когда по ладони Брюстера ползла бледная студенистая личинка, толщиной в большой палец, которую нужно было съесть, а Макс никак не мог заставить себя это сделать. В конце концов, личинка была проглочена, но чувствовал он себя после этого не слишком комфортно. Рвотные позывы продолжались минут пять, но все обошлось.

Впрочем, основные премудрости выживания придется испытывать в реальных условиях. И это не могло не радовать, ведь вполне вероятно, что многого из того, чему их учили, делать не придется.

22

Утро нового дня ничем не отличалось от предыдущего. Тот же громогласный крик дежурного: «Рота, подъем!», от которого все вскакивали как ужаленные, поскольку никто не хотел испытывать на себе новые виды наказания, придумываемые самим сержантом-инструктором Удостоном. А фантазия была у него богатая, еще никто не помнил, чтобы он хоть раз повторился, хотя случаев применить свою изобретательность у него было предостаточно.

– Что за дерьмо?! – раздался непонимающий возглас Мешко, сопровождаемый тяжелыми придыханиями.

– Что случилось, Кастор? – поинтересовался Брюстер, напяливая на себя грузы поверх формы.

– Не пойму, то ли я совсем ослаб, то ли грузы стали тяжелее на порядок...

– Действительно, – пробасил Стюарт. – Гораздо тяжелее.

– Может, у всех так, – произнес Макс, уже все понимая, у него они тоже потяжелели килограммов на пять, что серьезно скажется на его результативности по сравнению с остальными. И обращаясь к соседнему сослуживцу из пятого взвода, спросил: – Принстер, у вас накладки потяжелели?

– Нет, – ответил тот, пожав плечами, – какими были, такими и остались.

– И у меня прежними остались, – признался Бертрольд.

– Как же он умудрился, а?! – воскликнул Кастор, имея в виду сержанта Удостона. –

Ведь даже инвентарные номера прежними остались, не придерешься даже.

– Всем строиться! – прокричал дежурный, и все поспешили наружу, на ходу подтягивая последние ремешки.

– Итак... ах да, – притворно вспомнил Удостон. – Рядовой Риверс.

– Я!

– Ты переводишься в четвертый взвод.

– Есть, сэр!

– Рядовой Рендалл, вы соответственно переходите из четвертого взвода в третий.

– Есть, сэр!

– Итак, – продолжил сержант Удостон, когда перевод состоялся, – сейчас вы все пойдете получать свое оружие. Это армейский «СПУР 500», или, как его еще называют, «спрут». Хороший безотказный автомат на пятьдесят патронов в таком вот «баночном» рожке. Не боится ни воды, ни песка, но советую держать его в чистоте и порядке, а также постоянно смазывать. Ибо именно с этим автоматом, с тем, который вам сейчас выдадут, вы пойдете в свой первый бой. За оставшееся время вы должны сродниться с ним, научиться чувствовать его, как самого себя, и даже лучше. А теперь за мной на склад. Направо, шагом марш.

После того, как все получили свои автоматы, сержант наглядно показал его возможности. «Спрут» в руках Удостона производил впечатление абсолютно послушного, но злобного зверька, плевавшего смертью. Когда все мишени на стрельбище были поражены с ювелирной точностью, Удостон столь же метко положил в каждую мишень по одной гранате из своего пятизарядного, тридцатимиллиметрового подствольного гранатомета, окончательно разметав их в труху. После чего сержант сказал:

– Можете идти завтракать, и через тридцать минут я жду вас на этом самом месте. Капрал, командуй...

Завтрак прошел спокойно, чувствовалось небольшое возбуждение от скорой первой стрельбы, вот только ложку до рта было донести труднее обычного. И снова Брюстер отметил еле уловимую горечь пищи, окончательно убедившую Макса в наличии в ней транквилизаторов. «К тому же, – отметил он, – у меня для нормального развития слишком быстро увеличилась мускулатура».

Стрелять из автомата действительно было приятно, еще и оттого, что именно ты управляешь этой разрушительной силой, становясь своего рода повелителем мира, ощущая в этот момент в себе безграничную силу. Кажется, будто сейчас ты способен на все и можешь один справиться со всеми врагами, на которых тебе укажут, раздавить их, как тараканов и прочих паразитов.

Наконец прозвучал завершающий аккорд, пять гранат с гулкими хлопками покинули подствольник, и одна-таки угодила в мишень, разорвав ее в щепу. Остальные четыре подняли высокие фонтанчики земли.

Макс Брюстер по этому поводу не сильно расстроился. Его результат был не лучше, но и не хуже, чем у остальных. По крайней мере, прошедший рядом сержант ничего не сказал, наверное, удивившись, что тот вообще смог попасть с первого раза.

– Ну все, девочки, – сказал сержант Удостон, когда курсанты отстрелялись и построились. – Развлекуха на сегодня закончилась, ну, может быть, еще вечером постреляем... А теперь вам предстоят настоящие тренировки. Перед вами двухкилометровая дистанция. Вам нужно преодолеть ее, скажем, за двадцать минут. Полоса препятствий включает в себя... впрочем, вы это узнаете, когда будете преодолевать ее. И еще, – сержант сделал театральную паузу и громко объявил. – Пришедшие последними сегодня чистят сортир, – при этом Удостон криво улыбнулся Брюстеру со Стюартом. – А теперь вперед!

Казалось, у этой полосы препятствий не было ни конца, ни края. Крутые десятиметровые холмики сменяли друг друга на протяжении полукилометра, за ними пошли сети. Они значительно замедлили продвижение. Ноги соскальзывали с веревочных ячеек, создавая угрозу падения, но этому мешали руки, намертво вцепившиеся в пеньку.

Потом пошла колючая проволока. На спине трещала, но выдерживала крепкая ткань свинцовых накладок.

– Ниже! Еще ниже! – кричал на Брюстера сержант Удостон, сев перед ним на корточки. – Ниже держи свою задницу, иначе в реальном бою ее тебе отстрелят! Ты понял?!

– Так точно, сэр! – отвечал Макс, поправляя съезжавшую на лоб каску, и полз дальше, выставляя вперед автомат.

Впереди показалась веревочная переправа. Качаться, стоя, как клоун, высоко над землей, было очень неприятно. Но в отличие от клоунского представления здесь были еще две веревки, за которые можно было держаться. Кто-то уже упал, и жутко орущего солдата унесли санитары.

Это препятствие также было пройдено. Макс оттолкнулся со всей силы, держась за канат, потому как впереди было болото, и чем сильнее оттолкнешься, тем дальше пролетишь вперед. Брюстер плюхнулся плашмя, подняв тучу брызг и окатив своих товарищей зловонной волной, отчего они его тихо обматерили, не тратя, впрочем, на это много сил, впереди было еще достаточно много препятствий.

На последний холм Брюстер забирался на коленях. Сил у него не хватало даже на то, чтобы идти. Макс уже не помнил, сколько всего было препятствий. Он оглянулся, за ним точно так же полз Кастор Мешко, и (о, диво!) Стюарт за шиворот тащил Бертрольда, который каким-то чудом еще не потерял свой автомат.

Макс обнял свой «спрут», вместе с ним скатился вниз и таким образом пересек черту, знаменующую окончание всей дистанции. Скоро рядом с ним оказались остальные.

Другие члены четвертого взвода, пришедшие последними, смотрели на них чуть ли не с ненавистью. Ведь им предстояло чистить сортир, но сейчас Максу было все равно...

– Молодцы! – похвалил всех сержант. И легким взмахом руки показал капралу, что можно облить всех водой, устроив им легкий душ, частично смоящий липкую грязь. – Опоздали всего-то на каких-то десять минут. Можете отдохнуть, но с пользой для дела. А именно: чистите свое оружие. Далее у нас занятия по рукопашному бою.

Макс Брюстер не был уверен, что собрал свое оружие как надо, руки подрагивали, и он мог что-то пропустить, но сухой щелчок бойка оповестил его, что это не так. Все детали на своих местах, и лишних вроде тоже нет, да и откуда им взяться?

– Что ж, – произнес сидевший рядом Кастор набитым ртом. Он закусывал питательными плитками. – Те две недели действительно были курортом...

– Только не для меня, – обронил Бертрольд, рассовывая по карманам немногочисленные мелкие детали «спрута».

– Что, действительно, все так плохо? – спросил Макс, вяло пережевывая витаминный концентрат. Но еда как-то не шла.

– Да...

– Подъем! – перебил сержант Риверса. – Сегодня мы приступаем к изучению рукопашного боя под названием «система». В нем нет этой киношной показухи с эффектными ударами, потому как его разработал компьютер для быстрого и эффективного уничтожения противника любыми средствами и методами. Не пытайтесь заучить удары, в реальном бою не будет времени для того, чтобы их вспомнить. Вы должны их понять и действовать как автомат, все должно происходить на подсознательном уровне. Конечно, вы не овладеете этим искусством в совершенстве, но за оставшееся время вы научитесь, по крайней мере, эффективно обороняться... с летальным исходом для своего противника. Техника боя основана на механике тела, и даже довольно слабый, в физическом плане, боец может спокойно разделаться с громилой, конечно, в том случае, если тот не владеет этим же самым рукопашным боем. И хочу вас обрадовать, айманы пока не пользуются этой техникой, что и к лучшему. Итак, начинаем первое занятие. Рядовой Минк, прошу на татами.

Движения сержанта Удостона в отличие от Минка были мягкими и плавными. Он легко уходил от напористых ударов рядового, а потом сделал захват руки, повалил своего противника и произвел удушающий прием. Затем таким же образом он разделался с

остальными солдатами четвертого взвода, вызывая к себе на ковер по одному, по два и, наконец, всех разом. Результат каждый раз был одним и тем же: все валялись на земле, не в силах встать.

Удостон и дальше валил своих соперников из других взводов, наглядно показывая, как нужно действовать. Его не могли победить солдаты, даже вооруженные палками и ножами. Всех он поражал своими приемами, которые рождались тут же, по ходу схватки.

– Вот так, салаги, учитесь. Все идите на обед, а потом опять все сюда.

После обеда Удостон заставил всех копать персональное укрытие, проще говоря, окоп, в котором можно было бы укрыться и сделать огневую позицию. Как он сказал: «Для лучшей утрамбовки пиши перед настоящими занятиями». Под занятиями он имел в виду дальнейшее избивание солдат. Особенно он усердствовал, как полагал Брюстер, с четвертым взводом.

Макс бездумно елозил щеткой по полу, еле стоя на ногах, как и его товарищи по несчастью, чистившие туалет. Его не волновала стоящая вонь, которая только усиливалась при соприкосновении воды с грязью. Даже стрельба из «спрута» не принесла никакого удовлетворения. К тому же он почти не попадал в цель. А гранаты из подствольника вообще угодили в основание соседней мишени, отчего та высоко подлетела в воздух.

– И что он прицепился к нам? – еле двигая щеткой, спросил Кастор, впрочем, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Это все из-за меня, – повинился Бертрольд. – Зря вы меня тогда подобрали...

– Подобрали тебя из корыстных побуждений, – прервал того Стюарт. – По службе, видите ли, мне подняться захотелось. Ладно, проехали.

И Стюарт ожесточенно стал натирать пол щеткой. Вообще-то туалет должны были убирать роботы-уборщики, но для стимуляции солдат к подвигам сержант-инструктор их отключил.

Макс, выбравшись из душа, повалился на свою койку без сил. Снова, как и в тот первый день в Форт-Слейве, он ощутил необычайную легкость, сняв эти тяжеленные накладки. Но, несмотря на кажущуюся невесомость, он не мог пошевелить даже пальцем.

23

Занятия продолжались своим чередом. Из дня в день наращивался темп, хотя Брюстер считал, что это просто невозможно. Но как говорил сержант: «Нет ничего невозможного», и, как показывала практика, зачастую он был прав. Чистка туалета превратилась для него в своего рода традицию, от которой никуда не деться, хочешь ты того или нет.

Кроме всего прочего их обучали стрельбе из всех возможных видов оружия, хотя при этом отдавалось предпочтение штатному «спруту». В минновзрывном деле делался упор на разминирование, но чтобы знать, как разминировать, нужно было владеть техникой закладки. При этом сержант все время делал какие-то пометки в своем блокноте. Макс, как и все остальные, даже стрельнул два раза из танковой пушки, правда, мимо, но все же...

Дела продвигались и в рукопашном бое. До полного автоматизма действий, как у Удостона, было еще далеко, но прогресс был явно налицо, особенно в метании ножа.

Однажды сержант подвел их к стальной коробке двадцать на десять метров, в которой с трудом угадывался грузовой отсек десантного шаттла «Элепхант». Его борта были усеяны подозрительно круглыми дырками с оплавленными краями, которые могли появиться только по одной причине...

– Дерьмо, – выдохнул Кастор.

– Совершенно верно, солдат, причем полное, – подтвердил Удостон. – Это следы плазменной пушки ЛЭП. В этом транспорте погибло все подразделение, они не успели даже приземлиться для выгрузки. Но хочу вас обрадовать, вам такая участь не грозит. На новых транспортных установлена более совершенная броня. Правда, привел я вас сюда не для того, чтобы попугать перед сном... мы будем тренироваться правильно выгружаться из транспорта. Занять места в трюме десантного корабля!

– Не хотелось бы мне попасть под обстрел этой ЛЭП, – пробурчал Кастор. – Даже с новой броней...

– Да уж, – согласился Макс. – В конце концов, они могут придумать еще что-нибудь, что будет пробивать и новейшую броню, как фольгу.

– Тут явно не обошлось без арабийцев, – добавил Стюарт, садясь на свое место.

Когда вся рота погрузилась, коробка с противным скрипом, плавно двинулась вверх по специальному рельсу, к которому она была подвешена. Сержант сел на небольшом возвышении у борта, там, где раньше была дверь, ведущая в пилотскую кабину, так, чтобы его было всем видно и стал декламировать:

– «Элепхант», тяжелый транспорт, предназначенный для перевозки до двух сотен солдат с полной амуницией или одного тяжелого танка типа «кондор», или двух бронетранспортеров, но используется он для десантирования только одной роты. Для выгрузки техники имеется широкий выход в корме, а солдаты могут выгружаться через четыре кормовых выхода, по два с каждого борта. Закрепить автоматы в пазы, они у вас по левую руку, вот так, – сержант Удостон показал, как именно надо крепить оружие, чтобы оно не вылетело.

Трюм обо что-то стукнулся и замер. Лебедочный привод прекратил свое жужжание.

– Итак, – продолжил Удостон. – На все – про все у вас есть пять секунд с момента открытия створов. За это время вы должны покинуть шаттл и рассредоточиться. Все ясно?

– Так точно, сэр! – хором ответила сотня глоток.

– Тогда поехали.

С этими словами сержант дернул рычажок, и трюм с жутким скрипом несмазанных колес стал набирать скорость, проваливаясь вниз. Ветер дул через отверстия в бортах, он достиг такой силы, что его шум стал забивать скрип колес. Грузовой отсек шаттла перешел в кратковременный горизонтальный «полет» и с сильным ударом упал на землю. Одновременно с ударом открылись все выходы, в которые ломанулись успевшие отстегнуться солдаты.

Макс Брюстер ударился о крепежный захват, от неожиданности прикусил язык и почувствовал, как вся полость рта наполнилась кровью. Он испугался, что напрочь откусил его, но обошлось... только жуткая боль застилала глаза непроницаемой пеленой. Язык распух, заполнив всю полость рта.

– На выход! Не сидеть! – кричал сержант.

Макс встал со своего места и поплелся к ближайшему выходу, а потом просто вывалился из него. Ему на спину приземлился забытый им автомат, выброшенный Удостоном со словами:

– Дебильё, даже высадиться нормально не можете. Этот язык себе прищемил, еще трое себе шеи вывихнули... хорошо хоть не сломали. Повторим попытку, но чтобы на этот раз все было как надо.

Во второй раз действительно получилось гораздо лучше, если не считать некоторой сутолоки на выходе. Все старались действовать быстро и иногда мешали друг другу, что существенно сказывалось на времени выхода.

Так продолжалось раз за разом, в течение нескольких дней. Пока однажды сержант-инструктор наконец не сказал:

– Хорошо, вы вплотную приблизились к нормативу, но вам предстоит улучшить свое время еще на две секунды. Теперь мы переходим к другому тренажеру, а именно к «Раббиту». Перевозит с полсотни солдат. Тренироваться будем сразу на двух макетах. Первые два взвода с первым отделением третьего идут в первый макет с капралом Цымберцом, остальные со мной во второй.

И снова скрип колесиков, удар и выгрузка.

– Отлично, – похвалил сержант. – С этим вы справились, поэтому переходим к следующему занятию, а именно к выгрузке на бреющем полете.

По строю прошелестел тревожный шепот.

– Да-да, – продолжал Удостон, – вы не ослышались. Ведь может случиться так, что шаттл по каким-либо причинам не сможет приземлиться, или же вам дадут такое задание, в котором посадка будет изначально исключена как таковая. А теперь смотрите внимательно, как нужно прыгать, чтобы себе ничего не попортить.

Капрал встал на ступеньку, приложил к груди автомат, согнул ноги в коленях и прыгнул на землю. Приземлившись, он кувыркнулся через левое плечо, подогнув голову, встал и отряхнулся, как ни в чем не бывало.

– Вот так, – сказал сержант. – Вы должны сделать то же самое с той лишь разницей, что все это будет происходить в движении. А теперь на погрузку.

Для подобной высадки использовались два кормовых выхода. Но поскольку это было учебное занятие, то десантирование производилось через одни ворота, чтобы сержант мог контролировать все действия своих подчиненных.

Люк был уже открыт, «Раббит» двигался по желобу на высоте двух метров. Врывавшийся ветер обдувал лицо Брюстера, и он не мог поверить, что ему предстоит выпрыгнуть наружу на полном ходу.

– Пошли! – выкрикнул Удостон, когда движение немного замедлилось.

Вниз сиганул первый боец, за ним последовал еще один, страшно закричав в полете, следом полетели остальные, судорожно сжав свои автоматы. Макс закрыл глаза и таким образом продвигался вперед, смотреть дальше он не мог. Открыл их, когда наступила его очередь. Стюарт уже прыгнул, и теперь дело оставалось за малым – прыгнуть самому.

Внизу проносилась земля с редкими кустиками и островками пожухлой травы, да так быстро, что в глазах зарябило. «Я не могу», – подумал Брюстер. Сейчас ему особенно остро, гораздо сильнее, чем обычно, казалось, что прятаться в бесчисленных пещерах его родного Альпамира, – не самая худшая идея. Пещеры были плохо изучены, и спрятаться там можно было без особых проблем, нужно было только немного подготовиться... Все эти мысли пронеслись в его голове за одну секунду, и о том, что он когда-то мечтал стать наемником, он уже не вспоминал.

– Я не могу, – уже вслух повторил Макс. – Это же самоубийство!

– Что значит, не могу! – взревел Удостон. – Пошел!

Но Брюстер только вцепился руками в края люка. Сержант, понимая, что время движения подходит к концу, болевым приемом разжал руки Макса и сильным пинком выбросил его наружу.

– Аа!!! – закричал Макс в полете.

Каким-то неосознанным движением он поймал автомат и согнул колени, в общем, сделал все то, что им показывал капрал. Приземление оказалось жестким, вместо кувырка через плечо он перелетел через собственную голову, а потом его еще протащило по твердому грунту. Когда Макс остановился, первым ощущением было, что он жив, и это его довольно сильно удивило. Затем пришла тупая боль в ребрах и острое жжение кистей рук и лица. К тому же сильно болел живот. «Наверное, почки себе отбил или еще чего...» – подумал он.

Как он узнал позже, кроме него со следами пинка на заднице оказались Кастор с Бертрольдом да еще несколько бойцов из других взводов. Самым удивительным оказалось то, что никто не сломал себе даже пальца, не говоря уже о шее.

– Ох, поскорее бы это все закончилось, – сказал Кастор, когда они всей ротой копали полноценный окоп, а не индивидуальные ячейки, как в самом начале.

– Полностью с тобой согласен, – кивнул головой Макс и ударом саперной лопатки прихлопнул свежий грунт на насыпном валу, в очередной раз пожалев о своем поспешном решении завербоваться на войну.

– Не желай многого, ибо желания имеют свойство сбываться, но не в самом благоприятном варианте...

Все посмотрели на Риверса, даже соседние солдаты из других взводов уставились на неудавшегося хакера. И все, не сговариваясь, отвернулись, решив про себя, что тот малость свихнулся. И действительно, Бертрольд работал как заводной, ничего вокруг не замечая.

Однажды, когда они копали очередной окоп, но уже с блиндажным укрытием, в небе показался шаттл. В этом не было бы ничего удивительного, если бы он не оказался представительского класса, на котором обычно летали военные чины не самого низкого звания.

Полет шаттлов не был делом необычным. Они привозили новобранцев и забирали уже готовых солдат из других секторов Форт-Слейва и с других баз на планете, которых здесь было предостаточно.

– Отчего-то у меня такое чувство, что это по нашу душу, – высказал свое мнение Кастор Мешко.

– С чего ты взял? – спросил Макс, но сердце ёкнуло, потому как он сам пришел к тому же заключению.

– Не знаю, – ответил Кастор. – Может быть, из-за того, что высшему чину здесь делать нечего, не тушканчиков же он сюда приехал пострелять. А прилететь он мог только по чрезвычайному случаю, чтобы на месте, без лишних проволочек, решить все вопросы.

– Ладно вам гадать, – вставил Стюарт. – Если нужно, нам все расскажут. А теперь давайте выкопаем этот чертов окоп, чтобы хотя бы сегодня нам не пришлось чистить этот долбаный сортир!

Чистить туалет им сегодня действительно не пришлось. Через час с небольшим после приземления шаттла пришел сержант-инструктор Удостон. Он построил всех на плацу и объявил:

– У меня для вас радостная весть, ваше обучение закончилось. Конечно, прошло всего два месяца из трех, но вы уже знаете и умеете делать все, что требуется от солдата, и это главное. А теперь из строя должны выйти те, кого я назову. – Сержант достал свой блокнот, в котором он делал заметки и стал зачитывать фамилии солдат. Когда все названные вышли, он пояснил: – Вы назначаетесь взводными капралами. Сержантов к вам приставят уже на месте. Пожалуй, это все, вы можете идти отдыхать. Вечером за вами прибудет транспорт, и вы отправитесь на постоянное место службы. Разойтись.

Эстевес тяжело вздохнул.

– Не расстраивайся, Стюарт, – попытался приободрить его Макс, похлопав рукой. – Будет и на нашей улице праздник.

Через несколько часов им выдали новую форму взамен износившейся и бронежилеты третьего уровня защиты, прикрывавшие руки до локтей и ноги до колен, с функцией хамелеона, одной из последних разработок. А тяжелые накладки забрали. Если в такой броне приложиться спиной к какой-нибудь поверхности с не слишком четким рельефом, как у коры дерева или скалы, то на груди проявлялось это же изображение.

Когда новое обмундирование было подогнано и опробовано, в небе, почти над самой головой, появились точки транспортных кораблей. Их было слишком много, они разделялись на группы и разлетались в разные концы планеты. В итоге, рядом с базой приземлилось пятнадцать «Элепхантов», при норме три-четыре корабля.

– Да, что-то они определенно задумали, – проворчал Кастор.

– Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять, что они готовят какое-то контрнаступление, – высказал Брюстер свою точку зрения, вертевшуюся у него в голове уже несколько часов после того, как он вспомнил новости, передаваемые по радио в тот злополучный день.

– Пожрать бы, – протянул Кастор у стены и включил режим хамелеона. Мутновато-зеленая поверхность бронежилета посветлела, и вскоре появилось нечеткое изображение кирпичной кладки. – Прикольно, – уже в который раз восхитился Мешко технологией юан.

– Прикольно-то оно прикольно, а вот как это все будет действовать в реальных условиях, – проворчал Макс Брюстер. – И придется ли пользоваться, вот в чем вопрос?

– Ладно вам, пойдемте лучше, а то сержант зовет, – проворчал Стюарт.

Сержант-инструктор Удостон в последний раз построил личный состав, но уже за воротами базы. Перед пятнадцатью шаттлами построились три тысячи солдат, не все они прошли полный курс подготовки, но высшее командование это мало интересовало. Сержант и его начальство пытались отстоять своих подопечных, отмечая, что они не готовы и в серьезном бою в живых в лучшем случае останется только половина. Но это не возымело действия.

Сержант еще раз прошелся перед строем, как будто в последний раз проверяя, все ли он сделал правильно, всему ли научил. Но переигрывать было уже поздно, и он просто пожелал:

– Желаю удачи, парни. Начать погрузку.

Транспорты, под завязку загруженные солдатами, стартовали в небо и спустя десять минут оказались на орбите. Чуть позже к ним присоединились и другие корабли, забравшие новобранцев с других баз.

– Смотрите, смотрите, – прошептал Бертрольд, которому досталось место у иллюминатора. – Да тут полноценный флот.

Макс перегнулся через Пиннета и Мешко, чтобы тоже посмотреть на то, о чем говорил Риверс. Обзор был маленьким, но и этого хватило.

Зрелище действительно было впечатляющим. С два десятка малых линкоров и крейсеров широким кольцом опоясывали авианосцы и авианесущие корабли, а также средние десантные транспорты. К одному из таких транспортов и приближался «Элепхонт», в котором сидел Макс в числе других двух сотен солдат.

Мимо пролетел уродец стометровой длины, весь утыканный антеннами разных форм и размеров.

– А это что за дикобраз? – удивился Брюстер.

– Так называемый корабль связи, – с ноткой грусти пояснил Бертрольд. – А на самом деле занимается электронной защитой группировки, ну и сам, разумеется, атакует корабли противника, выискивая брешь, и если найдет, то закачает туда столько вирусов, что потом легче будет новый построить, чем очистить его от всей этой электронной заразы.

– Так уж и построить? – не поверил Стюарт.

– Я в утрированном смысле сказал...

– Понятно.

Все «Элепхонты» пришвартовались к своим кораблям, и вся группировка, не задерживаясь дольше положенного, двинулась к конечной цели.

25

Свет проникал через решетчатое, пуленепробиваемое и звуконепроницаемое окно, находившееся под сводчатым потолком. Светлое пятно лениво двигалось от одной стены к другой, изредка натываясь на различное медицинское оборудование и на стеллажи с хирургическими инструментами.

Здесь были приборы искусственной вентиляции легких, дефибриллятор, капельницы с жидкостью различного цвета и прочие приборы и инструменты, которые обычно присущи любой операционной хирургического отделения приличной больницы.

Но дело в том, что это была не больница. В помещении вообще не было даже намека на больницу, кроме инструментов да стерильности.

К стене на прочных цепях был подвешен человек, здесь он висел уже много месяцев и отлично понимал, что отсюда ему уже не выбраться. Он давно перестал молить о снисхождении своего мучителя, потому как тот был глух к его мольбам.

Пленник ожидал его появления с минуты на минуту, так как солнечный зайчик уже заскочил на тележку с инструментами, и как он уже давно определил, именно в это время приходил тот псих с садистскими наклонностями, что истязал его плоть вот уже третий месяц. Хотя узник не был уверен в точности подсчета прошедших дней, поскольку понимал,

что после очередного визита Черного Хирурга – так он его назвал про себя – мог пробыть в бессознательном состоянии несколько дней, а то и недель.

Скрипнула дверь, и в ее проеме показался тот самый человек в белом халате и резиновых перчатках с цветочным орнаментом, что, по мнению пленника, выдавало в нем самого натурального шизика.

– Как поживает наш больной? – спросил вошедший. – Не хотите отвечать? Ну, это не беда, правда? – с этими словами Хирург включил монитор, на котором высветились показания жизнедеятельности организма, к которому он был подключен. – Что же вы, голубчик, нервничаете, вам вредно волноваться, может случиться сердечный приступ. Вы же знаете, что у вас слабое сердце.

– Да пошел ты... – слабо прошептал истязаемый беззубым ртом.

– Ну что же, больной пришел в себя, значит, можно продолжить лечение. Вот только что нам лечить? Пальцев у тебя нет ни на руках, ни на ногах. Ушей тоже нет, остается ампутация. Что бы вы пожелали себе ампутировать, любезнейший?

– Твое сердце, урод...

– Мы говорим не обо мне, – напомнил садист. – Молчишь, тогда бросим жребий. Вот монетка, выпадет орел,отрежем ногу, решка – руку, на ребро встанет – быть тебе девочкой. В воздухе зависнет, так и быть – сниму тебе голову.

Так и не дождавшись реакции от «больного», бросил монетку. Серебряный кружок с легким звоном упал на каменный пол и покатился. Прокатившись с полметра, монета застряла в стыковом пазе между камнями. Постояв на ребре, как бы решая на какой бок упасть, она, словно в нерешительности, повалилась на пол.

– Что ж, так распорядилась судьба, – явно разочарованно произнес Антонио Маччини. – Приступим...

Маччини ввел своей жертве местный наркоз с таким расчетом, чтобы тот не загнулся от болевого шока, но и не пропустил самого интересного. Потом взял скальпель и стал снимать кожу. Жуткий крик раздался в замкнутом пространстве, но хитроумные панели в стенах заглушили его.

– Это называется резать ремни, – пояснял свои действия Маччини, снимая с окровавленной ноги очередной лоскуток кожи. – А вообще-то в детстве я мечтал быть доктором, помогать убогим и сирым. Лягушек препарировал. У меня даже награды есть за самое лучшее чучело, но, как видишь, даже очень богатые люди не могут позволить себе осуществить свои мечты. Я всего лишь управляю корпорацией, доставшейся мне от моих предков, а они были по-настоящему крутыми людьми...

Очередной крик заглушил исповедь Маччини. Жертва кричала не столько от боли, сколько от вида того, как от ее ноги отрезали очередную мышцу. Пленник не выдержал и провалился в беспамятство. Это заметил истязатель и тут же ввел адреналиновую смесь, вернувшую жертву в реальный мир.

– Голубчик, я вас никуда не отпускал. Ну, так вот, – продолжил Маччини как ни в чем не бывало. – Мечта осталась, и я в свободное время изучал медицинскую литературу.

Так за разговором, а точнее монологом, прерывавшимся криками, Антонио Маччини разделял ногу несчастного, и вскоре показалась кость. В этот момент у жертвы остановилось сердце, но и здесь Маччини оказался на высоте. Электрический разряд вновь заставил биться жизненно важный орган. Жертва с немим ужасом смотрела на белую кость, начинавшуюся ниже колена и заботливо обтертую Хирургом.

– Замечательная работа, – поздравил себя Антонио, – ни одной царапины. А теперь переходим к самой ампутации.

Маччини достал тонкую пилочку и стал ожесточенно перепиливать ногу выше сустава, прямо по мясу, вызвав тем самым еще один протяжный крик. После чего Антонио ввел своей жертве успокоительное и зашил место ампутации по всем правилам хирургической науки.

– Что ж, на сегодня хватит.

Маччини аккуратно перебрал весь инструмент, положив его в стерилизующий ящик.

Вымыл пол струей воды. Красная вода стекла в дырку в центре пола. После этого он снял с себя халат, перчатки с орнаментом и вышел наружу, аккуратно прикрыв дверь, словно не желая беспокоить своего «пациента».

26

На орбите Тайтара шел многочасовой бой. Планета была необычайно богата легко извлекаемыми полезными ископаемыми, что делало ее еще более ценной. Насколько она была богата ископаемыми, настолько же бедны были ее флора и фауна.

Редкие кустики, как ни странно, с еще более редкой травкой на поверхности, да мелкие микроорганизмы в ее почве и никаких насекомых, птиц и иного животного мира. Реки и озера были более обитаемы, но самих рек и озер катастрофически мало. И если бы не эта живность, то можно было бы подумать, что планета стерильна.

Но и отсутствие животного мира служило только на пользу разработчикам недр. Не нужно было тратить на всевозможные вакцины, и отсутствовали всяческие проблемы с «зелеными», донимавшими всех своей заботой о всяческих инопланетных тварях.

Спрятавшись за луной, стояли двенадцать десантных кораблей со ста двадцатью «Элепхантами» по каждому борту. Они ждали момента, когда ударные силы Торгового флота проделают достаточно большую брешь в противокосмической и воздушной обороне противника, что те и пытались сделать, но это было очень нелегко.

Торговая Федерация не считалась с потерями, победа ей нужна была любой ценой. Ее акции в результате многочисленных поражений упали до рекордно низких отметок, что сильно отражалось на прибыльности, а отсюда и на боеспособности. Нужно было взять эту планету, чтобы разом восстановить свои пошатнувшиеся позиции, потому генералы не жалели ни солдат, ни техники.

Противная сторона также не спешила отдавать такой лакомый кусок и стремилась закрепиться в заданном районе. Энергетический и ресурсный кризис их покровителей заставлял тех цепляться за каждый новый захваченный рубеж, как будто это был их последний оплот.

Два флота находились на довольно большом расстоянии друг от друга, что не мешало им вести прицельный огонь, несмотря на то, что находились они не совсем в удобном положении. Подставив противнику свое самое защищенное место – свое днище, покрытое многометровыми слоями пассивной и активной защиты – обе армады пытались свести к минимуму поражающую силу взрыва вражеского снаряда или лазера.

Корабли находились в постоянном движении, стараясь уйти с линии прицела артиллерийских расчетов, но те брали опережение и били достаточно точно, с минимальным количеством промахов. Смысл же маневров заключался в том, чтобы противник не попал в одно и то же место дважды, в крайнем случае, трижды. Зачастую третье попадание приводило к секторному разрушению корпуса, что сопровождалось, в лучшем случае, сильным пожаром, а в худшем – полной разгерметизацией отсека с гибелью десятков членов экипажа корабля.

Флот Торговой Федерации переживал очередной налет истребительной авиации или, как ее еще любили называть, – мошкары. Пушки и лазеры не могли стрелять непрерывно слишком долго, и им требовалось время, чтобы остыть и подзарядиться, что им и обеспечивали подобные налеты на вражеские корабли. Но кроме всего прочего подобные атаки обеспечивали передышку и орудиям противника, и каждый старался, чтобы именно противная сторона выпустила свои истребители.

«Бейсты» без особых потерь добрались до своей цели и, вступив в единоборство с федеральными «Лихтнингами», стали прокладывать дорогу штурмовикам «Фуриос» к линкорам и крейсерам. Большие корабли отчаянно защищались от подобной мошкары. Безмолвное пространство испещряли косые и длинные дорожки зенитной артиллерии, как только противник выходил из мертвой зоны в их сектора обстрела. В самой мертвой зоне бой

вели уже известные «Лихтнинги».

Авиация не могла нанести серьезный вред кораблю как таковому, впрочем, перед ней и не стояла такая задача, истребители были опасны по-своему. Своими пушками и ракетами они могли повредить стартовые шахты торпед, уничтожить датчики и антенны, оставив корабль без зрения и связи. И если им будет сопутствовать удача, то вполне реально могли вывести из строя целую лазерную пушку. С десятков таких налетов – и кораблю требовался капитальный ремонт.

Что и случилось. Восемь «Бейстов» ударили одновременно, десять ракет и две тысячи снарядов разворотили в рваные клочья лазерную установку. Это не осталось безнаказанным, и три истребителя разлетелись на куски от попадания в них сразу двух, а то и трех залпов зенитных орудий. Еще одного догнал легкий на подъем защитник «пегас» и, зайдя в хвост, расстрелял своего противника из четырех пушек, сразу истратив половину боекомплекта. На подвесках у него висели еще три ракеты, и он поспешил к тройке прорывавшихся штурмовиков «Фуриос».

Несмотря на такие неудобства, флот медленно, но верно продвигался к планете. Этому не могло помешать даже то, что один крейсер на маневровых движениях выходил из боя и прятался за луну, где ждали своей очереди, чтобы вступить в завершающую фазу битвы, десантные корабли. Но до этой фазы было еще далеко.

Истребители противника отошли, в дело вновь вступила тяжелая артиллерия. Яркие вспышки лазеров били по толстой броне вражеских кораблей, снимая слои защиты. Болванки снарядов с электрическим треском покидали жерла пушек, оставляя за собой едва различимый тающий свет.

27

Прямое попадание, потряхнувшее флагманский авианосец «Троя», заставило мигнуть свет, но не более того. Попадания были делом обычным, к этому давно все привыкли и уже не обращали внимания. Ну что в этом могло быть такого? По тебе пару раз вмазали, да ты влепишь, главное – не стоять на месте, и тогда будет все тип-топ.

Кают-компания была заполнена командирами звеньев истребительной и штурмовой авиации в лице двадцати трех пилотов, у каждого из которых в подчинении было по двадцать опытных летунов.

– Итак, господа, – произнес генерал Гай Назар. – В этом бою у вас будет первое осмысленное задание, от которого, я не побоюсь этого слова, зависит исход кампании. По последним данным, через полчаса к нам прибудет подкрепление, которое доведет нашу группировку до пятидесяти пяти кораблей и тем самым обеспечит нам двадцатипроцентное преимущество. У нас очень много десантных транспортов, закрыть их нечем, и потому, как только они придут, должны будут сразу же начать высадку десантных подразделений. Ваша задача... Берендж, включи экран.

Майор включил. На экране появилось изображение района планеты. На ней условными значками были помечены слабовыраженные точки искусственного происхождения.

– Итак, господа, – продолжил Назар. – Мы выявили самое слабое место в их, прямо скажем, превосходно организованной обороне. Это комплекс ПКО, прикрывающий поверхность в радиусе трехсот километров. Уничтожив его, мы обеспечим себе окно двадцатикилометровой ширины и стодвадцатикилометровой длины. Задача: уничтожить пункт связи, вот он, – генерал палочкой ткнул в кружок. – А также заблокировать пусковые шахты, их немного – всего-то пятьдесят штук, на тот случай, если пункт связи окажется отвлекающей фигурой. На случай, если вас попытаются обидеть еще до начала выполнения задания, вы пойдете под прикрытием сотни «Фрогов».

– Но, сэр, это же совсем дохляки, они даже противоракетный маневр сделать нормально не могут. Я удивляюсь, как они вообще в бою друг друга не сбивают...

– Какая тебе разница, Штур. Они просто будут вас прикрывать... Кстати, ты и

поведешь всех в атаку.

- Как скажете, сэр, – сказал майор Кевин Штур, оставшись при своем мнении.
- Не понял...
- Так точно, сэр!
- Тогда по коням!

* * *

Почти четверть малой авиации покинула свои авианосцы и авианесущие крейсера. Почти пятьсот истребителей «Лихтнинг» и штурмовиков «Коршун», как выразился генерал, прикрывала сотня «Фрогов», устаревших машин фронтовой поддержки.

Кевин, командир штурмового звена, одновременно презирал и жалел этих пилотов. Эти пацаны захотели почувствовать себя крутыми, и им дали такую возможность. Обучив их в течение трех месяцев, бросили в бой. Хотя, как считал Кевин, научить нормально воевать за такой короткий срок нереально. Сам он учился долгих пять лет и за свою пятнадцатилетнюю карьеру успел поучаствовать в семи больших и малых кампаниях.

«Фроги», в отличие от настоящих профессионалов, летели неровно, некоторые машины делали дерганные рывки. Один даже попытался сделать фигуру высшего пилотажа, из чего Кевин сделал заключение, что пилоты в бою первый раз. Что не улучшило ему настроения.

– Похоже, командир, это самая большая наша кампания. Никогда не видел столько бортов сразу в единовременном выходе.

– Да, Стив, – согласился майор со своим капитаном, который был с ним с самого начала. – Разве что при Шаллейне было столько же.

– Пожалуй, ты прав... – и после короткой паузы добавил: – Хорошо мы тогда им задали!

– Не то слово, – ответил Кевин, впрочем, без особого энтузиазма. В том бою он потерял половину своей группы, сам горел, горел и его приятель Стив. И еще было неизвестно, кто кому задал... Но всего этого он не сказал, поскольку связь была общая и не стоило говорить об этом при новых членах группы, которые знали о той схватке только понаслышке.

Воспоминания отвлекли его внимание на какое-то время, но этого времени оказалось достаточно, чтобы ситуация предстала перед его взором совсем в ином свете.

Откуда ни возьмись появилось до полутысячи «Бейстов» и «Фуриосов». Откуда они взялись, майор Штур даже не представлял, разве что с самой планеты. Вот только радар показывал, что в чужом строю есть более крупные метки, чем истребители и штурмовики.

«Фроги» рванулись вперед. Они стали расходиться широким веером навстречу своему противнику. Наконец радар описал неясные цели, и то, что Штур увидел, ему не понравилось.

– Назад! – крикнул Кевин.

– Господин майор? – переспросил один из его пилотов.

– Это не вам... им.

– Да не переживай ты так, – сказал Стив. – Сами должны понимать. Не в игрушки играем...

«Фроги», и без того порядочно оторвавшиеся от основной группы, по-прежнему неслись вперед во весь опор. Треть их уже открыла преждевременный пушечный огонь, не наносявший абсолютно никакого вреда опытным пилотам противника. Им навстречу вышли тупоголовые минеры и, подпустив противника поближе, выбросили свои минные сети. Из сорока минеров, тут же сбавивших ход, вылетело около пяти тысяч маленьких бомб, которые широкой стеной отгородили две несущиеся друг на друга лавины истребителей.

Новички попытались затормозить и увернуться от опасности, выпустили ложные мишени, но все было бесполезно. Частые вспышки взрывов косили неопытных пилотов «Фрогов». Особенно неудачливым доставалось по две, а то и по три мины. Несмотря на это, мало кто погиб от самих взрывов. Минная шрапнель выводила из строя технику, била

колпаки кабин, превращая машины в плохо управляемую грудю железа.

– Давай, парни, поднажмем, – передал всем Кевин и сам увеличил скорость хода. Надо было выручать сопляков, чтобы их совсем не передавили.

Звено майора Штура первым, увлекая за собой остальных, бросилось вперед, на помощь «Фрогам», которые действительно нуждались в защите. Первыми подранков настигли «Бейсты» и стали их добивать, поражая ракетами, ненужными в предстоящем ближнем бою. «Фроги» огрызались как могли, но сказывался недостаток опыта. В итоге, когда подоспели те, кого они должны были прикрывать, от всей сотни осталось более или менее целыми двадцать пять машин, еще десять пятились назад, остальные смешались со звездным ветром.

Звено майора Кевина Штура первым вклинилось в перестроившиеся порядки противника. И сразу же в ход пошли пушки. Кевин действовал в паре со Стивом: отстреливая длинную очередь, он отсекал выбранную жертву от пути отступления, и тут в дело вступал капитан, который уже расстреливал мишень из своих пушек и пулеметов.

– Кевин, дожимай его!

Майор пытался, но ничего не выходило, «Фуриос» был слишком вертким.

– Не могу, Стив.

– Ну и хрен с ним...

Такая тактика срабатывала далеко не всегда, вот и сейчас Стив только всадил пару снарядов в крыло «Фуриоса», не причинив ему большого вреда. Все дело в том, что сейчас им мешало ракетное и бомбовое вооружение, висевшее на подвесках. В комплексе оно было достаточно тяжелым и затрудняло маневрирование.

– Не забывайте о задании, – напомнил всем майор, заметив пуски ракет.

– Есть, сэр...

Отвлечшись на секунду для передачи приказа, он сразу получил пару попаданий по корпусу. Броня выдержала, но нужно было торопиться.

Кевин сел на хвост первому же попавшемуся «Бейсту», хотя тот пытался сбросить своего наездника. Штур был вынужден признать, что этот малый – хороший пилот и вот-вот сорвется с крючка. Тогда он на форсаже нагнал истребитель и стал расстреливать его двигатели из пушек, пока они не задымили, и как только пилот катапультировался, отстал от него, переключившись на другую, менее прыткую мишень.

– Слишком долго, командир. Я имею в виду...

– Вижу! – оборвал Кевин объяснения напарника, догадавшись, что именно тот хотел сказать.

Атакующая масса авиации слишком медленно продвигалась вперед. Ее умело сдерживали противостоящие ей айманские самолеты, к тому же появились первые потери. Только у майора Штура погасли два значка из двадцати одного, еще два значка окрасились в красный цвет, что означало их плачевное состояние. И он понял, что у других звеньев дела обстоят не лучше. К тому же, как он полагал, скоро к противнику подоспеет подкрепление, и тогда они точно завалят задание на корню.

Майор Штур переключился на флагман и напрямую связался с генералом Назаром.

– Сэр, атака захлебнулась, ваши «Фроги» сели в лужу...

– Не время для обвинений, твое предложение?

– Предлагаю оставить на месте «Лихтнинги», пусть они развернутся в полную силу, а мы тем временем под их прикрытием прорвемся к планете, поскольку загрузка у «Коршунов» все же побольше будет. Силенок, конечно, все равно не хватит для стопроцентной реализации задуманного, но это все же лучше, чем ничего, – быстро протараторил Штур, одновременно ведя бой. Последняя его очередь срезала кончик крыла «Бейста».

– Действуй.

– Есть, сэр.

– Всем, всем, общий приказ. Истребительная авиация остается для прикрытия прорыва

штурмовиков. Задайте им жару, ребята!

С «Лихтнингов» в массовом порядке стартовали все ракеты, а бомбы ушли в свободное движение. Пуск был настолько неожиданным, что половина ракет достигла своей цели, и десятки «Бейстов» и «Фуриусов» исчезли в ярких вспышках или же просто вышли из свалки. Когда после такого удара потери сторон сравнялись в пропорции один к одному, «Коршуны» предприняли свой бросок к Тайтару. И вовремя. К месту схватки спешили точки истребителей, и они явно намеревались сразаться не за Торговую Федерацию.

28

К моменту входа в атмосферу планеты звено Кевина Штура насчитывало пятнадцать штурмовиков. Самолет трясло в сильно разреженной атмосфере, одна бомба сорвалась с крепления и ушла в сторону, к счастью, никого не задев.

Когда самолеты спустились ниже, подал голос бортовой компьютер, оповестив о начале их обстрела комплексами ПВО. Кевин и сам скоро увидел на фоне чистого неба белые ниточки, тянущиеся с земли прямо к ним. Их было очень много, противник хорошо подготовился к прибытию «гостей».

– Включить «шторм», – на всякий случай приказал майор, и сам активизировал прибор подавления систем наведения ракет.

Штурмовики разошлись в стороны, чтобы обеспечить себе и другим простор для маневрирования. От ракет было не так-то просто избавиться. Наконец, дистанция сократилась до критической, и пошли противоракетные маневры. Каждый пилот применял то, что у него лучше всего получалось.

Штурмовики, гроздьями выпуская тепловые и электромагнитные шашки, падали отвесно вниз или же делали крутые развороты, увлекая свои ракеты за собой. «Шторм» мешал ракетам действовать, их движения были не столь точны, они ошибались в выборе цели и подрывались на обманках. Но хитрая электроника была не всемогуща, и если пилот допускал оплошность, ракеты использовали это и подрывали свою цель.

На экране погасла еще одна метка и еще одна окрасилась в красный цвет, ее пилот катапультировался. Сам Кевин легко ушел от двух посланцев смерти, их осколки только посекали краску на корпусе его самолета, но это было не страшно. Главная неприятность была впереди – чисто атмосферные «Томтиты», легкие и резвые машины воздушного боя. Их было не очень много, но до точки бомбометания было еще далеко.

– Третья и пятая эскадрильи, возьмите противника на себя, – приказал Штур.

– Третий понял.

– Пятый принял.

Тридцать пять штурмовиков, сбросив бомбы в чистое поле, ушли вперед. Их было немножко меньше, но Кевин понимал, что они смогут связать айманов, обеспечив чистый проход, а вот во что это им обойдется, это уже другой вопрос.

«Коршуны» сошлись с «Томтитами» лоб в лоб. Пушечная стрельба и ракетные залпы с обеих сторон срывали броню с летящих машин, и вскоре стали падать первые самолеты. Завязалась самая настоящая карусель, но тяжелые машины явно проигрывали.

– Крэг! Крэг, уходи, – слышал майор чей-то голос.

– Ээ... – хрипело в ответ.

Было удивительно, как среди кошмарного гвалта переговоров кто-то мог вылавливать обращенную к нему информацию. Кевин не раз задавал себе этот вопрос, ведь и он тоже отсеивал ненужные звуки. «Наверное, все дело в опыте, – решил он. – Или еще в чем-то...»

– Бриг, сзади на семь, верх двадцать!

– Понял!

И один из «Коршунов», развернувшись, буквально на месте задрал вверх нос, открыл огонь из всех восьми пушек по обозначенной цели, севшей ему на хвост. Как бы ни был легок и резв «Томтит», от такой лавины огня он уйти не смог, и, теряя плоскости, стал падать

вниз. Атмосферный бой имел свою специфику.

Малоподвижный штурмовик, только что уничтоживший своего противника, сам оказался на прицеле. Два «Томтита», зашедших сверху и сбоку, стали расстреливать неуклюжий самолет, зажимая его в тиски. Куски ячеистой брони слетали с корпуса штурмовика, пытавшегося выйти из неудобной позиции, но получалось у него плохо, уйти в пике он не мог, было слишком низко. Вскоре корпус был пробит, и он взорвался, пылающие обломки свалились на землю.

– Весело у них, – услышал Кевин далеко не веселый голос Стива Олуша.

– Зато они выполнили свою задачу.

Действительно, остальные штурмовики непотревоженными обошли беспокойное место, разве что шальные снаряды время от времени чиркали по их броне. Позади еще продолжалась схватка, уносившая жизни пилотов как с той, так и с другой стороны, когда впереди показались точки долгожданной цели. Но и она, по всей видимости, не собиралась покорно дожидаться своей гибели. В небе снова появились ракеты и, в довершение к ним, добавились росчерки зенитной артиллерии.

Штурмовики умело уходили с линии огня, ракеты взрывались в опасной близости, но пока не наносили ощутимого вреда, отклоненные «штормом».

– Первая эскадрилья в атаку, – скомандовал майор Штур и первым направил свой самолет к цели.

Ракетный залп ушел к земле, и через несколько долгих секунд на ней появились частые взрывы. Вот только поражали они что-то не то. Ракеты необъяснимым образом расходились, резко меняя курс своего движения, и взрывались далеко от своей цели.

– Попадание тридцать процентов, – объявил капитан Олуш. – Кажется, у них работает аналог нашего подавителя.

– Вижу, только где он? Ладно, второй эскадрилье провести бомбометание.

Новая волна прошла над целью и, уклоняясь от зениток, сбросила своих тупоголовых посланцев, как в прямом, так и в переносном смысле. С бомбами дело обстояло гораздо лучше, они просто падали без всяких там умных систем наведения – и их результативность оказалась гораздо выше. Тяжелые взрывы курочили выходы ракетных шахт, выводя из строя систему ПКО.

А вот система ПВО продолжала работать, не останавливаясь, и две машины уже грохнулись о землю. Под этим огнем Кевин искал что-то, что могло хоть как-то напоминать систему подавления. Ее нужно было найти, поскольку бомбами дело было не решить из-за их дефицита.

– Утю-тю, – прозвучал чей-то плохо различимый, но задорный голос.

Кевин невольно отвлекся и поискал глазами лейтенанта Цымблевича, как ему показалось, это был он. «Коршун» Цымблевича делал пикирующий заход параллельно траншее, окружавшей пост связи, который, как показалось Кевину, был бутафорским, уж очень легко он был уничтожен.

Траншеей в спешном порядке покидали ее защитники, прыгая кто куда и понимая, что им сейчас предстоит пережить. Штурмовик выровнял полет и, не обращая внимания на автоматный огонь, открыл стрельбу из своих пушек. Разрывы снарядов широкой полосой накрыли траншею вместе с разбегающимися солдатами.

Штурмовик Штура летел на бреющем полете, уклоняясь от трасс снарядов, и с помощью аппаратуры искал айманский аналог «шторма». По брюху «Коршуна» прошла очередь, и он открыл огонь в ответ. Частые земляные фонтанчики бежали к своей цели – удирающей передвижной зенитной точке. Когда зенитчики наконец поняли, что им не уйти, они выпрыгнули из машины, в этот момент очередь Штура распоролла самоходку, а детонирующий боекомплект довершил разрушение, оставив от зенитки лишь корявый остов.

К бомбометанию приступила четвертая эскадрилья. Высоко в небе оставались еще два загруженных звена, которые вот-вот должны были приступить к своей работе. Остальные

машины так же, как он, гонялись за надоедливymi зенитками.

– Командир, кажется, я нашел...

– Где?

– Вон там между двумя кустиками.

– Да тут этих кустиков...

– Да вон же, самые пушистые, даже подозрительно пушистые.

– Вижу.

Кевин действительно увидел указанные Стивом кусты, а пролетев над ними, заметил едва различимую решетчатую антенну, запрятанную в них. В довершение ко всему, по нему открыли прямо-таки ураганную стрельбу, окончательно убедившую его в правильности догадки своего напарника.

Второй заход майора над подозрительными кустиками совпал с атакой шестой эскадрильи, которая отвлекла от него внимание зенитной артиллерии. Аппаратура никак не хотела брать в захват какие-то деревца, и Кевину пришлось прицеливаться вручную. Когда цель оказалась в прицельном квадратике, он сбросил сразу две бомбы.

Ударная волна от их взрыва догнала штурмовик, слегка его потрянув, а когда он посмотрел на дело своих рук, то увидел там только глубокую воронку. Для проверки действенности бомбометания – в конце концов, антенна могла быть простой уловкой – он пустил одиночную ракету, которая легла точно в цель, без всяких признаков влияния со стороны.

– Продолжить ракетную атаку.

– Давно пора.

– В чем дело, Стив?

– На радаре метки, к нам гости. Примерно с полсотни...

– Тогда быстренько сбрасываем все, что есть, и уносим ноги, – проговорил майор и пустил оставшиеся две ракеты и последнюю бомбу.

Завершающий, самый точный заход смял последние антенны связи и заклинил большинство крышек ракетных шахт. На этот раз зенитки им не мешали из-за полного отсутствия таковых в пределах видимости, исключение составляли обугленные... Возможно, были еще шахты, засыпанные песком и с высаженными на них бутафорскими кустами, но проверить это было уже невозможно. Айманские истребители были совсем близко и в отличие от штурмовиков имели полный боекомплект.

– Все, все уходим, – поторопил остальных Штур. – Они уже совсем близко.

– Есть, командир.

Оставшиеся штурмовики, потеряв только здесь десятерых, хорошо хоть не всех погибшими, стали набирать скорость для выхода на орбиту. За ними гнались «Бейсты», но отягощенные вооружением и топливом, они явно отставали.

– Оп-ля!

– Что еще? – не понял Кевин.

– Кажется, мы там не все раздолбали.

– Это естественно, – ответил майор и посмотрел на показания бортового оборудования. – Черт!

– Вот и я о том же.

Истребители противника отстали, но теперь их преследовал более опасный враг – тяжелые ракеты ПКО.

– Видимо, мы им сильно насолили, раз они не пожалели для нас такого подарка. Кажется, это «гравистоны», три штуки.

– Охх... – тяжело выдохнул Кевин. – Всем рассредоточиться.

Впрочем, пилоты все слышали и уже расходились во все стороны. Никто не хотел попасть под удар этой ракеты, выбиравшей самое большое скопление целей. Далеко уйти не удалось, три мощных взрыва, раздавшихся совсем рядом, заполнили небо ярким светом, пробивавшимся даже через светофильтры и веки, ослепляя пилотов. Многие из них погибли

бы, если бы не подготовились заранее и не прикрыли глаза рукой. Но все же потерь избежать не удалось – и на этот раз, шесть «Коршунов» стали падать вниз, нафаршированные поражающими элементами «гравистонов».

Несколько снарядов пришлось и в машину Кевина Штура, заставив чихнуть двигателя. Перебитые системы перешли на дублирующие каналы, и все же один двигатель сдох окончательно, но это было уже не страшно – уцелевшие вышли на орбиту планеты, а тут можно было лететь и на одном.

– Это просто издевательство, – пробормотал Кевин, увидев впереди по курсу «Бейсты», которых было значительно больше, чем их.

– Да, если судьба в плохом настроении, то это надолго, – согласился Олуш. – Хотя... вон там два блика было.

– Торпеды. Ну, хоть что-то. Нужно овладеть всем их вниманием, в атаку!

Пилоты «Бейстов» удивились, но приняли вызов, тем более что они и так собирались разделаться с ослабевшим противником. Хотя ждали здесь совсем других – неповоротливых десантных шаттлов.

– А теперь врассыпную!

«Коршуны» молниеносно выполнили приказ и разошлись в стороны, оставив в легком недоумении айманов, предвкушавших легкую победу. Тем временем две торпеды приблизились на критическое расстояние, и когда их заметили «Бейсты», было уже поздно. Торпеды раскрылись и выпустили две сотни маленьких ракет, которые выбрали себе цели.

Пять машин взорвались сразу, еще с два десятка оказались сильно поврежденными, остальным удалось отделаться лишь легкими царапинами. После такой демонстрации своеобразных космических кассетных бомб, айманы предпочли за лучшее вернуться на свои авианосцы.

– Ну, вот и все, – устало сказал майор Штур, когда они подходили к ячейкам своего авианосца.

– Поздравляю, – влез генерал Назар на частоту пилотов, как это он обычно любил делать. – Вы практически выполнили задание и в какой-то степени даже перевыполнили.

– Спасибо, сэр, – поблагодарил Кевин, – но в следующий раз избавьте нас от присутствия «Фрогов».

– Что ж, учту...

* * *

Генерал поморщился, он не любил признавать своих ошибок, но тут должен был согласиться с майором Штуром. Генерал понимал, что из-за своего ощущения непогрешимости, которое иногда обострялось, задание было выполнено не до конца, что в свою очередь привело к ненужным потерям, которых можно было бы избежать, прислушайся он к чужому мнению. Вот и сейчас, если бы он поставил вместо «Фрогов» нормальные соединения, не случилось бы разгрома в самом начале и не пришлось бы жертвовать половиной атакующей массы для прикрытия другой половины.

– Господин генерал, подкрепление уже в зоне видимости радаров. Через двадцать минут они будут здесь.

– Хорошо, Бик, начинаем обходной маневр.

– Есть, сэр.

Майор Беренд отдал честь и стал передавать приказание генерала.

Несколько крейсеров, набирая скорость, стали демонстративно обходить планету с полюсов, намереваясь зайти в тыл противника. На них долго не обращали внимания, понимая, что это всего лишь отвлекающий маневр, но лишь до тех пор, пока те не открыли огонь. Айманским крейсерам волей-неволей пришлось развернуться для отражения атаки, а чтобы не подставлять слабые места под огонь основной группировки противника, им пришлось отойти в сторону, закрывшись планетой.

Тем временем вновь прибывшим кораблям передали координаты прохода, и те, не задерживаясь дольше положенного, стали формировать ударную группу. С транспортных кораблей сбрасывались десантные шаттлы, а из авианосцев выходили малые борта огневой поддержки для расчистки пути неуклюжим ботам.

Поступил сигнал, и они все на предельной скорости под огнем противника ринулись к планете.

29

Большая скученность угнетала Брюстера и, как оказалось, не только его. Корабль был просто переполнен солдатами, они были на всех палубах, в каждом его уголке. Полет продолжался без малого неделю, и беспричинные стычки были не редки, но капралам и сержантам удавалось гасить их в самом начале, без помощи военнопольского патруля, курсировавшего по палубам на своем электрокаре.

Причиной ссоры мог быть даже косой взгляд или какая-нибудь прошлая обида, вспыхнувшая с новой силой и не погашенная тяжелой работой, как раньше на базе, когда все валились без сил и мечтали только добраться до койки и ни о чем не думать, погрузившись в царство сна.

В помещение вошел офицер с тремя подчиненными.

– Меня зовут капитан Лих Шенкс, буду командовать вашей ротой. Времени на раскачку у нас нет, а потому сразу назначаю вам ваших непосредственных командиров. Вот лейтенант Ситс Торк, – при этом Шенкс показал на молодого лейтенанта. Позади него стояли люди в возрасте. Капитан представил и их. – А это сержанты Гэри Балле, он берет первые три взвода, и Гези Фейс, соответственно четвертый и пятый взвод. Вопросы, пожелания? – спросил капитан таким тоном, что сразу стало понятно, лучше его не спрашивать. Никто и не пикнул. – Вот и хорошо. Объявляю двадцатиминутную готовность.

– Все еще хуже, чем я ожидал, – признался Макс, когда капитан с лейтенантом ушли.

– А чего ты ожидал? – спросил Стюарт Эстевес.

– Ну, я не знаю, наверное, сначала расквартировали бы нас, а потом уж, объяснив, что к чему, так сказать, поставили бы задачу... а то сразу в бой.

– Проверить обмундирование и исправность оружия, – заходили по рядам сержанты.

– Так неделю уже проверяем...

– Фамилия, солдат?!

– Рядовой Минк, сэр.

– Упал-отжался, двадцать раз!

– Есть, сэр.

– Кто-то еще что-то хочет сказать? – спросил сержант, когда Минк стал отжиматься. – Я так и думал. А теперь проверьте свое оружие.

– Прямо звери какие-то, – хмуро сказал Бертрольд.

– Просто они идут с нами, и вряд ли кто-то из них хочет подохнуть только из-за того, что у какого-то новичка не сработает автомат, когда это необходимее всего, – встал на защиту сержантов Стюарт.

– Ладно, давайте еще раз все проверим, – согласился Брюстер.

– Пожрать бы, – протянул Кастор Мешко, разбирая свой «спрут».

– Ага, чтобы пуля в брюхо попала, и ты сразу подох?

– Макс, ты в последнее время какой-то не такой...

– Нервничаю просто.

– Понятно. О, опять этот задохлик идет.

По коридору шел необычайно щуплый матрос с невероятно оттопыренными ушами. От нечего делать все слушали его болтовню о технических характеристиках различных систем корабля. Он тоже хотел казаться значительным на фоне этих покрытых броней солдат.

Однажды он попросил, чтобы ему дали облачиться в полную экипировку солдата.

– Тяжело, – сказал он тогда. – Наш рабочий скафандр и тот легче.
– А зачем он вам? – спросил Макс.
– Ну, проникать в разгерметизированные помещения или что-нибудь починить на внешнем корпусе судна. Скажем, фокусатор поправить там...

Вот и сейчас он направлялся прямо к ним, представляя собой довольно забавную картинку.

– Привет, Джордж, как жизнь? – поинтересовался Кастор.

– Помаленьку. Ну вот мы и прибыли, всего за пять дней пути, – сказал Джордж, будто без него корабль плелся бы в два раза дольше, а он и есть причина такой феноменальной скорости. – А то раньше для преодоления такого расстояния требовалось не менее двух недель.

– Что же произошло, что так увеличились ходовые возможности? – спросил Макс, чтобы хоть что-то спросить и отвлечься от тяжелых мыслей.

– А это довольно интересно. Технологический скачок произошел незадолго до окончания войны между империями и их распада.

– А что случилось незадолго до окончания войны и распада империй? – снова поинтересовался Макс, подмигнув друзьям.

– А тут еще интереснее...

– Ну и?

– Из глубин космоса вернулся потерявшийся было дальний разведчик. Он был в плачевном состоянии весь в непонятных пробоинах. Поговаривают, что он видел то, чего не видел никто, и более того, вернулся не с пустыми руками, – перешел на шепот матрос. – Говорят, что разведчики столкнулись с инопланетянами,

– Да ладно тебе... – махнул рукой Кастор. – Инопланетяне...

– Да-да, инопланетяне! – с жаром повторил Джордж. – Они попытались захватить людей, но сами получили по сусалам от бывших военных, составлявших большую часть команды, среди которых были даже контрабордажники. И потом как иначе объяснить то, что весь экипаж погиб через месяц после возвращения.

– И как же?

– Наверное, их здесь уже спецслужбы всех и перебили...

– Зачем? – замороженно спросил Брюстер. Его вдруг заинтересовал рассказ матроса.

– Чтобы лишнего не болтали. Хотя, может статься, что все это пьяные байки.

– Что ты хо...

Вдруг послышался глухой удар, после которого корабль легко тряхнуло. Затем еще раз и еще. После третьего удара у Макса заложило уши так, что даже стало немного больно, и он судорожно сглотнул.

Все вскочили, не понимая, что происходит. Только Джордж восхищенно проговорил:

– Ух, ты! Тройное попадание.

– Что происходит?

– Где-то произошла разгерметизация, это далеко от нас, рядом с машинным отделением. Нам нечего беспокоиться.

– Так что ж ты сидишь?

– Я член палубной команды, как говорит наш боцман, – самый никчемный народец на корабле. А если серьезно, мне там действительно делать нечего, это же не пожар. Место разгерметизации просто отсекается переборками, вот и все.

– Так по нам стреляют?! – спросил кто-то из солдат, сидевших рядом.

– А я о чем сейчас рассказывал? Конечно, стреляют, но беспокоиться не о чем. Такие попадания очень большая редкость.

Взвыла сирена, протяжная и противная, заставлявшая звенеть изнутри череп.

– А сейчас что произошло, – спросил Бертрольд.

– А это уже для вас...

И действительно, появились капитан с лейтенантом. Вскочили сержанты и сразу

заорали:

– Построились! Занять места в десантных ботах. Живее!

Джордж помог открыть ближайший люк, который и оказался входом в десантный шаттл третьей роты.

– Желаю удачи, – сказал он.

– Спасибо, – ответил Макс за всех, залезая в люк. – И тебе всех благ.

30

Максу Брюстеру несказанно повезло, он сел около иллюминатора, чего с ним никогда не случалось даже во время тренировок, а потому мог все видеть. Посмотреть было на что. Сотни «Элепхантов» и «Раббитов» отделились от своих несущих кораблей, за ними с легким толчком отправился бот третьей роты. Немного позже к ним присоединились самолеты. Когда те пролетели рядом, Макс опознал в них «Лихтнинги» и «Фроги», о них и их противниках рассказывали на теоретических занятиях в учебке.

– Вот и все, – прошептал Макс, – назад пути нет.

– Ты чего там бормочешь? – спросил Кастор.

– Да так, о своем...

– Не дрейфь, прорвемся, – приободрил Стюарт.

– Знаете что...

– Что, Макс?

– Я в туалет хочу, что-то уж больно мочевого давит, хотя недавно ходил, и это... – Брюстер неловко подвигался под держателем, – ноги как ватные.

– Пройдет...

– А я, кажется, уже обделался, – признался Бертрольд. – Но почему-то не мокро.

– Потому что специально для таких, как ты, памперсы придуманы, – ответил Стюарт и повторил. – Пройдет... если выживете. Если мы все выживем.

На этой невеселой ноте все замолчали, и Макс снова уставился в иллюминатор. Картинка там заметно изменилась. Сопровождающие машины обменивались ракетными ударами с противником, отгоняя их от транспортов, особо непонятливых отсекали пулеметным и пушечным огнем. Снаряды яркими точками рассекали пространство, складываясь в длинные дорожки.

Но противник, по всей видимости, попался не из робкого десятка или даже, скорее, сотни и продолжал свое продвижение к заветной цели, за чем заворожено и наблюдал Брюстер, расплющив нос о стекло иллюминатора.

Вскоре в горячей схватке космического боя появились первые жертвы. Поначалу отдаленные взрывы машин становились все ближе, и зачастую теперь горели защищавшие конвой истребители. Но несмотря на это, «Элепханты» продолжали свое движение, практически не меняя курса.

Рваные полеты, погони друг за другом с беспрестанной стрельбой. Заходы на виражи и беспорядочное вращение подбитых машин с отрывом их различных поврежденных плоскостей. Все это было в каких-то двух километрах от конвоя. И несмотря на приличное расстояние, было все отлично видно.

– Ты чего так прилип? Макс!

– А? – оторвался тот от стекла. – Чего?

– Что там? – переспросил Стюарт.

– Там? Там натуральный кошмар в концентрированном виде...

– Что ты мелешь? Дай посмотреть.

Брюстер, как мог, отклонился на жестком сиденье назад, освобождая пространство для перегнувшегося через Кастора Стюарта.

– Ого! Действительно кошмар, – согласился с Максом Стюарт и уже с изменившимся лицом тихо добавил. – Только не это...

– Аа!.. – дико заорал Кастор.

– Да что там происходит?! – истерично выкрикнул Бертрольд, который сидел дальше всех от иллюминатора и не имел возможности что-либо увидеть, тем более из-за широкой спины Эстевеса.

Но его уже никто не слышал. Все, кто сидел по правому борту, дико орали, вызывая у остальных, мягко говоря, сильное чувство тревоги. Но и они скоро догадались, в чем дело, и теперь орали сто пятьдесят глоток. Тем более что кто-то с сильным голосом выкрикнул:

– Нас сейчас подбьют! В куски порвут!

– Подбьют, подбьют!!! – вторил другой.

Брюстер медленно повернул голову, ожидая увидеть что-то действительно ужасное, и увидел. Пятерка «Бейстов» уже практически заканчивала расстреливать тройку «Фрогов», от них летели фрагменты корпуса, и вскоре один из них взорвался. Спустя мгновение сквозь вспышку света проскочил один из айманских истребителей и пустил три последние ракеты со своих подвесок, а в довершении ко всему открыл пушечную стрельбу.

Трасса снарядов пролетела мимо, чего нельзя было сказать о двух ракетах, третья сразу ушла в сторону, отклоненная невидимым лучом «шторма». Перекручиваясь друг относительно друга, как в змеином танце, они стремительно приближались к борту «Элепханта». Сам «Бейст» заходил на второй виток, как бы между делом добивая последний оставшийся «Фрог», который, вот чудо, сумел сбить одного из своих противников. Остальные три «Бейста» готовились прикрыть атакующего собрата от двух подоспевших «Лихтнингов».

Казалось, рев внутри транспорта достиг своего пика, поскольку две из трех выпущенных ракет были совсем близко. Все понимали, что вряд ли броня выдержит двойное попадание. Но тут «Элепхонт» выпустил целое облако разнообразных по действию противоракетных ловушек и шашек, способных защитить транспорт от ракет с самым разным принципом наведения.

Две ракеты действительно не прошли сквозь такой мощный заслон, сработав на ловушки. Но вот «Бейст» уже зашел на линию атаки и снова, более тщательно прицелившись, выпустил целый рой снарядов. Они с глухими ударами врезались в борт шаттла рядом с местом Макса, и он увидел, как что-то отлетело от борта. «Куски брони!» – догадался он.

Вибрация повторилась, но теперь она была несколько иной, и прежде чем Брюстер понял, в чем дело, он увидел две трассы снарядов, исходивших явно от самого «Элепханта».

– Бей его! Бей! – кричал Макс вне себя от радости.

Ответный огонь помешал «Бейсту» завершить начатое, и теперь ему самому приходилось уклоняться от смертельной опасности. Светящиеся точки, выстроившись в линию, преследовали истребитель, совершавший немислимые кульбиты, одним словом, делавший все, чтобы не попасть под огонь.

Он уворачивался довольно долго и даже сам пару раз заходил в атаку, но неудачно. Точку в битве поставили подоспевшие «Коршуны». Они прогнали слегка подраненного противника, всадив ему еще пару снарядов, но преследовать не стали. Их задачей было защищать, а не атаковать. А через минуту и остальные айманские истребители отступили. До планеты оставалось совсем ничего.

– Ну, надо же! Я уж думал кранты нам, хи-хи, – истерично хихикнул Кастор. – Думаю все, ан нет, еще не все...

– А я обделался, как Бертрольд, – радостно сообщил Брюстер.

– О чем ты говоришь! Я вообще обосрался! Меня такой понос пробил, что кошмар просто. Даже не знаю, как быть, наши памперсы явно не рассчитаны на такую нагрузку.

– Да ладно, потом отстираемся, – сказал Макс. – Главное, живы остались.

– Это точно, – согласился Кастор.

– И как же я умудрился с такими засранцами познакомиться? – проговорил Эстевес. – Такое впечатление, что вам доставляет истинное удовольствие говорить об этом.

– Расслабься, Стюарт, мы просто очень рады, что остались живы, вот и все, – ответил на реплику Кастор Мешко.

– Понятно.

– Ну вот, кажется, скоро будет приземление.

Тайтар стал уже просто огромным желтым шаром с небольшим количеством темных трещин, означавших русла рек. И на этом фоне сотни десантных ботов. Вот только Брюстеру не понравились черные точки с едва различимыми белесыми хвостами, словно у головастиков. Вдруг одна из этих точек расцвела в ослепительно яркой вспышке, потом вторая, третья, четвертая... они все взрывались и взрывались до рези в глазах. Когда зрение восстановилось и перестали плясать чертики, Макс не обнаружил на своих местах по меньшей мере десятка два «Элепхантов». В их участии сомневаться не приходилось, поскольку еще трое камнем падали вниз в неуправляемом полете.

Снова появились черные точки, их было гораздо меньше, чем в первый раз, но и они могли нанести серьезный урон. Чтобы этого не случилось, их стали отвлекать на себя истребители, создавая своими машинами плотную группу, чтобы система наведения переключалась на них, и уводя ракеты от неповоротливых шаттлов. Но делали они это только в том случае, если по каким-то причинам «гравистон» не удавалось расстрелять из пушек или уничтожить своими ракетами, что иногда было не самым лучшим выходом из-за опасной близости челноков.

Как раз одну из таких ракет увели в сторону семь истребителей, но пилоты что-то не рассчитали, и она взорвалась раньше, чем они думали. Четыре «Лихтнинга» просто исчезли во вспышке, своими жизнями отведя угрозу от трех «Элепхантов». Остальных просто разбросало в стороны, и неизвестно было, остались они живы или нет.

31

Пусть и с потерями, но подавляющее большинство десантных челноков пробилось к планете и с жуткой тряской стало проваливаться к ее поверхности и точке высадки. Самолеты сопровождения ушли вперед, чтобы и дальше у десанта не возникало больших проблем.

– Запомните накрепко, – привлек к себе внимание капитан, когда тряска прекратилась. – Мы высадимся в двух километрах от точки ПВКО. Есть данные, что противник успел провести частичную передислокацию, и теперь там около пяти тысяч солдат и наверняка имеется тяжелая техника. Поэтому нам нужно как можно быстрее преодолеть дистанцию и захватить эту долбаную базу, пока они будут разворачивать тяжелое вооружение. А теперь приготовились.

Десантный челнок падал к земле, потом, как на учениях, он затормозил, и с одновременным ударом о почву раскрылись створки. Как оказалось, «Элепхант» создавал вокруг себя дымовую завесу поляризованного газа, чтобы противник даже через приборы не видел, что происходит. Подобная завеса обеспечила пару лишних секунд для высадки.

Макс Брюстер выскочил из шаттла и даже не понял, куда ему двигаться, в тумане он наткнулся на своего сержанта, свалив того с ног.

– Уроды! Вперед, что встали?!

– Есть, сэр! Только где находится этот «перед»? Ничего же не видно.

– Туда, урод, туда! – сержант озлобленно тыкал пальцем в пространство и, чтобы было понятнее, схватил Макса за шиворот и швырнул в указанном направлении.

– Понял, сэр.

Макс продолжил движение, а когда выбежал из облака, окончательно понял, куда направлен вектор атаки.

В двух километрах действительно находился холм, который и предстояло захватить. Туда с ревом неслись тяжелые танки, оставляя за собой шлейф высоко поднимающейся пыли. И Брюстер бросился вслед за одним из них.

– Макс, ты куда?! – услышал он по радио голос Стюарта, когда пробежал мимо них, залегших в какой-то яме.

– Вперед, за ним, козлы! – выкрикнул какой-то капрал, сделав попытку поднять лежавших солдат. – Не лежать, иначе вам придется бежать по открытому пространству, придурки!

Пыль уже забила Максу глаза и мерзко скрипела на зубах, прежде чем он вспомнил о существовании фильтра с очками. Когда он их надел, стало значительно легче, и тогда же он увидел фонтанчики взлетающей земли, но они были довольно далеко от него. Тому виной был танк, защищавший его и других солдат своей пылевой завесой.

В небе шел бой, рвались ракеты, и время от времени на землю падали останки летающих машин, принадлежность коих было уже не определить.

«ТК5» на ходу произвел выстрел, от которого заложило в ушах, несмотря на то, что танк ушел уже довольно далеко. После этого взрывы рядом с ним стали происходить с большей частотой. Но он продолжал, маневрируя, двигаться вперед, то перебегая зигзагом, то меняя скоростной режим с высокого до медленного, то почти останавливаясь. Несмотря на тактические ухищрения, танк не избежал страшного взрыва, накрывшего его покрывалом огня. Брюстер было уже подумал, что тот подбит, но нет, «ТК5» продолжил свой стремительный бег, как ни в чем не бывало.

Чем ближе было к холму, тем чаще стали появляться воронки от недавних взрывов. Второй раз танку не повезло, мощный взрыв опрокинул его, детонация боекомплекта подбросила вверх, а на землю упали лишь обгорелые и покореженные останки.

Оставшись без защиты, Макс прыгнул в ближайшую воронку, за ним посыпались остальные бойцы четвертого взвода третьей роты. Остальные подразделения попрятались в других близлежащих воронках. И вовремя, пулеметный огонь зачастил с утроенной силой по обнаруженному противнику, не давая высунуть головы.

– Что теперь? – тяжело дыша, спросил Брюстер, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Сидеть здесь и не высовываться, – также порывисто ответил Стюарт. – Или тебе захотелось погеройствовать?

– Да нет... – ответил Макс, хотя какая-то неведомая сила толкала его выбраться наружу из пятиметровой воронки и продолжить движение. Его всего прямо-таки колотило.

Стюарт осторожно вскарабкался к краю, сразу же скатился вниз и сообщил свои наблюдения:

– До подножия холма примерно двести метров открытого пространства и никаких природных укрытий, за исключением разве что жиденьких кустиков и покореженного танка с самолетом.

Сверху взорвалась граната, обдавшая всех песком, как дождичком.

– Но и сидеть здесь тоже нельзя, – отряхиваясь, сказал Макс. – Сейчас пристреляются и положат сюда пару мин.

В отдалении послышался очередной разрыв, после которого раздались жуткие крики раненых солдат. Второй взрыв оборвал их.

– Что ты предлагаешь? – спросил Кастор.

– Впереди есть еще воронки, нужно проскочить в них. На месте точно сидеть нельзя.

Второй взрыв минометного снаряда оказался значительно ближе, и целый вал песка обрушился на солдат.

– Хорошо, – согласился Стюарт. – Подбираемся к кромке и по сигналу бежим вперед. Поползли.

– Я... я не могу, – вдруг сказал какой-то солдат.

– Пошли, иначе тебе не выжить, – попытался уговорить человека Макс и протянул ему брошенный им автомат. – Пойдем.

– Не могу... – автомат снова отлетел в сторону.

– Брось его, у нас нет времени, – напомнил Стюарт Эстевес.

– Что ж, как знаешь.

На кромку воронки вылезли пятнадцать солдат и, выбрав самый тихий момент, когда защитники станции ПВКО отвлеклись на другие цели, они бросились вперед. Ноги проскальзывали в песке, но они все же бежали, хоть и не с такой скоростью, с какой бы им хотелось и какую они могли развить, будь земля немного тверже.

Сзади, после короткого свиста, раздался взрыв. Брюстер инстинктивно оглянулся и увидел только подлетевшую вверх каску оставшегося бойца. Сразу же после этого рядом пробежались две очереди. Их заметили, но слишком поздно, солдаты уже прыгнули в очередную воронку.

– «Чижик», «чижик», я «черепашка», ответьте... – кричал капитан в рацию. Рядом с ним лежал убитый лейтенант с солдатом, и Макс показалось, что капитан прикрывался ими, как щитом, от шрапнели. Но, несмотря на это, его нога кровоточила. – «Чижик», ну, наконец-то, «чижик», где самолеты, где эти долбанные самолеты?!

Брюстер посмотрел в небо. Действительно никаких летающих машин в воздухе не наблюдалось, разве что очень далеко, да и то вражеских.

– Что значит отступили ввиду превосходящих сил противника?! – уже откровенно орал капитан. – Только под моим командованием три тысячи бойцов! Было... Если через минуту не появятся штурмовики, нас можно будет сразу вычеркивать из всех ведомостей, вы это понимаете, господин полковник?! И клянусь, если не будет самолетов и я вдруг останусь жив, я вам лично вышибу мозги, господин полковник! Вы меня поняли?!

Капитан выключил рацию и только сейчас заметил вновь прибывших солдат.

– Кто такие?

– Третья рота, четвертый взвод, с частью пятого, – ответил Эстевес.

– Капралы есть?

– Нет, сэр. Синка убило еще в самом начале, сэр. Точно в голову...

– Тогда ты назначаешься капралом, – капитан показал на Стюарта. – Позже оформлю все документы. А теперь, капрал, разведай обстановку, а то они что-то затихли, подозрительно это...

– Есть, сэр.

Стюарт Эстевес снова вылез на кромку воронки и осторожно осмотрелся, после чего скатился вниз.

– Ну что?

– Все тихо, сэр, даже странно. Ведут только пулеметный огонь. Рядом с нами стоит подбитый танк, кажется, его кумулятивным снарядом... и еще... там у них какая-то бандура из песка вылезает.

– Что за бандура, капрал?

– Похожа на установку залпового огня, сэр.

– Что?! – капитан Шенкс отбросил в сторону тело лейтенанта и полез наверх. – Дерьмо! Капрал, дайте рацию!

Макс взял рацию, стряхнул песок и перебросил ее Стюарту, а тот в свою очередь передал ее капитану, который снова стал вызывать того, кого только что грозился убить:

– «Чижик», «чижик»! Я «черепашка», что с самолетами, где самолеты?... – в ответ что-то прохрипело. – Что значит завязли на орбите? Сейчас вся долина будет выжжена дотла! А у нас вся техника подбита... У нас ровно полторы минуты до того, как будет развернута система залпового огня. Черт! – Шенкс выбросил рацию, и она скатилась на дно. – Связь оборвалась. Кто умеет, можете начинать молиться...

Макс Брюстер лихорадочно соображал, одновременно думая о десятке вещей, никоим образом друг с другом не связанных. Умирать не хотелось, не для этого он записался к «торгашам». Но было очевидно, что атака без поддержки тяжелой техники и авиации захлебнулась, а помощи в ближайшие десять минут ждать не приходится. Когда она придет,

будет уже поздно. Им еще повезло, что здесь и сейчас не действуют айманские самолеты.

– Макс, ты куда собрался? – спросил Кастор. – Они вроде бы не предлагали сдаваться...

– Я не для этого. Стюарт, что-то говорил о танке, – ответил Брюстер, осторожно карабкаясь наверх.

– Он подбитый, – напомнил Эстевес.

– Ну, мне что нельзя даже посмотреть на него перед смертью?

– Можно, вот только нужно ли?

– Кастор, – позвал Макс, когда посмотрел на танк. – Как у тебя с теорией по танковому вооружению?

– Хреново, я больше спал.

– Все спали... с открытыми глазами...

– К тому же там стоит тяжелый «ТК5», а мы стреляли из легкого «БП11».

– Да какая разница, система-то одна, по крайней мере, я так думаю. Давайте хотя бы попробуем.

Не говоря больше ни слова, Макс вылез и побежал к танку, до которого было метров двадцать. Внешне танк выглядел целым, но вот оплавленное отверстие, размером не превышающее детского кулачка, говорило, что внутри все выжжено. Но поскольку боекомплект не детонировал, то можно было, по крайней мере, попытаться.

Макс влез на броню позади башни, и тут же по ней зашлепали пули крупнокалиберного пулемета, вышибая снопы искр. Он с трудом открыл задний люк, и в лицо ему ударил запах жженой резины, оплавленной синтетики и обгоревшей человеческой плоти. Брюстер снова надел респиратор, но запах пробивался даже сквозь него.

Слабый свет мешал разглядеть все подробно, к тому же в люк пролезали еще двое, и чтобы было светлее, Брюстер открыл башенную крышку.

– Вот черт! – Кастор показал на трупы танкистов, которые замерли в судорожных позах со крючечными пальцами рук. – Такой смерти даже врагу не пожелаешь. Обуглились, как запеканка какая-то...

– Уберите их куда-нибудь, – попросил Макс, стирая рукой копоть с механических датчиков систем наведения. – Времени совсем мало.

И как бы в подтверждение его слов рядом взорвалось несколько мин. Брюстер сел в кресло наводчика, посмотрел на рычажки, пытаясь вспомнить их назначение, поскольку вся электроника была выведена из строя, придется действовать вручную. Здесь было много того, чего не было в их учебном танке.

– Снаряд в стволе отсутствует, – предупредил Стюарт. – Какой заряжать будем?

– А какие там есть? Я, честно говоря, и сам плохо представляю, чем нужно стрелять.

– Кумулятивные, осколочные, зажигательные, даже управляемые ракетные снаряды есть...

– Я не знаю...

– Тогда осколочный.

– Давай, – согласился Макс, наконец вспомнив, какие ручки нужно вертеть.

Длинный ствол пушки поднимался неохотно, но Брюстер старался изо всех сил, так как через прицельную щель видел, что айманская установка уже приведена в боевое состояние и ее тоже наводят на цель.

– Кастор, помощи.

– Что делать?

– Поверни башню на десять градусов вправо, вот этой ручкой.

– Хорошо.

По неожиданно ожившему танку открыли бешенную стрельбу, и две мины уже сотрясли броню прямыми попаданиями, но она пока выдерживала простые снаряды. Тем не менее, новому экипажу приходилось нелегко, каждое попадание вызывало у них легкую контузию из-за отсутствия на них специальной формы, а главное, шлемов.

- Готово, – отчитался Мешко.
- И у меня, кажись... Стюарт?
- Уже давно.

Брюстер дернул рычажок, сильная отдача качнула танк, а внутри все заполнилось выхлопом взрывчатого вещества. Звон упавшей гильзы и взрыва прозвучал одновременно. Макс посмотрел на результат своей работы.

- Заряжай!
- Что?
- Мимо! Заряжай! – повторил Макс, бешено вращая ручки.
- Вот черт! – воскликнул Кастор.
- Что случилось? – спросил Брюстер, проверяя правильность прицела.
- Установка начала сгружать свой боекомплект! Скоро нас накроет!
- Заряжено!

Брюстер второй раз дернул за спуск. Снова толчок и падение гильзы.

- Аа... перелет. Стюарт заряжай!

Снова вращение ручек, только теперь Брюстер уже видел жуткие взрывы от установки залпового огня, видел, как ракеты вылетали из множества стволов, и эти стволы, не меньше сотни, медленно поворачивались на своем лафете, обеспечивая, таким образом, покрытие большей площади и изрыгая из себя каждую секунду здоровенный цилиндр, который в полете распадался на несколько частей, при падении сжигавших все дотла.

- Готово!

Выстрел. Макс показалось, что время остановилось, и он своим взглядом управляет движением снаряда, так медленно тот летел. Взрыв. Слишком мощный взрыв для танкового снаряда. Пламя поднялось высоко вверх, и Брюстер увидел, как расходится фронт взрывной волны, как вверх взмывают несколько ракет от разорванной установки и, падая вокруг, накрывают своими взрывами айманские позиции, сметая их как пушинки.

- Ураа... – крикнул Мешко. – Мы всех победили!
- Да уж, – проворчал Брюстер. – Если мы всех победили, то какого хрена они здесь делают?

- Ты это о чем?

Вместо ответа Макс Брюстер показал на бойницу по правому борту танка. Через смотровую щель было видно, как в небе показалось два десятка воздушных целей.

- Ну, это не проблема, – возразил Стюарт.
- Ты это о чем? – в свою очередь удивился Макс.
- Посмотри налево.

Там этих точек была тьма тьмущая, так что айманские истребители предпочли за благо отступить. Но перед этим они спустили все свои ракеты и лишь потом, развернувшись, умчались прочь. Только, как оказалось, уцелевшие защитники окончательно и бесповоротно разрушенной станции не собирались сдаваться без боя. Но и они уже не могли что-либо противопоставить наступающим.

«Лихтнинги» с «Коршунами» окончательно перепахали все, что хоть как-то могло сойти за оборонительные позиции, сгружая туда и ракеты, и бомбы, а если считали нужным, то и расстреливали из пушек. Такое море огня продолжалось минут пять.

По броне несколько раз постучали.

– Выползайте, герои. – Это был капитан Шенкс. Когда все вылезли, добавил: – Трехдневный отдых вам обеспечен, и, кроме того, я походатайствую, чтобы вам выплатили премиальный бонус, вы это заслужили.

- Спасибо, сэр!
- Можете вообще ничего не делать, если кто-то будет возмущаться, сержант там какой-нибудь. Скажете, что это приказ капитана. Можете идти.
- Есть, сэр! – снова проорали три глотки.

Полицейский грузовик, замаскированный под развозчика пиццы, свернул в переулок, а оттуда в тупик. Окраина города не могла похвастаться хорошим освещением, но полицейских это не смущало, и даже наоборот, темнота в данном случае работала на них. По крайней мере, так они думали.

Хорошо экипированные полицейские быстро рассредоточились по периметру всего пространства, и только после того, как все подходы были взяты под контроль, появились спецназовцы в штурмовой броне и в очках ночного видения.

Самыми последними из машины вышли два головастика, так в простонародье называли журналистов из-за их головных уборов, обвешанных снимающей и записывающей аппаратурой. Правда, один был репортером, а не оператором, и не имел на голове этого уродства, но неформальное название было общим для всех журналистов и распространялось даже на пишущую братию.

Репортер тихо говорил по видеотелефону, а точнее – больше слушал и кивал головой.

– Ты меня понял, Дуренко?

– Да, сэр.

– Что ты понял?

– Это мой последний шанс остаться в компании.

– Именно. Если у тебя и на этот раз не получится, то я не посмотрю на то, что твой дядя влиятельный человек, и ты вылетишь в два счета. Ты меня понял?

– Да, сэр.

– Не подведи меня, – сказал напоследок шеф информационного отдела и отключился.

Маленький экранчик телефона потух, и Эрик Дуренко в сердцах сказал:

– Жирный кабан...

– Что, опять придирался? – спросил Теодор Шлифман, бессменный напарник Эрика и оператор по профессии.

– Естественно, то ему не это, это ему не так. Сволочь, одним словом... – Эрик замолчал, к ним подходил один из спецназовцев.

– Слушайте меня внимательно, дважды повторять не буду. Я не знаю, как и кого вам удалось подмазать, чтобы попасть на проведение этой операции, но если вы сделаете что-то не так, вы об этом пожалеете. А теперь выключайте все телефоны и делайте так, как вам скажет сержант Сингурд, – командир подразделения показал на названного сержанта.

– Очень приятно познакомиться, Эрик Дуренко, а это мой коллега Теодор Ш...

– Пошли за мной.

Сингурд резко развернулся и зашагал за своим командиром. Его бойцы уже спускались в колодец, из которого сильно пованивало тухлятиной.

– Что так воняет?

– Это же коллектор, тут и должно вонять.

– Ладно, оставим вонь в покое, ты уже снимаешь?

– Давно уже, черт... скользко.

– Хорошо. Итак, дорогие дамы и господа, мы находимся на заключительной стадии операции по освобождению заложников, захваченных неким Орденом белого черепа, требующим в обмен на жизнь заложников освобождения из тюрьмы своих товарищей, а также сто миллионов реалов и звездолет к подъезду.

– Тише, придурок, – сказал сержант свистящим шепотом.

– Понял. Итак, – уже тише продолжил Эрик, – всего час назад стало известно местонахождение удерживаемых заложников, среди которых есть племянница нашего мэра. И вот когда ведутся переговоры, группа капитана... ээ... капитана Клавье пробирается по коллектору... ээ... Короче потом договорю, все равно не прямой эфир.

– Нет проблем.

– Но ты все равно снимай.

– Снимаю, снимаю...

Группа продолжала двигаться. Запах становился сильнее, и скоро выяснился его источник: дали течь трубы, и их содержимое лилось на пол и по специально предусмотренному для этого желобу уходило куда-то в стену.

– Тут не мешало бы аварийным службам поработать, а то, как рванет, все к чертям затопит. Слушай Тео, а куда это оно уходит?

– Чего уходит?

– Вот эта мерзость куда уходит?

– Так это... там емкость есть, туда все стекает, а оттуда уже специальным насосом закачивается обратно в трубу.

– Надо же... а ты откуда знаешь?

– Так это... у меня дядя ассенизатором работал, пока в такой вот яме по пьянке не утонул, поскользнувшись... Когда я маленьким был, он у нас часто бывал, ну и рассказывал о своей работе.

– Понятно.

Полицейское подразделение прошагало с километр по коллектору и остановилось в одном из подсобных помещений, куда, несмотря на протесты, втиснули и журналистов.

Встав в сторонке, чтобы не мешать полицейским, Дуренко продолжил свой репортаж:

– Дамы и господа, вот вы наблюдаете, как наш доблестный капитан Клавье проводит последний инструктаж. Давайте послушаем, что он говорит.

Шлифман специальным пультом изменил фокусировку, и теперь микрофон ловил слова Клавье.

– Террористы прямо над нами, – продолжал капитан, не обращая внимания на журналистов. – Поднимаемся по лестнице, занимаем позиции в воздуховоде и начинаем. Заложники не должны пострадать ни в коем случае. А теперь пошли.

Первым лез радиоэлектронщик, он проверял впередилежащий путь на наличие различных ловушек и систем оповещения, таких было немного и они являлись самыми простыми образчиками. Иногда спец замирал и, немного поколдовав, снимал установленные террористами датчики. Наконец он подал сигнал, что все в порядке и сюрпризов больше нет.

Десять человек медленно расползлись по коробу системы вентиляции, не производя при этом ни единого звука, и, в это трудно поверить, почти не поднимали пыли, которой здесь было полно.

Журналистов оставили в самом начале, но им и этого хватило. Через решетку они могли наблюдать за действиями террористов.

Заложники сидели группой в центре большого зала, связанные по рукам и ногам, а также привязанные друг к другу. Четверо террористов сидели по углам, а один, их главарь, расхаживал по залу с телефоном в руке.

– Долго мне еще ждать? – нервно спросил главарь. – Или мне для ускорения ваших действий послать вам посылку в виде ушей или что вы там предпочитаете? А то я мигом. Вы слышите, я ведь не шучу, прямо сейчас и начну...

Эрик не уловил, что ему ответили, но надеялся, что чуткая аппаратура Теодора зафиксировала слова. Что-то коснулось его руки, Эрик медленно повернул голову и инстинктивно отпрянул назад. Перед ним была крыса Шмундера.

Крыса-мутант выращивалась для ускоренной проверки медикаментов, когда результат тестирования препаратов проявлялся бы самое большее – через неделю, а не через месяцы или даже годы, как раньше. Но что-то пошло не так, и вместо безобидного зверька получился агрессивный монстр, от укуса которого ничто не могло спасти. И этот монстр вырвался из стен лаборатории из-за оплошности лаборанта, который и стал первой жертвой зверя. Самое неприятное, что сбегавшая крыса была беременной самкой, и теперь они расплодились по всему городу и продолжали колонизировать всю планету ударными темпами.

Инстинктивно отпрянув назад, Дуренко ударился головой о стенку так, что у него искры посыпались из глаз. Звук удара в уже привычной тишине, да еще в закрытом

пространстве воздуховода, получился необычайно громким. Эрик не сразу понял, почему далеко не пугливая крыса убежала. Все прояснило искаженное лицо его оператора. Эрик, быстро развернувшись, посмотрел через щель: в зале шла жуткая стрельба, террористы стреляли во все стороны, и несколько пуль пробили стенку вентиляционной шахты совсем рядом с застывшими журналистами.

Рванули кумулятивные заряды, пробив широкие отверстия и открыв проход спецназовцам, которые сразу же снайперским огнем накрыли стрелявших преступников. Один из полицейских спустился вниз и подошел к заложникам, он даже не стал проверять их, просто махнул рукой, подошел к стене и сел, опершись на нее спиной. Стали спускаться остальные.

– Да-а, бляха муха, вот тебе и последний шанс...

34

Двухсотый этаж небоскреба был не самым высоким уровнем в здании, но именно здесь находился зал заседаний координационного совета телекомпании «36-й канал». В составе компании также находилось несколько печатных и электронных изданий, но они были своего рода дочерними организациями, хотя и принадлежали одному человеку через подставных лиц. Обычное дело...

В зале головной компании собрались все исполнительные директора этих организаций плюс несколько маркетинговых специалистов и особо весомых журналистов, с мнением которых считались. Всего за столом сидело двадцать человек, на которых хмуро смотрел главный управляющий Вестенцио Дювал. У того в свою очередь только что состоялся неприятный разговор с владельцем всех этих компаний.

– Значит, так, – сказал управляющий, – наши позиции на информационном рынке стремительно ухудшаются. За два месяца наши показатели снизились на восемнадцать пунктов. Если в течение следующего месяца они упадут еще на пять-восемь позиций, не в самом худшем варианте ни мне, ни вам не увидеть больше своих кресел. Про худший я лучше промолчу, а то спать плохо станете...

Вестенцио еще раз оглядел собравшихся и снова болезненно сморщился, когда его взгляд упал на ведущего ночного шоу «Про то и это». В очередной раз он подумал о том, как этот напояженный хорь вообще попал в совет. Впрочем, у него были догадки, но он их предусмотрительно держал при себе. Собственно, как он полагал, к подобным догадкам пришли и все остальные, разве что вслух никто не говорил.

– Зрительский интерес к нам падает, – продолжил Дювал. – Падает интерес, снижаются доходы от рекламы. Снижаются доходы, снижаются ваши зарплаты, а если точнее, то я вам вообще ничего платить не буду. Отсюда следует итог: нужно чем-то привлечь зрителей, чем быстрее вы это сделаете, тем лучше. Слушаю ваши предложения.

Члены координационного совета молчали, тяжело ворочая «шариками» в своих головах. Наконец поднял руку ведущий программы «По секрету всему свету» Монк Тикхэ.

– Может, начнем цикл передач о случаях коррупции и махинациях президента.

– Президента чего?

– Федерации...

– Совсем спятил!

– Ну, тогда губернатора Альпамира, – не сдавался Монк.

– Все знают, что он вор, да и скучно это все будет, занудно... – отверг предложение Вестенцио. – У кого еще какие предложения?

– Может, тогда я? – шепелявя, попросил слово ведущий «Про то и это».

Его несколько раз просили вставить два передних зуба, но он отказывался, говоря, что это его фишка, а если он их вставит, то потеряет популярность.

– Что у тебя, Шуро? – снова поморщившись, спросил Дювал.

– Может, показать совокupление свиньи с...

– Извращения оставим в покое, и вообще, пошел в задницу. Хотя из места, куда я тебя послал, ты только что вылез, – не сдержавшись, сказал Вестенцио и махнул рукой, мысленно выругав себя за несдержанность. И продолжил: – Этого добра на черном рынке хватает, чего там только нет. Нам нужен долговременный проект. Молчим. Тогда давайте спросим наше молодое поколение, не зря же они здесь хлеб жуют. Давай ты, Жерар.

– Ээ... может, устроить теракт? Наша бригада, естественно, придет раньше всех, и у нас будет самый эксклюзивный материал, который придется покупать другим компаниям только у нас.

– Нет, второй раз подобная фишка не пройдет. К нам после первого случая целый год федеральная полиция принималась. Нет...

– Сэр, разрешите?

– Давай, Виктор, что у тебя?

– Как говорится, все новое – это хорошо забытое старое.

– К чему ты клонишь?

– Я предлагаю сделать репортаж о торговой войне, тем более, что там федералы проводят какую-то наступательную операцию.

– Чего же здесь нового? Подобные репортажи появляются постоянно.

– Нет, я не про это. Нужно сделать прямой эфир из самой гущи событий. Показать все как есть, ничего не приукрашивая и не вырезая.

– В этом что-то есть, но вряд ли это потянет на долговременный проект.

– Согласен, – кивнул головой Виктор. – Вспыхнет скандал, который подогреет к нам интерес примерно на месяц, но за это время можно придумать что-то еще, более весомое.

– Даже не знаю...

В дверь просунул голову секретарь.

– Сэр?

– Не видишь, у меня совещание?!

– Это срочно, сэр.

– Давай.

Секретарь быстро прошел к управляющему, сунул сложенный лист бумаги и тут же вышел.

– Вот, поздравляю вас, господа, – с нервным смешком сказал Вестенцио, прочитав содержимое листка. – Мы стали беднее на миллиард реалов. Его только что сняло по безакцептному требованию управление финансов Альпамира.

В зале поднялся гомон. Потеря миллиарда снизит их конкурентоспособность на финансовом рынке на три пункта, и это значит, что можно прямо сейчас распрощаться со своими раздутыми премиальными, а кое-кому можно уже сейчас подыскивать себе новую работу.

– Что случилось? – спросил кто-то из зала.

– Провал операции с заложниками... по вине наших сотрудников. Все заложники погибли...

– Оо... – прогудел зал. Все знали, кто был в числе заложников, а это для компании не предвещало ничего хорошего.

– Сгноить ублюдков!

– Сгноить их гадов! – кричали из зала.

– Тихо! – властным голосом восстановил порядок Вестенцио Дювал. – Единственное, что мы можем сделать, это только уволить их с «волчьим билетом», а там уж сам мэр будет решать их участь.

– Но как же так?!

– Тихо. Их смерть будет не самой лучшей рекламой карьерного продвижения для других наших сотрудников. И потом, я не собираюсь их увольнять, потому что принимается предложение Виктора. Именно они будут вести прямой репортаж с линии фронта.

В зале установилась полная тишина, все обдумывали услышанное, в конце концов

провинившиеся могли сложить там свою голову и остаться чистенькими. Как говорится, и овцы целы, и волки сыты. Наконец появились первые согласные кивки головами, а затем и словесное одобрение.

– Что ж, на этом и закончим наше заседание. Все свободны.

35

Как оказалось, их действительно списали в потери и, посчитав погибшими, пустили вторую волну атакующих. Все из-за того, что оборвалась связь между капитаном и полковником, который и решил, что их накрыло установкой залпового огня. Полковник однажды сам побывал под подобным ураганом и отчетливо представлял, что там осталось, а потому отдал приказ о повторном штурме. Ничего этого Макс со своими сослуживцами не знал и, наверное, к лучшему.

Но все обошлось благополучно, если не считать потерь у попавших под обстрел, поскольку установка успела поработать и накрыть четверть территории, занимаемой федеральными войсками.

Поступил приказ закрепиться на занятой территории, и свежие силы, которые даже не успели поучаствовать в схватке, занимались укреплением айманских оборонительных сооружений, оставшихся после разгрома. Всех убитых сложили под ближайшим навесом, позже за ними должны были прибыть транспорты. Раненых сразу доставили на орбиту, на корабли-госпитали, остальные бывалые просто прогуливались по территории, иногда подшучивая над теми, кто копал и укреплял разбитые траншеи.

– Глубже копай, салага, голову-то спрячешь, а жопа наверху останется!

– Да пошел ты, – услышал в ответ Кастор.

– Не нарывайся, – попросил Брюстер и, обратившись к Риверсу и показывая на здоровенную воронку, сказал. – А вот это, Берт, наша работа. Как тогда долбануло... просто жуть.

Риверс отстал от основной группы где-то на полпути. Он свалился в первую же попавшуюся яму, где его пробила жестокая диарея. Так он и сидел, пока все не закончилось, пропустив самое интересное, о чем ему сейчас и рассказывали друзья. Штаны все поменяли на новые, пригрозив строптивому капралу, не хотевшему выдавать новое обмундирование, что если узнает капитан, то быть тому рядовым.

– Короче, дали мы выстрел – мимо! Второй – мимо! А вот третьим все разворотило! Такой взрыв!

– Если честно, я вообще удивлен, что мы попали, – признался Мешко. – Но, главное, попали.

– Вы слышите, такое впечатление, что кто-то скулит? – спросил Риверс.

– Издеваешься?! По нашему танку так барабанили, что у меня до сих пор в ушах звенит. – Брюстер даже показал, как именно звенит: – Зз...

– Действительно, – согласился Эстевес, – звук исходит из блиндажа...

– Может, там еще раненые остались? – предположил Кастор.

– Да ну, – не согласился Макс, – все осмотрели, всех пленных вон в том ангаре держат.

– Тогда что?

– Давайте проверим, – предложил Риверс и стал спускаться вниз по насыпи.

На всякий случай в блиндаж вошли с оружием наизготовку, мало ли что...

Блиндаж представлял собой хорошо укрепленное помещение десять на десять метров. Ствол шестидесятимиллиметровой гаубичной пушки выглядывал из узкой амбразуры. В окошко поменьше смотрел крупнокалиберный пулемет. Кругом валялось множество стреляных гильз. Внутри вообще все было перевернуто верх дном, кругом валялись груды непонятного хлама.

– Возможно, вот из такой дуры по нам шлепали, – сказал Макс, показывая на пушку. – Хорошо еще пассивная защита цела осталась, но если бы в одно и то же место дважды

попали, нам было бы несдобровать.

– Хорошо тут у них... было, даже биотуалет есть, – сказал Кастор, оглядевшись вокруг. – Вот только я ничего не слышу.

– Может, показалось?

– Да нет же! Был писк.

Сзади послышалось легкое шевеление, и солдаты, разом развернувшись, устали автоматы в шевелящуюся кучу тряпья. Они бы расстреляли ее, если бы оттуда не показалась черная собачья голова. Потом выбрался сам щенок-ротвейлер семи-восьми месяцев от роду, который, радостно махая хвостом, принялся обнюхивать вновь прибывших.

– Поверить не могу, собака! – Макс взял щенка на руки. – Как же он тут оказался?

– Может, наш, я имею в виду одного из наших офицеров? – предположил Кастор.

– Вряд ли.

– У меня есть объяснение, – сказал Стюарт. – Это собака айманского офицера.

– Они не держат собак, – сказал Кастор. – Да еще таких угольно-черных.

– Почему?

– Считают их грязными животными.

– Тогда что он тут делает?

– Может, эта собака одного из свободных наемников, причем офицера? Простым вряд ли разрешили бы.

– Да какая теперь разница... Кстати, что мы с ним делать будем? – спросил Макс.

– Себе возьмем, – с этими словами Бертрольд протянул щенку кусочек мясной плитки и стал рыться в куче тряпья.

– Ты чего делаешь?

– Ошейник сейчас найду... вот он.

– Зачем нам пес? – спросил Макс, наблюдая за тем, как Риверс пытается надеть ошейник. Щенок упирался и всячески сопротивлялся попыткам покусения на его свободу. – Только лишние неприятности.

– Ну не бросать же его на произвол судьбы?

– Что скажешь, капрал? – обратился Макс к Стюарту. – Возьмем?

– Берите. Только как вы его назовете?

– Ну, пусть будет Блэйдом, – сказал Бертрольд и наконец-то надел ошейник.

Щенок, скуля, стал кататься по полу, лапами стараясь снять с себя инородное тело. Брюстер схватил Блэйда и дал ему очередную порцию плитки, но уже из своего пайка, успокаивая его, как это не раз делал со своим котом. Это дало результат, и щенок притих.

Вечер, благодаря новому развлечению, подступил незаметно. Блэйд быстро освоился со свежее испеченными хозяевами, перебегая от одного к другому и выпрашивая добавки.

– Берт, ты бы его чему-нибудь обучил, что ли? – сказал Брюстер. – А то вырастет олухом-попрошайкой.

– Чему его учить?

– Я не знаю. Следы пускай ищет или там взрывчатку унюхивает, мало ли чему можно пса научить? Пораскинь мозгами, ты же программист.

– Я не умею. Тем более, что тут, куда ни плюнь, везде взрывчатка.

– А ты учи, чтобы он искал ее по команде.

– У меня вообще с животными плохо получается. Никогда их не держал.

– Никто заранее не умеет, – пожал плечами Макс. – Купи методическую литературу и все такое...

– Я ведь больше по компьютерам.

– Ладно, возьму его себе, но с тебя причитается.

– Согласен! – быстро ответил Бертрольд, уже пожалев, что взял собаку. – Помогу, чем смогу.

– Ладно, пойдемте отсюда. – Макс двинулся к выходу. – Блэйд, ко мне. Ко мне, я сказал!

Неделя после высадки прошла на удивление спокойно. Никто не пытался контратаковать, что всех сильно нервировало, поскольку большинство считало, что готовится какая-то пакость, а иначе просто быть не может. Но к такому развитию событий готовились, и укрепления стали прочнее прежних. Каждый взвод сделал себе блиндаж, который кроме огневой точки служил еще и местом для ночлега.

Даже пса общими усилиями, в свободное от работы время, удалось обучить простейшим командам, вроде «сидеть», «лежать» и «фас». Дальше дело не двигалось.

– Чего читаешь? – Кастор выдернул из рук Макса книгу, которая пришла по его заказу вместе с основной почтой пару часов назад. Мешко прочитал название: – «Руководство по обучению собак методом Рената Мухтарова». Ну, как?

– А никак. Сложно, одним словом...

Прибежал Стюарт Эстевес, чего раньше за ним не замечалось, никто никогда не видел, чтобы он бегал по доброй воле.

– Все по местам.

– Что случилось, кап, – спросил Брюстер, сократив звание.

– Короче, айманы нанесли массированный удар на орбите и оттеснили нашу группировку.

– Вот дерьмо! – Мешко даже встал.

– Целая куча, – согласился Стюарт. – Разведка докладывает, что сюда стягивается значительное количество сухопутных войск противника. Сами должны понимать, что с авиацией у них тоже проблем нет.

– Да зададут они нам сейчас жару... – высказал общее мнение Макс. – Значит, все-таки решили выбить нас...

– Чего расселись?! – крикнул пробежавший мимо сержант Фейц. – Занять свои места. Быстро!

– Кап, сколько у нас времени? – вставая, спросил Макс.

– Меньше часа. Авиация будет раньше...

– Хорошо они подготовились. А я то думаю, что они так медлят, давая нам закрепиться? Оказывается, просто решили покончить с нами раз и навсегда одним ударом.

Вместо того, чтобы встать на свои места в окопе, все забрались в блиндаж, справедливо рассудив, что против бомбы, если та упадет рядом, бронешит не устоит, а то, что сначала будет налет, никто не сомневался. Блэйд, видно, тоже почувствовав знакомое напряжение, как у прежних хозяев неделю назад, перед схваткой под руку не лез, выбрав себе самый дальний уголок. Привязывать его никто не стал.

Макс Брюстер стал смотреть вперед, ожидая увидеть наступающего врага. Послышался рев реактивных снарядов системы «ураган», и впереди лежащее поле на километр вспенилось сухими земляными взрывами. Макс недоуменно посмотрел на сослуживцев.

– Что они делают? Там же никого нет.

– Поле противопехотками заминировали, – ответил Стюарт и взял цифровой бинокль. Осмотрев горизонт, обронил: – Кажется, штурмовики, примерно тридцать бортов.

– Маловато что-то.

– А ты хотел бы, чтобы их было больше?

– Да нет, просто...

Рев десятков взлетающих ракет ПВО, установки которых успели поставить в достаточном количестве, заглушил голос Брюстера. Ракеты разделились на две группы: первая пошла, стелясь по земле и огибая немногочисленные неровности ландшафта, а вторая часть взмыла высоко вверх. И когда штурмовики оказались достаточно близко, они стали целиться в них. Верхние пикировали вниз, а стелившиеся по земле вертикально взлетали вверх.

- Ух, ты! – воскликнул Кастор. – Прямо клешни какие-то!
- Красиво, – согласился Макс Брюстер. – Но главное, чтобы эти клешни их сжали.
- Это уж как получится.
- То-то и оно.

А получилось не очень. Частые взрывы ракет в гуще авиационного крыла вселили надежду в сердца солдат, тем более что несколько машин упало в долине. Но основная их часть сумела пробиться через заслон и стала заходить в атаку.

Пошли первые ответные ракетные залпы. Не доверяя «шторму», ударили зенитные установки, которые буквально стригли пространство, ловя в свои сети медлительных посланцев и распарывая их в воздухе.

Автоматика была точна, но недостаточно, и первые взрывы встряхнули землю. С потолка блиндажа посыпалась пыль от близкого взрыва. Как оказалось, четвертый взвод сделал себе укрепление рядом с зенитной точкой, по которой сейчас и били, но пока промахивались.

Между тем «Фуриосы», потеряв под снайперским огнем зениток еще две машины, рухнувшие у подножия холма, стали сбрасывать бомбы. От их тяжелых взрывов закладывало уши и подпрыгивали бетонные плиты потолка.

Огонь зениток стал значительно реже, но они не собирались сдаваться. Их снаряды продолжали испещрять пространство над холмом, отгоняя штурмовики от жизненно важных объектов обороны. Снова взлетели ракеты, которым на этот раз удалось добиться большего и сбить еще пять машин, но многие ушли в молоко, не причинив никакого вреда противнику.

- На второй заход идут, – обронил кто-то из солдат.
- А потом за нас танки возьмутся, – добавил Эстевес, не отрываясь от бинокля.

Макс Брюстер напряг зрение и действительно увидел пыльный след, который могла оставить только тяжелая техника.

Штурмовики выпустили последние ракеты, которые устремились прямо в них.

- Ложись! – заорал Кастор.
- Аа!.. – заорал кто-то еще.

Макс рухнул как подкошенный, поскольку тоже увидел, как ракета летит прямо в окно их блиндажа. Кто-то не выдержал и выскочил наружу.

- Назад, придурки! – обругал их Стюарт.

Но выбежавших ничто не могло остановить. Ракета пошла выше. Сдвоенный взрыв прозвучал позади блиндажа, заставив замолчать зенитное орудие. В проем открытой двери влетела туша песка.

– Минк, посмотри, что там... только осторожно, но быстро. Сейчас бомбовый заход будет.

- Есть, капрал.

Минк осторожно выбрался наружу, его не было всего несколько секунд, потом он возвратился с докладом, волоча за собой раненого бойца. У того был смят бронежилет, и он плевался кровью. Внешних повреждений вроде не было.

- Убиты, сэр. Кроме этого. Зенитная установка уничтожена.

– Этого следовало ожидать, – Эстевес снова прилип к биноклю. – Так, сейчас положат бомбы, и будет атаковать пехота. Что тут еще... атмосферные истребители, пять штук. Машины фронтовой поддержки. Ставьте пулемет.

Макс вместе с Кастором подтащили к амбразуре трофейный пулемет, к которому было еще почти шесть тысяч патронов. Брюстер взялся за гашетки, а Мешко занял место подающего.

- Отлично. Стрелять только по живой силе противника.
- Отвали, кап.
- Бомбы пошли.

Бомбы сыпались где-то вокруг. Никто не мог разглядеть, куда именно, из-за отсутствия боковых смотровых окон, а выходить за дверь было слишком опасно. Но две бомбы упали очень близко от блиндажа четвертого взвода, да так, что Максусу пришлось поправлять подскочивший пулемет, съехавший в сторону.

Брюстер уже прицелился в группу вражеских солдат, находившихся примерно в полутора километрах и бежавших, как и он в свое время, позади танка. Но тут вперед зашли на вираж «Томтиты» и выпустили целый рой каких-то шашек, усыпав ими почти всю долину между атакующими и обороняющимися. Белый дым застелил все вокруг, скрыв в себе цели Макса. И газ при этом продолжал уплотняться.

Забили спрятанные в дотах пушки, ловя в свои электронные прицелы неясные силуэты танков. Строчили уцелевшие после налета «Фуриосов» зенитки, отгоняя от холма верткие «Томтиты». Взлетали и рвались ракеты.

Туман после дуновения небольшого ветерка немного рассеялся. Макс увидел первые цели и тут же нажал на гашетки. Пулемет послушно отстучал положенную очередь, не ведая, что стреляет, по сути дела, в своих. Было еще довольно дымно и плохо видно, но Брюстеру показалось, что он попал.

– Пошли! – скомандовал Эстевес оставшимся солдатам. – Занять позиции!

Шесть солдат, кроме новоявленных пулеметчиков, выбежали из блиндажа и заняли свои места в изрядно разрушенном после налета окопе. После того, как дым еще немного рассеялся, обороняющиеся открыли шквальный огонь из всех видов оружия.

Макс Брюстер не чувствовал мук совести либо чего еще, стреляя во вражеских солдат. Сейчас он хотел только одного – попасть. К тому же они тоже стреляли в ответ и хотели его убить не меньше, чем он их, и наверняка так же не страдали от душевных терзаний.

Макс стрелял почти в открытую. Танки пока были заняты уничтожением более опасного противника, а именно – артиллерийских орудий. Иногда рядом взрывались гранаты из ручных или подствольных гранатометов. И тогда Брюстер переключал все внимание на то место, откуда предположительно могли произвести выстрел.

Танки загорались один за другим, но продолжали двигаться вперед, как-то странно лавируя. «Сволочи, мины обходят», – догадался Макс. Впрочем, даже если они и наезжали на них, то для них это было не серьезно.

Наконец танки добрались до мертвой зоны артиллерийских орудий. Краем глаза Макс увидел, как танковая пушка «Тундера» уже почти завершила разворот в сторону блиндажа.

– Ложись! – крикнул Макс, и они с Кастором прижались к полу рядом со стеной у амбразуры, чтобы их не посеколо осколками.

Громыхнул взрыв. Пулемет отбросило к двери. В глазах двоилось, а в ушах стоял жуткий звон. Внутри все заволочло сплошной пыльной завесой. Брюстер посмотрел на Кастора сквозь оседавшую пыль, у того в довершение ко всему из носа шла кровь. Мешко полз по направлению к двери. Он взял пулемет за горячий ствол, обжегся, схватил его за ручки и, шатаясь, понес к амбразуре.

– Что ты делаешь? – спросил Макс.

– Надо продолжить... отстреливаться...

– Брось.

– Что?

– Брось, говорю. В следующий раз он будет точнее, а так мы для него мертвы.

– Что ты предлагаешь?

– Пошли отсюда, а то он может для достоверности второй раз залепить.

С этими словами Брюстер, подхватив свой автомат, выбрался наружу. За ним вылез Кастор. Вокруг кипел бой, солдаты отчаянно отстреливались от штурмующих, которые подбирались все ближе и ближе. Внизу раздались взрывы.

– На мины напоролись, – удовлетворенно констатировал Кастор.

О минах вспомнили и танкисты. Когда стрельба немного спала, они развернулись

перпендикулярно к линии фронта и выпустили по две длинные кишки, которые улетели далеко назад из их кормовых частей. Образовались длинные дорожки и, как только последний метр коснулся земли, они взорвались, заставив детонировать рядом лежащие мины, прочистив таким образом для пехоты проход к холму.

Сверху раздался взрыв, и одновременно с волной песка скатился их сержант, мертвой хваткой державший ручной гранатомет. Сам он был уже мертв и лежал в пробитом осколком бронежилете. Секунду спустя вниз вслед за сержантом съехал подсумок с боеприпасами к гранатомету.

Макс Брюстер взял подсумок, выдернул гранатомет и вместе с ним, пригибаясь, побежал поближе к танку, который пытался вспороть артиллерийский дот, укрепленный не в пример лучше блиндажа. «Тундер» посылал снаряд за снарядом, но те отскакивали от грамотно устроенных стенок, оснащенных к тому же в несколько слоев активной защитой. Максимум, что грозило артиллеристам, это контузия. Но рано или поздно танк вскрыет дот, это понимали все, как танкисты, так и артиллеристы.

Брюстер подбежал достаточно близко, по крайней мере, он так считал, проверив боеготовность, он выглянул из окопа и, практически не целясь, выстрелил. Прогремел взрыв, и когда Макс снова выглянул, то оказалось, что танку не причинено абсолютно никакого вреда. Тот просто подорвал снаряд еще на подлете, в паре метров от своего корпуса.

– Черт! – выругался Макс, заряжая гранатомет за-ново. В сумке оставалось еще три заряда. Он также понял, что посылать их один за другим нет никакого смысла. Ни один снаряд не достигнет цели.

Танкистам, видно, надоело долбить дот, и они решили встать на более удобную позицию, чтобы выстрелить наверняка. «Тундер» дал задний ход. Еще плохо представляя, что он будет делать, Брюстер, петляя в извилистом окопе, бросился к машине.

Танк громыхал совсем рядом, и Макс остановился, не видя, куда тот двигается. «Тундер», пятясь задом, стал переезжать траншею прямо над Брюстером. Тот ждал, пока он проедет, но танк остановился. Макс не мог поверить своей удаче и, чтобы не искушать фортуна, быстро запихал заряды между колесами, а секунду подумав, заложил рядом и сам гранатомет. Танк выстрелил, при этом качнулся, и Макс замер, испугавшись, что произойдет детонация и заряды рванут прямо сейчас. Но этого не произошло, и он стремглав бросился из-под танка.

Мысли проносились в голове со скоростью света. Теперь отбежав на безопасное расстояние, Брюстер опасался, что при движении танка заряды просто выпадут и ничего не произойдет. Думать надо было быстрее, «Тундер» сделал последний выстрел. Макс мельком отметил, что снаряд взорвался прямо внутри дота, а это означало, что танк будет менять свою позицию для поиска новой цели.

Танк дрогнул на повышенных оборотах. Брюстер передернул затвор автомата, положил его на земляной вал и тщательно, насколько это было возможно, прицелился и спустил курок. «Спрут» веером разбрасывал гильзы далеко в сторону, а его пули высекали искры из катков танка. И вот когда магазин почти опустел, очередь достала заложенные зеленые гранатометные снаряды.

Пламя вырвалось из-под днища танка. Брюстер ничего не понял, он ожидал чего-то большего. Может быть, разлетающихся в стороны колес или чего-то в этом роде, но ничего этого не было. Танк просто стоял. «Неужели все зря, – подумал Макс. – Неужели он не пострадал, ведь, в принципе, должно хватить одной гранаты...»

«Тундер» не шевелился, была неподвижна и его пушка. Макс решил, что если бы экипаж остался жив, то непременно продолжил бы отстреливаться, продавая свою жизнь как можно дороже и стремясь захватить в край вечной охоты как можно больше врагов. И чтобы проверить свою догадку, Брюстер снова пополз к нему.

Он, как и в случае с «ТК5», еще издали заметил в днище оплавленное отверстие между катками. Макс залез на броню и попытался открыть нижний люк в корпусе, но ничего не вышло. Зато он услышал скрип откуда-то сверху. Открывался верхний люк на башне. И

оттуда понесло уже знакомой гарью.

Макс инстинктивно вздернул автомат и нажал на спуск, но тот только сухо щелкнул бойком. А из люка уже вылезал жутко обгоревший, но почему-то еще живой айманский танкист. Его глаза в упор смотрели на Брюстера, а его губы шевелились, стараясь что-то сказать, но у него ничего не выходило. Под этим взглядом Макс достал ручную гранату, активировал ее и аккуратно бросил в люк.

Тело танкиста буквально выбросило из танка. Уже потом у Макса подкосились ноги от осознания того, что мог детонировать оставшийся боекомплект, и он только чудом остался жив.

38

Макс Брюстер слез с брони танка. Прислушавшись, он подумал, что оглох, но потом догадался, что накал боя стих, а точнее – вообще прекратился, только где-то еще продолжали хлопать минометы и строчить пулеметы. Потом он услышал, словно через вату, что его кто-то зовет.

– Макс, Макс!

Брюстер обернулся в сторону кричавших. Ими оказались Кастор и Стюарт. Они звали его, махали и тыкали руками в сторону айманов. Макс, как замороженный, посмотрел туда. В небе было множество черных точек. Как только он их увидел, слух пришел в норму и теперь все звуки были отчетливо слышны.

– Макс, скорее сюда! Это повторный налет!

Брюстер, вилляя, бросился в окоп и побежал к своему блиндажу. Там его ждали только четверо бойцов четвертого взвода, раненый погиб от потери крови. Остальные сложили свои головы в перестрелке с айманскими пехотинцами, пока он разбирался с танком.

Наступающие так и не смогли пробиться, несмотря на поддержку «Томитов». Один из них, кстати, валялся неподалеку, сбитый ракетой. Танки также были все подбиты. Но и оборонительные укрепления сильно пострадали. Всем было ясно, что второй атаки они не переживут.

– Кас-стор, – тягуче произнес Макс имя Мешко, снова как бы через вату слыша свой голос. – Ставь пулемет. Сколько там патронов?

– Еще тысячи две.

– Нормально...

– Ты это... посиди пока, а то ты совсем никакой. Вот аптечка, если что.

– Ладно... – Брюстер сел у стены, закрыв уши руками. Звон в ушах зазвучал с новой силой, но ему было все равно. Только Блэйд печально смотрел ему в глаза, интуитивно понимая, что его хозяину сейчас очень плохо.

Снова нарастающий гул самолетов, к которому на этот раз прибавился вой транспортных челноков «Вейлис», везших в своих чревах солдат с других застав, а также тяжелую технику взамен подбитой. Снова рев взлетающих ракет, навстречу своим целям. Только на этот раз целей было больше, а ракет меньше.

Но теперь зенитчики не берегли боезапас, сгружая его весь без остатка, проявляя чудеса ловкости при перезарядке комплексов ПВО. Иногда техники не успевали отбежать на порядочное расстояние, а ракеты уже уходили в небо, обжигая их стартовыми струями.

Заработали автоматические зенитки, которых осталось всего три штуки. Но даже они выписывали своими снарядами такие фигуры и плели такие сети, что несколько «Фуриосов» загорелось, и они, сгрузив свой боекомплект в долине, ушли восвояси.

В небо ушли последние ракеты, сбившие еще пару истребителей. Зато ответный залп снес всю оборонительную инфраструктуру, как ветер карточный домик. А потом посыпались бомбы. Они падали долго и часто, перепахивая оборонительные рубежи, окончательно превратив холм в подобие лунного ландшафта.

Брюстер не помнил, как долго продолжалась бомбардировка, время перестало иметь

значение. Земля тряслась, как при семибальном землетрясении, которое он пережил на своем родном Альпамире. Только на этот раз все продолжалось слишком долго. Удивительным было только то, что выдержал блиндаж, лишь одна балка съехала, но ее тут же подперли, и она не упала.

В чувство его привел капрал Эстевес. Тот растормошил его, что-то крича ему прямо в ухо. Потом плеснул в его лицо немного воды из фляжки.

– Макс! Макс! Приготовься, сейчас пойдет десант. У тебя с пулеметом лучше всех получалось!

– Хорошо...

Брюстер подобрался к пулемету, проверил ленту, передернул затвор и стал ждать.

В долине, в двух километрах от холма, садились «Вейлисы». Они так же, как и «Элепханты», разбрасывали шашки, которые образовывали дымовую завесу. Снова пролетели «Томтиты», окончательно окутав долину белой пеленой, в которой ничего нельзя было разобрать. Плюс ко всему рядом с блиндажом черным дымом коптила установка ПВО, также загромождавая обзор.

«А ведь может так случиться, что мы единственные, оставшиеся в живых, – подумал Макс, напяливая на лицо фильтр для дыхания, чтобы защититься от прогорклой гари. – Просто этот дым скрыл нас от бомбовой атаки, а все остальные...»

Но оказалось, что они не единственные уцелевшие, об этом оповестили редкие артиллерийские выстрелы. Прицельная аппаратура пушек настроилась на поиск целей в новых для себя условиях. Они били и били в белую пелену, и вот красный шар вырвался из тумана, ознаменовав гибель танка, потом второй и третий.

Макс по-прежнему ничего не видел, но слышал, что «Тундеры» совсем близко, у самого подножия и через минуту зайдут в мертвую зону. И тогда эти неуязвимые для пехоты монстры просто передавят всех своими гусеницами.

– Видимо, они решили просто засыпать нас своими бомбами, – произнес Кастор, выглянув в амбразуру. – Умно...

– Нет, – возразил Брюстер, внимательно взглядевшись. – У них на подвесках нет бомб... это дымовые шашки.

Одна такая шашка в виде цилиндрика упала на крышу блиндажа и с громким шипением стала извергать из себя газ.

– Хорошо, что не бомба или напалм, – пошутил Кастор.

– Напалм, как и ядовитые газы, запрещен к использованию, – серьезно ответил Стюарт.

– Чушь, конечно, но приятно...

– Вот только почему они в самом начале не забросали нас шашками?

– Зенитки помешали, в прошлый раз они еще работали...

– Тихо, – оборвал всех Бертрольд, к чему-то прислушиваясь. Хотя непонятно было, что можно услышать среди всего этого грохота и лязга. Риверс уже шепотом проговорил: – Посмотрите на Блэйда.

Все посмотрели на пса. Он с каким-то непонятным и застывшим видом смотрел в сторону окна.

– Макс, прямо перед нами кто-то есть...

Брюстер посмотрел вперед, но ничего не увидел из-за дыма и не услышал из-за звона в ушах. С таким же успехом можно было бы разглядывать картину с закрытыми глазами и слушать музыку в машинном отделении танка.

Но вот подул долгожданный ветерок, и Макс подавил в себе первое желание вскочить и убежать, вместо этого он открыл стрельбу по неясному силуэту с замахнувшейся рукой. Пулемет зашелся частым лаем. Гильзы сыпались на пол, в один момент переполнив поддон. Но все равно что-то влетело внутрь.

– Граната! – крикнул Бертрольд, но его никто не слышал из-за пулеметной стрельбы. Тогда он схватил ее и выбросил в дверь.

Вместе со взрывом гранаты послышались чьи-то жуткие крики.

– Примкнуть штыки! – скомандовал Стюарт. – За мной, в атаку!

И все, кто был в блиндаже, кроме Макса, выскочили наружу. Затрещали их «спруты», и снова слышались приглушенные крики. Брюстер же продолжал поливать свинцом лежащее впереди пространство, стараясь накрыть как можно большую площадь, несмотря на узкую амбразуру, жалея, что при строительстве ее не сделали шире.

39

Сводная группировка Третьего ударного флота уже несколько часов продолжала сдерживать противника на орбите Тайтара. Но силы были не равны, и корабли Торговой Федерации продолжали отступать, медленно, но верно.

Противник изыскал дополнительные резервы, которые и направил сюда. Несмотря на предсказуемость такого шага, это, как ни странно, было неожиданным. Поскольку никто не думал, что подкрепление будет таким существенным. Кроме крейсеров и линкоров в количестве десяти штук пригнали и артиллерийский эсминец, который за час работы своими пушками мог накрыть территорию в тысячу квадратных километров, не оставив там ничего живого.

– Зачем им такой монстр? – удивился майор Бик Бередж, глядя на эсминец. Этакая плоская плита, дно которой было буквально усеяно пушечными стволами. – Вот нам бы здесь такой пригодился, а им совсем ни к чему.

– Он ведь может стрелять не только по планете, но и по таким целям, как мы, – пояснил генерал Назар. – Забросает нас своими болванками к чертовой матери... правда, они медлительны.

– Так почему не забрасывает?

– Потому что враг понимает: как только они выведут его на передний план, мы сосредоточим все свои усилия на нем, и тогда ему несдобровать. А так мы ведем вялую позиционную перестрелку, которая, по большому счету, выгодна как им, так и нам...

Генерал сосредоточенно рассматривал голограмму боя. По всему выходило, что дольше часа не продержаться.

– Даже страшно представить. Сэр, может быть, предпринять обходной маневр?

– Нет, сейчас мы прикрыты мошкаррой. Как только какой-нибудь корабль выйдет из зоны, его порвет на куски этот гад под названием «Ранкор», – генерал показал на жирную точку эсминца.

– Нам нужно подкрепление.

– Я его вызвал еще неделю назад.

– Что сказали?

– Пришлют четыре корабля. Два крейсера и два транспорта с десантом. Никто ж не предполагал, что они пригонят сюда корабль типа «Ранкор».

– Тогда нужно провести контратаку и эвакуировать наземные войска.

– Ага, положить до полутысячи отборных пилотов и чертову уйму кораблей ради спасения семи-восьми тысяч зеленых птенцов. Командование меня не поймет. Да и полумеры это все.

– Ну почему же? Если мы объявим им о своем желании отозвать солдат, противник даст нам коридор. Это негласное правило...

– Нет. Наша задача зацепиться за планету любой ценой, – ответил генерал, не отрывая взгляда от голограммы. – И мы зацепимся.

– Каким образом, сэр?

– Еще не знаю, но зацепимся.

– Если не секрет, когда придут корабли?

– Завтра.

– Тогда, сэр, у нас нет ни единого шанса.

Генерал пожевал губами, он был полностью согласен со своим адъютантом. Разве что

только провести безудержную атаку, но это будет полным самоубийством как в прямом, так и в переносном смысле.

– Сэр, – привлек к себе внимание оператор радарной системы.

– Что?

– На «горизонте» шесть меток.

– Направление?

– 810728.

– Ничего не понимаю, – признался Назар.

– Может, это наши? – предположил майор. – По крайней мере, направление совпадает.

– Должно было быть четыре корабля с направления 812403... и завтра. А с этого направления может появиться кто угодно, как наши, так и айманы.

– Лучше бы уж наши...

– Сэр, корабли наши, – внес ясность оператор, удовлетворив любопытство майора. – Пароли совпадают.

– Какие корабли?

– Пока далеко, но, может, они сами внесут ясность, есть попытка выхода на связь.

– Включай.

На экране появился незнакомый Назару человек в форме офицера Торговой Федерации.

– Меня зовут генерал Марк Спрингс...

– Простите меня, генерал, – прервал Назар. – Где группировка полковника Ульха и почему мне ничего не известно?

– Планы немного поменялись, командование решило, что я прибуду быстрее.

– Но предупредить-то меня могли? – генерал Назар с недоверием посмотрел на генерала Спрингса. Всякое могло случиться, войной правили деньги, и тот вполне мог оказаться «троянским конем».

– Я ничего не знаю. Может быть, по соображениям секретности вас не предупредили о моем появлении. Вы должны понимать...

– Хорошо, – сдался Назар, – какими силами вы располагаете?

– Два эсминца класса «Ротонда», крейсер и три транспорта. Правда, нас срочно сняли с ремонта... общая готовность в пределах семидесяти процентов, но нам не успели поменять пушки.

– Сойдет. Транспортные пускай идут прежним курсом прямо к нам. Остальных разделите на две группы примерно с равной огневой мощностью. Ждите маршрут, сейчас перешлю...

Генерал склонился над терминалом и быстро стал прокладывать примерный курс для трех кораблей, иногда поглядывая на голограмму сражения.

– Связист, закодируй и отправь.

– Есть, сэр.

– Генерал Спрингс, вам все понятно?

– Абсолютно.

– Тогда сейчас же начинайте маневр.

– Без проблем.

Шесть кораблей скрыло местное солнце. С его обратной стороны, в точке разворота, корабли разделились на три группы. Транспортные корабли продолжили движение к основному флоту, один эсминец стал подниматься вверх, а крейсер со вторым эминцем спустились вниз относительно орбитальной плоскости системы планет.

– Майор, передайте «Промпту», «Зоркому» и... и «Зеалсу» срочно выдвигаться в точку 6121101. Выполняйте.

– Есть, сэр! – почти радостно отчеканил Берендж, оттого что был какой-то план и не придется просто сидеть сложа руки.

Потянулись тревожные минуты ожидания.

Противник не мог не заметить подход новых участников свалки, и его корабли стали маневрировать соответствующим образом, чтобы не допустить их себе в тыл. Особенной

резвостью отличался «Ранкор», у которого практически не было слабых мест. Его «крыша» была защищена еще лучше, чем днище с пушками.

«Ранкор» развернулся своей верхней палубой к федеральной группировке, а пушками, соответственно, к одинокому эсминцу, который по огневой мощи был ниже него на два класса. Они оба практически одновременно открыли друг по другу стрельбу.

Федеральный эсминец «Чуанхе» находился в движении, но малая часть снарядов, выпущенных с опережением и широким разбросом, попала в него. Их хватило, чтобы корабль сбросил скорость практически вдвое, становясь еще более легкой добычей. Но и его снаряды не прошли мимо, и они били не только по «Ранкору», но и по другим кораблям противника, в их наиболее слабые места, заставляя вздрагивать при каждом попадании.

Вот только для «Ранкора» попадания были, как о стену горох, и он почти не пострадал. Второй залп снова получился одновременным. Частые вспышки взрывов на «Чуанхе» сняли с него всю защиту и вызвали многочисленные пожары на борту.

«Чуанхе» же стрелял по другому кораблю, понимая, что взломать броню своему персональному сопернику ему не удастся, а вот крейсеру – свободно. И выбранная им жертва, отмеченная сильными вспышками, стала заваливаться набок, с сильным дифферентом на нос, подставляясь основной группировке. Федеральные корабли не преминули воспользоваться случаем и, сосредоточив огонь на подрanke, порвали его на части.

За все время боев на орбите Тайтара это был первый полноценно уничтоженный корабль. Вторым стал сам виновник торжества федералов – «Чуанхе». «Ранкор» оказался немного быстрее своего более мелкого и неподвижного собрата. Почти все снаряды пришлось в его борт, и через несколько секунд он расцвел в не менее яркой вспышке, чем поверженный с его помощью крейсер.

40

Пока шла неравная дуэль между «Чуанхе» и «Ранкором», под постоянным обстрелом завершали свой маневр две другие группы.

- Господин генерал, «Чуанхе» погиб.
- Вижу. Время до завершения маневра?
- Минута двадцать. «Зоркий» теряет ход.
- Ясно. Приказ всем кораблям, – генерал Назар перешел на прямую связь. – Главная цель – эсминец «Ранкор». Стрелять по мере готовности.
- Сэр, зачем так подставляться?
- Они потеряли целый крейсер и очень озлоблены, поэтому, как только «Ранкор» завершит разворот, он нас в капусту покрошит. Поэтому нам нужно вывести его из уравнения.

- Маневр завершен.

- Огонь...

Корабли стреляли и без приказа. Практически все главные орудия были наведены на вражеский эсминец, так быстро сожравший «Чуанхе».

Попав в «вилку», айманские корабли замедлили свой ход и стали отходить назад, стараясь защитить свои слабо бронированные бока от федерального эсминца, который хоть и был слабее их собственного, но тоже мог натворить немало бед. А потому сосредоточили все свое внимание на нем.

- У, как разошлись, – проговорил майор, когда судно слегка качнулось от попаданий, да еще рядом с капитанским мостиком.

- Да, теперь у них гораздо более выгодная позиция и стрельба точнее. Знают, что мы их не тронем, вот и остановились, и расстреливают нас, как в тире. Так что нужно скорее кончать с этим эминцем.

- Мне это шахматы напоминает, – признался майор Берендж, глядя на голограмму. –

Такое впечатление, что мы пытаемся вывести из игры друг у друга ферзя.

– Хорошо подмечено. В мои годы обучения была даже специальная игра – трехмерные шахматы. Потом от нее отказались, посчитав ее слишком сложной, очень много времени уходило, чтобы научиться в нее играть. Командиры решили, что мы должны учиться воевать, а не в шахматы играть. Но что это они задумали?...

Три айманских крейсера встали между основным федеральным флотом и своим эсминцем. И начали медленно вращаться, как пропеллеры трехлопастного вертолета, принимая на себя некоторое количество снарядов, предназначенных для уже слегка потрепанного «Ранкора».

– Вы не находите, что это довольно любопытная тактика защиты?

– А главное, действенная, – подытожил Назар.

– Но долго они не протянут, – майор даже пренебрежительно махнул рукой.

– У них наготове еще несколько стоят. Так что они смогут защищать его довольно долго. А у нас не так много времени.

– Что там сейчас с экипажами этих крейсеров творится? Их, наверное, по стенкам размазало от действия центробежной силы.

– Если они собрались в центре корабля, то нет. Но нам нужно о другом печалиться. Вон, посмотри, что он задумал.

«Ранкор» разворачивал свои пушки в сторону «Воркера», второго и последнего эсминца федералов, и «Рапиры», крейсера генерала Сита. Заметив неладное, они тоже стали маневрировать, стреляя с удвоенной силой.

– На «Ранкоре» пожар.

– Замечательно!

Но пожар не помешал эсминцу сделать свой страшный залп. «Воркер» осветился яркими вспышками взрывов. Казалось, что с ним уже покончено, поскольку он стал крениться набок. Между тем «Ранкор» стал переключаться на отчаянно маневрирующую «Рапиру», убегающую от целой тучи снарядов, и давалось ей это все тяжелее. Но неожиданно для всех «Воркер» встал на прежний курс и произвел свой ответный залп, правда, только из половины орудий.

Как бы ни была хороша защита из крейсерских днищ, она все же пропускала мимо себя снаряды и лазерные лучи. К тому же приковывалась и вторая группа, состоящая из крейсеров «Промпт», «Зоркий» и линкора «Зеалс», которая также была прямой наводкой, получая при этом тоже достаточно много.

Вся эта суммарная лавина огня окончательно добила «Ранкор». Его экипажу из-за большого количества пожаров и разгерметизации было уже не до стрельбы, надо было бороться за живучесть судна. И эсминец стал отходить, намереваясь спрятаться на другой стороне Тайтара, чему, собственно говоря, никто и не препятствовал. Подавленные такой потерей, отходили и остальные корабли айманского флота под дополнительным нажимом федералов.

Снова началась позиционная перестрелка, и в бой пошла истребительная авиация.

– Отзовите «Воркера» с «Рапирой», пока их на консервы не отправили, и остальных тоже... и соедините меня с майором Штуром.

– Есть, сэр!

– Майор Штур слушает, сэр.

– Есть работа, Кевин. Тебе нужно спасти положение на планете, пока защитников в конец не порешили.

– Сделаем... – браво отозвался Кевин.

– Ты не обижайся, но тебя опять будут прикрывать «Фроги», других у меня просто нет.

– Понял... – угрюмо отозвался майор и уже более осторожно добавил: – Сделаю, что смогу.

– Тогда вперед.

– Есть, сэр...

Второй раз все происходило значительно спокойнее. «Фроги» шли ровно и не дергались, как в прошлый раз, что внушало некоторую уверенность в исходе операции.

– Слушай, командир, – нарушил молчание капитан Стив Олуш. Он летел на новой машине, старую подожгли во время обороны флагманского крейсера. – Что-то уж слишком много этих «Фрогов» у нас. Я как подумаю об этом, то полная чушь получается.

– Согласен.

– Даже подкрепление сплошь из них состоит. Я тут чего еще подумал: обычно загрузка этими машинами составляет не более сорока процентов от общего числа малой авиации. То есть шестьдесят процентов группировки должны составлять опытные пилоты, как мы. А у нас все в точности наоборот.

– Ну и? – протянул Штур, понимая, куда клонит его напарник. – Может, просто штабисты чего-нибудь напутали. Всякое случается...

– Случается. Но не в решающей операции, какая происходит здесь. Я думаю, имеет место быть подстава.

– Ладно, стратег, – прекратил разглагольствования Стива майор. – Тебе платят не за то, чтобы ты думал, а за выполнение поставленной задачи.

– Потому мы еще и живы, что умеем думать в отличие от них, – сказал капитан, имея в виду пилотов «Фрогов».

– Всем внимание, противник прямо по курсу. Будьте внимательны.

– Продолжают действовать по старой схеме.

– А что им, раз действует, то почему бы не попробовать еще разок.

– Надеюсь, они не вляпаются, как в прошлый раз.

– Сейчас узнаем...

Им навстречу, оторвавшись от основной группы, неслись минные заградители и, выйдя на нужную дистанцию, пустили мины. Только на этот раз «Фроги», наученные недавним печальным опытом своих товарищей, не клюнули на внешне беспомощные и уязвимые машины, оставшись в одном строю со всеми.

– Так-то лучше, – облегченно выдохнул Штур.

Мины проносились мимо на отдаленном расстоянии. Иногда они реагировали и пускались в погоню за каким-нибудь самолетом. Рядом с «Коршуном» Кевина взорвались два таких юрких шарика, обдав его самолет множеством осколков. Приходилось маневрировать, чтобы не схлопотать еще больше, ведь рано или поздно осколки могли разнести фонарь.

Впрочем, несколько машин все же развернулись обратно, но это уже не могло изменить общего состояния дел. Айманские истребители вступили в схватку с вышедшими вперед легкими «Фрогами». Но «Бейсты» и «Фуриосы» стремились добраться до груженных «Коршунов» и «Лихтнингов».

Один такой истребитель оторвался от неумелого «Фрога» и попер прямо на машину Кевина Штура. Майор качнулся вниз, пропуская поверху пушечную трассу снарядов, но по всей видимости «Бейст» не собирался отступать так легко и попытался сесть ему на хвост.

Всегда неприятно, когда у тебя на хвосте сидит неприятель, особенно в тех случаях, когда ты ничего не можешь поделать. «Коршун» пытался сбросить своего преследователя, но из-за драгоценного груза сделать этого никак не мог. Бомбы сковывали движения, делая их слишком медлительными. И Кевин уже несколько раз отмечал попадания по своему корпусу. Чудо еще, что двигатели были целы.

– Майор, у тебя на хвосте липучка.

– Знаю, – раздраженно ответил Штур на запоздалое предупреждения Олуша. – Помог бы лучше...

– Как только, так сразу.

Капитану приходилось не лучше, как заметил майор, у него на хвосте сидели сразу два штурмовика. Штур сделал крутое пике с бочкой и оказался прямо над преследователями Стива. Довершая пике, Кевин нажал на гашетку, беря опережение. Очередь прошла мимо колпака одного из «Фуриосов», но прошила только его крыло, пробив его насквозь и задев висевшую на подвеске ракету.

Взрыв окончательно разрушил поврежденное крыло и отбросил преследователя в сторону. Он сильно завертелся, и пилот принял решение катапультироваться, неуправляемая машина чуть не протаранила «Фрог».

– Спасибо, командир, но у меня еще один.

– С ним разбирайся сам, у меня у самого проблем по горло.

Пилот «Бейста» все прекрасно видел и решил окончательно добить наглого «Коршуна». Предвидя это, Кевин спустил хвостовую противоракету для секундного отвлечения внимания противника и крутанул бочку с резким разворотом.

– Да что же это такое! – воскликнул Штур. «Бейст» по-прежнему сидел у него на хвосте. – Отцепись, тварь...

Краем глаза майор заметил, как с правого бока ему на помощь заходит одинокий «Фрог». Его попытался остановить «Фуриос», но тот, сделав горку, спустил все оставшиеся ракеты, заставив своего противника уйти в противоракетный маневр. И вдобавок отстрелял по нему приличную очередь, которая зацепила двигатель штурмовика, что привело ко временной потере мощности. Но этого хватило, чтобы две из пяти ракет прошли сквозь заслон ловушек и окончательно подорвали «Фуриос».

Штур невольно заинтересовался чересчур осмысленными для пилота «Фрога» действиями. Увернувшись от очередной очереди, Кевин увидел огромный номер на фюзеляже машины – «305», отметив про себя, что если тот выживет, то он пригласит его в свой отряд.

В реальность Штура вернули слишком частые попадания по его «Коршуну». Оказалось, что «Фрог» зашел в хвост преследователю Штура и расстреливал того из пушек, а заодно попадал по Кевину. Плюс по нему стрелял сам «Фуриос». И скоро майор почувствовал, что его машина быстро теряет мощность и плохо слушается руля, маневровые движки были разбиты вдребезги. Спустя несколько секунд правый двигатель заглох окончательно. Попытки его запустить ни к чему не приводили.

Но, к счастью для него, «Фуриос» ушел на крутой вираж, намериваясь оторваться от надоедливой «Фрога».

Планета была совсем близко. Но только у эскадрильи майора Штура не доставало троих.

После очередной попытки система перешла на дублирующий канал, и двигатель заработал вновь, но только с пятидесятипроцентной мощностью. Чего, в принципе, должно было хватить. Тем более что активной работы систем ПВКО по ним быть не должно.

42

Системы ПКО и ПВО, как и ожидалось, молчали. Зато им навстречу спешили «Томтиты» и «Бейсты». Где-то рядом с холмом, который нужно было прикрыть от полного уничтожения, из белой пелены взлетали тяжелые «Вейлисы».

Кевин заметил совсем уж неожиданную вещь: рядом с ним летело звено «Фрогов», что было само по себе невероятно.

– Майор, что делать будем? – поинтересовался капитан Олуш.

– Будем действовать, как раньше действовали, – вздохнул майор. – Первая эскадрилья, по моей команде примите гостей.

– Сделаем.

Штур переключился на частоту «Фрогов», среди которых, как он заметил, летел его спаситель – триста пятый.

– Командир «Фрогов», как слышите?
– Извините, сэр, – услышал он в ответ после недолгого молчания. – У нас здесь нет командира.

– То есть вы летите, как стадо баранов, без руководства?!

– Получается, что так, сэр.

– Надо же... триста пятый, вы меня слышите?

– Так точно.

– Поручаю вам командование над этим сводным соединением.

– Благодарю за доверие, сэр.

Майор отметил спокойный и уверенный тон ответа, утвердившись в первоначальном желании взять этого пилота себе.

– Приказываю отвлечь внимание противника путем имитации нападения на транспортную колонну из «Вейлисов».

– Есть, сэр.

– Начинаем разделение. Пошли!

Первая эскадрилья, сбросив бомбы, на форсаже ушла вперед «встречать гостей». «Фроги» неуверенно развернулись вправо и вверх и стали догонять уходившие в космос «Вейлисы». Основная ударная группировка снизилась и пошла на холм по второму разу.

Противник клюнул на приманку и разделился на три группы. Большая часть, примерно половина от всей группы, увязалась за первой эскадрилей «Лихтнингов». Вторая половина, разделившись еще на две части, попыталась задержать «Фроги» и основную массу «Коршунов».

Они сразу поняли, что взяли на себя непосильную задачу, но отступать «Томтиты» не стали. Выпустив ракеты, они ринулись в атаку и сразу же подожгли два самолета, которые пошли на вынужденную посадку. Завязался скоротечный бой. Потеряв четыре машины и сбив одну, противник решил все же отступить.

– Командир, куда стрелять? Ни черта не вижу.

– А аппаратура у тебя для красоты стоит? Бьем по тяжелой технике и скоплению живой силы.

– Так живая сила может быть и нашей.

– Тогда ту, что у подножия холма находится. Наших там нет.

– Ясно.

Бомбы и ракеты приходилось наводить чисто по приборам, не видя цели вживую, что было несколько необычно. К тому же не всегда можно было определить, активная цель перед тобой или уже уничтоженная. Но на всякий случай приходилось работать как по тем, так и по другим, в последнем случае тратя драгоценный боеприпас впустую.

– Я уже все, – отчитался Стив.

– Ты в постели такой же скорый? – поинтересовался майор.

– Ну что ты, – принял шутку Олуш. – В постели я как кролик с кобальтовой батареей «энанхукерджайзер».

Этот ответ несколько развеселил Штура, и он чуть не пропустил момент захвата цели. Но мышечная реакция сработала быстрее разума, и палец нажал на кнопку сброса. Толчок, и система наведения стала искать новую цель для последней оставшейся бомбы. А сам майор стал уходить от танковой управляемой ракеты, «Тундеры» огрызались как могли.

Сканер просеивал пространство на наличие тяжелой техники, прицельная рамка бегала по экрану, отсеивая слишком «горячие» объекты как уничтоженные. Наконец прицел остановился на движущейся цели. Кевин направил свой самолет на нее, совместил прицельную рамку с основной и снова нажал на сброс. Бомба ушла вниз, и через несколько секунд прозвучал взрыв. Штур скорее увидел его, этот вырвавшийся огненный шар из белесого газа, чем услышал.

– Все отработали? – на всякий случай поинтересовался Кевин.

– Ты у нас последний.

– Тогда уходим. Больше здесь нам нечего делать.

Уже перед самым выходом в космос к ним присоединились остальные самолеты. Потери оказались на удивление малочисленными, что, естественно, не относилось к «Фрогам» – из двадцати пяти машин, спустившихся в атмосферу, обратно летели только восемь.

– Триста пятый, – позвал Штур, когда они вышли на орбиту.

– Слушаю, сэр.

– Как дела?

– Удовлетворительно.

– А подробнее.

– Наши потери составляют семнадцать машин. Потери противника около одиннадцати бортов, плюс один «Вейлис».

– Что ж, доведем оценку до трех с плюсом.

– Спасибо, сэр.

– Как смотришь на то, чтобы стать пилотом «Коршуна» после небольшой учебы?

– Для меня это будет большой честью, сэр.

– Тогда по возвращении пиши рапорт о переводе на имя майора Кевина Штура.

– Спасибо, сэр, непременно.

– Как зовут, кстати.

– Лейтенант Николай Мерсьев.

– Добро пожаловать в «Коршуны», лейтенант.

А им навстречу с легким прикрытием летели «Элепханты», везущие подкрепление для защитников высоты и для полной зачистки территории от живой силы противника.

43

Пулемет замолк. Патрон намертво перекосядрило в приемном устройстве, и он не желал двигаться ни туда, ни сюда. А в патронном коробе оставалось еще примерно пятьсот штук. «Жаль, – подумал Макс Брюстер, – но все хорошее когда-нибудь заканчивается, такова жизнь. Мать ее...»

Макс вставил новый магазин, примкнул штык к автомату и передвинул на более удобную позицию дополнительный нож. Сейчас ему было море по колено, какая-то злоба гнала его наружу, попытки подавить ее ни к чему не приводили.

– Блэйд, сидеть тихо и не высовываться, – сказал Макс, и секундная слабость все же одолела его. Подкосились ноги, но он заставил себя встать.

Брюстер осторожно выглянул из блиндажа, дым становился реже, и он увидел чью-то неясную фигуру, но стрелять не стал, не зная, кто перед ним: друг или враг. Чтобы это выяснить, Макс стал перебегать по полуразрушенному окопу. Под ноги попадались чьи-то тела, но Макс не обращал на это внимания.

Прямо перед Брюстером, когда он завернул за очередной угол, оказалось сразу трое айманов. Макс первым вскинул свой автомат и открыл стрельбу по врагу. Пули рикошетили от прочных кирас айманских солдат. Вышел весь рожок, и на земле без движения лежали двое, бронежилеты оказались все же недостаточно прочны.

Третий солдат, прикрытый своим товарищем, стал стрелять в ответ. Брюстер еле успел отскочить обратно, как все вокруг начало разлетаться на мелкие кусочки. Взорвалась подствольная граната, осыпав Макса землей и мелкими осколками, которые больно впились в незащищенные места рук и ног. И снова бешеная стрельба из автомата.

Как только образовалась секундная пауза, Макс развернулся и увидел, что в него уже целится его противник, но Брюстер оказался быстрее и выпустил свою гранату. Та с хлопком покинула ствол, ударила прямо в жилет аймана и взорвалась, проделав здоровую дыру в кирасе. Палец убитого солдата все же спустил курок, и короткая очередь отбросила Макса на противоположный земляной вал.

Брюстер быстро осмотрел себя, видимых повреждений не было, кроме легких ранений рук от прошлой гранаты. Сильно болела грудь, и в пяти местах был помят бронежилет.

– Не на того напали, сволочи! – выкрикнул Макс, а потом немного спокойнее добавил: – Вообще-то это я напал, ну да неважно...

Где-то совсем близко стрекотал гусеницами танк, иногда он стрелял по только ему видимым целям. В небе слышался шум двигателей самолетов, вот только неясно чьей принадлежности.

Брюстер вспомнил про радио и попытался вызвать своих:

– Стюарт, это я, Макс, вы меня слышите? Стю...

– Слышу тебя, Макс.

– Вы как?

– Нормально, шкуру только маленько подпортили. Остальные тоже целы... относительно.

– Это хорошо. Где вы?

– А хрен его знает. Где-то с полкилометра севернее нашего блиндажа, мы почти на самой вершине.

– Далеко забрались. Я попытаюсь вас найти.

– Не стоит. Сиди, где сидишь, пока все не закончится. На сегодня с нас хватит геройства.

– Как скажешь, – легко согласился Макс, тем более что повсюду начались рваться бомбы. И лучше, действительно, было не высовываться. – Чьи же это самолеты, в конце концов?...

Бомбежка продолжалась довольно долго. Макс увидел танк, который поднял к небу свою пушку, и из нее вырвалась длинная струя пламени. В небо ушла ракета. А потом еще и еще...

«Значит, самолеты наши», – догадался Брюстер. Окончательно в этом его убедил мощный взрыв, потрясший танк. Его широкая ромбовидная башня оторвалась от основного тела «Тундера» и покатила прямо на Макса. Башня катилась хаотично, и Брюстер не мог понять, куда ему бежать – вправо или влево, и потому остался на месте, буквально распластавшись на дне окопа и закрыв голову руками. Тем временем башня подскочила на кочке и, описав небольшую дугу, рухнула на траншею.

Макс поднял голову из песка и оказался почти в знакомой обстановке. По внутреннему устройству «Тундер» мало чем отличался от федерального «ТК5», по крайней мере, в его головной части.

Дым окончательно рассеялся, и Брюстер увидел, как прямо у подножия холма сидели десятки транспортов, и из них выгружалось подкрепление. Солдаты быстро окружили место боя, но подниматься не стали. Вместо этого вперед выехал огромный грузовик с репродуктором.

– По всемирным правилам войны, – зазвучало из репродуктора, – Торговая Федерация предлагает вам сдаться. С вами будут хорошо обращаться, и никто не пострадает. Раненым окажут медицинскую помощь. Короче, к чему лишний раз трепаться, вы и сами все знаете. У вас пять минут на размышление. Время пошло.

Особо упрашивать никого не пришлось, айманские солдаты поднимались из окопов и шли вниз. Все они знали, что их обменяют, правда, при этом они потеряют полугодовую зарплату. Таковы были условия контракта, стимулировавшие наемников держаться до последнего из-за страха потерять заработанные своей и чужой кровью деньги.

– Эй, парень.

Макс обернулся к позвавшему и поднял автомат. По направлению к нему двигался здоровый смуглолицый человек в помятой броне. В зубах у него была сигарета.

– Ты что, контуженый?

– Н-нет.

– Огоньку не найдется? А то я свою зажигалку где-то тут обронил.

– Я не курю.

– Молодец, – похвалил айман, выплюнул сигаретку и пошел вниз, подняв свой автомат над головой. – Если найдешь зажигалку, можешь себе оставить. Может быть, еще увидимся – отдашь.

– Спасибо... – поблагодарил Макс, не зная, как реагировать на последнее высказывание. Явной угрозы не прозвучало, но это ничего не значило.

Все солдаты противника сдались. Обошлось без эксцессов, которые иногда случались. Их погрузили на «Элепханты», доставившие подкрепление, и увезли на орбиту для дальнейшего обмена.

– Привет, Макс, ты как?

– Нормально, Кастор, – ответил Брюстер, обернувшись на голос и наблюдая при этом за взлетом последнего челнока. – Вы сами-то как?

– Да тоже нормально. Мне вот руку насквозь штыком пропороли. Я той твари за это все зубы выбил.

– Надо же, – удивился Макс, посмотрев на забинтованную руку Мешко. – Вы в рукопашной были. А меня только осколками немного посекло, и то из-за моей же глупости.

– Жаркая была встреча. Стюарту вон ноги прострелили, видишь, хромает.

– Это ничего, – пояснил Эстевес. – Это довольно быстро заживает, и недели не пройдет. Пустяк, одним словом.

– А где Берг с Минком?

– Берг в порядке, его даже не задело. Он за Минком сейчас присматривает. Того вообще всего издырявило, как только жив остался, непонятно. Но вон летающий госпиталь на посадку заходит. Надо туда Минка отнести, там его быстро заштопают и на ноги поставят. Будет как новенький и дальше станет всех доставать своими вопросами.

44

За следующую неделю, действительно, все раны затянулись. Даже рядовой Минк уже ходил сам. Его, как и многих других, оставили на планете, увезли только действительно тяжелораненых. Зачастую такими являлись солдаты с тяжелыми внутренними повреждениями или с оторванными конечностями, каких тоже было немало.

Наступательная операция продолжалась, и айманы больше не трогали этот многострадальный холм, отбиваясь от федералов на других полях сражений. Эта же «высота» стала перевалочной базой, безопасным местом, где можно было спокойно высадиться и продолжить движение к линии фронта под мощным прикрытием, не подвергая солдат излишнему риску.

Из десяти рот, что прибыли на Тайтар из Форт-Слейва до начала операции, после переукомплектования осталось четыре. На величине потерь сказывалась и недостаточно хорошая подготовка солдат, а точнее ее незавершенность. Опытом приходилось обзаводиться уже на месте в реальной обстановке.

– Искать, Блэйд, искать! – командовал Макс Брюстер, показывая на полянку, в земле которой совершенно посторонним, для чистоты эксперимента, солдатом была зарыта граната.

Пес, радостно помахивая хвостом, принялся обнюхивать указанную территорию. Вокруг сидели солдаты доукомплектованной – из остатков пятой и шестой – третьей роты. Они подбадривали Блэйда, создавая тем самым жуткий гомон, который только мешал псу. Но он все же продолжал искать, а когда нашел, сел рядом с закладкой, вызвав восхищенный рев толпы. С Брюстера сошло семь потов, пока он научил Блэйда садиться рядом с находкой, а не выкапывать ее и нести хозяину.

– Блэйд, ты меня взорвать хочешь? – спрашивал Макс у пса, когда тот приносил ему то, что выкопал. – Вот когда я говорю «апорт», нужно нести то, на что я показал, а не закапывать это, как ты это иногда делаешь. Какой глупый пес...

– Смирно!

Сержант Гэри Балле неодобрительно посмотрел на застывших солдат. Потом медленно перевел взгляд на Макса с собакой, которая сидела у его ноги.

Как только взгляд сержанта наткнулся на них, Блэйд привстал на задние лапы и правой лапой коснулся своей морды. Теперь уже ничто не могло остановить разошедшихся солдат, которые уже чуть не падали от смеха.

– Разойтись! Что тут у вас происходит? – спросил сержант, когда все разошлись.

– Обучаю собаку поиску взрывчатки, сэр.

– Ну и как?

– Неплохо, сэр. Только иногда команды путает. Но только иногда...

– Тупая, что ли?

– Скорее у меня недостает опыта в натаскивании животных, сэр.

– Чему еще его обучаешь?

– Всему понемногу, сэр, но только не этому... наверное, он скопировал часто виденное им движение, сэр. Мне так кажется... сэр.

– Ну-ну... – сержант Балле подозрительно посмотрел на пса. – Вольно, солдат.

Сержант повернулся и ушел. Сначала он хотел было прекратить все это безобразие. Но потом вспомнил, что в третьей роте обстановка среди личного состава гораздо более спокойная по сравнению с остальными. Беспричинные стычки снизились на двадцать процентов, и потому он решил оставить собаку у солдат, несмотря на ее явное неуважение к старшим по званию.

– Ну и кто это придумал? – спросил Макс у приблизившихся приятелей после ухода сержанта.

– А прикольно получилось, правда?!

– Тебе весело Кастор, а я чуть гауптвахту не схлопотал из-за этой выходки Блэйда. Так кто?

– Мы все, Макс, – признался Стюарт. – Пошутить хотели. Когда ты отлучался, мы его тренировали на команду «смирно».

– У вас хорошо получилось... Блэйд, смирно!

И собака опять встала на задние лапы и отдала честь.

– Он же теперь каждый раз так будет. А если генерал придет, а он ему такой финт отчебучит? Высшее командование решит, что нам заняться нечем, и устроит нам тут второй Форт-Слейв.

– Да... об этом мы как-то не подумали, – признался Кастор Мешко. – Но мы возместим, сделаем все, что попросишь.

– Правда? – недоверчиво спросил Брюстер.

– Клянусь!

– Ловлю на слове. Пойдем...

– Куда? – упавшим голосом спросил Кастор.

– Тут недалеко...

– Так-то, Кастор, надо язык держать за зубами, – нравоучительно заметил Риверс.

Макс отвел солдат к заново отстроенному блиндажу. Попросив всех остаться снаружи, он скрылся внутри и вернулся оттуда уже с грудой тряпья.

– Одевай, Кастор, – Брюстер отдал груду тряпья, которая оказалась самодельно сшитым балахоном. Костюм получился крепким и одновременно мягким. – Я сам делал.

– Макс, ты что задумал?

– Одевай, одевай...

Кастор неуклюже натянул на себя поверх бронежилета широкий балахон.

– И что теперь?

– Будем проводить занятие под номером семнадцать дробь один по методу Мухтарова, – пояснил Макс и добавил: – Беги, Кастор, беги...

– Ты это серьезно?

– Абсолютно. Давай, Кастор, беги.

Кастор Мешко побежал под дружный смех вниз по склону. Брюстер позвал к себе пса.

– Ну что, Блэйд, сделай, как я тебя учил. Фас!

Блэйд сорвался с места и стал быстро нагонять убежавшего Кастора. Пес настиг свою жертву и повалил ее, вцепившись зубами в защитный костюм.

– Фу, Блэйд! – крикнул Макс, пес неохотно отошел от Кастора. Брюстер потрепал подошедшего к нему пса. – Молодец, держи печенюшку.

– Да ты садист, Макс, – проговорил Бертрольд.

– Берт, теперь твоя очередь.

– Ни за что.

– А кто обещал помочь, чем сможешь? Давай.

Делать было нечего, и Риверс облачился в покусанный балахон.

– Только ты будешь не убегать, а, наоборот, нападать.

– Ладно...

– Приступаем к занятию номер семнадцать дробь два. Берт, нападай, – Макс махнул рукой. – Блэйд, взять его!

И снова пес повалил, но теперь уже нападавшего. Брюстер снова угостил пса лакомством за проделанную работу.

– А сколько всего там дробей? – подозрительно спросил Стюарт.

– Три. Но третье занятие нужно проводить с имитацией боевой обстановки.

– Это как?

– Взрывы гранат, выстрелы автоматов... только вот после сегодняшнего инцидента с сержантом мне у него как-то не хочется просить на это разрешение. Так что ты, капрал, на сегодня легко отделался.

– Да, Макс, – произнес подошедший Кастор, – с тобой ухо нужно держать востро. Все в порядке, – ответил он на немой вопрос Брюстера. – Просто ногу немного вывихнул при падении. Сейчас пройдет.

С неба спускались десять шаттлов. Впрочем, на них никто не обратил внимания, они постоянно взлетали и садились, и потому к ним все привыкли, считая чем-то вроде нового элемента природного ландшафта, только подвижного.

45

Размахивая костылем, к ним бежал рядовой Минк. На базе действительно стало ощущаться какое-то возбуждение, все куда-то спешили. И Макс отказывался что-либо понимать.

– Что случилось, Минк? Нас атакуют?

– Нет, там это... – Минк немного запыхался, и слова давались ему с трудом.

– Говори яснее, что случилось?

– Там бордель привезли! – Минк показал костылем в сторону, где сели шаттлы.

– Какой еще бордель?

– Со шлюхами!

– О! Минк только ходить начал, а уже к бабам захотел, – пожурив солдата, произнес Эстевес.

– Я и лежачий к бабам хочу, – признался Минк. – Так что, кто хочет, должен привести себя в порядок, таково условие, и айда...

– Тогда что мы стоим! – Кастор двинулся к блиндажу. – Там у нас целая гора освежающих полотенец есть!

– Короче, я уже пошел, – и Минк быстро захромал на другую сторону холма. Оказывается, он заранее приготовился.

Кастор Мешко снимал с себя амуницию и быстро растирался полотенцами. Немного подумав, то же самое начали делать Бертрольд со Стюартом.

– А ты что же не пойдешь? – спросил Кастор у Макса, стоявшего поодаль.
– Даже не знаю, никогда к шлюхам не ходил.
– Да ну, – не поверил Эстевес.
– Ну да, обычно я их к себе вызывал.
– Тогда понятно, что ничего не понятно. Впрочем, это одно и то же, разница состоит только в том, что ты идешь к ним, а не они едут к тебе. Вот и все.
– Спасибо, что просветил.
– Давай не жеманься, – махнул рукой Кастор. – Еще неизвестно, когда снова они появятся.
– Он дело говорит. Война – вещь непредсказуемая. Сегодня есть, завтра нет. Смотри, а то рукой придется обходиться.
– Ну ладно, мы закончили обтирку, – сказал Кастор, одевая обмундирование. – Тут еще полотенца есть, так что не жмись.
– Мы пошли.
– Ладно, идите, я вас догоню.
– Это правильно, только давай быстрее. Ну, пока, мы пошли.
– Идите...

Макс Брюстер немного посидел на скамейке. А потом стал обтираться полотенцами. Он знал, что не получит желаемого удовлетворения, так бывало не раз и не два. Скорее само ожидание приносило большее удовлетворение, чем сам процесс его получения. Чем это было вызвано, Макс не знал, но полагал, что дело в чувствах, а точнее – в их отсутствии при общении с девушками легкого поведения. Впрочем, он еще никогда не испытывал настоящих чувств.

– Ну что, Блэйд, пойдем повеселимся?

Пес с готовностью встал.

– Ну, пойдем...

Макс поднялся на вершину холма. Народ буквально косяком валил мимо него, а он особо и не торопился, понимая, что там сейчас наверняка здоровенная очередь жаждущих.

Так и было. Солдаты буквально окружили огромную надувную палатку, натянутую между десятью «Элепхантами», служившими одновременно и опорой, и входом с кассой. Саму палатку охраняли стражи, оснащенные черными и дорогими бронежилетами пятого уровня защиты и автоматами «Скорпиус». Бизнес приносил хороший доход, и его следовало охранять от любых посягательств, в том числе от нетерпеливых и халевщиков.

– Стой, солдат, – прозвучал властный голос.

Брюстер остановился и повернулся к окликнувшему его. Перед ним стоял капитан Шенкс.

– Откуда на базе животные?

– Сэр... ээ...

– Воды в рот набрал? Смирно!

Макс вытянулся в струну и зажмурил глаза, подготовившись к неизбежному. Он знал, что Блэйд выполнит команду, а капитан был суровым офицером, и неизвестно было, что от него ожидать после этого. Но услышал только его порывистый смех, значит, капитан был в хорошем настроении, и Макс догадывался почему.

– Такого цирка я еще не видел, – признался он. – Надо полковнику показать, вот уморито будет.

– Это не тому, которого вы обещали пристрелить, если не будет самолетов? – спросил Макс и тут же прикусил язык.

– Он самый... стоп. А ты откуда знаешь. Где-то я тебя видел, а вот где не помню. Но раз я тебя помню, значит, было за что... Так за что?

– Ну, это... я с моими друзьями... то есть с рядовым Мешко и уже капралом Эстевесом из танка подорвали систему залпового огня, сэр.

– Аа! Так значит, это были вы.

– Так точно, сэр.

– То-то я смотрю, лицо знакомое. Куда направляешься?

– В бордель, сэр, – просто ответил Макс.

– И я туда же, только в офицерский. А знаешь, где это?

– Никак нет, сэр.

– На орбите солдат, на орбите. Там летает целый космический публичный дом, – капитан замолчал, что-то прикидывая в уме. Макс никак не мог уйти, ведь его еще не отпустили. – Пойдешь со мной, солдат.

– Куда, сэр?

Вместо ответа, уже на ходу, капитан только указал пальцем в небо.

– Но, сэр, ведь я рядовой и со мной собака, – нагоняя капитана, напомнил Макс.

– Ничего страшного, деньги у тебя есть, и потом ты со мной, а мне надо помириться с полковником Дитрихом, это ведь его я обещал пристрелить, а от него зависит, как быстро я стану майором, в этом мне поможет твой пес. Полковник любит хорошие шутки, он вообще любитель пошутить. Кстати, откуда он и как его кличут?

– В блиндаже нашли, зовут Блэйдом.

– Ясно. Интересное животное... Ну вот мы почти пришли.

Впереди стояло несколько «Раббитов». Технический персонал проводил последний осмотр, не хватало еще, чтобы из-за какой-нибудь поломки погибла половина офицерского состава базы. Вот уж действительно подарок айманам был бы.

– Лих, ну где ты бродишь? – спросил какой-то майор. – Тебя только и ждем.

– Ладно заливать, – Шенкс махнул рукой, – вылет только через две минуты.

Макса несколько удивила такая фамильярность в общении офицеров разных званий. И ладно бы только между близкими по рангу, но ведь в уголке свободно общались и смеялись полковник с лейтенантом.

– А это с тобой кто? – спросил тот же майор. – Лих, ты стал любителем групповухи, да еще и с животными, и с младшими по званию?! Я даже не знаю, как такое вообще называется.

Все оставили свои разговоры и повернули головы к ним, привлеченные необычной ситуацией. Такое тут было впервые. Макс густо покраснел, в таких извращениях его еще не обвиняли.

– Заткнись, Фолдж. Перед тобой рядовой Брюстер, можно сказать, герой этой кампании. Уничтожил ракетную установку противника, сохранив тем самым жизни более чем шести тысячам солдат.

– Уу... – в челноке раздался одобрителный рев и рукоплескания.

На звук прибежал пилот и, не разобравшись в чем дело и подняв руки, сказал:

– Потерпите минутку, господа, сейчас уже взлетаем. Второй пилот только из гальяна вернется, и сразу же взлетаем.

– Да что там с твоим пилотом? – спросил кто-то, уже начиная нервничать.

– Над ним кто-то пошутил, подсыпав пургену, и теперь у него жуткая диарея.

– Чего?

– Понос...

46

Челнок взлетал, подняв большую тучу пыли и окутав ею не успевших скрыться в своих подсобных помещениях техников. Ревя, двигатели вынесли маленький кораблик на орбиту, где его под свою опеку взяло авиационное звено. Но нападать на них никто не собирался, в округе не было ничего враждебного. Не видно было и вражеских кораблей. «Наверное, заключили перемирие», – подумал Макс.

«Раббит» взял курс на спутник планеты Вестгор. Челнок летел прямо на него, и Макс подумал, что цель их путешествия именно там. Но потом транспорт взял немного влево,

пролетев буквально над самой поверхностью, усеянной многочисленными кратерами, в одном из которых, как показалось Макс, он заметил обломки разбившегося сторожевика.

Пролетев над Вестгором, Брюстер увидел два десятка судов, большинство которых составляли десантные корабли да еще несколько крейсеров и линкоров, на которых вовсю шла ремонтная работа. Латали поврежденные корпуса, приваривали новые броневые пластины.

И среди всех этих кораблей находилось судно непонятной конфигурации. Приглядевшись, Макс с трудом опознал в его очертаниях устаревшее малое десантное судно типа «Гамильтон» с приваренными к его корпусу баржами для увеличения внутренних помещений, отчего тот стал похож на стальной брусок, обросший ракушками. Впрочем, получилось довольно неплохо, вот только неоновая надпись «Роза ветров» и гирлянды портили общее впечатление.

И к этому космическому монстру, как паразиты, швартовались маленькие челноки, одним из которых был «Раббит».

– Господа, почему в мире существует такая вопиющая несправедливость?...

– Ты это о чем, Фолдж?

– Почему мы, пехотинцы, танкисты и прочие, делаемую самую грязную и трудную работу на этой войне, пользуемся маленькими радостями жизни последними.

– Именно по той причине, которую ты только что назвал, – съязвил капитан Шенкс.

– Это по какой же?

– Мы грязные из-за грязной работы. А пилоты не любят грязных девочек, потому становятся в очередь первыми, а мы соответственно последними.

– Это несправедливо.

С этими словами «Раббит» стукнулся о причал. Произошла состыковка, выравнилось давление в шлюзовой камере, и открылся переходной люк.

– Давайте там не задерживайте, я уже весь горю!

– Ты умный, как танк...

– Я и есть танкист, так что давайте быстрее выходите, а то всех задавлю!

– Ладно, ладно! Остынь... в танке будешь гореть.

– Уже горел...

– Ну что, солдат, пойдем.

Брюстер встал и подозвал к себе Блэйда, который на удивление спокойно перенес полет.

– Только сначала найдем полковника Дитриха, он должен быть где-то здесь, – Шенк поискал глазами. – Кажись, вот там...

Макс последовал за капитаном. Осмотревшись по сторонам, он и здесь заметил вооруженную охрану. На нее, как на мебель, никто не обращал внимания. Повсюду разносили спиртные и прохладительные напитки полуобнаженные официантки, наряды которых выгодно подчеркивали их достоинства. И Макс почувствовал, что он тоже «загорелся», как ветеран-танкист, которого, кстати, пропустили без очереди.

Иногда к какому-нибудь офицеру подходила одна из таких официанток-сутенерок и уводила его к освободившейся проститутке.

Вскоре Брюстер почувствовал, что своим видом привлекает внимание. Еще большее внимание привлекал его пес. На них стали показывать пальцами, при этом пьяно смеясь и дразня. Пес это тоже почувствовал и начал скалить клыки. Макс даже начал опасаться, что Блэйд из-за незнакомой обстановки не выполнит команду «смирно», и тогда у капитана от полковника будут неприятности, а соответственно и у него самого.

– Здравия желаю, сэр.

– А это ты, Лих, – полковник отвлекся от разговора с майором ракетных войск и с легким смешком проговорил, – Кажется, ты собирался вышибить мозги старине Дитриху.

– Было дело...

– Да, понимаю, чего только не скажешь в запале боя. – У полковника было хорошее

настроение, он уже побывал у двух девиц, к тому же он, действительно, понимал капитана и решил спустить все на тормозах. – А это кто с тобой?

– Тот парень, что не дал нам обуглиться до золотистой корочки. Я хотел попросить вас выдать ему вознаграждение. – Когда полковник после недолгого размышления утвердительно кивнул, Шенкс продолжил: – А это его собака. Отдайте самую популярную команду строевой подготовки.

– Зачем?

– Скомандуйте...

– Равняйся! Смирно!

Несмотря на опасения Макса, Блэйд не подвел. От такого звучного голоса у него получилось даже лучше, чем раньше. Он вытянулся на задних лапах, а передняя легла прямо у самого уха, вызвав бурю восторга не только у полковника, но и у всех, кто это видел.

– Хороший песик, дай, друг, на счастье лапу... Ну, дай лапу.

К удивлению Макса, Блэйд протянул полковнику лапу, и тот ее пожал.

– Ладно, Лих, на этот раз ты отмазался, – утвердился в своем решении Дитрих. – Но впредь думай, что говоришь.

– Спасибо, сэр.

– Ну, я пошел, – сказал полковник, когда к нему подошла официантка. – Мне тут посоветовали попробовать сразу с двумя, вот иду проверять, так ли это хорошо, как мне все расписали.

– Удачи, сэр.

– Спасибо, – ухмыльнувшись, поблагодарил полковник Дитрих.

– Вот и все, рядовой Брюстер, теперь ты свободен на ближайшие три часа. Ровно в девятнадцать ноль-ноль быть у шестьдесят седьмого шлюза. Не опаздывать. Все. Иди, веселись.

– Постойте, сэр, у меня ведь нет никаких платежных средств...

– Это просто, в кассовом терминале введи свой личный номер, он у тебя на жетоне, и требуемую сумму, вот и все дела. Это легко, там сам разберешься.

– Спасибо, сэр.

– Можешь покувыркаться с девочками садо-мазо. Никогда не пробовал?

– Никогда, сэр. Я лучше по старинке.

– Как знаешь, мое дело предложить.

Капитан Шенкс ушел к ближайшему терминалу делать заказ.

47

Постояв немного в нерешительности, Брюстер отправился к стойке бара. Бармен несколько удивился, увидев перед собой рядового, но все же спросил:

– Что желаете?

– Ээ... давай пива... холодного.

– Одну минуту, – бармен взял кружку и налил туда светлого пива. – А что вашему другу?

– Како... а ему печенья, жуть, как любит сладкое.

Бармен отсыпал в тарелку печенья и отдал ее Блэйд. Тот стал быстро уплетать его, раскидывая вокруг крошки.

– Блэйд, ну ты свинья.

– Вы уже сделали заказ? Я имею в виду...

– Еще нет. Сейчас допью и пойду.

– Лучше поторопитесь, через полчаса придет следующая партия.

– Пожалуй, я так и сделаю.

Макс вылил остатки пива в миску Блэйда, псу тоже надо было промочить горло после сухого печенья.

– Не подскажите, где здесь туалет.
– А здесь нет туалета.
– Как же тогда...
– На флоте только галльон. А он вон за той дверью, видишь, полковник выходит...
– Спасибо. Блэйд, за мной, – расплатившись, позвал Макс пса, вылизавшего свою миску досуха.

Но прежде чем идти в галльон, Брюстер все же решил сделать заказ. «А то прилетят раньше, и я с носом останусь», – подумал он.

Макс встал возле терминала, на экране которого были на выбор обозначены расовые типы. Здесь были все: и черные, и белые, и желтые, и красные. На любой вкус и цвет...

Брюстер нажал на квадратик с белым лицом. И тут же появилась заставка с двумя надписями: «Традиционный» и «Нетрадиционный». «Что бы это могло значить? – подумал Макс. – Что значит нетрадиционный? Для любителей извращений, что ли, с плетьюми и удавками?» И Макс от греха подальше нажал на «Традиционный».

Всплыла вторая заставка с очередным запросом: «Просмотр только свободных» и «Просмотр всех имеющихся». Макс выбрал первое, он не намерен был ждать, пока какая-нибудь освободится, да и психологически было удобнее выбирать из свободных, а не занятых на работе.

Появилась красочная заставка с двумя предложениями: «Выбор по конкретным параметрам» и «Выбор из имеющихся». На этот раз Макс выбрал второе. Он не имел особых предпочтений в формах, да и особо в них не разбирался.

На экране появился лист, сверху было помечено, что свободны пятьдесят шесть девушек. «Надо же, – удивился Макс, – я-то думал их всего штук пять будет при таком-то наплыве желающих». И стал дальше рассматривать экран. В небольшом прямоугольнике шел видеоролик, в котором девушка в полный рост показывала себя в самом выгодном свете. Рядом помещалась простая фотография лица анфас. Под фотографией размещалась информация о самой девушке, а точнее ее параметры. Рост, обхват груди, талии, бедер, а также вес. «Это немаловажно, – согласился Макс. – О, да тут даже возраст есть. Очень мило...»

Макс просмотрел весь список, потом вернулся на десяток предложений назад и выбрал понравившуюся. После чего нажал на кнопку «Ок». Вспыхнула надпись: «Апартаменты 4,316, желаем хорошего отдыха». «Ну и где это?» – подумал Макс.

– У вас затруднение? – спросила официантка.
– Да, где тут апартаменты под номером четыре-триста шестнадцать?
– Пойдемте, я вас провожу.
– Спасибо.

Они выбрались из шумного зала и поднялись на один ярус выше. Здесь в коридорах царил полумрак.

– Можно немного нескромный вопрос? – спросил Брюстер, когда они пошли по коридору.

– Пожалуйста.
– Почему такие цены, они раз в пять больше нормальных, ну вы меня понимаете?...
– Все в порядке. Просто девушки выезжают на заработки, и в стоимость включается оплата за риск. Нас ведь могут принять за боевой корабль... Плюс ко всему сюда входит неустойка, ведь девушки во время перелета неделями остаются без работы. Ну и охрана...
– Понятно.
– Вот мы и пришли. Апартаменты четыре-триста шестнадцать.
– Спасибо.
– Не за что, – официантка улыбнулась и пошла обратно.

Макс постучал в дверь каюты. Дверь открылась, отъехав в сторону, Макс как-то несмело вошел, вслед за ним проскочил и Блэйд.

– Произведи оплату, малыш, касса справа от тебя. Желтенькая такая.

Макс повернулся к боковой стенке, ввел свой личный номер и нажал кнопку «Оплатить».

– Я – Майя, – представилась девушка и, только тут заметив пса, вскрикнула: – Эй, ты случайно не ошибся?

– В чем? – спросил Брюстер, испугавшись, что не так ввел данные в компьютер.

– Я не занимаюсь извращениями, тем более с собаками, – категорично заявила она. – И потом, как ты себе это представляешь?

– Не беспокойся, ничего такого не будет. У тебя ведь есть ванная комната? Вот там он и посидит.

– Ну, тогда ладно. Запри пса и раздевайся...

– Можно принять душ?

– И даже нужно.

Макс отвел Блэйда в ванную, принял короткий душ и, вернувшись, лег на кровать, отметив, что в каюте такой же полумрак, как и в коридоре.

– Что так темно?

– Я так привыкла. Ну что, малыш, начнем с классического варианта развития событий?

– Давай.

Она стала работать ниже пояса, все было хорошо, но продержался Брюстер недолго. Разрядка произошла слишком быстро.

– Не расстраивайся, малыш. Такое случается у всех, кто слишком долго был без любви, сейчас все наладится.

Силы действительно пришли буквально тут же, что отразилось на его состоянии.

– Вот видишь, – сказала она, садясь верхом.

Брюстер и не заметил, как прошел целый час. За это время он успел сменить несколько позиций, и было такое ощущение, что он только что прошел дистанцию на Форт-Слейве.

– Все, малыш, – не менее уставшим голосом сказала Майя. – Время вышло.

– Я понял.

Макс оделся, вышел из номера и пошел обратно. Было ощущение, что он что-то забыл, но никак не мог вспомнить что именно. «Черт! – от пришедшего озарения Макс даже стукнул себя ладонью по лбу. – Блэйд!»

Макс быстро вернулся к каюте, но оттуда уже выбегал сам Блэйд.

– Ты забыл своего пса.

– Именно за ним я и пришел. Извини.

– Ничего...

48

Макс вернулся в общий зал. Заказав еще одно пиво, он удалился в самый дальний его конец, чтобы не маячить перед офицерами. Некоторые из них были уже изрядно пьяны и, увидев солдата, начинали возмущаться. Знающие его офицеры, видевшие представление Блэйда, заступались за него, но долго так продолжаться не могло.

До отправления на базу оставалось еще полтора часа, и Макс не знал, чем себя занять. Напиваться подобно присутствующим он не собирался, но и оставаться здесь долго было нельзя. Заступничеству мог прийти конец. Тем более что силы восстановились, и вновь появилось желание.

– Что делает здесь этот сопляк? – спросил какой-то пьяный майор, которого поддерживал не менее пьяный капитан. – Да! С каких это пор в офицерском борделе обслуживаются вшивые солдаты?!

– Именно, с каких это пор?

Пес зарычал, пододвигая к себе миску с пивом и думая, что покушаются на этот живительный и веселящий напиток, а за него он был готов порвать кого угодно, даже без команды.

– Отстань от него, Дангэр, – вступился за Брюстера офицер за соседним столиком. – А то его пес тебе яйца откусит, и тогда тебе придется забыть о бабах на долгое время, пока тебе их не пришьют обратно, а это больно. Очень больно.

– А я тогда пристрелю эту псину, – и пьяный майор даже достал пистолет.

– Кончай, Дангэр, ты так напился, что вместо псины по ошибке можешь пристрелить себя, – за соседними столиками раздались смешки.

– Что ж, – сказал оскорбленный майор, – я ухожу, но я еще вернусь!.. Или не так... я улечу, но обещаю вернуться...

– Давай катись.

И посрамленный майор, поддерживаемый капитаном, ушел прочь.

– Спасибо, – поблагодарил Макс.

– Может, он еще раз покажет этот номер?

– Боюсь, сэр, что он на двух лапах после такого количества пива не устоит.

«Ну что ж, – сказал сам себе Макс после этого очередного наезда, – почему бы и нет. Деньги есть, тем более капитан обещал бонус выделить. Да и сколько можно слушать эти оскорбления?» И Брюстер снова подошел к терминалу. Он быстро выбрал себе новую девушку, к тому же на этот раз выбирать пришлось только из девяти.

– Так, номер четыре-двести двенадцать.

– Вам помочь? – снова спросила официантка, появившись из ниоткуда.

– Нет, не стоит, – ответил Макс, подумав, как ловко устроено, что после каждого заказа они появляются рядом с заказчиком. – Я примерно знаю, где это находится. Но все равно спасибо.

Макс снова шел по знакомому коридору, но в другом направлении. Иногда он отдавал честь встречным офицерам, но те не обращали на него внимания, занятые своими проблемами.

На этот раз Брюстер был более решительным. Войдя и увидев округлившиеся глаза, сказал:

– Все нормально, он посидит в ванной комнате. А ты готовься, и заниматься этим будем при ярком свете...

Макс взял инициативу в свои руки, и все было так, как хотел он. «В конце концов, я плачу, я и музыку заказываю», – подумал Брюстер.

Макс в очередной раз зашел в ванную по своим делам, но тут развязался поводок Блэйда, и он выскочил в комнату. И здесь же, ко всему прочему, открылась и коридорная дверь в каюту.

– Извините, я, кажется, ошибся номером, – извинился кто-то.

И прежде чем дверь закрылась, пес прошмыгнул наружу.

– Блэйд! Да что с ним, черт возьми, такое?!

Макс быстро одевался, думая о том, что не хватало еще, чтобы пес потерялся и он опоздал на челнок. Одевшись, Брюстер выскочил вслед за Блэйдом, а того уже и след простыл.

– Вы не видели, куда собака убежала?

– Тут еще и с собаками этим занимаются? – выпучив глаза, переспросил лейтенант.

– Да нет, это мой пес. – Видя, что от лейтенанта ничего не добьешься, Макс побежал дальше. До отлета оставалось минут сорок.

Наконец один служащий борделя подсказал ему, куда побежал пес. Брюстер бросился за ним наверх, по пути заглядывая во все закоулки старого транспорта, перепланировка внутри которого добавила хаоса в расположение помещений.

Макс продолжал погоню за Блэйдом, перемещаясь с яруса на ярус и следуя указаниям клиентов и служащих публичного «дома», но все время отставая от пса на какой-то шаг.

– Да что с ним такое, в самом-то деле? – удивлялся Макс. – Не надо было давать ему пива. Блэйд! Чтоб тебя... Времени осталось всего ничего!

– Вы собаку ищите? – спросил служащий в одежде механика.

- Ее, то есть его.
- Тогда вам нужно поспешить, иначе вы наживете крупные неприятности...
- Куда он пошел?
- По коридору, второй поворот направо. Пospешите...

Макс бросился туда. Когда он заглянул за угол, то понял, почему Блэйд так спешил, он тоже решил развлечься по примеру своего хозяина, но с другой собакой. Блэйд усердно старался, его избранницей была белая пушистая собачка. «Слишком ухожена, даже косички есть, – успел отстраненно подумать Макс. – А это значит...»

– Матильда! Матильда, где ты? – услышал Макс женский скрипучий, прокуренный голос, оборвавший течение его мысли. – Что тут происходит? Какая мерзость! Ты за это ответишь!

– Блэйд, ко мне! Уходим, быстро!

Макс со всех ног бросился обратно, за ним спешил его пес, сделав свое дело. Брюстер бежал по кораблю, иногда сворачивая не в те коридоры и путаясь в них. Он надеялся на свою скорость, тем более, что тетка была толстой и двигалась достаточно медленно. «Но у нее есть другое преимущество, – лихорадочно думал Брюстер. – Она знает судно, и почему-то мне думается, что она занимает здесь не последнее место».

В итоге, когда Макс был уже на полпути к шлюзовой камере, он услышал знакомый голос:

– Держите его, держите этого подонка!

Охранники в черных бронежилетах сорвались с места и, расталкивая толпу, стали стремительно сокращать дистанцию с Максом. Увидев это, из шлюзовой камеры под номером «шестьдесят семь» выскочили уже погружившиеся офицеры.

В воздухе повисла тишина. Почти двадцать пистолетов уставились в трех автоматчиков. Понимая, что даже все пятьдесят стволов против трех автоматов «Скорпиус» да еще и лучшей брони – не аргумент, только куча народу поляжет, вперед вышел капитан Шенкс.

– В чем дело, мадам? – спросил он, дав знак, чтобы все грузились обратно.

Тетка пытается, не в силах сказать ни слова, только что-то хрипя, хватаясь пальцами за горло. Охрана не предпринимала никаких действий из-за отсутствия четких указаний, и вообще не понимая в чем собственно дело.

– Он... он... его...

Пока она восстанавливала дыхание, пытаясь что-то сказать, все погрузились, в том числе и капитан.

– Оставьте этого подонка здесь... он за все заплатит...

– Извините, мадам, нам пора. И вам в вашем возрасте нужно меньше курить.

С этими словами Шенкс захлопнул крышку люка. Через полминуты «Раббит» дернулся и отстыковался от «Розы ветров».

– Что ты там натворил, что мы чуть все не легли под пулями «Скорпиусов»?

– Это... это не я, это... это он, – Макс качнул головой в сторону Блэйда.

– А он что натворил?

– Поимел какую-то белую собаку...

– Ничего себе какую-то! Эта старая крашеная стерва – хозяйка этого чертова борделя! И собака эта ее. Также та еще сука...

Хозяйка борделя имела обыкновение иногда входить в комнату без разрешения в самый пикантный момент, поскольку имела универсальный ключ. За это ее все ненавидели, но отказаться от услуг борделя тоже не могли, чем та и пользовалась.

– Еще никому там не удавалось потрахаться нахалюву. Только твоему псу, вот истинный солдат, берет что хочет...

– И не платит.

– Так ей и надо, старой карге!

Макс Брюстер вышел из «Раббита» в том же месте, где садился. Вокруг надувной палатки все так же толпился народ. Но он пошел прямо в свой блиндаж, где никого не застал. «Наверное, еще пыхтят, – подумал Макс. – Если, конечно, пробились через толпу». Так до самого вечера никто не появился. Его друзья пришли только после одиннадцати часов. Веселые и поддатые.

– Макс, ну ты где пропадал? – спросил Кастор, предлагая Брюстеру бутылку солдатского рома, наполовину опустошенную. – Мы тебя ждали, ждали, а тебя нет.

– Так вы сходили или нет? – Макс отказался от спиртного.

– Сходили, конечно. Сначала там такая толкотня была, но потом пришли сержанты, всех растолкали поротно. Сами, естественно, пошли первыми, зато порядок был и организация. Все чинно и с достоинством, и при этом никакого мордобоя. Правда, когда отстоишь в очереди, уже мало на что годишься, но потом все же входишь в ритм.

– Вот что значит армия, – глубокомысленно заметил Риверс. – Везде порядок и субординация. А ты как?

– Да нормально. Я когда пошел, меня капитан засек с собакой и забрал с собой в офицерский бордель из-за Блэйда с его стойкой, чтобы полковнику показать...

– Так ты с офицерскими девочками развлекался?! – сразу просек Кастор.

– Ну да, с двумя, – ответил Макс, решив не рассказывать, что Блэйд убежал и он пропустил довольно много оплаченного времени. Отчего сейчас чувствовал себя немного обделенным.

– Ну и как?

– Я же говорю – нормально. Лучше расскажите, как вы.

– Тоже ничего. Досталось по одной девочке, завтра еще пойдем. Они здесь три дня стоять будут, пока всех не удовлетворят.

– Кстати, кто его научил лапу давать?

– Я, – признался Бертрольд. – Что-то не так?

– Да нет, как раз наоборот, все хорошо. Полковнику Дитриху очень понравилось.

– Какому еще Дитриху? – спросил Эстевес, который считал, что знает поголовно весь офицерский состав на базе.

– Того, которого наш капитан обещал пристрелить.

– Аа... понятно.

Все замолчали и стали готовиться ко сну. Но после сегодняшних первых приятных впечатлений за долгое время сон никак не приходил, отказывалась действовать даже уже выработанная солдатская привычка – засыпать мгновенно, как только закрыл глаза.

– Сегодня снова подкрепление прибыло, – сказал в темноту Стюарт. – Среди них две роты из нашего Форт-Слейва.

– Ну и как они? – поинтересовался Кастор, для которого это тоже оказалось новостью.

– Как и мы, всего два месяца обучения, вместо трех. Куда только наши правительства смотрят?

– Ты еще скажи профсоюзы... им всем наплевать на нас...

– Я вот тоже тенденцию заметил, – заявил Макс. – Сюда отправляют только новобранцев.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что сказал. Вы сами видите, прибывают одни сопляки, вроде нас. Никаких тебе хваленых спецназовцев, десантников, на худой конец, и прочих крутых ребят. Даже среди танкистов и артиллеристов одни новички. Единственные, кто здесь по настоящему крут, так это сержанты, ну и, конечно, офицерский состав.

– Пряма теория заговора какая-то... и все же, что ты этим хотел сказать? Может, у них ресурсов не хватает, и так везде, а не только у нас. Просто нам особенно не повезло с присутствием обстрелянных частей.

– Еще не знаю, – признался Макс, – просто мысли странные бродят. Но, может быть, все именно так, как сказал ты.

– Хватит болтать, – остановил разговоры Эстевес. – Нужно выспаться, а то ведь неизвестно, что день грядущий нам готовит.

– Да уж ничего хорошего, – ляпнул напоследок Кастор. – Ну, разве что только девочки, так до них еще добраться надо.

– Доберемся, – сказал кто-то в темноте.

50

Сон не шел. Брюстер ворочался с боку на бок, а мысли сами продолжали свой бег на заданную тему. Сколько так продолжалось, Макс не знал, ночью вообще время течет по-особому: кажется, что прошел целый час, а на самом деле только десять минут. Но вот глаза окончательно слиплись, и когда Макс, как ему показалось, разгадал секрет, когда почти поймал разгадку тайны за хвост, он окончательно заснул, так и не сложив мозаику до конца и не уяснив, в чем ее суть.

Сон был каким-то рваным. Снился дом. Иногда в доме появлялись комнаты, которых никогда не было, или отсутствовали те, что должны были быть. И сам дом стоял совсем не там, вокруг была долина, а не горы, как на самом деле. Постоянно менялся его возраст, то ему пять лет, и родители уже старые, то наоборот, ему двадцать, а они молодые. Но он-то знал, что они давно скончались.

Снились братья и сестры, которых в его взрослой жизни уже не было рядом с ним. Они разъехались по всему свету, и у них не получалось поддерживать нормальные отношения. Нехороший сон, все было не так, и самое удивительное, Макс осознавал это во сне, но, видимо, не до конца, поскольку не мог ни на что повлиять. И только когда во сне появились его школьные недруги, Брюстер понял, что дела совсем плохи.

Макс проснулся от сухого щелчка. Таково было свойство солдатского сна – просыпаться от любого подозрительно звука или спать, когда рядом с тобой довольно громко разговаривают, не обращая на это внимания. Эта привычка была приобретена еще в Форт-Слейве, когда спать хотелось всегда. Бывало, солдаты засыпали даже на марше, они просто механически бежали еще какое-то время, пока мозг окончательно не терял контроль над телом, и только тогда солдат падал.

Или же засыпали во время короткого отдыха. Тогда в обычной жизни какой-то рубленый и грубый сержант-инструктор Удостон превращался в грациозного хищника. Он мягко подкрадывался к уснувшему, и, упаси Господи, кому-то было предупредить об этом несчастного, хлопот не оберешься. Предупредившему было еще хуже, чем самому несчастному, тот отправлялся на губу вместе с ним.

Если же солдат замечал приближение сержанта и просыпался, то Удостон не применял к нему никаких штрафных санкций. Но если нет, и он продолжал спать до тех пор, пока сержант не касался того рукой, то тогда его ждали большие неприятности, по сравнению с которыми чистка сортира была счастливым избавлением.

Теперь проснувшись и вспомнив об этом, Макс подумал, что это было частью обучения. А вот остальные не реагировали, расслабившись после первого хорошо проведенного дня, забыв обо всех превратностях судьбы.

Макс продолжал лежать, не двигаясь, даже не дыша. Голова оказалась неудобно повернута в противоположную сторону от звука. Потому Брюстер сильно скосил глаза, да так, что стало больно глазным яблокам. Над местом, где, по его мнению, спал рядовой Минк, Макс увидел непонятную темную горку. Она двигалась очень медленно, и иногда казалось, что там ничего нет и это плод болевших от перекоса глаз, как и непонятные круги.

Но Макс Брюстер так не думал, тем более что он был следующим от двери после Минка, и туша, нависшая над рядовым, двинулась к нему. Макс лихорадочно соображал, что предпринять. Просто заорать не годилось, солдат ползший к нему, был явным

профессионалом и мог убить всех спящих при первом же его звуке.

Автоматы были в стойке у стены, до которой ему тоже было не добраться. «Где нож, где мой нож?! – с ноткой паники подумал Брюстер, вспоминая, где он может находиться, чтобы выхватить его одним движением. – Нет ножа, я его с бронежилетом положил, а бронежилет рядом с головой. Вот только пока будешь искать, где там что, меня на ремни изрежут и остальных убьют».

Айманских солдат называли «фигстерами», а то, что это был один из них, Макс уже не сомневался. О них ходило множество легенд, одна такая гласила, что один «фигстер», пробравшись за линию фронта, за ночь в одиночку вырезал целый батальон. Конечно, это была байка, но правдивая и потому очень страшная байка, особенно, когда один из них уже навис над тобой и вот-вот совершит свое черное дело.

«Может, бросить что-нибудь в сторону, чтобы отвлечь его внимание? – продолжал думать Макс. – Нет, только в кино плохой парень, как debil, будет следить за полетом какой-нибудь хреновины, подставившись под удар. Нет, этот сразу меня убьет, а потом уже будет разбираться, что там упало».

Сердце бешено колотилось, Макс даже казалось, что оно стучит так громко, что этот мясник его сейчас услышит. «Кстати, почему молчит Блэйд? – вдруг появилась в голове бесполезная мысль, но тут же пришел ответ: – Наверное, его первым убили».

«Фигстер» застыл на месте. От порога упала чья-то слабая тень, и он ее увидел. Макс разглядел большое количество разных ножей под маскирующей накидкой «фигстера». И тут Брюстеру на ум пришло решение проблемы, которым он, за неимением лучшего, решил воспользоваться.

Макс выбросил вперед руку, стремясь забраться под накидку солдата, и одновременно скомандовал:

– Фас!!!

«Фигстер» стал стремительно завершать остановленный замах ножом, но Макс уже был готов, и как на учениях, отклонив удар левой рукой, а правой вытащив его же нож, воткнул его в тело солдата. Здесь уже налетел Блэйд, и они вдвоем стали добивать раненого. Блэйд кусался, а Макс, как маньяк, наносил и наносил замашистые удары, всаживая нож по самую рукоятку.

Макс не помнил, сколько он нанес ударов, но остановили его частые звуки выстрелов. Оказывается, Стюарт Эстевес, разбуженный выкриком Брюстера, нажал на тревожную кнопку, которая была в каждом блиндаже, подняв тревогу по всей базе, а Макс просто не обратил внимания на звук сирены.

Макс выбрался наружу, прихватив с собой автомат. В небо уходили осветительные ракеты, разрывая ночную мглу. Горели два «Элепханта» и «Раббит», их пытались потушить механики и пилоты, но у них ничего не получалось. Все куда-то бежали и стреляли, зачастую просто в воздух. Явных целей он не видел и потому опустил свой «спрут».

Все это Брюстеру почему-то сейчас напомнило его послешкольную выпускную вечеринку на природе за городом. Тогда они жгли большие костры, а в небо запускали фейерверки. Потом целый день они провели в полицейском участке...

– Дерьмо... о чем я думаю?...

Утро приходило лениво. На небе гасли звезды, и атмосфера вновь приобретала свой повседневный желтоватый оттенок, перерастая у горизонта в обманчивый сочно-зеленый цвет. Макс ненавидел эту планету всеми фибрами своей души.

– Ненавижу... – сказал он вслух.

– Макс, ты цел? – спросил подошедший Стюарт, сев рядом с Брюстером. – А то на тебе кровищи...

– Цел. Этот гад только из нашего взвода четверых убил, – и Макс достал пригоршню жетонов из мешочка, снятого с «фигстера». – А скольких еще...

– Не меньше двух десятков, – быстро подсчитал Эстевес. – Пойдем, их нужно вынести.

Удары спящим солдатам были нанесены прямо в сердце и обеспечили мгновенную

смерть без единого звука умирающего. «Фигстеры» знали свое дело и делали его хорошо.

– Да ты его буквально искромсал, – сказал Мешко, склонившись над телом вражеского солдата. – Блэйд тоже постарался, все горло ему вырвал. Да, а почему он никак не среагировал?

– В туалет, наверное, ходил. При всех он не гадит, – ответил Макс. – А тут они.

В небе нарастал гул. Прибыли транспорты, чтобы забрать убитых и раненых. Убитых было много, из четырех рот осталось две с небольшим. А также все часовые. Остальные подразделения пострадали не сильно, и все потому, что выпускники Форт-Слейва оказались на передней линии и с ними решили разобраться в первую очередь.

– Не везет нам, – сказал Кастор, наблюдая за выгрузкой бронетехники из вновь прилетевших шаттлов. – А бордель они даже не тронули.

Ему никто не ответил. Все наблюдали за выгрузкой. Из необычно большого количества «Элепхантов» выгружали тяжелые танки «ТК5», БТРы, вертолеты и даже легкие атмосферные самолеты. И это, не говоря уже о сотнях солдат.

– Массированное наступление скоро будет, – сказал Стюарт.

– Будет... – согласился Макс и вложил в ножны трофейный нож.

51

Репортер Эрик Дуренко и его оператор Теодор Шлифман прибыли на Тайтар через полторы недели. Они прибыли бы и раньше, но прямых рейсов до зоны боев не было. Потому им пришлось добираться на попутках. Сначала сменили две пассажирские линии пятого разряда, удивляясь, как их еще клопы не съели. Потом был грузовик, совершенно разбитое корыто, носившее гордое название «Титан». Далее была удача – их за кругленькую сумму согласился подвести капитан ракетного крейсера. И вот они здесь, ждут своей очереди на аудиенцию с генералом для получения аккредитации, чтобы их ненароком не пристрелили, как шпионов.

В приемной было много офицеров, и самое печальное для журналистов заключалось в том, они были в конце этой очереди. Прошло два часа, а она уменьшилась только на треть, такая математика Эрику не нравилась. Поначалу офицеры шутили, травили анекдоты, но постепенно задор иссяк, и теперь все молчали.

– Что ты так извертелся? – спросил Эрик у своего оператора. Тот крутился на сиденье и так, и сяк, будто там была спрятана иголка или заноза застряла в одном месте. – В туалет хочешь, так сходи, нам тут еще долго околачиваться.

– Да нет, я пытаюсь определить, какого цвета трусики у секретарши, – шепотом ответил Шлифман.

Эрик посмотрел на хрупкую секретаршу в чине лейтенанта. Стол, за которым она сидела, действительно, позволял видеть ее ноги и даже больше. Но то, что видел Теодор, Эрику было недоступно – угол зрения не тот. Для большего обзора ему нужно было сместиться чуть влево, что он и сделал.

Дуренко невольно заразился идеей оператора узнать маленький секрет симпатичной секретарши-лейтенанта. Но этому мешали мини-юбка и плотно сдвинутые ноги, которые иногда перемещались из стороны в сторону, не раздвигаясь. «Ну же, ну же, раздвинь их! – кричал про себя Эрик. – Они у тебя слиплись, что ли?!»

Так продолжалось минут пять, пока их потуги не заметила сама секретарша. Она обворожительно улыбнулась и стала играть с незадачливыми журналистами. Она начала медленно поднимать одну ногу относительно другой, по-прежнему держа их плотно сомкнутыми и дразня воображение Эрика и Теодора, вызывая у них самые смелые сексуальные фантазии, от которых им самим было немного не по себе.

Они уже поняли, что она заметила их устремленные взгляды, но все равно не могли отказаться от своих намерений, к тому же это придавало ситуации некоторую остроту. Лейтенант еще раз проделала тот же номер своими ножками, а потом еще и еще.

Из двери в кабинет генерала неожиданно вышел раскрасневшийся майор. Он поправил галстук и быстро покинул приемную.

Секретарша наконец позволила увидеть свое потаенное место, отчего Эрика всего бросило в жар. Там не было никаких трусиков! От осознания этого у него случилась сильнейшая эрекция. Секретарша еще раз обворожительно улыбнулась и, даже не посмотрев на очередность и списки, сказала:

– Генерал Нуаре ждет мистера Эрика Дуренко и мистера Теодора Шлифмана.

«Маленькая стерва! – вскричал про себя Эрик, вставая и одновременно закрывая причинное место портфелем. – Та еще штучка! Сама, наверное, кайф ловит, да еще какой!»

За ним, как-то нелепо согнувшись и тоже закрываясь аппаратурой, прошел оператор. Наблюдая такую нелепую процессию, другие ожидающие прекратили возмущенные реплики в их адрес, не понимая, что произошло: то ли инвалидов вне очереди пропустили, то ли их неизвестный паралич разбил. И только немногие посвященные знали, что произошло на самом деле, и потому тихо улыбались, думая о чем-то своем. Но знали они и то, что сегодня уже никому и ни на что больше можно не рассчитывать – стриптиза не будет.

Дуренко вошел в кабинет генерала, им оказался престарелый, но крепко сложенный господин. Он был погружен в работу и, не отрываясь от бумаг, сказал:

– Подождите секунду... – Генерал Нуаре, наконец, поднял глаза на посетителей. – Да что же это такое! Вот уже несколько человек чуть ли не на карачках в мой кабинет заползают. Там сквозняк есть или кресла неудобные?

– Все нормально, господин генерал, – улыбнувшись, успокоил его Эрик Дуренко. – Все просто чудесно.

– Да вы садитесь, в ногах, как говорится, правды нет.

– Спасибо сэр.

Сев в кресло, Эрик почувствовал себя гораздо лучше, но видение преследовало его. «Странное дело, – подумал Дуренко, – вроде бы все знаешь, что там и как, а все равно еще хочется».

– Итак, вы по какому вопросу, господа? И представьтесь, пожалуйста, а то мне в бумаги лишний раз заглядывать не хочется, смотреть на них больше не могу.

– Я репортер Эрик Дуренко, это мой коллега, оператор Теодор Шлифман. Мы представляем тридцать шестой канал с Альпамира. Мы хотим сделать репортаж о наступательных действиях войск Торговой Федерации на Тайтаре.

– Зачем? – удивился генерал. – Оперативные сводки поступают каждый день и они, насколько мне известно, общедоступны.

– Видите ли, господин генерал, – осторожно начал Эрик, – с некоторых пор сухих оперативных сводок стало недостаточно и нужен живой материал.

– Понимаю. Что же, тогда я могу вам выделить какого-нибудь сержанта, и он вам покажет все, что вы пожелаете заснять.

– Понимаете, господин генерал, – как можно более доверительным тоном продолжил наступление Эрик. – Мы хотим провести прямой репортаж с места событий. Так сказать, взглянуть на ситуацию изнутри, из самой гущи событий.

– Но это же опасно! Вас могут убить...

– Об этом не беспокойтесь. Дайте нам только бронежилеты, и все дела. Мы не будем никому мешать, – сказал Эрик, подумав, что нет никакой разницы в том, убьют ли их здесь или по возвращении домой. – Я вам обещаю, что у вас не будет никаких проблем.

– И все равно не могу.

– Господин генерал, вполне возможно, что при удачном наступлении, которое будет ретранслировано в прямом эфире, акции Торговой Федерации вырастут на порядок выше, чем ежели выдать простую сводку типа: мы победили...

– Хорошо, – ответил Нуаре после недолгого размышления. – Я предоставляю вам полную свободу действий, можете делать, что хотите, снимать, что хотите, но выделить вам даже солдата, чтобы он вас прикрывал, я не могу.

– Это нам вполне подходит, господин генерал. Благодарю вас.
– Тогда всего хорошего. Аккредитационную карточку возьмете в пресс-службе. Если возникнут проблемы, пусть звонят ко мне.
– Еще раз спасибо, сэр, – вставая и направляясь к двери, поблагодарил Эрик.
«Идиоты, зачем так подставляться? Разве оно того стоит? – подумал генерал, когда журналисты вышли. – Но, впрочем, это их работа, им за это платят. А со сквозняком нужно что-то делать...»

52

На операционном столе лежал человек. Впрочем, на человека это мало походило, от него остался лишь обрубок без рук и ног. От него исходило множество трубок, вливавших лекарство и выводивших из тела отходы жизнедеятельности.

Человек, хоть и притупленно, но все чувствовал, он был в сознании, о чем, по крайней мере, свидетельствовала медицинская аппаратура, выписывавшая на своих экранах разнообразные кривые, по которым знающим специалистам можно было судить о состоянии человека. А оно, по понятным причинам, было не в лучшей своей форме.

– Итак, больной, сегодня мы будем проводить вам пересадку печени, – сказал Антонио Маччини. – А поскольку операция эта довольно сложная, то мне будет ассистировать моя «левая рука» Энрике Бэкли. «Правая рука» у меня ведаёт финансами, если кому интересно.

Энрике надел маску, его подташнивало, и вообще он чувствовал себя отвратительно. Он убил множество человек и не чувствовал по этому поводу никаких неприятных ощущений, как, впрочем, и приятных, но от того, что происходило здесь, его корбило.

– Больной, не желаете ли сказать что-нибудь, перед тем как мы начнем?

– Ххтоб тхы сдохх... – прошамкал беззубым ртом истязаемый и, собравшись с силами, четко добавил: – Гори в аду!

– Все там будем, – согласился Маччини. – Тогда приступим.

Антонио взял скальпель и стал надрезать и без того уже изрезанную, покрытую шрамами плоть. В утробе истязаемого тела было заменено свиными уже больше половины органов. Почки, селезенка, желудок, поджелудочная железа и даже одно легкое. Осталось только сердце да печень, которую сейчас собирались заменить. Все это болело и отторгалось, но сильнейшие лекарства препятствовали этому.

Маччини действовал умело, он быстро пережимал места утечки крови, пробираясь все глубже. Наконец появился долгожданный орган.

– Вот видишь, Энрике, это и есть печень, по которой вы так любите дубасить во время допросов и драк. Посмотри, как она выглядит. Тебе видно?

– Да, сэр, мне видно.

– И вообще тебе надо лучше знать анатомию человека... – Маччини посмотрел на пискнувший прибор. Жертва была на грани шока, и чтобы его избежать, Антонио ввел дополнительную дозу обезболивающего. – Тогда продолжим.

Маччини взял другой скальпель и начал отсекал печень, предварительно пережав зажимами все каналы, ведущие в орган и выходящие из него. Сразу же запищал прибор сердечного ритма, жизненные функции человека угасали. Антонио быстро перерезал оставшиеся связи и повернулся к своему ассистенту.

– Держи печень, Энрике.

С этими словами Маччини ввел пациенту лекарство и схватился за два «утюга» электрошокера. Писк стал невыносимым. Энрике хотелось сейчас только одного, чтобы это все поскорее закончилось и несчастный умер, но, с другой стороны, этого допустить было никак нельзя. Третий участник нападения был еще не найден, а значит, эти двое должны жить как можно дольше, иначе он сам попадет на этот стол. Бэкли догадывался, что именно для этого мистер Маччини и пригласил его сюда.

– Разряд!

Электрический разряд пробежал по телу жертвы, выгнув его позвоночник дугой. Но ничего не получилось, прибор продолжал противно пищать. Маччини увеличил мощность разряда.

– Еще разряд!

На этот раз сердце забилося.

– Энрике, давай сюда орган.

Бэкли протянул то, что держал все это время в руках.

– Да не этот, вон, позади тебя стоит коробочка, вот ее и принеси.

– Простите, мистер Маччини.

Энрике положил ампутированную печень в специальную ванночку, которая была для этого приспособлена. «Может, так и есть», – подумал он. Потом Энрике протянул нужную коробочку Маччини. Тот открыл ее и достал практически идентичный орган, только чуть большего размера.

– Замечательно. Так, только куда что пришивать? Энри, подай журнал... да этот. Раскрой его на странице сто семьдесят два. Ага... все ясно.

И Маччини принялся самозабвенно пришивать на место удаленного органа другой, от усердия даже высунув язык под маской. Сначала он пришивал его нитками, обрабатывал и если решал, что все в порядке, то проводил окончательное соединение с помощью лазерного сшивателя, который спекал между собой места разрезов.

Неожиданно жертва опять потеряла сознание с последующим отказом сердца. Но Маччини снова оказался на высоте и вывел своего больного из комы, а когда тот пришел в сознание, сказал:

– Да, сердечко тебе нужно заменить, а то совсем ни к черту стало. Отказывает по всяким пустякам, чуть что сразу останавливается. Я постараюсь найти тебе самое сильное сердце.

Маччини продолжил зашивать, и через полчаса вся работа была завершена. Умные компьютеры взяли больного под свою опеку и в соответствии с программой давали пациенту необходимые лекарства, чтобы тот мог дожить до следующей операции.

– Ну вот, а ты боялся, – сказал Маччини, похлопав по только что зашитому животу.

Энрике Бэкли больше не мог этого выносить. Он выбежал из операционной, но далеко уйти не успел, его вырвало прямо на пол. Его выворачивало наизнанку еще некоторое время, и вскоре пошла желчь.

Мимо, снимая окровавленные перчатки, даже не взглянув на своего подчиненного, прошел Антонио Маччини.

53

На орбитальном фронте установилось шаткое равновесие. Боев не было вот уже несколько дней, но постоянно велись позиционные передвижения, чтобы ни на минуту не дать противнику расслабиться.

Генерал Назар проводил последний анализ сложившейся ситуации: дерзкое нападение на укрепленную базу на Тайтаре чуть было не спутало его планы, но все обошлось, солдатам удалось отбиться от этих психов «фигстеров».

Перед ним стояла практически неразрешимая задача: захватить мощный укрепрайон Карнатион. Эта идеально защищенная точка была неприступна без наличия эсминца, а эсминец был, хоть и наполовину, но недееспособен. Захват Карнатиона позволит взять под контроль все западное полушарие планеты, а тут уже недалеко и до захвата всей планеты.

– Берендж, – позвал генерал майора.

– Слушаю, сэр.

– Начинаем подготовительную операцию по захвату Карнатиона.

– Сэр, для этого нам нужно продвинуться вперед минимум на тысячу километров и встать на более низкую орбиту, чтобы эсминец мог вести прицельную стрельбу, – напомнил

майор Берендж. – Это небезопасно.

– Я знаю. Начинаем.

– Есть, сэр.

Корабли Торговой Федерации двинулись вперед. Последним двигался подраненный «Воркер», он должен был сыграть первую скрипку в намечающейся свалке, а точнее постараться разбомбить Карнатион, чтобы не пришлось сильно стараться наземным войскам. Для этого ему нужно было продержаться на орбите всего десять минут. Этот срок намерены были обеспечить все остальные корабли, выстраивающиеся в боевые порядки.

Корабли двигались медленно – и все из-за эсминца-тихохода. Противник начал стрельбу еще издалека. Его корабли обходили группировку с двух сторон, стремясь зажать федералов в огненные тиски.

– На «Зорком» пожар, – доложил майор.

– Ничего не поделаешь, – развел руками генерал. – Но нам нужно продержаться эти десять минут. Так что приготовься к еще большему количеству пожаров.

Корабли проделали только половину пути, а одно судно уже выходило из строя с пробитыми двигателями, еще удивительно, что оно не погибло.

– Вызывай корабли-транспорты, пускай идут сюда, они здесь пригодятся больше, чем если будут просто сидеть за луной.

– Но зачем, сэр? У них же нет серьезного оружия.

– Будут прикрывать собой эсминец, как прошлый раз айманы закрывали свой. Боюсь, нам, действительно, долго не продержаться в этих клещах.

– Ясно, уже вызываю.

Еще до подхода «Воркера» к точке рандеву десантные корабли начали образовывать над ним плотный купол. А когда тот встал на свое место, они начали вращение, слишком медленное для хорошей защиты, но это было все же лучше, чем совсем ничего. А боевые корабли уже всю вели свою нескончаемую перестрелку.

Мошкара вилась вокруг «Воркера». Айманские истребители сцепились с «Лихтингами», стремясь прорваться за их плотное оцепление и повредить артиллерийские орудия эсминца. Единичным «Бейстам» это все же удавалось, и они спускали свои ракеты, но их было слишком мало, чтобы на что-то повлиять. Тем временем «Воркер» готовился к своему первому залпу.

– Сэр, спутники показывают странную картинку.

– Что там? – спросил генерал, не отрываясь от голограммы и иногда переводя взгляд на экран, чтобы иметь более полное представление о происходящем.

– Такое впечатление, что айманы запустили камикадзе.

– Ну-ка? – Назар отвлекся от хода боя, чтобы посмотреть на то, что показывал ему майор.

Картинка была нечеткой, сказывалось действие системы глушения сигнала противником. Но кое-что все же можно было разобрать. Незвестный корабль, действительно, набирал огромную скорость с другой стороны планеты, при этом он продолжал снижение и вскоре вошел в верхние слои атмосферы, оставляя за собой длинный дымный след, фактически превратившись в метеор.

– Что он делает?

– Проложить визуальный курс неизвестного объекта, – приказал генерал штурману.

Несколько секунд спустя на экране появилась линия, проходящая прямо под «Воркером».

– Он ведь не сможет в него врезаться...

– Это не камикадзе. – Генерал посмотрел на дополнительный экран, неизвестное судно вышло из-за горизонта, и теперь его можно было описать. – Это малый ракетный крейсер. Немедленно отводите эсминец. И уничтожьте этого чертова гада!

– Слушаюсь.

Но было слишком поздно, айманский крейсер вошел практически в мертвую для

обстрела зону, а некоторые редкие выстрелы оказались недостаточно хорошо подготовленными и потому ушли в «молоко». Эсминец все же произвел свой залп, но большего он сделать уже не смог.

Ракетный крейсер зашел практически под него и, сделав небольшую горку для сближения с целью, на дистанции в пятьдесят километров начал выпускать своих смертоносных посланцев одного за другим. Выпустив их, он окончательно вынырнул из атмосферы и неповрежденным на большой скорости ушел к границе системы.

Двадцать ракет вышли из пусковых шахт крейсера и направились к эсминцу. Были задействованы все системы противоракетной защиты, даже с соседних кораблей, лишь бы защитить «Воркера» от неминуемой гибели или хотя бы снизить до минимума повреждения.

Ракеты прорывались сквозь заслон, взрываясь одна за другой, они расчищали пространство для других, шедших позади них. После очередного взрыва из огненного шара вышли три ракеты и врезались в борт эсминца. Жуткий взрыв потряс корабль, казалось, он был еще цел, но спустя несколько секунд его разорвало на части.

– Отходим, – приказал генерал Назар. – Нам здесь больше нечего делать.

– Есть, сэр.

– Передайте наземным войскам, они могут начинать штурм.

– Но сэр, Карнатион по-прежнему неприступен. Тысячи солдат погибли, даже не подобравшись к его стенам. Нам не взять его. К тому же, сэр, движется песчаная буря...

– А кто тебе сказал, что мы вообще должны взять эту базу и всю планету?! – ответил генерал, теряя терпение и выдержку, но быстро взял себя в руки и уже спокойнее добавил: – Ты меня понял, майор?

– Да, сэр, извините...

– Выполняй приказ.

– Слушаюсь, сэр.

54

Однообразная пустыня угнетала. Второй день колонна бронетехники была на марше. Сотни танков и БТРов, поднимая тучи пыли, с нереально большой скоростью неслись по пустыне, а вместе с ними, на их броне, тысячи солдат. Маски спасали от пыли, чего нельзя было сказать об одежде. Вскоре песок стал пробираться через ее складки, раздражая кожу нудным царапанием. Но поднявшийся ветерок стал сносить в сторону вал пыли от колес.

К концу второго дня пейзаж стал меняться, появились цепочки гор, которые становились все больше и больше. Все чаще приходилось объезжать либо переезжать длинные, но не высокие холмы. Все чаще их сопровождали самолеты прикрытия.

Однажды, переезжая через один из таких холмов, вдалеке все увидели грандиозное сооружение, вросшее прямо в скалы. Как только они это увидели, в наушниках прозвучал голос капитана:

– Это, ребята, и есть база Карнатион, неприступная цитадель айманов. Взяв ее, мы обеспечим себе победу на всем полушарии, без нее остальные точки падут, как колоссы на глиняных ногах.

– Ну, ни хрена себе, как же ее взять-то? – услышал Макс голос Кастора.

– Но, возможно, нам и не придется ничего делать, – продолжил капитан, не слыша возмущения Мешко. – И всю работу выполнит орбитальный бомбардировщик.

Колонна съехала с холмов, закрывшись от цитадели еще одной подобной грядой. Здесь войск было вообще немеряно, всюду, насколько хватало глаз, стояли танки, уставив свои стволы в сторону Карнатиона, а также зенитные установки со стволами, направленными в небо, и прочая техника.

– Смотрите-ка, метеор! – показал пальцем в небо Бертрольд.

Было уже довольно темно, и потому светлое пятнышко на небе было хорошо видно. Двигалось оно очень быстро, вдруг рядом с ним чиркнуло несколько линий, но белое пятно

продолжало свое стремительное движение.

– Что происходит? – поинтересовался Кастор.

– Мы все хотели бы это узнать.

– Смотрите, звездный дождь, – Бертрольд снова показал на небо, буквально прямо над ними.

С два десятка звезд падали прямо на них.

– Не нравится мне это, – произнес Макс. – Уж слишком много представлений небесного характера за такой короткий отрезок времени.

Метеор вошел в зону источника звездного дождя, и землю сотрясли страшные удары. Все тряслось и прыгало, солдаты валились с ног. Все закончилось так же быстро, как и началось. Макс обнаружил, что валяется на спине, а в небе расцвела яркая вспышка, метеор уходил.

– Плакал наш орбитальный бомбардировщик, – отряхивая пыль, сказал Стюарт. – Сейчас в атаку пойдем. Так что лучше еще раз проверьте свою экипировку.

Но Эстевес ошибся, сначала началась артподготовка, танки били из-за холма по цитадели несколько часов, потом налетела авиация и продолжила утюжить территорию, между делом отбиваясь от айманских самолетов, в этом им помогали передвижные зенитные комплексы. И вместе с повторным налетом истребителей и штурмовиков, заполнивших пространство между холмами и горами на манер айманов газом, в атаку пошла пехота при поддержке бронетехники.

Танки легко перемахнули через холм, за ними двинулись пехотинцы, и все скрылось в тумане. Рядом проносились танкетки, а вдалеке снова началась бомбежка.

Макс Брюстер со своим взводом бежал в кромешной тьме, да еще и в поляризованном газе. Очки позволяли смутно различать направление движения и более или менее нормально пространство перед собой. По крайней мере, хватало, чтобы не сломать себе ногу в каком-нибудь поганом овражке.

– Ветер поднимается, – вдруг сказал Стюарт.

– Может, просто ты так быстро бежишь?... – попытался пошутить Кастор.

Дым начало сносить в сторону, он становился все реже и реже, пока наконец совсем не исчез. Резервные танки из-за холма пытались восстановить защитную завесу, но толку от них было немного.

И тогда начался самый настоящий кошмар. Защитники базы открыли прицельный огонь по наступающим из всех видов оружия, которое у них оказалось в довольно большом ассортименте. Танки пытались на ходу поразить огневые точки противника, но зачастую мазали, поскольку им самим приходилось отчаянно маневрировать, чтобы не попасть под удар или не свалиться в воронку.

Журналисты молча ехали на броне БТРа. Один молчал, потому что ему отказала секретарша, выставив полным идиотом. Другой, потому что разговаривал со своим боссом. Разговор получился, как у двух даунов, один задает вопрос и десять минут ждет на него ответ, очень сильно нервничает и раздражается. И все из-за системы глушения айманов.

– Ты представляешь, – сказал после долгого молчания Теодор, – она вылила на меня чашку кофе!

– Да уймись ты...

– Правильно, уймись, кофе-то горячий был!

– Тео, заткнись. Лучше приготовь аппаратуру.

– Так наступления еще нет.

– Просто небольшой репортаж снимем, может, по возвращении удастся кому-нибудь продать. Деньги в любом случае не помешают.

– Точно, – Теодор нацепил на голову свой шлем, на спине у него висел ранец-передатчик, сигнал от которого поступал на ближайшую передающую станцию, а от нее уже – до места назначения, но он был для прямого эфира.

Репортаж не складывался. К ним относились, в лучшем случае, нейтрально, в худшем – грозились разбить морду. У тех же, кто соглашался ответить на пару вопросов, ответы получались удивительно однообразными, либо выглядели полной чушью, содержащей в себе приветы родным и близким, либо угрозы по возвращении прибить своего недруга.

Хорошо получились только метеор и взрыв.

– Кажется, началось, – шепотом проговорил Шлифман, когда после утомительной канонады как-то по-особому подобралась солдаты.

– Точно, включай свой передатчик. Включил? Хорошо, готовность пятнадцать минут.

Солдаты рванули за танками.

– Побежали, – крикнул Эрик Дуренко, и когда они взобрались на вершину холма, продолжил: – Дамы и господа, мы ведем прямой репортаж с планеты Тайтар, не спрашивайте меня, где это находится, я сам не знаю. Главное другое. Здесь развернулась решающая схватка между Торговой Федерацией и Айманской республикой за обладание ресурсами. Сейчас федеральные войска пытаются взять штурмом неприступную цитадель айманов Карнатион, в случае успеха это решит все их проблемы на данном участке фронта. Но давайте же посмотрим, что же происходит на самой линии фронта...

– Моя камера не пробивается за этот шлейф, – шепотом проговорил Теодор по внутренней связи, которую не воспринимали телезрители. – Ни хрена не видно, ни один из режимов не работает, ни ультра, ни инфра, ничего!

– Ээ... дамы и господа, небольшая техническая накладка. Сейчас мы все увидим своими глазами, оставайтесь с нами...

Эрик увлек за собой Теодора, и они побежали вслед за ушедшими в туман солдатами. Пробежав несколько сотен метров и увидев, что туман рассеивается, Дуренко пожалел, что не остался на своем прежнем месте, откуда они начали съемку. «Сверху получилась бы отличная панорама», – подумал Эрик. Но делать было нечего, и он решил вести репортаж прямо с поля. В конце концов, именно это они и должны были делать, а не снимать панораму.

– Итак, господа, федералы преодолели половину пути до своей цели, и, как видите, у них случилась неприятность – рассеялась защитная завеса. Вот такой каприз природы... Что ж, давайте подберемся чуть ближе к солдатам.

И журналисты побежали вперед. Вокруг рвались вражеские снаряды, им отвечали танковые залпы, и все это снимал оператор, вертя головой и рискуя вывихнуть себе шею. Прямо перед ними подбили танк, который перевернулся набок, и Эрик поспешил к нему, справедливо рассудив, что подбитый танк больше добивать не будут, и он послужит хорошей защитой от пуль, да и репортаж получится гораздо более живописным.

– Тео, снимай это, снимай!

Теодор Шлифман уже и сам настроил свою камеру на близкую съемку. А снимал он вылезавший из танка экипаж, люди были все в крови и плохо ориентировались в пространстве, шатаясь, как пьяные, вследствие контузии.

Танкистов заметил айманский пулеметчик и открыл по ним бешенную стрельбу. Фонтанчики земли взвивались рядом с ними, чиркая по танку и заставляя журналистов испуганно жаться к броне. Вскоре пулеметчик пристрелялся, и через пять секунд все три танкиста были убиты. Их тела пронзало насквозь, слабая броня не держала удара крупнокалиберных пуль, и они падали на землю, а один вообще остался висеть в люке.

– Ты это заснял? Заснял?!

– Заснял я, заснял!

– Отлично!

Эрик Дуренко переместился так, чтобы оказаться между камерой и телами танкистов, и, показав рукой на убитых, сказал:

– Вот, господа, эти мужественные танкисты стали первыми жертвами безудержной атаки федеральных сил, а сколько их будет еще? Но давайте взглянем на ситуацию в целом, как мы видим, атака немного замедлилась. Я вижу солдат, сидящих в воронке от авиабомбы,

давайте подберемся к ним поближе...

И журналисты ползком подобрались к шести солдатам в воронке, тем более что стрельба на этом участке немного ослабла и было вполне безопасно. Солдаты просто сидели в воронке, но один из них все же достал ручной гранатомет и выстрелил по только ему видимому противнику.

– Итак, давайте спросим у этих солдат, что они думают о сложившейся ситуации, – сказал Эрик и протянул микрофон к ближайшему солдату. – Скажите нам, что вы обо всем этом думаете.

Солдат даже не сразу понял, что от него хотят, но когда до него дошло, он заорал:

– Пошел вон отсюда, придурок! Ты же нас демаскируешь, козел!!!

– Но я только хочу узнать ваше мнение...

– Пошел отсюда! – солдат достал свой автомат и нацелил его на журналистов. – Если через три секунды вы будете еще здесь, я вас сам убью, придурки!

– Все-все, мы уже уходим... – Эрик с напарником пополз назад.

Они успели отползти только на метр, когда с пронзительным свистом в воронку упал минометный снаряд. Солдат буквально разорвало на части, куски их тел сыпались рядом с Эриком и далеко вокруг, и все это бесстрастно снимала камера на голове Теодора Шлифмана.

– А еще говорят, что снаряд в одну и ту же воронку дважды не падает... – произнес Эрик, стирая с лица кровь, брызнувшую из упавшей рядом руки. – Итак, на чем я остановился?...

55

Доктор Макгаурен заведовал старейшей клиникой Альпамира «Желтая акация». Поскольку появилась она самой первой, то считалась самой лучшей на планете, а потому в клиентах недостатка не было. Постепенно она превратилась в закрытую лечебницу с психиатрическим уклоном для состоятельных людей. Этим иногда пользовались богатые родители, запирая сюда строптивых детей. Впрочем, здесь действительно лечили людей, если это было необходимо.

Доктор проводил полуденный обход с парой врачей, дабы показать, что он все еще сам занимается делами клиники.

– Как вела себя пациентка из сто второго бокса? – спросил доктор у дежурного врача по этажу.

– Все в порядке, доктор, тихо и мирно, никакого шума.

– Что ж, прогресс явно налицо. Еще один курс терапии, и можно ее выписывать... через пару недель.

Обход продолжался, когда его нагнала секретарша и немного взволнованным голосом заговорила:

– Доктор Макгаурен, доктор Макгаурен...

– Что случилось, Риточка?

– Звонил мистер Маччини, спрашивал о состоянии своей дочери, и голос...

– Что с его голосом?

– Он был явно раздражен.

– Хорошо. Где его дочь?

– Двести первая палата, доктор.

– Замечательно...

Макгаурен взял свой планшет и ввел цифру «201». На экране появилась история болезни данной пациентки. «Что ж, придется поторопиться, – подумал доктор. – А жаль».

Макгаурен строил себе новый загородный дом. Фактически это был дворец с пятью бассейнами и двадцатью комнатами. Строительство требовало больших денег, чего стоил только пол из карнакена, древесины с далекой планеты почти на окраине освоенного мира, а

поступления на лечение дочки Маччини составляли значительные суммы, и без них стройка могла затянуться. К тому же в клинике был «мертвый сезон», пациентов явно не хватало. «Значит, не судьба, – снова подумал Макгаурен. – Но и затягивать с этим не стоит, себе дороже будет, тем более что с ней нет ничего серьезного, но на месяц я ее еще задержу».

– Хорошо, Рита, через два дня позвони мистеру Маччини и скажи, что у его дочери наблюдаются явные сдвиги в лучшую сторону и что при хорошем стечении обстоятельств через месяц она будет уже дома в полном здравии.

– Хорошо, доктор, и еще...

– Ну?

– К данной пациентке пришла посетительница, ее подруга. Пропустить?

– Пропусти, – разрешил доктор, решив, что не стоит нагнетать ситуацию. Ведь та все может рассказать самому Маччини.

– Хорошо.

И доктор Макгаурен продолжил свой обход. Пройдя до конца коридора, он добрался до дежурных санитаров, которые отслеживали больных и при необходимости вызывали докторов.

– Ну что, ребята, все нормально?

– Да, сэр, все в полном порядке.

– Что с телевизором?

– Нормально, сэр, показываем только спокойные программы, вроде «Зверье мое» или «Прогулки по вселенной» и тому подобное. В общем, все по инструкции, сэр.

– Молодцы.

– Спасибо, сэр, – хором ответили два санитары.

Доктор ушел, санитары сели на свои места и достали карты. Заняться было нечем, поскольку наблюдать за психами изо дня в день жутко надоедало, а смотреть программы, шедшие по ящику, не было никаких сил.

Они вдвоем специально программировали телевизор так, чтобы у пациентов был самостоятельный выбор каналов, что вызывало у них некое чувство свободы и независимости, но отсекали все, что могло как-то повредить больным. Для этого на каждом канале они вводили определенное время, в течение которого он мог показывать. Работники каждого этажа выбирали время просмотра самостоятельно в соответствии с тяжестью диагноза больных. Некоторым можно было показывать что-то остренькое, а кому-то вообще ничего.

– Как мне это уже надоело, – признался Вуди своему напарнику, набирая очередную последовательность работы телевизора. Сейчас он программировал «36-й канал». – Смотреть нечего. Почему бы просто не вставить им несколько кассет, и все дела? Пускай смотрят, и нам хлопот меньше.

– Не знаю, так заведено с самого основания больницы. Традиции – великая вещь, хотя так было бы гораздо проще, – сказал Николс. – Я за кофе пошел, тебе принести?

– Давай... черного и со сливками.

– Сейчас принесу. Оп-па, это уже интереснее, посмотри какая мордашка...

– Мне в двести первую, – сказала девушка, поднявшись по лестнице.

– А пропуск у вас есть?

– Вот он.

Вуди взял пропуск, заверенный самим доктором.

– Нам нужно осмотреть вашу сумочку на наличие опасных вещей.

– Пожалуйста.

Николс взял сумочку и вывалил ее содержимое на стол, его напарник удержал мелкие, раскатившиеся по всему столу вещи и сказал:

– Подумать только, чего вы с собой только не таскаете. Косметический набор и газовый баллончик оставьте здесь, хотя не советовал бы вообще брать сумочку. Вы можете оставить

ее здесь, ничего с ней не случится.

– Я все-таки возьму.

– Как желаете, все в порядке, – Николс отдал пропуск. – Пойдемте, нам по пути. Когда нужно будет выйти, нажмете вот на эту кнопку, я приду и открою, а теперь заходите.

– Спасибо.

– Да не за что.

Николс пошел за кофе, заказав два стаканчика, он достал маленький пузырек. Недавно из аптечки он украл слабительное, выдаваемое «глотателям», чтобы у тех выходила вся дрянь, которую они умудрялись сожрать тайком от всех. Николс улыбнулся и высыпал все содержимое в стакан, тщательно перемешав. «Не надо было меня с той сумасшедшей запирать, – мстительно подумал Николс. – Я тогда чуть в штаны не наложил, и тебе придется наложить, и немало...»

Работа была скучной, и санитары иногда подшучивали друг над другом, чтобы как-то скрасить серые будни. Карты и другие игры уже не помогали. А когда ничего не происходило, как сейчас, тоска была смертной.

– Вот твой кофе, – сказал Николс, протягивая Вуди стаканчик. И отхлебнул из своего.

– Спасибо, – Вуди попробовал на вкус. – Какой-то он кисловатый, ты не находишь?

– Да нет, нормальный кофе. Не хуже и не лучше, чем обычно.

– Странно... наверное, сливки прокисли.

– Не привередничай, пей свой кофе, – и чтобы отвлечь внимание напарника, Николс спросил: – Что там с двести первой?

– Ничего, разговаривают. Точнее, она говорит, а наша молчит.

– Ясное дело, молчит, больная ведь на всю голову.

56

Ханна никогда раньше не бывала в заведениях типа «Желтой акации» и никогда бы не пошла сюда, если бы на нее не пал жребий. Как-то в кругу подружек они решили, что нужно навестить пострадавшую, чтобы потом все было без обид. Раньше их отказывались пропустить, а теперь согласились, но только одну. Вот она и пошла, поскольку договорились, что пойдет та, у которой раньше зазвонит телефон, и он зазвонил, будь он не ладен.

Видно было, что палату оснастили вещами из комнаты самой Амалии, чтобы ей все напоминало о доме и лечение проходило бы в более непринужденной обстановке. Но как бы не старались повторить домашнюю обстановку, казенность больницы все же проглядывала. Телевизор под потолком, закрытый бронированным стеклом, отсутствие острых углов и тому подобное.

– Привет Амалия... – поздоровалась Ханна. – Как дела?

Но та молчала. Амалия лежала на кровати, уставив в потолок невидящий взгляд. Это очень угнетало и нервировало Ханну. «Вдруг она буйнопомешанной стала? Сейчас вскочит и стукнет чем-нибудь по голове! – подумала она. – Но нет, медсестра сказала, что она в этом смысле в порядке и все понимает, просто не реагирует на окружающих».

Ханна с опаской присела на краешек стула, ей хотелось встать и убежать, но надо было просидеть с Амалией хотя бы четверть часа. Но время, как назло, словно остановилось.

– Посмотри, какой телефон выпустили, – Ханна вытащила из тщательно проверенной на входе сумочки сотовый телефон. – Чего здесь только нет, сюда даже умудрились сканер вставить. Берешь так, проводишь по какой-нибудь поверхности, а на экранчике появляется изображение, что там под этой поверхностью. Правда, интересно...

Ханна поняла, что Амалии сейчас все до лампочки. Ханна посмотрела на часы, прошло всего пять минут.

– Может, телевизор посмотрим. Что тут у вас интересного показывают?

Неожиданно для Ханны, Амалия откликнулась на эту просьбу. Взяв пульт, она

включила телевизор на первой же попавшейся программе. Показывали какого-то толстяка в нелепой накидке, ползшего за каким-то страшным дикобразом.

– Это Анцелиус Помпелиус, очень добродушный зверек, несмотря на свой устрашающий вид, – заговорил толстяк звонким голосом. – Посмотрите, его иголки достигают метра в длину. Давайте, дадим ему кусочек сахара. Аа... он укусил меня, паразит этакий!

Ханне было смешно, но Амалия, наоборот, стала переключать каналы. По ним транслировали игровые шоу, музыкальные и познавательные передачи, какие-то научные симпозиумы и тому подобное, или просто стояла заставка с надписью «Сигнала нет». Амалия остановилась на прежней передаче, что шла с самого начала. Вдруг симпатичного зверька сменил диктор, который сказал:

– Приносим извинения за нарушение программы передач. У нас на связи наш корреспондент, ведущий прямую трансляцию с места боев на планете Тайтар.

Николс улыбался все шире, глядя на то, как ворочается на стуле его напарник. Тот вспотел и нервно переминался в руках карты.

– Слушай, Ник, кажется, я чем-то траванулся. Плохо мне, живот пучит, наверное, все из-за этих прокисших сливок. Опп...

– Ты чего? – спросил Николс, сделав серьезное лицо, что стоило ему немалых усилий над собой.

– Кажется, пошло... точно пошло. Ты тут посиди, пока я в сортир сбегая, ладно?

– О чем речь, конечно, посижу.

– Спасибо, ты настоящий друг...

– Всегда пожалуйста.

Вуди, зажимая руками задний проход, побежал к туалету. В него он забегал уже с криком.

– Не будешь меня в сто пятьдесят шестой запирать, – сказал Николс, раскрывая карты Вуди. – Вот, а мог бы выиграть...

Загорелась лампочка вызова. Санитар с лентой взял трубку.

– Николс слушает.

– Николс, давай сюда, у нас ЧП!

– Я не могу, на посту я один, Вуди в сортире, а мне нужно за программами смотреть!

– Ник, какая программа?! Там все по расписанию и ничего не произойдет, а тут сейчас доктора на куски один буйный порвет! Этот гад Барнею уже два пальца сломал!

– Черт, у меня посетительница!

– Ник, давай сюда быстро!

– Хорошо, уже бегу.

«Надо же, как не вовремя я пошутил, – выхватывая электрошокер, подумал Николс. – А так все хорошо начиналось...» И Николс побежал умирять буйного психа с верхнего этажа, сломавшего Барнею два пальца, а это уже было серьезно, поскольку Барней был еще тот бык...

Ханна не могла поверить в увиденное ею по телевизору. Жуткие взрывы вспышками освещали ночь, то тут, то там. Все предметы отливали зеленоватым цветом – камера снимала в режиме ночного видения, но, тем не менее, все было отчетливо видно, до мельчайших подробностей.

Хладнокровный расстрел танкистов поразил ее больше всего и вывел из легкого ступора. Ханна вспомнила, что доктор предупреждал о том, что пациентке нельзя испытывать сильных потрясений, и вообще она должна видеть только позитивное, а тут целое море крови, это ли не потрясение.

Ханна бросилась к двери, но она оказалась заперта, тут она вспомнила про кнопку и нажала на нее, но ничего не происходило.

– Откройте! Откройте дверь! – кричала Ханна, стуча ладошками по мягкой обивке двери, глушившей ее удары.

Ханна хотела закрыть экран телевизора, но оказалось нечем, да и слишком высоко. Тогда она решила сделать то, что надо было сделать в самом начале – отобрать пульт. Ханна протянула руку за пультом, осторожно взяла его и потянула на себя. Но Амалия крепко держала его в своей руке и не спешила отдавать.

– Амалия, отдай. Ты же знаешь, что тебе нельзя смотреть на это.

Ханна показала рукой на телевизор, в котором репортер полз к воронке и тянул туда микрофон. Вдруг взрыв разметал всех солдат, и саму Ханну отбросило в кресло.

– Амалия, отдай, – чуть не плача, просила Ханна, в очередной раз потянувшись за пультом.

– Все нормально...

Ханна уставилась на свою подругу как громом пораженная, это была ее первая фраза за три месяца, что она тут находилась. «Наверное, это ее вывело из шока, – подумала она. – Недаром говорят, что клин клином вышибают».

А Амалия продолжала смотреть телевизор, на экране которого плавно опускались осветительные ракеты и что-то невнятно бормотал журналист. Но в дверь уже входила медсестра со шприцем успокоительного наготове, позади нее на всякий случай стояли санитары.

57

Солдаты продолжали бежать вперед, но им становилось все яснее, что это путь в никуда. И они прыгнули в первую же попавшуюся яму, которая оказалась битком набита другими солдатами. Среди них Макс заметил нового лейтенанта Кемпа Полдека, который, отложив рацию, сказал:

– Солдаты, как только в небе покажутся самолеты, мы бросаемся в атаку. Вам ясно? Кроме того, нас поддержит танковая артиллерия.

– Сэр, это самоубийство, – сказал какой-то солдат, и его явно поддержали все присутствующие.

Лейтенант достал пистолет и выстрелил в бойца. С близкого расстояния пуля пробила бронестекло каски солдата, и тот безвольно скатился на дно ямы.

– Кто еще считает, что это самоубийство? – спросил лейтенант Полдек, медленно осмотрев окружающих. – Поднимите руку.

Но руку поднимать никто не стал. И в небе действительно послышался рев самолетных двигателей, они быстро пролетели над ямой, и лейтенант скомандовал:

– Вперед! – и сам бросился в атаку. За ним вскочили все остальные.

Впереди виднелись частые вспышки взрывов и спустя пару секунд доходили их громовые раскаты. Самолеты долбили укрепления форта, а тот, в свою очередь, огрызнулся ответным огнем. Трассы снарядов чертили в небе замысловатые линии, взлетали ракеты противовоздушных комплексов. Падали подбитые самолеты.

Вдруг их заметили защитники Карнатиона. Земля рядом с ногами стала пениться от частых пулевых фонтанчиков, по ним бил пулемет. Стали падать первые убитые и раненые. Кто-то залег, а кто-то, наоборот, прибавил ходу.

В числе последних был и Макс Брюстер, он сделал последний отчаянный рывок и прыгнул вперед. Падение оказалось необычайно долгим, потом удар и еще падение вниз, только уже накатом. Перекат по наклонной плоскости продолжался до самого дна. Сверху послышалось еще несколько приглушенных вскриков людей, также не ожидавших такой глубокой ямы. И вместе с кучей песка к Максy присоединились еще девять солдат. Наверху продолжали взлетать фонтанчики земли.

– Ну вот, – проговорил Макс, – все повторяется сначала.

– Да, только на этот раз все гораздо серьезнее, – согласился Стюарт.

– И что нам делать? – спросил Кастор, отряхивая свой автомат.

– А ничего, будем сидеть здесь. Пока укрепления не раздолбают окончательно, и тогда пойдем со второй волной атакующих, а то подставляться сейчас смысла нет.

Сверху снова раздалась шлепающие пулевые удары, и в воронку скатилось еще несколько тел. Двое уже были мертвы, а третий тяжело ранен.

– О! Кажись, это наш лейтенант, – сказал кто-то из солдат, показав на раненого. – Не везет капитану с лейтенантами, дохнут как мухи.

– Лучше окажи ему первую помощь, – одернул солдата Эстевес.

– Не буду. Этот урод пристрелил моего друга, так что я с удовольствием сам его добыю.

– Отставить. Макс, посмотри, что с ним.

– Ладно.

Брюстер подполз к раненому лейтенанту. У того оказалось аж три ранения, и Макс удивился живучести этого человека с пробитой грудью, ногой и рукой. Макс повернулся к Стюарту и отрицательно покачал головой, показывая, что тот уже не жилец.

Лейтенант Полдек отбросил Макса в сторону и прохрипел:

– В атаку, паршивцы!

– Нужно действительно что-то делать, – напомнил Макс. – Наверняка, они видели, куда мы свалились, и сейчас могут навести на нас миномет, как в прошлый раз.

Макс вспомнил подлетевшую вверх каску.

– Не думаю, – произнес Эстевес. – У них сейчас других забот полон рот. Да и ветер поднимается, смотрите, сколько песка к нам задувает.

Рядом послышался лязг гусениц и рев танка.

– Может, вторая волна пошла? – предположил Риверс.

– Все может быть, только, по-моему, направление звука не совпадает, – засомневался Макс.

– Макс прав, что-то не так, – согласился Стюарт. – Солдат, посмотри, что там. А то вдруг контратака.

Солдат, который до этого грозился добить лейтенанта, с капралом спорить не стал и полез наверх. Макс еще раз удивился глубине воронки. «Метров десять будет, – подумал он, отодвигаясь от сыпавшегося на него из-под ног вылезавшего солдата песка. – А диаметр вообще под тридцать будет, не иначе орбитальный бомбардировщик постарался».

Наконец солдат выбрался и тут же скатился обратно.

– Ну что?

– Наши отступают, – просто ответил он. – Бегут по всему фронту. На поле куча подбитой техники. Короче, атака захлебнулась в собственной крови.

– Ясно.

Солдаты сидели на дне воронки, поскольку ничего более умного в голову им не приходило. Ветер крепчал, но на него не обращали внимание. На небе сквозь легкую дымку явно проглядывалась заря, предвещающая новый день. Рядом стали рваться мины, видимо, айманы все же засекли место исчезновения солдат противника и теперь старались положить туда пару снарядов.

– Да, видимо, буря для них не помеха, – сказал Риверс. – Надо отсюда выбираться и как можно скорее... я так думаю.

– И что ты предлагаешь? – спросил солдат, пытавшийся убить лейтенанта. Лейтенант умер от потери крови, и солдат был немного раздражен и хотел выместить на ком-нибудь свою злобу.

– Ничего...

– Ну, так...

– Уймись... Сикхад, и вообще заткнитесь! – прекратил споры Стюарт, прочитав имя солдата на его нагрудной планке. – Вы мне мешаете думать.

– Думай быстрее, капрал, снаряды все ближе.

И, словно в подтверждение его слов, совсем рядом взорвалась очередная мина, сбросив

вниз на солдат большую тучу песка. Солдаты стали недовольно отряхиваться.

– Черт! – выругался Кастор и с силой метнул свой нож прямо в центр воронки. Но к удивлению всех тот отскочил с металлическим звуком.

Все бросились раскапывать песок. Конечно, это мог быть простой камень, но следовало проверить, тем более что времени было совсем мало. Внизу оказалось стальное дно.

– Что это? – спросил Сикхад.

– Понятия не имею, но это наш единственный выход, – произнес Стюарт. – Быстро все на мою сторону.

Как только все оказались на одной стороне воронки, Стюарт поднял свой автомат, но выстрелить не успел. На противоположной стороне высоко на краю воронки взорвался снаряд, осыпавший всех осколками и тяжело ударивший взрывной волной. Эстевес упал, его руки оказались легко задеты, стонали еще несколько раненых бойцов.

Им быстро оказали первую помощь, перевязав раны поверх одежды.

– Пристрелялись, сволочи, – произнес Эстевес, но все же встал.

Стюарт открыл стрельбу по стальной пластине у них под ногами, ему стали помогать остальные. Некоторые пули рикошетили, но из-за правильного расположения солдат, никого не задевали. Когда стрельбу прекратили, стальное дно оказалось пробито во множестве мест, но выбить круг так и не удалось.

Федеральные силы снова начали артподготовку, и это на какое-то время отвлекло минометчиков от воронок.

– Черт, что же делать, – Кастор попрыгал на месте пулевых отверстий.

– Взорвать, – неожиданно для себя предложил Брюстер.

– Свихнулся?! Нас самих разбросает.

Макс не стал ничего объяснять, просто снял с пояса три ручные гранаты и положил на место пробоин, потом подтащил тела убитых.

– Для гарантии нужны еще два трупа.

– Хорошо, Макс, я понял твою задумку, может, и сработает, – и Стюарт протянул свои две гранаты.

Брюстер положил гранаты в центр круга, а на них навалил тела убитых солдат, так, чтобы те закрывали своими бронежилетами живых от осколков. Потом поставил таймер на десять секунд, протиснул гранату между тел и отбежал к остальным, забравшись наверх, почти к краю воронки.

Пять гранат взорвались одновременно. Тела, действительно, разорвало в клочья, но им было все равно, они уже давно ничего не чувствовали, а на месте взрыва образовалась рваная дыра, в которую тонкими ручейками струился песок.

Солдаты без лишних разговоров стали спускаться вниз. Артподготовка хоть и продолжалась, но айманские минометчики, несмотря на это, снова активизировались.

58

Солдаты оказались в темной шахте и потому не стали снимать очков ночного видения. Стенки шахты оказались сильно деформированными, по большей части от взрыва орбитального снаряда, чем от гранат. Среди раненых только один оказался «тяжелым», и его оставили у входа, остальные могли идти сами.

– Интересно, что это? – поинтересовался один из солдат.

– Может быть, вентиляционная шахта, – предположил Кастор.

– Такая здоровая, – возразил солдат. – Да здесь спокойно грузовик проедет.

– Я думаю, это незаконченная дорога для пусковой шахты, – высказал свое мнение Стюарт. – Вот видите, оборванная узкоколейка.

– Точно, – подтвердил Макс, показывая куда-то в глубь туннеля. – Вон там даже проходческий агрегат виднеется.

Все посмотрели туда, там действительно находилась довольно большая проходческая

машина.

– А куда мы, собственно говоря, идем?

– Мочить врагов Торговой Федерации.

– А может, тогда останемся здесь?

– А на кой хрен ты вообще в армию записался, солдат? По углам отсиживаться, пока другие погибают?

– Это не твое дело, капрал...

– Не мое, – согласился Стюарт, – но раз ты здесь, то будешь воевать, а не на жопе сидеть.

Дальше солдаты шли молча. Сколько они так прошли, было не ясно, – по примерным подсчетам Макса около полутора километров, и шахта, по его мнению, все время уходила вниз. Шахта закончилась стальной дверью, которую, впрочем, можно было открыть без особого труда, поскольку никакими электронными замками она снабжена не была, только двумя рычагами.

– А вот теперь нам действительно нужно подумать, что делать дальше, – тихо сказал Стюарт, стоя перед дверью.

– А что тут думать? – удивился Кастор. – Врываемся и валим всех, кого встретим.

– С таким же успехом можно сразу застрелиться. Я имею в виду, куда будем двигаться? Просто так всех валить, тоже смысла много нет. Какие еще предложения имеются?

– Может, тогда уничтожить пункт управления? – предложил Сикхад.

– Или энергетический комплекс, – добавил Риверс.

– Дилемма, – задумчиво произнес Эстевес. – Нас всего девять, нет карт подземных сооружений, и вообще мы не знаем, где что находится.

– Насчет карт, я думаю, мы их раздобудем, – сказал Бертрольд. – Надо лишь добраться до ближайшего терминала... любого.

– С этим ясно. Теперь – направление движения. Я так думаю, что оба интересующих нас пункта хорошо охраняются...

– Тут ты прав, капрал.

– Тогда предлагаю разделить на две группы. Одна с шумом идет к командному пункту и отвлекает на себя все внимание от второй группы, которая продвигается, как можно тише, и взрывает к чертовой матери реактор. Ну, как?

– Предложение недурно, вот только кто пойдет в первой группе?

– Вот ты, Сикхад, и пойдешь со своими бойцами, уж больно ты мне надоел. И нытик твой мне тоже надоел, видеть его больше не могу.

– Идет.

– С этим разобрались. Осталось раздобыть карту. Берт, дело за тобой.

– Я помню.

Железная дверь открылась со скрипом, в глаза ударил яркий свет, и все с непривычки затоптались на месте. Особое опасение вызвала скрипнувшая в абсолютной тишине дверь.

– Берт, ищи свой терминал.

– Уже ищу.

Бертрольд по ходу движения группы заглядывал в любой ящик, который хоть как-то напоминал технический компьютер, но все безрезультатно.

Как уже было всем ясно, крепости не дали время на достройку. Об этом говорили незаконченные туннели ракетных шахт. Кроме того, стены коридоров со стороны породы были голыми и необлицованными. Даже панели не имели крышек, и пучки проводов просто торчали из стены.

– Так мы ничего не найдем, – сказал Кастор. – Нужно брать какое-нибудь помещение.

– Хорошо, ищем помещение.

Через два десятка метров группа наткнулась на подсобную каморку, но это было не то. За следующей дверью оказался какой-то пульт, и все вломились туда, но, к счастью, там никого не оказалось. Риверс сразу же включил первый попавшийся компьютер и стал его

тестировать на наличие нужной информации. На экране сменялись папки и файлы, картинки сменялись графиками или текстовыми документами.

– Вот нашел! – торжественным шепотом воскликнул Бертрольд.

– Надо размножить.

– Сейчас, – Риверс включил фотопринтер, и через минуту на руках у каждого солдата было по глянцевой карте.

– И где здесь командный пункт? – спросил Сикхад, вертя карту и так, и эдак. – И где мы?

– Наверное, вот это, – показал Бертрольд. – А мы где-то в этом районе.

– Почему?

– Потому что отсюда тянется слишком много управляющих линий, слишком тонких для силовых, хотя помещение никак особо и не обозначено относительно других, – стал объяснять Бертрольд.

– Все разобрались?

– Вроде того.

– Тогда пошли.

Стюарт осторожно выглянул из-за приоткрытой двери, убедившись, что все чисто, вышел сам и позвал остальных. Группа разделилась на две части. Четыре солдата во главе с Сикхадом пошли искать командный пункт, а пятеро отправились к энергетической станции, не заметив на карте которую было просто невозможно.

Двигаться пришлось максимально тихо и аккуратно. Уже дважды на пути встречались патрули, и только чудом они не замечали вражеских солдат, успевавших скрыться за поворотом. Двигаться пришлось в глубь горного массива, где и была надежно упрятана от внешних воздействий станция.

Впереди лежал особо длинный коридор, и, в отличие от большинства остальных, он имел двери по обе стороны. После небольшого немого спора на пальцах решили идти все вместе, а не посылать разведчика, как раньше. Впереди всей группы шел Макс, осторожно ступая, чтобы не издать ни единого звука и преодолеть этот опасный участок без помех, ведь в помещениях могли быть служащие. На этот случай в каждую дверь уперлось по стволу автомата других членов группы, чтобы, в случае чего, расстрелять всех без затей.

Брюстер осторожно, но быстро выглянул из-за угла, все было чисто, коридор был пуст. Показав это остальным, Макс шагнул вперед и сразу же ввалился обратно, отчаянно жестикулируя остальным о приближении патруля из трех вооруженных охранников.

Солдаты ломанулись обратно, первый добежавший до конца коридора показал, что там тоже идет патруль. Понимая, что они заперты, солдаты стали искать открытую дверь, дергая все подряд. Наконец одна поддалась напору Макса, и он быстро заскочил туда.

Макс стоял, немного онемев, его толкали в спину остальные. Перед ним застыли айманы, которые с неменьшим удивлением смотрели на него и прибывавших солдат. Один из них рванул в сторону, и Макс открыл огонь из своего «спрута». Вверх летела щепка от столов и стульев, а также бумага и осколки прочего оборудования. Стрелял он недолго, но все кто был в комнате, оказались мертвы.

– Приготовились! – скомандовал Стюарт. – Стрелять только по команде.

Все встали по сторонам, нацелив автоматы на дверь и стену. Помещение хоть и было звукоизолированным, но когда Макс начал стрелять, дверь была еще приоткрытой на какую-то долю секунды, а значит, громкий звук должен был вызвать у охраны подозрение, но не настолько сильное, чтобы сломя голову звать на помощь. По крайней мере, так думали солдаты, они хотели так думать.

Макс не дышал, да и никто из членов группы сейчас не дышал, напряженно вслушиваясь в любой шорох. Напряжение достигло апогея, когда дверь тихонько щелкнула и приоткрылась.

– Огонь! – крикнул Стюарт и спустил курок.

Пять «спрутов» зашлись в злобном лае, выплевывая пули и изрыгая стреляные гильзы.

Пули пробивали пластиковые двери и стены насквозь, вышибая из них какой-то уплотнитель, который невесомыми пушинками вертелся в вихре порохового газа, густо заполнившего все помещение синевой с неприятным кисловатым привкусом. Перестали стрелять только тогда, когда стали перезаряжать автоматы, поскольку у всех кончились патроны.

– Не стрелять, – предупредил Стюарт и вышел в коридор. – Нам повезло, это те самые два патруля, но нам все равно нужно уносить отсюда ноги.

Макс уходил последним и потому отчетливо видел расстрелянную стену и лежащий патруль в числе шести охранников, которых не потрудились даже занести в комнату, чтобы хоть как-то замести следы. Звукоизоляционный наполнитель стен, как снег, оседал на их тела.

59

Движение группы было стремительным, попадавшихся навстречу солдат старались убирать по-тихому, с помощью ножей, и пока это получалось. Две группы по три охранника убрал один из солдат. Их заносили в ближайшую комнату. В последнем случае врагов оказалось двое.

– Все, – сказал Стюарт. – Судя по карте, реактор находится через три коридора от нас.

– Значит, будем взрывать? – спросил Кастор.

– Будем. Остается только пройти мимо охраны.

– Не получится...

– Значит, должно получиться.

Эстевес осмотрел свой небольшой отряд, насчитывающий пять человек.

– Вот что, Зегет, – обратился Стюарт к смуглому солдату, – переодевайся в охранника, поведешь Макса в качестве пленного. Ты тут единственный, кто сможет сойти за айманского солдата.

– Хорошо, – согласился Зегет.

– Эй, меня же на куски порвут, – возмутился Брюстер. – И с чего ты решил, что это сработает?

– Не порвут, руки будешь держать за спиной, а в руках у тебя будет твой автомат. А сработает, потому что служат здесь не наемники, как мы, а резервисты. Короче, как только подойдете достаточно близко, постарайтесь их всех перебить. Все зависит от вас.

– Легко сказать. Сами-то что будете делать?

– Ждать. Мы будем рядом.

Зегет завершил свое переодевание. С Макса сняли каску, и Стюарт перемазал его кровью охранников.

– И когда будешь идти, то прихрамывай, а то уж больно подозрительно будет, и рожу сделай побитую, – сказал Стюарт. – Ну вот, вроде нормально.

– Ладно, давайте автомат, – Макс приладил «спрут» на спине так, чтобы он не болтался туда-сюда и не вывалился в самый неподходящий момент, туда же передвинул нож. Было неудобно. «Но это даже и к лучшему, – подумал он, – естественнее выглядеть будет». А вслух сказал:

– Пойдем, что ли...

Макс хромал как мог, они шли вдвоем, остальные остались в предыдущем коридоре прикрывать их с тыла. Впереди показался пост, и Брюстер захромал еще сильнее.

– Стой! – окликнули постовые. Один из них вышел навстречу.

– Вот лазутчик! – крикнул в ответ Зегет, ткнув Макса в спину стволом трофейного автомата и заставив его пройти вперед еще пару шагов. – Вы что, разве не слышали, что к нам пробрались враги?

– Нет, ничего такого...

– Вот один из них, – Зегет снова толкнул Макс вперед.

– Ну, а мы-то здесь при чем?

– Мне нужно сдать его ближайшему офицеру, – и снова они прошли на два шага вперед.

– Стойте здесь, я сейчас вызову, – сказал постовой и стал набирать номер. – Сэр, тут к нам диверсанта привели, что делать?... Хорошо... ждем. Сейчас придет капитан и во всем разберется.

Капитан пришел довольно быстро, он с ходу осмотрел прибывших, но что-то ему не понравилось, и он бросил взгляд куда-то в район ног. Глаза его сузились, и Макс понял, что что-то с ними не так. Вдруг взвыла сирена, и все инстинктивно посмотрели вверх и по сторонам, только капитан с Максом наперегонки выхватывали свое оружие. «Наверное, трупы нашли, которые мы штабелями клали, вместо того чтобы пройти тише воды, ниже травы, – успел подумать Брюстер. – Или вторая группа начала активно действовать».

Выстрелы раздались одновременно. Пистолетная пуля ударила в бронежилет и отбросила Макса назад, на Зегета. Автоматные пули также пришлось капитану в грудь, но из-за отсутствия на нем какой-либо брони оказались для него роковыми. Начатое Брюстером завершил Зебет, расстреляв небольшой пост. Валяясь на полу, Макс понял, что не понравилось айманскому капитану – обувь Зегета, она была от его прежней формы.

Сирена продолжала реветь, к ним прибежали остальные члены группы, и все вместе они стали продвигаться к реактору, предварительно расстреляв спешившую к постовым помощь.

– Ты почему обувь не сменил? – спросил Макс, не придумав ничего лучшего.

– Мала была.

– Понятно.

– Быстрее! – прокричал Стюарт, иногда стреляя по сторонам.

– Давайте сюда, быстрее! – Риверс указал на закрывающуюся дверь.

Дабы не дать ей закрыться окончательно, Бертрольд сунул в проем свой автомат, приостановив ее движение. Автомат гнулся и хрустел, но остановил закрытие дверей. В оставшуюся щель смогли пробраться наемники.

– Всем на пол! – закричал Эстевес персоналу энергостанции. – Никому не двигаться, и все будет хорошо, все будут целы и невредимы.

– А где реактор? – спросил Кастор, наблюдая за тем, как окончательно закрывается дверь, переламывая пополам «спрут».

– Наверное, там, – Бертрольд показал на противоположную дверь.

Макс подошел проверить. Действительно, за окошком стояла какая-то конструкция, очень напоминающая реактор, по крайней мере, в фильмах они выглядели примерно так же. «Уф, – про себя выдохнул Брюстер. – А то я уже боялся, что карта эта – туфта».

– Так за чем дело встало? Давайте делать свое дело и убираться отсюда, – сказал Макс.

– Не все так просто, – охладил его пыл Риверс. – К реактору еще попасть нужно. Двери-то бронированные и просто так не откроются.

– Что ж, это поправимо, – произнес Стюарт, подошел к ближайшему рабочему станции и спросил: – Какой код у двери?

– Я не знаю...

– А кто знает?

– Я не знаю...

– Ясно. По-хорошему, значит, не хотим, – Стюарт прошелся вдоль выстроившихся в ряд служащих и продолжил: – Сообщившему код я сохраню жизнь, остальных пушу в расход. Итак?

Но семеро служащих молчали, уткнувшись взглядами в пол.

– Что ж, попробуем по-другому, – Эстевес приставил ствол автомата к голове ближайшего. – Считаю до трех, и если не скажешь кода – пристрелю. Раз... два... три.

Прогремел выстрел. Рабочий дернулся и затих. Никто не пожелал выдать кода. Эстевес подошел к следующему, но и с ним результат был тот же.

– Что-то тут не так...

– Дай, я попробую, – попросил Макс.

– Давай.

– Посадите их всех, чтобы они все видели и ничего не пропустили. Ну, так вот, – достав нож, продолжил Макс, когда всех пленников посадили в уголок. Он присел рядом с одним из них. – Ты знаешь, что это такое?

– Нож...

– Правильно, но не простой. Видишь это клеймо, – Брюстер медленно поводил ножом перед глазами пленника. – Это нож айманского солдата – «фигстера». Так вот я убил «фигстера» его же собственным ножом. И если ты не скажешь мне код, я убью им тебя, но не сразу. Я буду резать очень долго и очень медленно. Палец за пальцем... Ладно, ребята, держите этого урода, сейчас я его на ремни резать буду.

Кастор с Зеgetом схватили брыкающегося пленника, указанного Максом. Он вырывался, но бесполезно, ему было не вывернуться из стальной хватки двух наемников. Брюстер разжал судорожно сжатый кулак, с хрустом вывернул один из пальцев и приложил к нему нож. Видя, что простая демонстрация не действует, и боясь, что его самого стошнит, Макс начал двигать ножом по пальцу, решив про себя, что если нужно, то он его обязательно отрежет.

– Аа... я скажу...

– Так-то лучше, – Макс облегченно перевел дух. Одно дело убить, защищаясь, или стрелять в таких же солдат, как ты, и совсем другое дело заниматься пытками практически гражданских специалистов. – Одно непонятно, почему вы сразу не сказали?

– Я не знаю...

– Заклинило их, что ли? – удивился Стюарт. – Ладно, Берт, открывай. Давай, времени у нас совсем нет.

60

Бертрольд спустился вниз к реактору. Все, кто были внутри, под дулами автоматов подняли руки вверх и отошли к стене. Риверс засел за главный терминал и стал быстро вводить команды.

– Я не могу пробраться в их систему.

– Что значит не можешь? Это же их компьютер.

– Дело в том, что они знают, где мы находимся, и переписывают пароли доступа к системе, – отвечал Риверс, продолжая быстро работать пальцами по клавиатуре.

– Может, тогда отключить вручную?

– Не получится... мне кажется, что после разрушения бронестекла упадут бронированные шторы, которые гранатами мы пробить уже не сможем...

– Ясно.

– Давай, Берт, ты сможешь!.. – подбодрил Макс. – Ты просто обязан.

– Я пытаюсь...

Противоборство Бертрoльда с неизвестным противником в электронном мире продолжалось с переменным успехом, но окончательно победить пока никому не удавалось. Остальные напряженно следили за насквозь непонятными действиями программиста. Вспыхивали предупреждающие надписи, которые Берт пытался подавить.

Мигнуло электричество.

– Уже лучше... жаль только опыта не хватает... но и у них сидят не гении... – ворчал Риверс. – Все!

– Молодец, Берт!

– Я знаю, что я молодец, – самодовольно улыбнулся Риверс, вытирая выступивший на лице пот.

В результате его операций щелкнул замок двери, открывая вход к реактору. За

бронестеклом из конструкции поднялись два стержня, от которых исходил жар, видимый невооруженным глазом. Через тридцать секунд снова чуть заметно мигнул свет и отключились две трети светильников. Оставшиеся давали в два раза меньше света, чем положено по норме.

– Ну вот, включилась аварийная система, ее батареей хватит максимум часа на два, – сказал Бертрольд. – Если стержни останутся вынутыми в течение часа, то произойдет перегрев и реактор выйдет из строя. Главное, чтобы стержни были вынутыми.

– Ну, так заклинь их...

– Не могу. Любой специалист после того, как мы уйдем, может вставить их обратно.

– Тогда их нужно всех убить, – как-то отстраненно произнес Стюарт.

– Не поможет. Мы уже знаем, что это не все их специалисты, есть резервная команда.

– Тогда остается одно, – твердо сказал Кастор и открыл дверь в реакторное помещение.

– Эй, ты что задумал?!

– Рвану все к чертовой матери!

– Кастор, не надо! – прокричал Риверс. – Можно просто разбить пульт управления.

Но Мешко уже не слышал, дверь автоматически закрылась и не пропускала ни единого звука. Кастор активировал гранату и поставил ее между двумя стальными трубками, после чего вернулся назад.

– Кастор, можно было просто разбить оборудование, – повторил Бертрольд.

– Да? Да какая разница... Теперь уже точно стержни назад никто не затолкает.

Грохнул взрыв, порвавший две трубки, из которых под сильным давлением стал вырываться пар. Сработала сигнализация.

– Покинуть помещение, задет главный стержень, разрушение реактора через сорок семь минут, – проговорил компьютер равнодушным механическим голосом. – Покинуть помещение...

– Кастор, чтоб тебя, – выругался Стюарт. – Надеюсь, он не взорвется?

– Вероятность взрыва довольно велика, – опровергнул надежды Эстевеса Риверс.

– Нас же за эту радиоактивную заварушку расстреляют.

– Вообще-то это не радиоактивно, – сказал Бертрольд. – Но если рванет, то тоже мало не покажется. Взрыв будет ого-го.

– Одной проблемой меньше. Теперь надо выбираться отсюда.

Группа вернулась к выходу, за дверью их уже ждали охранники. Они несмело выглядывали из-за углов коридора, и можно было предположить, что в самих коридорах их скопилось порядочно. Кто-то из них даже стрельнул в дверь, но после того, как пуля рикошетом отлетела назад и шлепнулась в стену в опасной близости от самих охранников, стрельбу прекратили.

– Мда... – протянул Кастор. – Интересно, тут есть запасной выход?

– Даже если и есть, он ничем не лучше, – ответил Макс. – Они все под охраной этих злобных поганцев, старый путь нам хотя бы знаком.

– Тогда придется идти напролом.

– Придется... вот только я не уверен, что мы выберемся.

– Выбора у нас все равно нет, либо лечь от пуля, либо разлететься на атомы. В первом случае есть хоть небольшой шанс, – обозначил позицию Эстевес. – Берт, идешь в центре. Я и Зебет идем впереди. Кастор и Макс идут сзади. Стрелять во все, что движется. Все выходим, времени осталось сорок минут.

В дополнение к обозначенному порядку все взяли по одному заложнику в качестве щита. Только открыв дверь, Стюарт послал две подствольные гранаты по дальним углам коридорного перекрестка, сразу же послышались крики раненых. Чтобы не дать противнику опомниться, добавили из автоматов. При этом они продолжали движение вперед.

Подходя к перекрестку, Стюарт с Зегетом бросили по ручной гранате. Те, ударившись о стены, отскочили дальше в рукава коридора. Послышались отчаянные крики, но после сдвоенного взрыва все смолкло. И первый перекресток удалось проскочить без проблем, а Риверсу даже удалось подобрать два обретенных автомата, став тем самым полноценной боевой единицей.

Когда миновали первый перекресток, прибавилось работы и у Макса с Кастором, теперь им приходилось пятиться, не имея возможности видеть, что происходит впереди. Заложники сперва брыкались, но после пары толчков затихли и шли более спокойно. Макс положил ствол автомата на плечо заложника и так двигался. Точно так же поступил Кастор.

Кто-то осмелился выглянуть из-за угла, и Брюстер, не раздумывая, открыл стрельбу, искрошив стену и отбив всякое желание преследовать их, по крайней мере, этих охранников, которые уже и без того понесли серьезные потери.

На следующем перекрестке к ним прилетело сразу три гранаты.

– Назад! – крикнул Стюарт.

Но уйти далеко не удалось, всего на пару шагов назад, и гранаты взорвались. Взрыв больно ударил по ушам, и Макс почувствовал, что оглох. Но даже через глухоту он услышал дикий крик одного из заложников, второй погиб на месте, прикрыв собой всех остальных, прикинувшись к стене. Стюарт поддерживал раненого рабочего, держа на прицеле коридор, а Зегет, активировав еще две гранаты, забросил их, как в первом случае.

– Пошли! – тут же скомандовал Эстевес.

Вся группа продолжила движение. Зегет тащил уже мертвого рабочего, но для чего он это делает, Макс спрашивать не стал. Грохнул взрыв, и они благополучно проскочили второй перекресток. Зато на следующем они уже так не подставились. Раненого, который жутко кричал и демаскировал их движение, бросили вперед, и это сработало. Снова вылетели гранаты, и рабочего разорвало на части. Экономя гранаты, на этот раз обошлись только слепой стрельбой в сторону предполагаемого противника, заставляя его спрятаться и давая возможность пройти отступающим солдатам.

Макс отдал свой «щит» Стюарту, полагая, что ему самому тот не так нужен, как капралу, а вместе с ним и половину своих ручных гранат, оставив себе только две штуки.

Так они двигались, иногда меняя тактические приемы, но как ни экономили гранаты, они все же закончились. Вскоре Макс увидел, зачем Зегет тащил с собой мертвого рабочего. Однажды им под ноги прилетела одиночная граната, от которой, в принципе, невозможно было отвертеться, и тогда Зегет просто накрыл ее мертвым телом. Раздался взрыв, подбросивший рабочего кверху, и он попросил остальных жутко заорать и закричал сам. На крик сбежалась охрана, думая, что диверсанты обезврежены, но не тут-то было. Все двадцать пять охранников полегли под очередями «спрутов», обеспечив им чистый проход через несколько перекрестков.

Когда встречались коридоры с дверями, то прежде чем их пройти, они простреливали стены, зная по своему прошлому опыту, что они легко пробиваемы и что там может быть засада. Патроны к привычным «спрутам» уже давно закончились, и приходилось действовать трофейными «свемпами», предусмотрительно набранными с прошлого раза со значительным количеством боеприпасов. С собой несли только один «СПУР-500», из-за семи гранат к нему.

– Чисто, – отрапортовал Зегет, быстро выглянув в коридор.

– Что-то они задумали, – подозрительно сказал Стюарт. – Уж слишком легко мы проходим пятый перекресток, не встречая сопротивления.

– Тем не менее, нам нужно двигаться.

– Вперед...

Группа продолжила двигаться вперед. Трое шли вперед, а двое оставались на месте, прикрывая от возможной атаки сзади. Однажды они чудом остались живы, когда их атаковали с двух сторон. Именно тогда легли последние живые щиты и вышли все гранаты, с помощью которых все же удалось вырваться из западни, отделавшись лишь вмятинами на

бронежилетах. Теперь они шли свехосторожно, каждый держал в руках по два «свемпа», готовых в любую секунду превратить любого в дуршлаг.

– Берт, сколько нам еще идти? – спросил Эстевес у Риверса, который лучше всех разбирался в топографии. Всевозможные карты и схемы были его коньком.

– Еще пять перекрестков, потом длинный коридор – и мы у нужной нам шахты.

– Хорошо...

Как только он это сказал, стены покрылись мелкими точками, было даже неясно, из-за какой стены ведут огонь. Тройка наемников упала, в ответ огрызаясь огнем и паля во все стороны. К ним присоединились Макс с Кастором, принявшие обстреливать обе стены с двух рук. Видимо, такая лавина пуль сделала свое дело, и защитники цитадели отступили или оказались мертвы.

Когда подбежали Макс с Кастором, Бертрольд со Стюартом корчились на полу, Зебет уже не шевелился.

– Давай, поднимайся, – говорил Макс, поднимая раненного в руки и ноги Стюарта. – Уже немного осталось.

– Сначала обезболивающего! – зло прошептал Стюарт. – Иначе мы не пройдем и десяти метров.

– Хорошо.

Макс быстро достал два шприца из походной аптечки, один вколол Эстевесу, другой Риверсу.

– Еще...

– Может, не нужно?

– Еще!

– Как знаешь... – и Макс вколол еще по одному шприцу.

– А теперь пошли.

Так они и шли: Брюстер поддерживал Эстевеса, а Мешко – Риверса. Оставшиеся перекрестки они миновали, нещадно поливая их автоматным огнем, не давая никому высунуть и носа.

– Нужно пройти еще метров триста... – сказал Бертрольд.

– Я помню этот коридор, – кивнув головой, сказал Макс, выбрасывая свой автомат и беря в руки «спрут» с подствольным гранатометом. «Как жаль, что боеприпасы не совместимы», – запоздало подумал он.

Сзади прилетели три гранаты.

– Ложись! – крикнул Макс, увлекая за собой Стюарта и дергая вниз Кастора.

– Черт!!!

Макс обернулся на крик. Кричал Кастор, у которого буквально текла кровавая река из-под пробитого бронежилета. Брюстер выстрелил две гранаты в сторону врагов, ненадолго остудив пыл преследования.

– Кастор, вставай, нам нужно уходить.

– Ты что не видишь? У меня кишки пробиты!

Макс вколол максимально допустимую дозу обезболивающего. Стюарт с Бертрольдом продолжали простреливать подходы.

– Давай! – Макс попытался поднять Кастора. – Осталось совсем немножко.

– Аа!!! – закричал Мешко. – Оставь меня, иначе я сдохну от болевого шока. Лекарство не помогает.

– Макс, боеприпасы заканчиваются, – напомнил Стюарт, вставляя в автомат последний рожок с патронами. Нужно что-то решать.

– Уходите... меня вам все равно не донести, – часто дыша, сказал Кастор. – Дайте мне... автомат, я их хотя бы... задержу...

– Держи, – Макс отдал «спрут», он уже все понял и не стал разводить бесполезные сопли, рассказывая о том, что они его все равно вытащат, и все такое. Он знал, что это не так, и, дозарядив подствольник, просто сказал. – Здесь еще пять гранат.

– Уходите...

Тройка, стреляя, продвигалась вперед, сзади слышались выстрелы гранатомета. Стюарт выбросил уже бесполезный «свемп» и открыл тяжелую дверь. Все вошли в шахту, заклинили вход еще одним автоматом и, как могли быстро, пошли наружу.

62

Было ощущение, что эта шахта никогда не закончится, сейчас она казалась длиннее, чем прошлый раз. Ночники были разбиты у всех, и потому они все время спотыкались о шпалы и падали. Но скоро узкоколейка закончилась, а это означало, что выход совсем рядом. Вскоре появился лучик света.

– Стой! Иначе буду стрелять!

– Это мы, Карнех, – вспомнил имя солдата Стюарт. – Не стреляй...

– Аа... давайте сюда, что случилось? Где остальные?

– Потом расскажем, сейчас нужно срочно отсюда выбираться.

– Это будет затруднительно, здесь довольно высоко, а песка довольно мало.

Глаза привыкли к полумраку, и Макс увидел среди груды хлама одинокий рельс.

– Вот, вполне подойдет в качестве лестницы. Видите небольшие кругляшки на боковой стороне, если постараться, то вполне можно зацепиться ногами и вылезти.

– Она тяжелая, а силы наши тают с каждой секундой, мы же тут все тяжелораненые... кроме тебя.

Брюстер ничего не сказал. Он обхватил рельс, с большой натугой поднял один его конец и поволок к дыре. Рельс, действительно, был очень тяжел, и Макс подумал, что если бы не издевательства сержанта Удостона, когда он навесил на них дополнительные грузы, увеличившие их силу, то он вряд ли бы донес его до места. Кое-как Максудалось упереть рельс в стену и, приложив все оставшиеся силы, поставить его почти вертикально.

– Все, – тяжело выдохнул Макс. – Больше не могу, хоть убейте.

– Этого вполне достаточно, – успокоил его Стюарт и, проверив стойку на прочность, полез наверх.

За ним, при поддержке Брюстера, вылезли все остальные. Последним вылез Макс. И первое, что он увидел, были журналисты, увлеченно снимавшие битву, не замечая, что у них творится под носом.

– Итак, дамы и господа, мы наблюдаем третью атаку федеральных сил. Ветер немного спал, но не это стало причиной новой атаки. Она началась после необъяснимого ослабления позиций айманов. У них перестали работать некоторые системы в оборонительных рубежах, самое заметное ослабление произошло в системе ПВО. Перестали работать автоматические зенитки, сейчас за ними сидят стрелки, и качество стрельбы заметно ухудшилось, чем пользуются самолеты федералов, кладя бомбы, как на учениях.

Макс, как самый здоровый, дополз до журналистов, напугав тех до полусмерти.

– Мы журналисты! Мы пресса! – закричали они.

– Заткнитесь! – оборвал Брюстер вопли журналистов. – Дай передатчик.

– Зачем?...

– Быстро!

– Вот возьмите...

Макс повертел миниатюрную штуkenцию в руке, немного освоившись, набрал частоту своего подразделения.

– Господин капитан, говорит рядовой Брюстер... Да он самый... Господин капитан, нужно срочно отвести войска от цитадели, у них неисправен реактор... Я понимаю, что она практически взята, но если они не отойдут, то взорвутся прямо с ней, через... – Макс посмотрел на часы, – через восемь с половиной минут... я не шучу. По крайней мере, все к тому шло, пока мы оттуда выходили...

– Что значит, взорвется? – спросил Эрик Дуренко, принимая обратно свой передатчик.

– А то и значит, ба-бах, и все взлетит к чертям... Да и вам я посоветовал бы убратся подальше, неизвестно какая будет мощность взрыва. А я уже побежал отсюда.

И Макс поспешил за поддерживающими друг друга товарищами, принял половину ноши на себя, и они заковыляли гораздо быстрее. Отсняв спины удалявшихся наемников, журналисты поспешили за ними, тем более, что наступавшие танки вдруг развернулись и столь же резво покатали обратно. А еще спустя немного времени улетели все самолеты.

Приятели сидели на вершине холма и сосредоточенно смотрели на часы. Они успели добраться вовремя, так как их подобрали танкисты, сжавившись над хромыми пехотинцами. Заодно прихватили журналистов.

– Вот солдаты отсчитывают время до момента падения неприступного Карнатиона, – вещал Эрик. – Случится ли так, как сказали они, или укрепления останутся столь же неприступными, как и раньше? И что случится с самими солдатами, если окажется, что наступление сорвано по их вине? Не думаю, что их погладят по головке... Что ж, все это мы узнаем через короткое время. Не переключайтесь...

Теодор Шлифман вертел головой, переводя камеру с солдат на крепость и обратно.

– Эй, чего грустите?

– Надо же, Сикхад! Живой!

– Конечно, живой... правда, я один, остальным не повезло.

– Долго еще? – спросил Дуренко.

– Меньше минуты, – не отрываясь от созерцания, ответил Макс. – Пять, четыре, три, два, один, ноль.

Все напряженно уставились на айманскую крепость.

– Ну, значит, не судьба. Может, оно и к лучшему, – минуту спустя добавил Брюстер. Хотя нас за срыв операции не похвалят...

– Что – не судьба, мне кто-нибудь объяснит? – начал терять терпение Сикхад.

Сначала послышался какой-то подземный гул и удар. В долине взлетело несколько пылевых фонтанов от прорыва недостроенных пусковых шахт, взорванных сильнейшим давлением воздуха сквозь многометровую толщу грунта. Но самый высокий фонтан бил там, откуда недавно вылезли солдаты. Потом еще раз трянуло, посыпались скальные породы, вызывая сильнейший камнепад, и почва от горы пошла самой натуральной океанской волной.

– Вот это...

Волна поднимала почву на метровую высоту, ударила о холмы, подбросив всех вверх, и пошла дальше, затихнув далеко в пустыне.

– И что это было?

– Реактор.

– Так мы теперь все подохнем от лучевой болезни?!

– Нет, Бертрольд сказал, что реактор был выполнен не на радиоактивном топливе. И потом даже если и не так, взрыв-то не вышел наружу. Нам в любом случае нечего бояться.

– Вас вызывает капитан, – произнес новый лейтенант.

– Господин лейтенант, – быстро встал Эрик, – прежде чем они уйдут, позвольте заснять их лица. Торговая Федерация должна знать своих героев.

– Не возражаю.

– А вы почему не снимаете шлем?

– Не хочу, – просто ответил Макс.

– Солдат, снимите шлем.

– Господин лейтенант, я хотел бы остаться инкогнито.

– Пожалуйста, пусть он тоже снимет, – и Эрик, не стесняясь, протянул лейтенанту несколько сотен реалов.

– Солдат, снимите шлем, иначе у вас будут большие неприятности.

– Но, сэр!

– Снял шлем!

Брюстеру ничего не оставалось, как подчиниться. Этого только и ждал Дуренко, он тут же подбежал к солдатам и затараторил:

– Вот, дамы и господа, истинные герои сегодняшнего дня, герои всей Торговой Федерации. Именно они обеспечили ей победу на данном фронте и, я не побоюсь этого слова, на всей планете.

63

Флот продолжал удерживать позиции, не давая противнику взять полный контроль над небом в зоне наземных боев. Генерал Назар хорошо понимал, что если отступит, то налетевшая мошकारа сметет войска одним массированным ударом, а так держалось хрупкое равновесие, в принципе всех устраивавшее. После многодневных боев корабли нуждались в ремонте, но сделать это было невозможно. Радовало только одно: у противника дела обстояли не лучше.

– Господин генерал, первая атака захлебнулась, – прокомментировал майор Берендж. – Они просят повторить налет.

– Повторим минут через десять. Скажи им, как только сами отобьемся, так сразу к ним.

– Есть, сэр.

«Лихтнинги» отгоняли обнаглевших «Бейстов» от кораблей, которые сами не могли с ними ничего сделать. С десятков самолетов отгоняли айманов от флагмана, но те все же умудрились сбить три датчика, и один обзорный экран в командной рубке вышел из строя, сами при этом они ушли невредимыми.

– Что делают, черти! – невольно восхитился генерал действиями айманов.

– Все они отходят.

– Посылайте «Фроги», пусть штурмуют базу.

– Есть, сэр.

Время шло, атаки на поверхности планеты продолжались, но безрезультатно. На космическом фронте также оставалось без перемен. Вести какие-то хитрые маневры у противоборствующих сторон не было никаких сил и желания. Айманы знали, что база неприступна, и потому на рожон не лезли, по той же причине не дергались и федералы.

– Сэр, с Тайтара передают, что намечается какой-то взрыв.

– Какой еще взрыв?

– Я не очень хорошо понял, но, кажется, что-то, связанное с реактором.

– От кого поступила информация?

– От полковника Дитриха, а тому от какого-то капитана.

– Отзывайте самолеты, а то долбанет их электромагнитным полем, и мы сразу лишимся сотни бортов, вот уж подарок айманам будет.

– Тут прямой репортаж ведется, можно включить, все равно у нас экран свободный, – предложил майор.

– Включай.

Генерал напряженно следил за трансляцией. Чумадые и израненные солдаты смотрели на часы. Ведущий говорил:

«Случится ли так, как сказали они, или укрепления останутся столь же неприступными, как и раньше? И что случится с самими солдатами, если окажется, что наступление сорвано по их вине?... это мы узнаем через короткое время...»

– Вот уж действительно, – недобро протянул генерал, хрустнув пальцами.

Время прошло, но ничего не происходило.

– Уф, – облегченно выдохнул генерал Назар.

Майор Берендж подозрительно покосился на своего командира, ему по-прежнему была непонятна логика Назара.

– Вот черт!

Майор посмотрел на экран. Качество изображения сильно испортилось, но земляную

волну было отчетливо видно. Генерал смотрел на нее, не отрываясь, а потом быстро встал и приказал:

- Немедленно установите связь с командованием, кажется, у нас большие проблемы.
- Но, сэр, Карнатион пал, мы победили...
- Вот эти самые герои, – генерал показал на наемников, – возможно, завалили всю операцию, которую мы готовили без малого полгода. Свяжите меня с адмиралом... Господин адмирал, произошло непредвиденное – цитадель пала раньше срока...
- Мы уже видели. Удивительно, конечно, но все нормально, генерал.
- То есть все получилось, и противник выдвинул сюда дополнительные силы?
- Именно так. Как только вы начали атаку, их корабли снялись и пошли на выручку, а мы, в свою очередь, начали свою атаку. Так что все получилось как нельзя лучше, и у нас появился двухнедельный запас времени на основную операцию.
- Отлично.
- Ну, тогда до связи.
- До свидания, господин адмирал.
- Сэр, не могли бы вы мне объяснить, что происходит?
- Ты должен был и сам все понять, но раз не понял, то объясню. Вся эта операция всего лишь отвлекающий маневр – блеф, одним словом. Штурм Карнатиона должен был продолжаться не менее недели, чтобы они поверили в серьезность наших намерений, особенно после серии дезинформационных радиоигр, и выслали сюда дополнительные силы для удержания Тайтара в своих руках. Но они струхнули гораздо раньше, и как только мы начали, они пошли на помощь к своим. Их полет сюда продлится неделю, когда они все поймут, то поспешат обратно, это еще одна неделя. Итого у адмирала две недели на взятие Вигстера и Питрода силами обстрелянных, хорошо обученных солдат и первоклассных пилотов, не то что у нас: сплошные «Фроги» и желторотые юнцы, набранные из всех центров для количества, но должен сказать, что они показали себя довольно неплохо.
- Значит, эта планета с самого начала не рассматривалась как цель?
- Нет, конечно. Зачем нам Тайтар? На нем нет никакой инфраструктуры, в отличие от основных целей со сложившейся системой добычи и переработки. Конечно, в боях кое-что погибнет, но ремонт поврежденного обойдется гораздо дешевле, чем установка с нуля, а значит, разработка будет идти быстрее и, что важно – прибыльнее.
- Понятно. Но неужели нельзя было рассказать об этом мне? А то я метался как дурак, ничего не понимая.
- Секретность, секретность и еще раз секретность. Не помню, кто сказал, но сказано в точку.
- Понятно, – снова повторил майор.
- Кстати, нужно будет выдать этим героям премию. Они-то не знают, что чуть не завалили всю операцию. В общем, нужно наградить...
- Наградим, сэр.

64

Энрике Бэкли питал слабость к боевикам, а когда он понял, что это прямой эфир, то поставил телевизор на запись. Чтобы, если его отвлекут от просмотра по срочному делу, не пропустить и просмотреть все в записи. Саму трансляцию перевели с основного канала на дополнительный «36-й канал Плюс», убрав оттуда все остальные передачи и сделав прямую трансляцию боя главной программой.

Но смотреть спокойно ему не давала настойчиво бьющаяся в голове мысль, которая занимала его все больше: где третий участник неудавшейся попытки изнасилования. Он твердо знал, что тот, за кем они охотились, невиновен, но мистеру Маччини нужно было предоставить третьего, а поскольку в его списке значился этот Брюстер, то нужно было предоставить именно его.

Параллельно Бэкли вел расследование по поиску настоящего насильника, но и здесь было так же глухо, как и в первом случае. Велись поиски даже в горных пещерах при помощи егерей. Иногда преступники прятались там, но егеря, знающие территорию как свои пять пальцев, легко находили беглецов по оставленным ими следам.

Дополнительным стимулом для активизации розысков послужила смерть одного из пойманных. Энрике сам присутствовал на операции по пересадке сердца. Сердце было здоровым, в два кулака, и Маччини смеялся, показывая его несчастному и говоря, что оно-то уж точно не откажет только из-за одного вида крови и будет работать, как пламенный мотор. Но ничего не получилось, сердце не заработало, как его босс ни старался. В итоге истязаемый умер. А на второго надежды было мало. По оценке Энрике Бэкли, он не мог протянуть и месяца.

Утешало только одно, пару часов назад позвонил доктор и сказал, что дочь Маччини пришла в себя и даже разговаривает, но реабилитация продлится еще месяц. А потому на некоторое время можно было расслабиться, но поиски все же прекращать никак нельзя.

Иногда Энрике не находил себе места, и даже пару раз ему в голову приходила мысль о том, чтобы сбежать подальше из этих мест. Но потом он брал себя в руки, понимая, что далеко убежать ему не удастся, как бы он ни был хорош в маскировке. Будут брошены все силы для его поимки, ведь он, в отличие от тех же пацанов, слишком много знает.

В комнату без стука вошел один из боевиков Энрике, заставив того невольно вздрогнуть. Бэкли этого не любил, но лишь поморщился. Вентилятор был отмечен самим Маччини, намекнувшим Бэкли, что тот может занять его место, а значит, просто убрать его было никак нельзя, и даже наоборот, приходилось оберегать Винта от неприятностей, дабы не дать лишнего повода. Но сам он держался всегда настороже.

– Ну что, Винт, проверили информацию? – недовольно спросил Энрике, предугадывая ответ.

– Да, босс, проверили.

– Ну и? Я что должен каждое слово из тебя клещами вытаскивать?

– Это не он. Похож, но не он.

– Пошел отсюда.

– Как прикажешь, босс, – с легкой улыбкой ответил Вентилятор и вышел из комнаты Энрике. Он уже считал, что место начальника безопасности мистера Маччини у него в кармане.

– Убью скотину, – решил Энрике. – Убью, чего бы мне это ни стоило.

Нужно было идти к Маччини на ежедневный доклад, но сегодня у него не было ни одной хорошей новости. Тем более, по телевизору демонстрировали какой-то кульминационный момент, и Энрике решил немного оттянуть время разбора полетов. И не пожалел. Мощная волна пробежалась по долине, подбрасывая вверх даже подбитые тяжелые танки, оставшиеся на поле боя с прошлых неудачных атак.

Потом началась какая-то перепалка между офицером и солдатом, Энрике еще немного задержался, чтобы узнать, чем все закончится для солдата.

«– Солдат, снимите шлем, – приказал лейтенант, – иначе у вас будут большие неприятности.

– Но, сэр!

– Снял шлем!

– Вот, дамы и господа, – продолжил журналист, – истинные герои сегодняшнего дня, герои всей Торговой Федерации. Именно они обеспечили ей победу на данном фронте и, я не побоюсь этого слова, на всей планете».

Энрике встал и направился к двери, впереди у него был нелегкий разговор с боссом. Маччини никогда на него не кричал и не угрожал, но один только его взгляд мог сказать многое. И вообще Бэкли чувствовал себя неудобно в сумрачном кабинете мистера Маччини.

Но что-то остановило его, какие-то смутные очертания лица всплыли в его памяти. Энрике бросился обратно к телевизору. Но оператор взял другую панораму, а репортер ее

комментировал, уже забыв про наемников, которые разбрелись по своим делам, но Энрике это уже не интересовало. Он включил запись, перемотал ее обратно и запустил заново.

– Попался, гаденыш! – свистящим шепотом воскликнул Бэкли, прикинув к экрану, и уже во весь голос закричал вне себя от радости. – Попался, гаденыш!!!

Лицо разыскиваемого Брюстера довольно сильно изменилось, черты лица заглубили и стали гораздо четче выражены, он уже не был тем жалким сопляком, выпрашивающим себе жизнь, когда его затаскивали в машину. Короткая стрижка изменила его еще сильнее, но это был он.

Бэкли быстро распечатал наиболее удачные, по его мнению, кадры и пулей выскочил из своей комнаты, решив, что Вентилятор умрет сегодня же. «Осталось найти какой-нибудь повод, – подумал он. – Да какой там повод?! Я его и без повода удавлю!»

– Ты задержался, Энри, ты же знаешь, я этого не люблю. Не люблю, когда опаздывают, – и Маччини отодвинув штору, выглянул в окно. – Красиво, не правда ли?

– Да, сэр.

Энрике Бэкли немного передернуло. За окном был тот самый сад, который был виден из подпотолочного окна пыточной. Там, в саду, росло новое дерево, очень редкая голубая ель, а потому очень дорогая, особенно таких размеров – под два метра высотой. Под елью был труп умершего от пыток неудачливого насильника. А рядом были выкопаны еще две ямы, ждущие своего «удобрения».

«Чертов психопат! – подумал Бэкли и чуть наяву не закрыл рот рукой, испугавшись, что его мысли будут услышаны. – Совсем нервы расшатались, так недолго и параноиком стать».

– Простите, сэр, я опоздал только по одной-единственной причине. У меня для вас две новости, хорошая и не очень.

– Ты решил со мной поиграть, Энри?

– Никак нет, сэр. Простите, сэр.

– Ладно. Какая новость является хорошей?

– Я нашел третьего...

– Это прекрасно, Энри, – все так же спокойно сказал Антонио Маччини. – Он уже в подвале?

– Не совсем, сэр... этот третий находится в армии торгашей, вот снимки, сэр.

Маччини отвлекся от созерцания сада и взял в руки фотографии.

– Мальчик сильно изменился. Ты уже знаешь, как нам его достать?

– Боюсь, сэр, что нам не под силу доставить его сюда ни живым, ни мертвым. У меня есть два подходящих человека, они бывшие наемники, которые при небольшой подмазке без особого труда смогут попасть в нужное подразделение, где он служит, и уже там его убить.

– Этого мало... Молчишь. Пусть тогда твои люди сделают снимки, отрежут ему голову и привезут его руки. И чтобы все было заснято.

– Они это сделают, сэр.

– Сколько тебе нужно?

– Десять тысяч, чтобы мои люди попали именно в то самое подразделение.

– Выполняй.

– Слушаюсь, сэр.

Энрике был рад, и как только он вернулся в свой кабинет, вызвал по рации своих людей:

– Пинок, Дог и Вентилятор, быстро ко мне.

– Уже идем.

Как только все трое вошли, Энрике выхватил пистолет и выстрелил Вентилятору в голову. Кровь забрызгала стену, но Бэкли было наплевать на такие мелочи. Сейчас Энрике, пожалуй, впервые за всю свою жизнь испытал удовольствие от убийства.

– Что за дела?! – взвизгнул от неожиданности Пинок.

– Босс, в чем дело? – более спокойно вторил ему Дог.
– Все нормально, ребята. Для вас есть работа, точнее, две. Первая: уберите отсюда эту гадость, но это потом. А сейчас садитесь да диван, выпейте чего-нибудь, я вам объясню суть второй работы, а точнее – задания, для выполнения которого вам придется отправиться в длинное путешествие...

65

Капитан Шенкс оказался прав, базы если и не сдавались, то держались не очень долго. Хватало нескольких налетов штурмовой авиации, и использовать живую силу практически не приходилось. Войска Торговой Федерации быстро продвигались по планете, не встречая сильного сопротивления. Не было и партизанских боев, как это случалось на других планетах с большим количеством естественных укрытий, вроде лесов или гор.

Неделю спустя прибыло мощнейшее айманское подкрепление, но посмотрев на состояние дел на фронте и получив новые указания, они попросили дать возможность эвакуировать оставшиеся войска, что им и разрешили сделать. Корабли забрали оставшийся контингент, оставив планету без боя.

В принципе, они смогли бы поспорить за обладание Тайтаром и, возможно, даже победили бы, но из-за того, что уже произошло нападение на разработанные планеты, они поспешили назад, на их защиту. Все случилось именно так, как и было задумано федеральным командованием, и даже лучше. Ведь планета-то осталась за ними, хотя это и не было предусмотрено планом.

Макс Брюстер вошел в палатку военного госпиталя. Пса пропустить наотрез отказались, и он сел у входа. Недавно, в одном из последних боев, он получил контузию, теперь отлеживался на койке и совершенно случайно узнал, что здесь же лечатся от прошлых ранений его друзья из четвертого взвода.

– Привет, Макс, – поздоровался Стюарт.

Риверс лишь слабо улыбнулся. Он был плох. В отличие от Стюарта, на котором все заживало, как на собаке, и даже лучше.

– Привет, – ответил Макс. – Как жизнь?

– Нормально. Я уже через пару дней встану в строй, а вот с Риверсом докторам придется повозиться. Но они говорят, что он тоже скоро пойдет на поправку. Через неделю уже сможет примкнуть к нам.

– Это хорошо, потому что через неделю нас перебрасывают на Хинсан. Так что, когда мы туда прибудем, ты, Берт, будешь уже на ногах. Вот такая новость.

– А что там? – заинтересовался Стюарт.

– Леса, горы... все, кроме пустынь. По крайней мере, так мне сказал солдат, от которого я, в свою очередь, узнал о переброске.

– Это хорошо, а то пустыню я уже терпеть не могу. Куда ни глянь, всюду этот долбаный песок. Кажется, что даже в туалете песком испражняешься. Сил нет.

– О, а это кто идет? – Макс показал на проходящего мимо солдата в пижаме, какие были сейчас на них самих. – Уж не Сикхад ли?

– Точно он, – приглядевшись, признал Стюарт. – Сикх, иди к нам!

– Здорово! Слышали новость – через неделю на Хинсан?

– Да, только что Макс рассказал. Ты лучше расскажи, как тебе удалось выбраться из Карнатиона? Мы еле ноги унесли.

– Точно, – подтвердил Макс. – Тогда ты не успел ничего сказать.

– Да чего рассказывать, – Сикхад присел на предложенный стул. Было видно, что ему не очень приятно об этом вспоминать. – Быстро все было. После того как разделились, я со своими пошел наверх, к командному пункту. Мы поднялись на два этажа и напоролась на патруль, завязалась перестрелка, там я потерял своего первого бойца.

– Что потом?

– Мы продолжили движение дальше. Патрулей стало немеряно. Они вдруг забежали. Мы еще нескольких положили и решили выбираться оттуда. Но поскольку все было перекрыто, то залезли в вентиляционную шахту. Ползали там недолго, добрались до какой-то пустой комнаты, там трансформатор стоял, мы его рванули...

– Наверное, то самое мигание света, после которого мне удалось влезть в систему, – слабым голосом сказал Бертрольд.

– Что дальше было?

– Полезли обратно в шахту, только там нас уже ждали, снова завязалась перестрелка, после которой я остался один. Переоделся в форму охранника и просто вышел из базы.

– Просто взял вот так и вышел? – не поверил Стюарт Эстевес.

– Ну не просто, там пришлось еще немного пострелять, чтобы выйти. Потом там все словно с ума посходили, суматоха началась, сирена орет, так что выбраться было довольно легко. Добежал до наших, они все мертвы были, там, на передней линии... снова переоделся и пошел назад. Вот и все.

– Даа... А мы вот...

Но рассказ Стюарта прервал вбежавший Блэйд, весело вилявший хвостом.

– Блэйд, назад! – приказал Макс. – Тебе сюда нельзя.

– Теперь можно, я разрешил.

Все, кто мог, вскочили со своих мест и хором поприветствовали вошедшего:

– Здравия желаем господин ка... майор!

– Садитесь, садитесь, – помахал рукой теперь уже майор Лих Шенкс.

– Поздравляем с повышением, сэр, – сказал Макс.

– Спасибо. Все благодаря вам. А вам, в свою очередь, от командования на счет каждого упало по полугодовому жалованию в качестве награды. – Шенкс отдал тяжелую сумку Брюстеру: – А это лично от меня.

– Что там, сэр?

– Небольшие сувениры...

Макс достал один такой сувенир.

– Фляжка, и полная... – Брюстер открыл крышечку и понюхал. – Коньяк! Самый настоящий коньяк!

– Давай сюда, – потребовали остальные, и Макс раздал каждому по фляжке.

– Спасибо, сэр! – поблагодарил Стюарт. – Вы не представляете, как нам надоело это разведенное не пойми чем пойло, что нам выдают за ром. Теперь мы выздоровеем в два раза быстрее.

– Да не за что, – отмахнулся Шенкс.

– А это что? – спросил Макс, доставая непонятные черные накладки, а вслед за ними здоровую банку с каким-то не менее черным джемом.

– Это для вашего пса. Броня для полицейских собак. Видели когда-нибудь, как собаки взрывчатку ищут или там наркотики? Ну, хотя бы по телевизору должны были видеть...

– Нет, – честно признался Брюстер.

– Ну, не важно. Это для него, чтобы шальной пулей или осколком не убило. А в банке специальные собачьи стероиды, которыми вас в учебке кормили, да и сейчас подкармливают для повышенной выносливости и наращивания мышечной массы.

– Так это что, и для собак есть?

– Конечно, для полицейских только. Но я достал для вашего пса. Будете давать ему по одной чайной ложечке в день, и этот зверюга, – Шенкс погладил радостно вилявшего хвостом Блэйда по голове, – будет гвозди одним махом перекусывать, что твои плоскогубцы.

– Серьезно, что ли?

– На счет гвоздей я пошутил, но все остальное – правда.

– Спасибо, сэр, это все очень кстати...

– Ну, тогда я пошел, – майор встал, – дел невпроворот.

– До свиданья, господин майор, и отдельное спасибо за подарки.

– Это вам спасибо.

66

Хинсан, действительно, оказался довольно лесистым местом с преобладанием субтропиков. С тропическими джунглями на экваторе, в общем, все, как и должно быть на нормальной планете. Низкие тучи над головой давили на психику, навевая грусть или нервозность, особенно после безоблачного Тайтара. Одному только псу было весело. Он быстро изучил всю территорию, предварительно все пометив на свой собачий манер, чем вызвал недовольство у старослужащих.

Планета была более богатой на различную живность, в том числе и паразитическую. Особенно всех доставали кровососущие насекомые в утренние и вечерние часы. Но вот в лесу они были всегда, и приходилось закрываться москитной сеткой.

Обескровленную в боях третью роту разместили на одной из снабженческих баз, которые служили своеобразным перевалочным пунктом. По существу, база была обычным складом боеприпасов и горючего. Восточнее, в какой-то сотне километров, еще шли ожесточенные бои за материк. Там постоянно требовались боеприпасы, которые забирали огромные вертолеты. Вооружение, в свою очередь, завозилось на базу с орбиты транспортными шаттлами. Подвозить вооружение шаттлами прямо к месту было довольно опасно, рядом с линией фронта было полно диверсантов.

В особо жаркие моменты на фронте этот поток вертолетов и шаттлов не прекращался ни на час. Постоянно кто-то прилетал или улетал с территории базы, забирая либо сгружая боекомплект и прочие необходимые на передовой вещи.

– Ну что, парни, акклиматизировались за этот день? – спросил их новый сержант Фиски Голт.

– Да, сэр, – ответил за всех троих Стюарт.

– Хорошо, поскольку вы поступаете в мой четвертый взвод.

– Какое совпадение, – ухмыльнулся Стюарт. – Мы тоже когда-то были четвертым взводом.

– Что, так жарко было?

– Жарче, чем вы думаете, сэр.

– Что ж, здесь боев нет. Разве что изредка наведываются диверсанты, но это не страшно, если засечь их вовремя.

– А если не вовремя?

– Тогда всем большой привет.

– Чем мы будем заниматься? – спросил Макс, которому уже начали надоедать эти пустопорожние разговоры.

– Правильный вопрос, сынок. Четвертая рота, как и еще три роты, занимаются охраной объекта, который мы между собой называем «Мотыльком». Официальное название – база двенадцать дробь три.

– А почему именно так? – поинтересовался Риверс. – Я имею в виду неофициальное название. Уж больно оно странное.

– Потому что, если что не так, сгорает в один момент, и остаются одни головешки.

– Весело...

– Бывает... Сегодня на дежурстве первый взвод, они обходят территорию по периметру и смотрят за любыми изменениями на прилегающей к базе территории.

– Разве нет датчиков?

– Есть, но электронику можно просто обойти или как-нибудь обмануть, а вот сломанную веточку обратно не приделаешь.

– Вот оно как... – протянул Бертрольд.

– Пойдемте на смотровую вышку, покажу вам территорию базы.

Смотровой вышкой, как было видно, пользовались редко. На ступеньках лежало много

нетронутого птичьего помета и сухих листьев, занесенных ветром. Лесенка была закрыта стальными щитами, а смотровой этаж бронестеклом, на котором были отчетливо видны следы от попадания пуль. На самой вышке размещалось большое количество аппаратуры, для которой она, собственно, и была предназначена, а не для любования местными красотами, как могло показаться вначале.

Вокруг был только лес. Где-то у горизонта возвышались горные хребты, именно там, за горами, и шли ожесточенные стычки. Сама база располагалась в центре искусственной поляны, и от забора до леса было ровно триста метров заминированного пространства. Вертолеты и шаттлы садились только внутри базы на специальной площадке.

– Вот наша база. На севере у нас десять топливных цистерн, на юге – сухие склады под оружие, боеприпасы и все такое. В центре жилые постройки и пункт управления ведением огня. Здесь у нас минометы, пулеметы и небольшая установка залпового огня. Все это должно защитить нас от подкравшегося противника.

– Которого нужно еще засечь.

– Правильно, капрал. Для этого мы разбиваемся на три группы по пять бойцов и осматриваем каждый свой сектор. Вы пойдете в одной группе, вас поведет капрал Симпсон. Его группа нарвалась на засаду две недели назад и как раз образовался недокомплект в три солдата, которых вы и замените. Ознакомьтесь с местностью, пока все спокойно.

– А чем занимаются остальные группы?

– Те, что пришли после суточного обхода, отсыпаются, остальные два взвода несут караульную службу на постах. Что ж, пойдете вниз. Капрал Симпсон покажет ваши места и распределит обязанности.

Сержант сопровождал всех до продолговатого строения из бронированной гофрированной стали, из которой здесь были выполнены все постройки. Поскольку база была мобильной, она должна была легко перемещаться вслед за линией фронта. Следующее перемещение должно было произойти после того, как федеральные войска продвинутся еще на пятьдесят или шестьдесят километров и надежно закрепятся на отвоеванных позициях. А до этого времени она будет стоять здесь.

– Это капрал Симпсон, он будет вашим командиром, в том числе и твоим, Эстевес, – прочитал фамилию Стюарта сержант Голт.

– Я понял, сэр.

– Егор, вот твое пополнение, введи их в курс дела, и завтра же пойдешь на прогулку.

– Ясно. Ну что ж, парни, пойдете, все покажу, – сказал капрал, когда отошел сержант, и повел их вокруг строения. – Это душевая, здесь будете ополаскиваться после прогулок. Прогулки, как вы поняли, это наши выходы в лес. Вот сортир. Вон там лазарет, на тот случай если вас ранят или укусит какая-нибудь гадость, но такое случается редко.

– Ранят или кусают? – решил уточнить Риверс.

– Кусают... Вот наши два вертолета прикрытия.

– Десантно-штурмовой вертолет «Блэкшарк», – показал свои познания Брюстер.

– Правильно, вмещает в себя до двадцати бойцов и может в любой момент прийти на выручку. Если не помогут с соседней базы, прилетят полноценные штурмовики и расчешут всех в хвост и в гриву.

Кaprал обошел строение кругом и вернулся в первоначальную точку, то есть ко входу, показав при этом огневые точки по периметру базы и еще много чего, в том числе и главное – столовую.

– Теперь пойдём в казарму. Сейчас здесь никого нет, все либо на постах, либо от безделья маются. Так, вот ваши койки, положите здесь свои вещи. Там, дальше, наша оружейная палата.

Макс поразился такому количеству оружия, да еще в жилом помещении. Здесь были пулеметы, гранатометы с зарядами к ним, ящики с патронами и ручными гранатами, не считая самих автоматов и полуавтоматических винтовок.

– Это не опасно? – спросил Макс.

– Нет не опасно, если поблизости нет обезьян.
– В смысле?
– В прямом. Вот что мне с вашим псом делать, не пойму.
– А что с ним делать?
– На обход его не возьмешь...
– Почему?
– У нас в лесу везде сигнально-боевые мины стоят. Полезет куда-нибудь не туда и подорвется.

– Об этом можно не беспокоиться, – заверил Брюстер. – Пес умный, и если ему показать, как нужно себя вести, то именно так он и будет себя вести. Можно сказать, что схватывает все с полуслова.

«Особенно всякие глупости, вроде команды „смирно“ и тому подобное», – подумал Макс.

– Да? Тогда посмотрим.

Симпсон раздвинул столик, увеличив его длину втрое, и достал легкие стулья.

– Садитесь, – капрал сходил к своей койке и из тумбочки вытащил листок бумаги с карандашом. Начертил квадрат и недалеко провел линию, пояснив свои действия: – За картой лень лазить. Так вот, это наша база, это река, – Симпсон провел от квадрата еще три линии. – Это участки обхода наших групп. Двигаться будем зигзагообразно, чтобы охватить как можно большую площадь. Первый зигзаг и обратно, потом зигзаг с перпендикулярным перекрытием первого. Получается своеобразная сетка.

– Это ж сколько нам пройти нужно?!

– Общая площадь обхода примерно тридцать квадратных километров, за сутки намотаем примерно сорок километров. Чуть позже я загружу в ваши персональные планшеты карту местности, а теперь разберемся с экипировкой.

– А что с ней не так? – спросил Стюарт.

– Да с формой все нормально, только камуфляжную сеточку добавим с накомарником, и все. Теперь дайте ваши автоматы... – когда Риверс принес свой, Симпсон продолжил: – «Спрут», хорошо, но подстволки придется снять, слишком тяжелые, да и не повоюешь с ними в лесу. А в остальном все нормально. И вообще, оружия будем таскать с собой только самый минимум.

– А вы каким оружием пользуетесь? – переспросил Риверс, которому показалось, что «спрут» здесь не штатный автомат.

– Мы пользуемся близким аналогом, немного устаревшим. «СПУР-300», или как его еще называют, «спартанец». Боекомплект у них одинаковый, так что ничего страшного, они вполне взаимозаменяемы. Характеристики практически те же.

67

Друзья так устали, что уснули сразу же после инструктажа и небольшого ужина, не дождавшись прихода остальных солдат четвертого взвода. Им выдали несколько различных приборов, необходимых в лесу, дополнили персональную аптечку препаратами, загрузили в планшет карты и объяснили, как всем этим пользоваться.

– Вставай, солдат, вставай, идем на прогулку.

– Какую еще прогулку? – Макс с трудом разлепил глаза, но как только он это сделал, сразу все вспомнил и резко сел, да так, что потемнело в глазах.

– Полегче, парень...

– Помню.

Макс стал быстро собираться. За окном еще была темень, а в казарме стоял жуткий холод. Брюстер потихоньку ругался, проклиная тех, кто не додумался провести в казармы отопление, потратив еще немного времени на обмундирование Блэйда, уже привыкшего к этой процедуре напяливания на него брони. Но вот он надел на себя камуфляжную сетку и

вышел наружу, где уже стояли четырнадцать солдат, больше смахивающих на карикатурных леших.

«Я, наверное, сейчас так же выгляжу, – подумал Макс. – Однако здесь быстро светает».

– Опаздываете, солдат, – сказал сержант, который был единственным, кто стоял в нормальной форме.

– Извините, сэр, больше такого не повторится.

– Хорошо. Что делать, вы уже и сами знаете, задание стандартное – осмотр территории. Разойтись.

Группа капрала Егора Симпсона пошла к воротам.

– Это рядовой Шуфт Банког, делайте все, как он скажет. Макс, следи за собакой. Сейчас пойдем по минному полю. Отключен один сектор полуметровой ширины, за него ни ногой, иначе вы ее потом не найдете.

– Есть, сэр.

– Все эти «сэры» отставить, так обращаться только к сержантам и выше, друг друга называем по именам.

– Хорошо, Егор.

Группа продолжила движение. Выйдя с заминированного поля, Симпсон связался по радио и сказал:

– Мы прошли, закрывайте проход.

– Закрыли.

– Теперь в течение двух километров постарайтесь ничего не трогать, здесь кругом наши датчики. Нам не нужно, чтобы лишний раз на базе срабатывала сигнализация.

Макс понял, что это предупреждение относилось скорее к нему, а точнее – к собаке. Блэйд все было в новинку, и ему хотелось пометить новую территорию, но приказ хозяина прекратил эти попытки.

– Можете опробовать приборы, поискать спрятанные датчики и сигналки.

Макс достал сканер и стал водить им из стороны в сторону. Вскоре на экране появилась точка, указывая на место закладки. Симпсон похвалил всех за быстроту обнаружения.

– Можно мне попробовать другим способом.

– Это каким же? – удивился капрал.

– Сейчас покажу. Блэйд, искать.

Блэйд осторожно принялся к земле и пошел в сторону закладки. Не доходя до нее примерно с полметра, сел, показав лапой в сторону сигнальной мины.

– Просто цирк какой-то, – сказал капрал. – Но тоже неплохо. Быстро сработал. Идем дальше.

Когда группа прошла двухкилометровую зону ловушек, окончательно рассвело, и Макс обратился к впереди идущему солдату:

– Скажите, Шуфт, за этой зоной наших ловушек больше нет?

– Нет, только чужие. На одной из таких мы две недели назад подорвались, и вдобавок нас всех обстреляли.

– Понятно, – Макс нерешительно нажал на вызов Симпсона.

– Слушаю.

– Гос... ээ... Егор, можно пес поищет мины?

– Разрешаю.

– Спасибо. Блэйд, искать, но тихо.

Пес плавно пошел вперед зигзагами относительно движения группы, практически не топчя траву. Истопанная, впрочем, быстро поднималась и становилась прямой, как прежде.

– Он что, у тебя язык понимает?

– Это простые команды, облеченные в языковую форму, и со стороны, действительно, может показаться, что я с ним разговариваю...

– Макс, твою мать! – послышался в наушниках свистящий шепот капрала Симпсона. – Что твоя собака делает?!

– Извините, сэр, – подбежав, Брюстер оттащил пса от разрытой им чьей-то норы. – Блэйд, искать без животных.

Тот понятиливо взглянул на хозяина и пошел дальше.

– Знаешь, – сказал Стюарт. – Пожалуй, он слишком заметен в своей броне.

– Да, надо будет и для него маскировочную сетку сделать.

Пес остановился, снова показывая лапой вперед себя. К нему подошел капрал и стал сканировать место, но ничего не обнаруживал. Потом встал рядом с псом, и только тогда на его экране появилась точка.

– Мина, хоть и старая... не меньше трех месяцев здесь лежит.

Симпсон осторожно пополз вперед и очень аккуратно ее обезвредил, а потом извлек целиком.

– Хорошая вещь, – сказал он, показывая мину остальным. – Пока не наступишь, не заметишь. Так что в этом что-то есть. Я имею в виду патрулирование с собакой.

Группа пошла дальше по своему маршруту, выбирая звериные тропки. Блэйд и дальше рассекал траву, как ледокол, обнюхивая почву на наличие взрывчатки. Он еще пару раз срывался и гонялся за живностью, но Симпсон больше не ругался, тем более что Брюстер быстро отучил пса это делать, дав тому по морде.

– Я сейчас подохну, – признался Бертрольд, когда местное солнце встало высоко над головой. Само солнце не мешало, так как было не видно за густыми кронами деревьев, а вот испарения – да.

Макс тоже чувствовал себя скверно. Довольно часто приходилось пробираться через буреломы, к тому же давала знать повышенная влажность. Пот пропитал все до нитки, и с удвоенной силой нападали москиты, иногда прокусывая ткань.

– Привал тридцать минут, – объявил долгожданную команду Симпсон.

Группа остановилась на небольшой возвышенности, которую обдувал дохленький ветерок.

– Сушитесь, ешьте, только немного, а то потом идти будет еще труднее.

– А вы как же? – спросил Стюарт у полных сил их провожатых.

Было такое впечатление, что те даже не вспотели. «Опыт – великая вещь», – подумал по этому поводу Макс.

– Мы на посту поедем.

Брюстер, следуя всем, расстегнул облегченный бронежилет, пропуская под него ветерок, который стал быстро сушить одежду. От привычной брони третьего уровня пришлось отказаться, поскольку даже она была слишком тяжела для прогулок по лесу. Ее заменили чисто символическими бронежилетами первого номера, прикрывавшими только торс без дополнительных накладок.

– Что это за мура? – Риверс скривился и чуть не выплюнул кусок плитки, но сдержался и продолжил жевательные движения. Впрочем, остальную часть плитки он все же отдал Блэйду, который с явным удовольствием стал ее поедать.

Макс посмотрел на обертку и не увидел там ничего, кроме буквы и трех циферок.

– Интересно, почему нельзя просто написать, что это такое? – задал риторический вопрос Макс. – Вместо этого все шифруют своими кодами. Неужели даже в этом есть военная или коммерческая тайна? – Макс достал очередную плитку и надкусил ее. – Вот, например, кто мне скажет, что такое Щ313 и вот эта загогулина? По вкусу напоминает подслащенный песок Тайтара.

– Ешьте, давайте, – сказал Стюарт. – Нам скоро в путь.

Затрещала рация подошедшего капрала:

– «Третий», «третий», я «второй», как слышите?

– Слышу тебя, «второй», что случилось? – спросил Егор Симпсон.

– «Третий», требуется помощь. Мы попали в засаду в районе пятого ручья у реки... – Звук голоса заглушил автоматный треск.

– Уже идем!

Симпсон посмотрел на новичков, как будто увидел их впервые, решая, смогут ли они двигаться дальше и выполнить задание.

– Что расселись? Собирайтесь, идем на выручку. Тут всего-то километров шесть будет, если двигаться по прямой, – затем он снова достал рацию. – База, база, я «третий»...

– Слышу тебя, «третий».

– У «второго» неприятности.

– Мы уже знаем. Вертолеты высланы, проводим последнюю корректировку минометов...

В тот же миг вдалеке послышались ухання разрывов минометных снарядов. Они ложились довольно часто, и гул их взрывов сливался.

– Так зачем же тогда нам идти, если помощь уже вышла? – спросил Макс, быстро приводя себя в порядок.

– Затем, что никто из диверсантов не должен уйти, а еще лучше, если бы мы взяли языка, и для этого мы организуем преследование. Группы на вертолетах возьмут под контроль восток и север, мы должны закрыть запад, взяв их, таким образом, в коробку.

– Ясно, – уже на бегу ответил Макс.

– Где-то рядом у них должен быть координационный центр, потому как с нами точно такая же байда случилась, что и со «вторым», – стал разъяснять Шуфт. – Слишком часто они проводят операции, если предположить, что их штаб находится за линией фронта. Значит, они поблизости, километров пятьдесят по прямой от базы. Что удивительно, опять с четвертым взводом, только с другой группой...

Шуфт замолчал, отделение перешло на бег. При этом, как бы они ни спешили, Симпсон проверялся на наличие мин на своем пути, в этом ему активно помогал Блэйд. Казалось, что пса усталость вообще обходила стороной. «Правильно, – подумал Макс. – С чего это ему вдруг уставать? наших стероидов всех видов нажрется вместе с пищей, так еще и свои собачьи глотает, вот и прет, как танк».

– А прошлый раз организовывали преследование? – спросил Макс, когда отделение снова перешло на быстрый шаг.

– Конечно, но тогда они ушли, словно растворились в лесу.

– Как это растворились?

– Да очень просто, затаятся где-нибудь и сидят. Ты можешь в метре от них пройти и не заметить. Одно удивительно, что они дважды на нас нарываются. Вот и пойми, то ли мы везучие, то ли наоборот...

Группа срезала свой путь, выходя в место предполагаемого появления противника. Вертолеты кружили над лесом, уже высадив десант при помощи тросов. Вскоре один вертолет сел возле реки, а через минуту ушел в сторону базы, оставив на дежурстве своего собрата в одиночестве.

«Наверное, раненых с убитыми забрал», – догадался Макс.

– «Третий», где вы? – послышалось из рации. – «Третий», как слышите?

– Почти на месте, – Симпсон посмотрел на свое пополнение. – Минуты через три...

– Хорошо.

– Растянуться в линию, дистанция – пятьдесят метров. Вперед.

Макс оказался с самого края этой линии. Он не очень хорошо понимал, что ему нужно делать, ведь ничего толком не объяснили. Единственное, что он знал твердо – следует проверяться на наличие мин. Диверсанты при отходе могли нафаршировать ими местность, как утку яблоками.

Мин не было, да и Блэйд вел себя довольно спокойно. Пройдя пару километров, Макс заметил, что пес ведет себя как-то странно. Он уже не бегал туда-сюда и вел себя довольно осторожно.

– Сэр, господин капрал, – позвал Макс Симпсона по внутренней связи.
– Что у тебя, Макс?
– Как далеко от нас наши?
– Сейчас посмотрю... – капрал ненадолго замолчал, а затем выдал. – Ближайшие к нам примерно в трех километрах с востока... да что случилось?

– Возможно, ничего, но я сейчас проверю...
– Отставить! Сначала скажи, в чем дело.
– Блэйд, он что-то чувствует, но я неуверен... все как-то не так...
– Хорошо, – сказал после долгого молчания Симпсон. – Проверь.
– Фас! – в ту же секунду скомандовал Макс.

Блэйд рванул с места и понесся вперед, маневрируя и уходя от возможного огневого поражения. В общем, делал все так, как его учили.

Не выдержав, из зарослей кто-то вскочил и побежал. Беглец иногда оборачивался и пытался отстреливаться, но пес успевал шмыгнуть за ствол дерева, то же самое успевал сделать Макс.

– Я его вижу! – крикнул Брюстер.
– Его уже все видят...

Все бросились за беглецом, перепрыгивая через поваленные деревья, путаясь и падая в длинной траве. Но все эти препятствия не смущали Блэйда, и он быстро настигал свою жертву. Понимая, что ему не уйти от собаки, айманский солдат вынул нож, когда у него закончились патроны, а перезаряжать оружие уже не было времени.

Блэйд схватил вооруженную руку прямо за кулак и начал мотать из стороны в сторону, вырывая из нее нож. Солдат дико закричал, не столько от боли, сколько от страха к невиданному чудовищу.

В этот момент подбежали остальные солдаты. Макс отвел Блэйда от пойманного диверсанта с практически перекушенной рукой. Капрал Симпсон решил колоть пленника, пока тот не вышел из шокового состояния, в котором он, несомненно, находился, это он определил сразу.

– Где ваша база?
– Какая база?
– Не придуривайся! Быстро говори! – Симпсон заехал кулаком в лицо пленнику. – Говори, иначе я тебя убью прямо здесь, наплевав на все конвенции!

Макс решил подыграть капралу и приспустил Блэйда. Тот вырвался, слегка прикусил пленника в пах и мотнул головой.

– А-а... скажу!
– Координаты, а еще лучше покажи здесь, – Симпсон достал свой планшет и вывел на его экран общую карту. – Где?

– Здесь! – пленник ткнул в экран, и появилась более подробная версия указанной местности.

– Точнее!
– Вот тут!
– Так-то лучше, – Егор Симпсон достал свою рацию. – База, база, я «третий», ответьте.
– База, слушаю тебя, «третий».
– Немедленно установите связь с «Крылом», как поняли?
– Вас понял, связь с «Крылом». Устанавливаю... связь установлена, говори после гудка.

– «Крыло», говорит четвертый взвод «Мотылька», – заговорил капрал после гудка. – Обнаружено предполагаемое место нахождения неприятельской базы, координаты – квадрат пять, точка тридцать четыре на семьдесят пять. Как поняли?

– Вас понял «Мотылек», квадрат пять, точка тридцать четыре на семьдесят пять.
– Уничтожьте их.
– Нет проблем, «Мотылек», уже взлетаем.

– Ну, вот и все, хватайте этого урода и идем к реке, его еще надо будет допросить с пристрастием, – Симпсон хищно улыбнулся пленному. – А то вдруг он наврал или еще чего интересного знает. Сейчас нас должны подобрать, на сегодня прогулка закончена.

Капрал связался с остальными группами, и, немного посоветовавшись, все решили возвращаться обратно на базу, поскольку сегодня на большее рассчитывать не приходилось. Когда они подходили к реке, над ее руслом пронеслись три штурмовика.

Пилоты «Коршунов» заметили солдат и едва качнули крыльями. На подвесках самих самолетов было по три здоровенные бомбы, и было странно, как они вообще могли летать с такой нагрузкой.

– Егор, а их не слишком мало?

– Так заведено. Сначала по цели работают самолеты, сметая все точечными ударами, заодно проводя разведку и удостовериваясь в правильности полученной информации, не напутали ли чего. А потом в дело вступают установки залпового огня, выжигая площадь на несколько тысяч гектаров. От такой системы, скажу я тебе, даже суслики не спрячутся, не то, что диверсанты.

– А почему бы сразу им не отработать?

– Айманы могут поставить несколько глушилок, и ракеты просто разлетятся в стороны от цели, не задев противника. Это война, но и тут считают деньги, а расходовать дорогой боеприпас впустую никто не хочет.

– Ясно.

Увешанные вооружением вертолеты забирали в свое чрево солдат. Подняв тучу водяной пыли, они взмыли вверх и взяли курс на базу.

69

«Второй» потерял одного убитым и двух тяжелоранеными, их унесли в лазарет. Через несколько часов прилетел вертолет с военными разведчиками, и они увезли с собой пленного, при этом разбудив крепко спящего Макса Брюстера, чтобы задать ему пару пустяковых вопросов, за что тот был не слишком им благодарен.

В остальном служба продолжалась спокойно. Прогулки по лесу были по-прежнему тяжелыми, и Макс со своими друзьями сразу же заваливались спать, вычистив перед этим Блэйда от паразитов. Ни на какие другие дела их уже не хватало. Пес в самодельной маскировочной сетке хоть и был похож на болотную кочку, но вот клещей это не обманывало.

Иногда в столовой к ним подсаживались другие солдаты и просили рассказать о том, где они служили до этого. Макс рассказывал, но большинство им не верило, считая, что такого просто не могло быть, чтобы пехоту бросали в бой без серьезной поддержки, да еще только выпускников.

– Не может такого быть! – восклицал очередной неверящий. – Я прослужил уже пять лет, и ничего подобного не происходило. Ни со мной, ни с теми, кого я знаю.

– Да уж, слишком все невероятно, – вторил другой.

– Значит, вам повезло, и теперь вы таких знаете, – говорил устало Стюарт, дожевывая свой бутерброд.

Еда здесь была не в пример лучше, чем на Тайтаре, и уж, тем более, лучше, чем плиточная из НЗ, состоящая из не пойми чего. Кухню можно было сравнить разве что с кухнями небольших ресторанов: просто, но вкусно. В конце концов, повара были вольнонаемными, и это многое объясняло.

«Несмотря на все эти трудности, было бы неплохо дослужить остаток срока на этой или одной из таких баз, – мечтательно подумал Брюстер, но тут же одернул себя, мысленно поплевав и постучав по столу. – Не сглазить бы. Но все-таки странно это...»

Макс Брюстер не мог знать, что командование решило разместить оставшихся в живых солдат в спокойных местах специально. Поскольку потеря всего батальона в боях была бы не

самой лучшей рекламой для Торговой Федерации, если бы об этом пронюхали журналисты. Потери среди этого выпуска солдат итак зашкаливали за все мыслимые статистические выкладки.

Макс никак не мог отделаться от ощущения, что за ним наблюдают. Они с самого начала были объектом интереса из-за того, что новенькие, из-за того, что в первый же день взяли языка, ну и из-за пса, естественно, ходившего по территории в танковой броне. К этому интересу Макс уже привык, да он к тому же шел на спад.

В этом ощущении было что-то тревожное. «Как в закуской железнодорожного вокзала на Альпамире! – вдруг подумал Макс, и его всего пробил холодный и липкий пот. – Дерьмо!»

Брюстер быстро поднял глаза. Через еще один ряд обедающих он заметил столь же быстрый отвод взглядов от него. Один уставился себе в тарелку, другой, наоборот, в потолок. Это были очередные новички, которые только вчера заменили потери «второго». «Не может быть, чтобы они приперлись за мной на край света, – подумал Макс. – Неужели там до сих пор ничего не утряслось? Ведь лейтенант Колумб говорил, что все прояснится через пару-тройку месяцев, а прошло уже почти полгода».

Брюстер встал и на негнущихся ногах пошел в сторону новичков вместе с подносом.

– Макс, ты куда? – спросил Стюарт.

– Да вот, решил познакомиться с новенькими.

«Зачем мне это, зачем я это делаю? – говорил себе Макс, и тут же приходил ответ: – Наверное, чтобы полностью удостовериться в том, что я прав, и они действительно пришли за мной».

Пинок с Догом вошли в столовую. Все получилось как нельзя лучше, и они попали именно в ту часть, в которую им было нужно и в которой служил их клиент. И даже более того, в тот же взвод.

– Ты уже доложил, что мы на месте? – спросил Пинок.

– Да, сигнал ушел два часа назад.

– Отлично.

– Вот он наш субчик, – сказал Дог своему напарнику.

– Где?

– Да не вертись ты. Вон он прямо перед нами через один стол.

– Вижу. Как будем действовать?

– Для начала не пялься на него...

Жертва посмотрела на них, вычислив их своим шестым чувством. Дог чертыхнулся про себя и уставился в тарелку. «Попались, как дилетанты!» – подумал он.

– Он идет сюда, – одними губами прошептал Пинок.

– Привет, ребята, я Макс Брюстер, – поздоровался подошедший, сел и протянул руку для приветствия. – А вас как зовут? Все-таки в одном взводе предстоит служить.

– Ян Леван, – представился Дог.

– Рико Мартинес, – протянул в свою очередь руку Пинок.

– Будем знакомы.

– Будем...

– Вы откуда будете? Я – с Альпамира.

– С Жеральда, – сказал Дог.

– А я с ээ... Годиата.

– Далеко вы забрались, – покачал головой Макс. – Почти с другой окраины освоенного мира.

– Не близко... – согласился Дог, не понимая зачем клиент тянет эту резину.

«Но ухо надо держать востро, – подумал он. – Раз знает, где находятся планеты, значит, может знать и другие интересные подробности, которых не знаем мы. И вообще этот парень не так прост, как кажется, если дважды уходил от самого босса, практически из его рук...»

- Ну что ж, мне пора, – сказал Брюстер после затянувшейся паузы. – Друзья ждут.
- Всего хорошего, – пожелал Дог.
- Пока...

«Черт возьми, это они! Это за мной! – кричал про себя совершенно уверенный в этом Макс, как только отошел от стола. – Эти ублюдки приехали только для того, чтобы убить меня!»

– Макс, ты чего? – спросил Бертрольд. – Такое впечатление, что тебя по башке из-за угла стукнули или ты кайфанул где-то.

– А?... Все нормально... просто подавился...

Весь остаток дня прошел как-то скомканно. Макс все время озирался по сторонам, чем сильно удивлял своих друзей.

– Да что случилось? – не выдержал Стюарт.

– Выкладывай, Макс, – поддержал Эстевеса Риверс. – Это как-то связано с теми новичками, да?

– С чего вы взяли?

– С того самого... Я вот еще что заметил, – продолжил Стюарт. – Единственный, кто не рассказывал о себе, это ты.

– Точно!

– Рассказывал... – стал защищаться Макс.

– Рассказывал, – согласился Стюарт. – Все, кроме причины, по которой ты пошел в наемники. То, что ты лепетал о причине, выглядело, прямо скажем, не слишком убедительно.

– Точно, точно! – поддакнул Бертрольд. – Я попал сюда, убегая от сетевой полиции из-за неудачного ограбления банка, то есть меня просто сдали подельники, которые и заманили к себе в банду, воспользовавшись моей психологической слабостью. Стюарт вот пошел, чтобы поддержать свою семью из двенадцати спиногрызов. Непонятно только, зачем столько настругал? А вот ты плел что-то несусветное о желании стать настоящим мужчиной. В какой-то момент я действительно поверил, что ты из тех придурковатых романтиков, насмотревшихся героических фильмов, уж больно рожа твоя была в самом начале подходящей для этого.

– Так в чем дело, Макс, лучше расскажи. Иначе в экстренной ситуации мы не сможем тебе доверять. Ты меня понимаешь?

– Понимаю.

70

Макс Брюстер пристально посмотрел в глаза своих товарищей, решая, рассказать им или нет. «В конце концов, я прошел с ними через жуткое месиво, – подумал он, вспоминая, через что им пришлось пройти. – Они имеют право знать. Мы ведь действительно зависим друг от друга».

– Понимаю, – повторил Макс. – Эти двое пришли за мной.

– А поподробнее?... – осторожно попросил Стюарт. – Тут все свои.

И Макс стал рассказывать все с самого начала. О том, как они ехали на праздник, по дороге услышали крик и поспешили на помощь. Повздорили с хулиганами, а несостоявшаяся жертва ударила его по лицу. Под ее ногтями оказался его образец ДНК, и его ошибочно приняли за насильника. Как за ним гонялись по всей планете и трижды чуть не поймали, избив до полусмерти в последнем случае. Что совершенно случайно он попал на пункт записи и под влиянием расстроенных чувств записался в наемники в надежде убежать от мафиози-психопата.

– Вот так все и было.

– Теперь понятно, почему ты был таким разноцветным, а говорил, что с лестницы упал.

– Это даже круче, чем со мной случилось, – кивнул головой Риверс.

– Почему ты решил, что они пришли именно за тобой?

– Наверное, я как загнанный зверь чувствую, где находятся охотники.

– А если серьезно.

– Общее ощущение, подкрепленное некоторыми наблюдениями.

– Какими?

– Они сказали, что они уроженцы Жеральда и Годиата. Так вот, совершенно случайно мне известно, что солнце первого – красный карлик, а солнце второго – «синяя звезда». Эту информацию я почерпнул из какой-то познавательной телепередачи, попавшейся мне на глаза. Кажется, это были «Прогулки по вселенной»...

– Ну и? – не понял Стюарт.

– Первый должен быть очень смуглым, почти черным, а второй, наоборот, альбиносом, но оба выглядят нормальными, как я или Берт. Значит, они врут, а врать причин у них нет, если только...

– Но они могли измениться.

– Альбинос действительно мог загореть до нормального уровня, но тот, что с Жеральда, должен оставаться смуглым очень и очень долгое время. Такова физиология.

– Он прав, Стюарт.

– Ясно. Что делать будешь? Может, их убить? Как говорится, лучший способ защиты – это нападение. Подкараулим их, и поминай как звали.

– Ага! Чтобы потом загреметь на десять лет? Или попасть в штрафбат, где мы станем стопроцентными трупами уже через неделю?

– Ну, а что тогда?

– Не знаю, – честно признался Макс.

В небе раздался гул тяжелого вертолета «Касатка». Отстреливая тепловые шашки, он стал заходить на посадку. Ветер, поднятый его лопастями, валил с ног не успевших отбежать солдат, игравших в мяч на посадочной площадке.

– Вы заметили, что в последнее время грузы только забирают, шаттлов давно не видно, – сказал Риверс, сменив тему разговора.

– Верно... А это кто такие?

Вместо ожидаемых солдат на поле выбежало больше сотни рабочих в характерных робах. Они загрузили вертолет, но не улетели вместе с ним, а остались на базе.

Зазвучал сигнал сбора. И друзья поспешили на плац, где их уже ждал сержант с незнакомым капитаном. Когда на плацу собрались все кроме обязательных дозорных на стрелковых башнях и постах, капитан не вполне трезво заговорил:

– Здравствуйте, мои псы войны... я лей... – офицер украдкой взглянул на свои погоны и продолжил: – капитан Чинк Шульц. Короче, эту базу мы перебрасываем ближе к линии фронта, которая уже ускакала от нас более чем на двести километров. Потому... потому... сержант продолжай, а я пока отойду по надобности маленькой...

Ему было трудно на чем-то сосредоточиться и уж тем более говорить, когда моча давила на мозг.

– Есть, сэр. Нас перебрасывают на новое место дислокации, на сто километров западнее, – продолжил сержант Фиски Голт. – Мы разместимся в горах. Никакого леса, одни скалы, в этом есть как свои плюсы, так и минусы. В связи с этим ваша задача выйти завтра на патрулирование территории, пойдут третий и четвертый взводы. Первый и второй взводы отправятся охранять место новой базы, чтобы и туда не пробрался ни один враг. У вас были случаи убедиться, что айманская разведка работает очень хорошо, и мы считаем, что именно поэтому они активизировались, чтобы напасть на нас в самый удобный для себя момент, когда мы находимся в самом неудобном положении, беззащитные, как дети. Пока вы будете патрулировать территорию, прибывшие рабочие демонтируют базу, и уже к вечеру мы будем на новом месте. Вы же не должны пропустить ни одного диверсанта к базе, а я уверен, что они в лесу еще есть.

«Что ж, это удобный случай отделаться от этой парочки. Вывести их на какую-нибудь

мину, и все шито-крыто, и я ни при чем, – подумал Макс. – Впрочем, как и им меня прихлопнуть...»

– Вопросы есть? Вопросов нет. Разойтись.

Вечером Макс не мог сомкнуть глаз, ведь его враги спали в каких-то десяти метрах от него. Он старался не ворочаться, дабы не показать своего страха и того, что он все знает. Даже осознание того, что убийцы вряд ли станут делать свое дело при всех, да еще рядом с Блэйдом, не могло его успокоить.

Но усталость взяла свое, и Макс Брюстер тяжело закрыл глаза, проваливаясь в сон.

71

И тут же их открыл. Казалось, он совсем не спал, но часы упрямо показывали, что четыре часа урвать все же удалось, правда, облегчения этот сон без сновидений не принес. Впереди был трудный и, возможно, смертельно опасный день, сил к которому накопить не удалось.

Личные вещи были собраны еще с утра и поставлены все вместе. Их должны будут перевезти первым вертолетом. Осталось только одеться, что все и сделали. Макс отметил, что после сборов казарма пахла уже по-чужому, но он все же решил, что это чисто психологический эффект.

В предраусветной мгле грузились в «Блэкшарк» два первых взвода. Рабочие уже приступили к демонтажу первых легких построек и начали с казарм. Вертолет улетел, сменив стрекот лопастей после небольшой паузы на размеренное гудение турбин. Это он перешел в самолетный режим, сложив свои лопасти наподобие крыла и включив на полную мощность форсажные двигатели, разогнавшие машину в три раза быстрее ее обычной скорости. Как только гул стих, сержант стал ставить более конкретную задачу:

– Вы должны отойти от базы на один километр и рассредоточиться так, чтобы никто не смог пройти мимо вас. Командиром четвертого взвода назначается капрал Симпсон, поскольку я остаюсь на базе. А теперь идите.

Брюстеру стоило больших усилий, чтобы не обернуться и не посмотреть, где те двое. Впрочем, за него это сделали Стюарт с Бертрольдом, и если они не подали никаких знаков, значит, все было в порядке и беспокоиться пока не о чем.

В небе кружил второй оставшийся «блэкшарк», сканируя лес. На его подвесках висели кассеты с неуправляемыми ракетами, которые гарантировали поражение цели, даже если та пользовалась глушилкой. Поворачивалась носовая пушка, осматривая лесистую местность на наличие врага. Безвольно висели два бортовых пулемета, не имея за собой стрелков.

– Рассредоточьтесь, – приказал капрал Симпсон. – Дистанция двести пятьдесят метров, желательно, чтобы вы держали друг друга в поле зрения, но это уже как получится. Разойтись.

При этом сержант остался на месте, а остальные, разделившись на две группы, стали расходиться в стороны, окружая базу. То же самое делал третий взвод, только на противоположной стороне.

Макс шел осторожно, проверяя сканером пространство перед собой, ведь они еще не вышли за пределы двухкилометровой зоны, которая была напичкана ловушками. А подорваться на своей было бы величайшей глупостью.

Так получилось, что он оказался между Бертрольдом и Стюартом, зато дальше Риверса находились Рико и Ян. «Оберегают меня, – горько ухмыльнулся Макс. – Собой прикрыли от бандитов».

Через полчаса база была взята в кольцо. Капрал провел перекличку, желая удостовериться, что все нормально и все заняли свои места. Потом связался с сержантом и доложил, что все в порядке.

– Смотреть в оба, – пожелал всем напоследок капрал.

Макс быстро окопался, устроив себе довольно удобную лежанку за деревом. Может

показаться, что просто сидеть гораздо легче, чем двигаться по лесу, может, оно и так, если бы не доставали паразиты. Они стекались со всей округи на ароматный, с их точки зрения, то бишь – обоняния, запах пота.

Брюстер, чертыхаясь, сбивал их с себя щелчками, как можно дальше и больше для них, но не убивал. Поскольку, как было сказано в инструкции, от этого их становилось еще больше, и хуже того – приползали змееобразные животные и прочие гады, среди которых было полно ядовитых тварей, в надежде полакомиться легкой добычей. Но в этих инструкциях ничего не было сказано о том, как избавиться от присутствия насекомых.

«Как же их здесь много! – удивился Макс. – А когда ходишь по лесу, практически никого нет, только мошकारа кружится».

Но как он ни старался, насекомые пробирались к заветной плоти, и Макс уже смотрел за тем, чтобы его не кусали, по крайней мере, броские на глаз насекомые, так как он твердо помнил, что практически везде, во всех экосистемах всех планет, за редким исключением, именно яркие и красочные насекомые очень ядовиты. Но при этом он умудрялся следить за территорией не только впереди себя, но и вокруг, поскольку враги были не только внешними.

Макс стал передвигаться по небольшому пятачку, чтобы укрыться от паразитов, но они упорно следовали за ним. Но после очередного перемещения Брюстер заметил, что половина насекомых над его головой исчезла, правда, воняло здесь нестерпимо. Он стал искать источник запаха и нашел его, им оказалось толстое и сочное растение с красными точками на зеленом стебле. «Наверное, оно тоже ядовито, – подумал Макс. – А, была не была!»

Макс сорвал растение и стал обмазывать свою одежду липким соком, впрочем, следя за тем, чтобы он не попал на кожу. Через две минуты от насекомых не осталось и следа, только особо стойкие продолжали наступать, упорно хватаясь за ткань, да беспокоили неприятные рвотные позывы, но это было терпимо.

Видя, какое благоприятное действие оказано на него, Макс натер соком и изнывающего от паразитов Блэйда. Посидев пару минут и не почувствовав никаких побочных эффектов, Макс решил поделиться рецептом лесного счастья с остальными своими товарищами по оружию, правда, он понимал, что так предупредит и своих врагов, но решил, что от этого уже никуда не деться.

– Могу рассказать, как можно избавиться от насекомых, если они кого-то мучают, – сказал Макс по радио.

– Колись, давай!..

– Не тяни! – услышал он сразу несколько нетерпеливых просьб.

– Уговорили... Найдите рядом с собой очень вонючее и противное на вид растение, сочное с широкими листьями и красными точками в виде пупырышек. Только, на всякий случай, на кожу им не брызгайте, а то мало ли что...

После нескольких облегченных вздохов и благодарностей в его адрес дежурство пошло в прежнем ритме.

72

Насекомые больше не доставали. Макс Брюстер измазал соком растения все пространство вокруг себя радиусом в один метр. Конечно, он блеванул, но исторгнутое месиво он закопал в землю, чтобы не привлекать не столь разборчивых падальщиков.

Прошел еще один час сидения уже в относительно спокойной обстановке, и в небе, ревя двигателями, с интервалом в несколько минут в сторону гор полетели вертолеты, на длинных тросах которых висели сразу по две цистерны, естественно, сухих. Набрав высоту, они стали интенсивно отстреливать противоракетные шашки, плюс ко всему заработал «Шторм». Делалось все, чтобы ни одна потенциальная ракета не достигла желанной цели.

Макс присмотрелся к лесу. Шевеление травы становилось сильнее. Подумав сначала, что это ползает Блэйд, он краем глаза заметил, как пес подобрался к нему, тоже уловив

непонятное движение. Когда Макс точно определил, что что-то движется и это не плод воспаленного от укусов насекомых сознания, он нажал на вызов.

– Сэр, говорит Макс. Прямо передо мной, в ста пятидесяти метрах, замечено движение.

– Хорошо... Доложи, когда будет определено точно, что именно ты видишь.

– Есть, сэр.

Макс лежал, не шевелясь и опасаясь любым движением выдать себя либо спугнуть нарушителя, а тот все продвигался вперед, умело обходя ловушки. Кто бы там ни был, но он все приближался, и вскоре из травы выглянула шестирогая морда сипдерлиуса – травоядного животного. Брюстер даже отшатнулся, а пес зарычал.

– Блэйд, сидеть! – шепотом приказал Макс. – Нам он не страшен, хотя по виду не скажешь...

«И как же они обходят все наши ловушки, – нажимая вызов, подумал Брюстер. – Наверное, они остро чувствуют инородные тела на своей территории и просто обходят их».

– Это опять Макс, отмена тревоги.

– Что там было?

– Местная флора... или фауна? Животина, короче, страшная, но не опасная.

– Хорошо, смотрите дальше.

«А что тут еще делать, – подумал в ответ Макс. – Не в прятки же играть».

Дог сидел в засаде, настроение было ужасное. Оно немного улучшилось после того, как их потенциальная жертва нашла средство против насекомых, но дело было не в них. Плохое настроение объяснялось тем, что он со своим поделником Пинком не мог придумать, как убрать этого Макса Брюстера. Тот все время ходил с друзьями, а валить всех троих было слишком накладно. Тем не менее, время шло, и нужно было что-то предпринимать, поскольку их боссы не любили ждать слишком долго.

В небе пролетел очередной конвой из трех тяжелых вертолетов «Касатка», несущих под брюхом строительные конструкции от казарм. Где-то далеко шевельнулись кусты, но Дог не придал этому значения, тем более что этот Макс сказал, что тут бродят какие-то животные.

Когда они собирались на задание, его выполнение казалось таким простым и понятным, что о нем даже и не думали. Предполагалось, что они убьют клиента в какой-нибудь фронтовой операции, когда пули летят со всех сторон, а мины рвутся повсюду. А тут тихая база, где все у всех на виду. Неприятно.

Загорелась лампочка вызова персональной связи. Вызывающим мог быть только один – Пинок. У них была индивидуальная связь, не допускающая прослушивания остальными.

– Дог, что делать будем?

– Не знаю, нужно подумать.

– Может, подкрадемся к нему сзади? И все сделаем по-тихому.

– Заметит, и еще неизвестно кому повезет. На малейший крик сбегутся все... нет, не пойдет. Нужно что-то другое.

– Что?

– Что-нибудь...

– Тогда думай ты, у меня ничего не получается.

Над головой в очередной раз пролетел вертолет. Но теперь Дог мог поклясться, что шевеление было гораздо ближе, еле различимое, как от ветерка, но ведь другие растения рядом не шевельнулись. «Такое впечатление, что кто-то подбирается под шумок, когда невольно отвлекаешься на звук вертолета, – подумал он. – По крайней мере, я бы действовал точно так же».

– Капрал, – позвал Дог по радио командира всей группы. – Это Ян Леван.

– Что у тебя, Ян?

– Кажется, кто-то или что-то движется в мою сторону, под шум вертолета.

– Может быть, животное?

– Все может быть, но уж слишком последовательные движения для глупой твари.

– Хорошо, Ян, – наконец после долгой паузы сказал Симпсон, приняв решение, – оставайся на месте. Остальные начинают обход, принимают участие бойцы второго и третьего отделения четвертого взвода. Пошли.

В лесу ничего не изменилось, но солдаты, хорошо знавшие расположение друг друга, начали обходной маневр, намереваясь взять в полукольцо предполагаемого противника. В полное кольцо брать не полагалось, поскольку при стрельбе можно было запросто поубивать своих.

Долго ничего не происходило, но как только началась стрельба, Дог рванул влево, к месту, где, как он полагал, должен был находиться Брюстер. «Вот он, мой шанс», – подумал он.

Дог быстро двигался по лесу, практически не скрываясь и не проверяясь на мины, стрельба продолжалась. На его пути оказалось препятствие в виде солдата. Хоть тот и был совершенно непричастным человеком, Дог действовал не раздумывая. Он прицелился и выстрелил, тот заметил его, но было уже поздно. Солдат, как подкошенный, упал в траву. Дог подбежал к раненому, выбил ногой автомат из слабых рук, с помощью сканера нашел ближайшую мину и бросил тело на нее. Раздался взрыв противопехотной мины, отбросивший тело назад.

Дог отбежал чуть в сторону и принялся ждать, приготовив нож. Стрелять теперь было небезопасно, могли заподозрить неладное, а потому следовало перестраховаться и не привлекать к себе лишнего внимания.

73

Сообщение о том, что кто-то прячется в кустах, Макс воспринял спокойно, посчитав, что это еще одно испуганное животное. Но, как видно, капрал Симпсон рассудил иначе, и он вместе со всеми двинулся вперед, обходя противника.

Идти по густой траве да еще скрытно было тяжело. Ноги путались в прочной выющейся растительности, которая встречалась здесь довольно часто. Но чаще всего приходилось ползти на брюхе, рискуя оставить гранату без чеки и подорваться. «А с другой стороны, если диверсант профессионал, то он может в десяти метрах от тебя целую пушку пронести, и ты ничего не заметишь, – подумал Макс. – Но на наше счастье, они не профессионалы».

Впереди раздалась выстрелы, и Брюстер, пригнувшись, побежал вперед. Он уже увидел противника, когда услышал короткую автоматную очередь позади и справа от себя, но не придал этому значения.

– Блэйд, сидеть!

Макс увидел айманского солдата и открыл по нему огонь. Но тот был не так прост и быстро спрятался за ствол дерева. Противники, грамотно прикрывая друг друга, отходили назад, и Брюстер почему-то подумал, что им удастся уйти.

Вертолет беспомощно висел над местом схватки, не видя, где враг и куда нужно стрелять. Вдруг рядом с Максом остановился рядовой Шуфт и принялся наводить вертолет на цель:

– «Птичка», «птичка», отойдите немного назад...

Вертолет послушно, хвостом вперед, снялся с места, переместился и завис.

– Теперь сделайте пристрелочную очередь.

«Блэкшарк» огрызнулся пушечным огнем. Снаряды срезали ветки с крон и вызвали преждевременный листопад.

– Отлично, – продолжал Шуфт. – Теперь огонь на поражение, двадцать метров назад и десять вправо. Как поняли?

– Понял тебя...

Вертолет зашел на цель и выпустил десяток неуправляемых ракет. Они взрывались, не достигая поверхности и задевая многовековые стволы. Но несколько снарядов все же

пробилось и взорвалось рядом с вражескими солдатами, впрочем, не принеся тем существенного вреда.

– Хорошо, возьми поправку...

Но Макс не стал слушать дальше. Сзади раздался взрыв мины-ловушки, и он бросился туда, ведь там должен был быть Бертрольд. «Но почему он так задержался? – подумал Макс. – Ведь он должен быть гораздо ближе. И потом он не первый день ходит по лесу, чтобы подорваться на mine для дураков».

Минами для дураков назывались ловушки, расставленные в двухкилометровой зоне, поскольку все считали, что только придурок мог на них подорваться. Но если это было так, то вопрос о целесообразности их установки для многих оставался открытым.

Макс подошел к растерзанному и знакомому по своей комплекции телу. Над ранами уже собралось множество насекомых, тяжело ползавших по липкой крови. Видимо, кровь для них пахла так притягательно, что забивала защитный ореол из отпугивающего сока растения. Брюстер осторожно откинул порванную сетку и понял, что первое ощущение его не подвело, это был Бертрольд. Грудная клетка была пробита взрывом, броня не спасла.

– Черт, что же произошло?

Краем глаза Макс заметил, что Блэйд как-то напрягся. Кто-то был у него за спиной. Макс обернулся и инстинктивно отразил удар, нацеленный ему в горло. Перекатившись, Макс Брюстер достал свой нож. Противник чуть отступил.

– Где ты его взял?

Лицо было надежно закрыто сеткой, а по голосу Брюстер не узнал противника. Но то, что это один из новичков, сомневаться не приходилось.

– Какая разница?

– В принципе – никакой.

Дог сделал ложный выпад, но Макс ушел и сделал свой, тоже неудачно. Противники разошлись.

– Почему ты не зовешь на помощь?

– Зачем, ты же не дурак, понимаешь, что при выяснении обстоятельств разбираться никто не будет и меня загребут на пару с тобой. Там твоему боссу достать меня будет проще простого.

– Верно...

Дог сделал длинную серию атакующих ударов, в ходе которых разобрался, что его противник не слишком опасен и умел в ближнем бою, а потому вошел в клинч, но дальше дело застопорилось. Противники упали на землю.

Максу каким-то чудом удалось ухватить быстро двигавшуюся руку буквально у себя под боком, и он перенаправил удар на бронежилет. Но и сам он ничего поделать не смог. Его нож вообще был выбит и улетел в траву. И тогда, катаясь по земле, Брюстер использовал последнюю возможность, скомандовав:

– Блэйд, фас!

Блэйд только того и ждал. Он набросился на противника своего хозяина и стал методично пробираться к его горлу. Это ему не удавалось из-за большой подвижности врага, и на пути к цели он кусал за что ни попадя. Иногда его зубы смыкались на руке, отчего Дог негромко вскрикивал, видимо, тоже не собираясь привлекать внимание.

В очередной захват пасти Блэйда попалась подмышка, и, громко вскрикнув, Дог разжал кулак, державший нож. Крутанувшись по земле, он оттолкнул от себя Брюстера и тяжело встал на ноги, ища оброненное оружие.

– Ты пользуешься запрещенными приемами, – поднимая нож, сказал Дог.

– Кто бы говорил, – ответил Макс, продолжая искать свой клинок.

– Хорошая собачка.

– Неплохая...

Дог сделал шаг навстречу, но, посмотрев вдаль, отступил и через секунду скрылся в зарослях.

Брюстер проследил за взглядом ретировавшегося противника и увидел спешащего Стюарта. Когда тот подошел и осмотрел изрядно помятую поляну, то спросил:

– Что тут произошло?

– Берт подорвался.

– Но это же маразм...

– Вот и я так думаю. Отсюда выходит, что его убил один из тех, про кого я вам говорил, прибывших, чтобы заманить меня и втихомолку прирезать.

– Пойдем! – Стюарт потянул за собой собравшегося Брюстера.

– Куда?

– Нужно их убить.

– Убьем, конечно, но не здесь и не сейчас.

– А где и когда?

– Потом, а сейчас нужно доложить о гибели Берта, придерживаясь версии, что он споткнулся и упал на мину. Глупо, нелепо, но тут ничего не поделаешь...

Макс докладывал о смерти рядового Риверса и, вот странное дело, удивлялся самому себе. Он не чувствовал горечи утраты, как и в случае с Кастором. Ему было только немного жаль, что его товарищ не погиб в бою и что как-то нелепо и бессмысленно оборвалась его жизнь.

– Понял тебя, Макс, – ответил Симпсон на доклад. – Ничего не поделаешь, но вы должны продолжить дежурство на своих позициях. Вполне возможно, что это не последние диверсанты, и, следуя своей изощренной логике, они могут попытаться просочиться мимо нас именно сейчас, когда мы этого ожидаем меньше всего.

– Вас понял. Продолжаем дежурство.

Макс накинул на тело сетку, забросал его дурно пахнущей травой и так просидел рядом с ним до самого вечера, пока не прилетел последний вертолет, чтобы забрать оставшееся имущество и солдат в том числе.

Тусклый свет слабенькой лампочки освещал салон вертолета. На полу лежало тело рядового Риверса, рядом с ним трофейное оружие диверсантов – три переносных миномета и три десятка снарядов к ним. Самых диверсантов, шестерых айманов, закопали в лесу, за исключением тех, которым все же удалось уйти, несмотря на море огня, обрушенного на них с воздуха и земли.

– Интересно, на что они надеялись? – спросил один солдат. – Ведь топлива на базе уже не было. Зачем так было рисковать?

– На тот момент еще не увезли боеприпасы, ведь их забирают в последнюю очередь, – пояснил капрал Симпсон, глядя на своих солдат. Четверо новеньких сидели друг против друга и с ненавистью смотрели друг другу в глаза, крепко сжимая оружие.

– И правда! Я совсем об этом забыл. Вот был бы салют, если бы они сумели положить хотя бы пару снарядов в цель!

– Заткнись, Джордж...

– Молчу, молчу.

«Да что тут такое творится, в моем взводе?! – недоуменно думал Егор Симпсон, не обращая внимание на треп солдат. – Нужно будет разобраться по прибытии».

74

Это было новое задание генерала Назара. Вообще-то после тяжелых боев при Тайтаре ему должны были дать хотя бы месячный отпуск. Но командование, как всегда, решило иначе, и отпуск ограничился неделей. С третью своего относительно целого флота он прибыл к Хинсану. Большинство его кораблей были отправлено в ремонт, а вот сам он поступил в распоряжение адмирала Кримптона, старого солдата по призванию, обожавшего свою работу.

Адмирал провел успешные операции по взятию Вигстера и Питрода, а теперь взялся за

Хинсан. Неожиданный подарок Тайтара только упрочил его позиции. Каждая победа приносила ему помимо зарплаты хороший бонус, особенно после того, как акции Торговой Федерации подскочили вверх. Но на последнем фронте все обстояло не так просто, как в двух предыдущих случаях. Противник подготовился и не собирался сдавать позиции. Впрочем, никто Хинсан брать не собирался, нужно было, как и в случае с Тайтаром, стянуть сюда все силы противника, чтобы он не вздумал провести какую-нибудь контратаку на уже взятых планетах, где разработка шла полным ходом.

Одним словом, армия и флот готовились к долгой позиционной войне в космосе и на планете.

По случаю прибытия потрепанной группировки на новый театр действий адмирал пригласил Назара на свой флагманский крейсер, как он выразился, понаблюдать высадку только что прибывшего пополнения. Видите ли, у него это смотрится особенно впечатляюще. Назар был не против.

– Ну что, Гай, – обратился адмирал к генералу Назару, – успел отдохнуть?

– Как же, успеешь тут... Из огня да в полымя.

– Это ничего... знал бы ты, как мы чуть не обделались, когда узнали, что ты взял Тайтар. Думали – все, конец всему нашему великолепному плану.

– Чистая случайность, – стал почему-то оправдываться генерал. – Уж больно ретивые солдаты попались. Взяли и рванули этот Карнатион.

– Да, удивительное дело. Такое даже нашим хваленым «Робберам» не под силу.

– Потому что спецназ знает, что это невозможно сделать, а молодые – дураки, которым море по колено. И вообще, говорят, дуракам везет...

Так за разговором два старших офицера добрались до капитанского мостика. Небольшой возвышенный пятачок в пять квадратных метров с удобными креслами и индивидуальными пультами окружало большое пространство операторской, по которому передвигались десятки операторов различных систем.

– Люблю находиться здесь, – признался адмирал, подойдя к краю площадки и взявшись руками за перила. – Сколько уже служу, а все равно, когда прихожу сюда, испытываю какое-то необыкновенное чувство... – Кримптон даже по-особому вздохнул.

«Это чувство называется ощущением безраздельной власти, – подумал Назар и, ухмыльнувшись про себя, добавил: – Или ребячеством».

– Вы меня понимаете, Гай?

– Понимаю, господин адмирал.

– Видите, ходят туда-сюда, вроде как без дела, а на самом деле, все четко организовано.

– Да, действительно...

«Это у меня все четко организовано, – снова подумал Назар. – И никто никуда не ходит, разве что иногда... но это уже физиология. Впрочем, у нас несколько иные системы управления, у меня, пожалуй, даже поновее будет».

– А вот и десантирование. Не правда ли красиво? Какой широкий обзор.

– Очень, – вяло согласился Назар. Его сейчас больше занимало, что делают подозрительно притихшие айманы.

Десантные корабли сбрасывали десантные шаттлы, которые организованными стройными колоннами спускались на планету. Конвои сопровождения были чисто символическими. Айманский флот стоял с другой стороны планеты, и опасаться было нечего. Спуск производился на абсолютно подконтрольную территорию.

– По крайней мере, все тихо, а потому торжественно и величественно, – счел нужным добавить генерал.

– Когда собираешься в отставку?

«С чего это вдруг?» – с подозрением подумал Назар, но ответил:

– Года через четыре.

– Что так рано?

– Ну, не все же в жизни война. Потом пятьдесят пять лет – нормальный пенсионный возраст. Я и так уже почти тридцать лет воюю.

– Чем будешь заниматься?

– Сначала убью любовника своей жены. Потом разведусь, женюсь на молоденькой, стану делать детей и разводить кактусы.

– Остроумно! – посмеявшись, сказал адмирал. – Хотя к таким нравам до сих пор привыкнуть не могу. Недавно мой адъютант рассказывал, как вернулся домой, а там целых три любовника ублажают его жену. Так он прибил всех четверых, инициировал ограбление и вернулся на корабль. Анекдот, одним словом.

– И он не имел проблем с полицией? – неподдельно удивился генерал.

– Нет, я дал показания, что он не отлучался с корабля ни на день, приказал подделать все документы... В конце концов, офицер он хороший, а личная жизнь меня не касается.

– Сэр, – повернул голову к командованию оператор радарной. – Замечено приближение значительной группировки противника.

– Время до сближения с нами?

– Пятнадцать минут.

– Ясно. Докладывай, как только будут новые подробности. Боевая тревога.

– Есть, сэр.

– Ну вот, генерал, и поговорили. Кажется, здесь они не собираются канителиться и решили окончательно выбить нас хотя бы отсюда. Идите, генерал, нас ожидают трудные времена.

– Наша задача?

– Как и прежде – всеми силами удерживать западное полушарие.

75

Генерал добрался до своего мостика, когда вражеская группировка практически подошла вплотную, а десант уже был весь спущен на поверхность Хинсана. Увидев капитанский мостик своего авианосца, генерал немного помрачнел, где-то в глубине души он хотел быть адмиралом, но знал, что ему им никогда не бывать.

– Майор, какое подкрепление подошло к противнику?

– Большое, сэр. Семь крейсеров, пять линкоров и, вы не поверите... три эсминца.

– Не может быть, – генерал Назар быстро подошел к голограммному проектору и увидел, что именно так все и обстоит. – Черт, они даже побольше долбаного «Ранкора» будут. Нужно возвращать десант. Вызывай адмирала.

– Есть, сэр. Связь установлена.

– Сэр, – обратился генерал к адмиралу Кримптону, – Сэр, необходимо вернуть десант.

– Я знаю, Гай, – как-то устало ответил адмирал. – И если бы мог, вернул бы, а так уже слишком поздно. Они наступают.

Назар уже и сам видел на позиционном проекторе, как из-за горизонта планеты появились маленькие точки и присоединились к прибывшему подкреплению. Все вместе они двинулись на федеральный флот. Несколько кораблей отделились и стали обходить их с флангов.

– Гай, начинай встречный маневр, нельзя допустить, чтобы они зашли нам во фланг.

– Есть, сэр.

Корабли генерала Гая Назара отошли от основной группировки флота. Началась интенсивная перестрелка двух флотов, и айманские корабли стали обходить основную группировку сверху. Чтобы не дать окружить себя превосходящими силами, федералам пришлось поднять на орбиту части своих кораблей, растянувшись по вертикали.

Айманский флот продолжал наступательные действия, но им пришлось оставить в тылу один эсминец и несколько крейсеров различного класса для его защиты. Этот эсминец

выбирал более удобную позицию для стрельбы по наземным целям передней линии фронта.

Остальные корабли продвигались дальше, но уже не так быстро, как раньше. Лазерные лучи главных орудий вспарывали пространство в обоих направлениях. Против них применялись средства защиты в виде завес поляризованного газа. Но облака не защищали от болванок электромагнитных пушек, оставлявших после себя едва различимый след.

Тяжелее все же приходилось айманским кораблям, им довольно часто, помимо всего прочего, доставались лазерные импульсы, ведь им приходилось двигаться вперед, оставляя позади себя газовую защиту, а устанавливаемая вновь, была недостаточно плотной.

Дуэль продолжалась, и первый эсминец начал свою всепоглощающую стрельбу. Снаряды шли по касательной траектории, падая в атмосферу, поскольку ему все же не удалось встать прямо над местом своей цели, что было не очень хорошо в плане точности попадания, но выбрать не приходилось.

Еще два эсминца начали готовиться к стрельбе. Вместе с этим остановилось движение айманского флота. Свою задачу он выполнил, противник был отеснен на достаточное расстояние, и можно было приступить к своей основной работе по ликвидации наземной группировки противника.

* * *

Корабли Назара держали в напряжении айманскую группировку, мешая эсминцам выбрать идеальную позицию. Он потерял уже два крейсера, которые отходили назад, но и сам вывел из строя один авианосец противника, что тоже было немало при его скудных возможностях.

– Генерал, тебе новое задание, – говорил напрямую адмирал Кримптон. – Поскольку ты ближе всего к эсминцам, ты должен их вывести из игры.

– Но как?

– Пойдешь на прорыв после того, как мы атакуем их в лоб и отвлечем на себя их основные силы. Ты должен это сделать, там, на планете, больше ста тысяч солдат, это не считая бронетехники...

– Я понял и сделаю все, что смогу.

– Удачи, генерал.

– Спасибо.

Как только основная группировка двинулась вперед, ведя непрерывный огонь и не обращая внимания на укусы вражеской авиации, генерал скоординировал:

– Полный вперед, артиллеристам вести огонь только по ближайшему эсминцу из всех видов орудий всех калибров. По возможности бить в одну точку, у нас не так много времени для разменов ударами.

– Есть, сэр, – ответил майор Берендж и продублировал команду генерала.

Авианосец генерала Назара шел в конце группы, и ему доставалось не в пример меньше снарядов, чем тяжелым крейсерам, но и он вносил посильный вклад в огневую мощь. Частые вспышки озаряли эсминец, и с этим ничего не могли поделать. Все силы были направлены на отражение контратаки, поскольку создавалась реальная угроза прорыва. Тем временем корабли Назара подходили все ближе.

– Не пойму, – сказал майор по поводу заваливающегося эсминца. – То ли мы его подбили, то ли он нас собирается в упор расстрелять.

– Это неважно, сосредоточьте огонь на втором эсминце.

– Есть, сэр.

– Мы подошли достаточно близко, выпускай всю авиацию. Все, что может летать, все... Цель прежняя – эсминцы.

– Есть, сэр.

Кевин Штур впервые за долгую службу нес под брюхом своего «Коршуна» тяжелую ракету «Руннер». Она очень отягощала управление машиной, и потому их прикрывали «Фроги» на пару с «Лихтнингами», не обремененные такой ношей. Его же задачей было не потерять ракету раньше времени, как, впрочем, и остальных пилотов штурмовиков.

Кроме всего прочего, их сопровождали минные заградители с торпедоносцами, и из всего этого Кевин сделал вывод, что дела у них совсем хреновые, раз решили использовать сверхдорогое оружие, да еще в таком количестве. Но дороговизна означала также, что без крупных жертв сегодня не обойдется.

– Тяжело идем, командир, в случае чего не отобьемся.

– А ты что хотел, Стив? Но для этого нас сопровождает больше сотни истребителей и машин фронтового прикрытия. Да еще половина «Коршунов» без нагрузки.

– Одно хорошо, что здесь этих «бычков» столько, сколько и должно быть.

– А сколько их должно быть? – спросил лейтенант Николай Мерсьев, который до этого и был пилотом так называемого «бычка».

– Не больше сорока процентов, – ответил Стив Олуш. – Но к тебе это больше не относится, теперь ты штурмовик.

– И на том спасибо...

– Прекратили разговоры, к нам гости. Приготовились.

– А нам-то что готовиться? – спросил капитан. – Нас должны прикрыть.

– На всякий пожарный...

Заметив приближение вражеской авиации, айманы выпустили свою, из подраненного авианосца. Им навстречу отправились федеральные минеры и истребители, «Фроги» с пустыми штурмовиками продолжали опекать самолеты, несущие торпеды.

Все действия были уже настолько всем знакомы, что даже не хотелось за этим наблюдать. На нужной дистанции минеры выпустили мины, и они, развернувшись в частые сети, пошли навстречу противнику. «Фуриосы» и «Бейсты» с редкими потерями прошли сквозь сети и продолжили преследование своей цели, но встретились с «Лихтнингами». Завязалась отчаянная драка, но истребители даже при всем желании не могли взять на себя все вражеские машины, и больше половины продолжили движение к загруженным штурмовикам.

– Командир, у нас две проблемы. Первая – это «Бейсты» на хвосте, на «Фроги» у меня не слишком большие надежды, а вторая – крейсер прямо по курсу.

– Сейчас разберемся... так, «Фроги» уже пошли нас закрывать. Торпедоносцы, как слышите меня?

– Что у тебя, «Коршун»?

– Крейсер прямо по курсу. Вам придется сбить его, иначе нам не пройти.

– Но у нас приказ, цель – эсминцы.

– Вам не пройти мимо крейсера, вы слишком медлительны.

– Но у нас приказ.

– Плевать на приказы, сейчас я командир, и я вам приказываю сбить этот гребаный крейсер!

– Есть, сэр.

Три торпедоносца пошли вперед на максимальной для себя скорости. Крейсер выстрелил широко фокусированным лазером, захватив в свой луч две машины. Они беспомощно закрутились, но через несколько секунд выровняли свой полет и продолжили движение как ни в чем не бывало.

– Резервную систему включили, – прокомментировал капитан Олуш. – У них еще две осталось.

Но торпедоносцам пользоваться ими не пришлось. Они сгрузили свой боекомплект и пошли назад, сделав свое дело. Шесть торпед «Руннер» начали свой затяжной разбег. Сначала они двигались по прямой, набирая скорость. Их заметили стрелки зенитных орудий,

но было еще слишком далеко, а вот расчету лазерного орудия повезло больше, и одна торпеда сошла с дистанции. Зато остальные вошли в режим рваного полета, и теперь уже лазерам было не под силу в них попасть, даже широким фокусом.

Плотность огня росла по мере приближения торпед к крейсеру. Зенитчики, сосредоточив все свое внимание только на одной торпедке, послали в нее такую лавину огня, что ей просто некуда было уходить, и она взорвалась в ослепительной вспышке.

Оставшиеся четыре торпеды продолжили свое стремительное движение, все время увеличивая скорость. Но, насобачившись, зенитчики с крейсера сбили еще два «Руннера», а вот оставшиеся, войдя в мертвую зону, попали в цель. И крейсер, полыхнув сдвоенным огнем подбитого двигателя и пробитого корпуса, стал по инерции разворачиваться, пропуская под собой штурмовики, которых уже нагоняли вражеские истребители.

– Класс! Я такое только в учебных фильмах видел, – признался капитан Олуш.

– Ничего, Стив, сейчас тебе самому предстоит произвести пуск.

– Очень на это надеюсь, но боюсь нам не успеть. «Бейсты» буквально за пятки кусают.

Прорвавшихся через третий заслон «Коршунов» было очень мало, всего двадцать против сорока, но эти сорок несли слишком тяжелую ношу, чтобы одолеть противника, даже с двойным перевесом в соотношении сил. Нагоняющие «Бейсты» уже сделали пробные пуски ракет, правда, от них пока удалось увернуться, но что будет, когда истребители подойдут поближе.

Кевин быстро соображал: сбросить в холостую даже два десятка торпед он не имел права, а до цели было еще слишком далеко. Но одна бредовая идея все же пробилась сквозь хаотически метавшиеся мысли. От пришедшего решения Кевин отказался, но, не придумав ничего лучшего, вернулся к нему.

– Слушайте меня, – сказал майор Штур. – Это покажется вам самой шизоидной мыслью, какую вы когда-либо слышали, но другого пути у нас просто нет.

– Командир, не тяни! – попросил один из пилотов. – Говори, какая мысль тебя осенила.

– Короче, запускаем двигатели торпед и летим вместе с ними в одной сцепке ровно сорок секунд, пока работают их основные двигатели, плюс ко всему сами включаем форсаж.

– Кевин, это действительно самая бредовая мысль, которую я когда-либо слышал! Но черт возьми, я согласен! – сказал Олуш.

– А вы, ребята, что скажете?

– Согласны, командир...

– Тогда пуск!

«Коршуны» включили форсаж и запустили двигатели торпед, не выпуская их из захватов. Самолеты словно сдергивались с места, один за другим устремляясь вперед, сразу увеличивая свою скорость в полтора раза и обеспечивая тем самым стабильный отрыв от своих преследователей.

Увидев, какую скорость развили штурмовики, за дело взялись зенитчики с ближайшего эсминца, который решил проблему с креном и теперь снова начинал разворачиваться в боевое положение. А дальний эсминец уже отстреливал тестовые пристрелочные снаряды, чтобы потом дать прицельный залп с высокой степенью поражения.

На сороковой секунде «Коршуны» отделились от торпед, и те пошли своим курсом. Половина в первый и еще половина во второй эсминцы. Зенитчики оставили в покое летчиков и принялись за «Руннеры». Сами штурмовики уходили в атмосферу планеты, надеясь там спрятаться от возмездия.

– Да, Кевин, такого еще не было в истории торпедирования. Это запишут в учебники по боевой тактике.

– Ладно трепаться, – сказал майор, но он был явно польщен.

– Точно тебе говорю. Запишут что-то вроде «торпедирование Штура» или «пуск по Штуру»...

Вход штурмовиков в атмосферу заглушил хвалебные дифирамбы в адрес майора. Через час полета в атмосфере они вынырнули в космос над другим полушарием и стали искать

Генерал Гай Назар неотрывно следил за действиями пилотов, которые по пути фактически уничтожили один крейсер, но это было не главное. Когда он уже подумал, что они не достигнут своей главной цели, те сделали невероятный ход, который, казалось, сбил с толку их преследователей, не сразу догадавшихся пойти на форсаж. Торпеды пошли своим ходом, и генерал одобрил решение штурмовиков скрыться в атмосфере планеты.

Зенитчики эсминца работали отчаянно. Светящиеся точки снарядов испещряли пространство длинными дорожками, пересекаясь в месте, где только что была торпеда, а та, в свою очередь, стремительно меняла курс. Били широкой фокусировкой лазеры, иногда ловя одну торпеду, которая тут же взрывалась.

Из двадцати пусков по первому эсминцу цели достигли пять. «Руннеры» пробивали многослойную броню, на которую потребовалось бы не менее четырех прямых попаданий, одним взрывом. Пять ярких вспышек уничтожили корабль как боевую единицу, превратив его в бесполезную грудку металла, которую будет легче отдать в переплавку, чем отремонтировать.

Но операция была еще не завершена. Еще двадцать торпед неслись ко второму кораблю. У него было больше времени и возможностей, поскольку второй эсминец, в отличие от первого, не пострадал от артиллерийского обстрела. Его лазеры, не имея сбитых прицелов, были более точны, и потому шансы торпед добраться до своей цели с каждым залпом таяли прямо на глазах.

Кроме того, эсминец начал обстрел планеты сначала единым залпом, а потом по мере готовности пушек. Сотни тонн снарядов устремились к планете. Скорострельность этого новенького эсминца была невиданной, снаряды еще не достигали верхних границ атмосферы, а он уже делал следующий почти синхронный выстрел из сотен орудий.

На этот раз из двадцати торпед до цели добрались только две. Взорвавшись, они, как и следовало ожидать, пробили корпус корабля, но не нанесли такого ущерба, как в первом случае. И после пятиминутной паузы встав на прежнее место, эсминец продолжил прерванный обстрел, хотя двадцать процентов его орудий молчали.

– Черт! – выругался генерал Назар. – Всем продолжить обстрел эсминца.

– Сэр, у нас пятидесятипроцентное падение защиты, – напомнил майор Берендж. – Еще немного, и мы рассыплемся в труху!

– Продолжить обстрел!

– Есть, сэр. У линкора «Наварро» семидесятипроцентное падение брони, – продолжал гнуть свое Бик Берендж. – У других ситуация не лучше.

– Я понимаю, но нам нужно выполнить задание и уничтожить эсминец.

– Основная группировка отступает, сэр.

– Покажи...

– Вот, сэр, – майор показал на голограмму, где было отчетливо видно, что красные метки теснят белые.

– Отступаем, – после долгого раздумья приказал Назар.

– Есть, сэр. Всем кораблям отход, курс 158712.

Но так просто отпускать их уже никто не собирался, и все свободные от позиционной перестрелки орудия противника стреляли по ним. Удары сотрясали корпус авианосца, и вскоре начались первые серьезные пожары, охватывающие целые отсеки. Еще хуже дела обстояли на линкоре, защищавшем авианосец.

Два снаряда уничтожили последние остатки брони и пробили корпус «Наварро». Лазерный луч попал в образовавшуюся пробоину и пронзил корабль насквозь, остановившись в противоположной броневой пластине. Луч повредил реактор, и тот взорвался ровно через одну минуту, позволив большей части экипажа эвакуироваться.

Взрыв оказался таким мощным, что разломил корабль на две части. Более мелкие взрывы раскромсали корму на мелкие сегменты, а носовой обломок с большой скоростью стал сближаться с авианосцем, который получил лазерный импульс в двигатель и теперь шел на четверти своей мощности.

Генерал смотрел на метавшийся персонал, рулевые еще пытались вывести корабль из-под удара, но и они скоро плюнули на все попытки и убежали. Работала корабельная тревога, призывающая всех покинуть корабль, но сам Назар не двигался с места.

– Господин генерал, – перекрикивая сирену звал майор, – необходимо покинуть корабль, господин генерал...

– Иди, майор.

Берендж не услышал генерала, а скорее прочитал по губам и, отдав честь, со всех ног побежал к спасательной шлюпке.

Генерал остался. Он знал, что большинство не успеет покинуть корабль, а если при этом успеет выбраться он, как на него будут смотреть остальные? Как будет смотреть он на других, ведь им уже ничего нельзя будет доказать, все будут считать, что он трусил и сбежал одним из первых. И потому он никому и ничего не собирался доказывать, ведь командир должен покидать свой корабль последним.

Назар стоял, заложив руки за спину, и смотрел на широкий панорамный экран внешнего вида. В нем на его корабль летел здоровый элемент корпуса линкора, а точнее вся его носовая часть с четвертью правого борта, по пути центробежная сила выбрасывала из него какой-то хлам.

Корпус был совсем близко, генерал до боли сжал кулаки, гордо вскинул подбородок, выпятил грудь, твердо посмотрев на летящий обломок, но в последний момент перед самым ударом слабость одолела его, он закрыл глаза и отвернулся.

Страшный удар потряс «Трою». Носовая часть линкора «Наварро» смяла ослабленный корпус авианосца. И взрыв всего, что могло еще взрываться, окончательно разметал останки двух кораблей.

78

В горах было действительно лучше, чем в лесу. Никаких тебе деревьев, только мелкий кустарник да камни. Видно за много километров вокруг, и ничего не мешает взгляду, да и насекомых меньше. Но как предупредили знающие специалисты, и здесь диверсанту подобраться близко не составляет особого труда. Потому приходилось смотреть в оба, пока рабочие заканчивали монтирование базы.

Саму базу ставили на ровной площадке, между двух склонов соседних высоток, на которых также стояли хорошо оборудованные оборонительные посты. Кустарник был безжалостно вырублен, а на его месте воздвигали уже знакомые строения, все, как на прошлом месте.

– Ну что, Макс, будем валить гадов? – спросил Стюарт.

Брюстер с Эстевесом сидели на посту, на одной из высоток, с которой хорошо просматривалась местность. Усыпанный камнями склон плавно переходил в зеленое море, тянувшееся на многие и многие десятки километров вокруг.

– Готов поспорить, что именно об этом спрашивает сейчас один из них у другого...

– Ну, так как?

– Будем. Вот только как быть с постом?

– А никак. Никто сюда не пойдет. Я в этом абсолютно уверен.

– Ну, хорошо. Где их пост?

– В километре отсюда, вон за тем холмиком.

– Значит, нам нужно будет незаметно пройти мимо поста на этом самом холмике, так, чтобы они нас не подстрелили.

– Пройдем.

– Тогда пошли. Вставай, Блэйд.

Макс Брюстер подхватил свой автомат. Двигаться приходилось с максимальной осторожностью. Мин хоть и не было, зато имелись предательские камни, которые сыпались вниз от любого неосторожного движения, увлекая за собой другие, вызывая настоящий камнепад.

Макс чертыхался каждый раз, когда такое случалось и камешки начинали свой разбег. Казалось, не услышать такое просто невозможно, но, тем не менее, их пока не замечали. Для него оставалось загадкой, как при таком шуме они смогут незаметно пробраться к этим опытным убийцам. Но несмотря на это, он продолжал движение вперед, осторожно переставляя ноги. Только Блэйду не составляло труда передвигаться, не вызывая камнепады.

Пост был буквально над ними, на самой вершине холма. Солдат на посту было не видно из-а высокого обрыва, но все равно было немного не по себе. Приказ гласил четко и ясно: при любом подозрительном шуме огонь открывать на поражение; так что их вполне могли забросать гранатами без всяких там предупреждений типа: стой, кто идет?!

Пост удалось обойти спокойно, без происшествий, хотя Макс боялся, что нога по закону подлости вот-вот поскользнется на плитообразных камнях, выдав их местоположение, и сюда сразу же упадет десяток гранат, которые разорвут их в клочья. Но этого не произошло, и они со Стюартом, прижимаясь к стенке оврага, шли дальше.

Заскрипела рация.

– Шестой пост, как дела? – спросил капрал Симпсон.

– Черт, – Макс нажал на кнопку ответа. – Нормально, все чисто.

– А почему шепотом?

Брюстер подавился слюной, и инициативу взял Эстевес, ответивший так же тихо:

– А чего орать, на посту ведь стоим.

– Ну ладно, отбой.

– Вот ведь принесла нелегкая... – Макс прислушался. Они были почти на месте, осталось пройти еще метров двести до четвертого поста, где сидели их враги, убившие Бертрольда и собирающиеся убить их самих.

Внезапно в небе послышался уже знакомый рев двигателей «Элепхантов». Они проваливались сквозь редкие облака и ровными порядками, словно на параде, шли к поверхности.

– Они к нам, – сказал Макс.

– Вижу.

– Может, тогда стоит вернуться?

– Мы уже почти у цели. Легче доделать дело и вернуться.

– Тоже верно.

Понаблюдав немного за тем, как шаттлы приземлялись у подножия горной гряды, где еще не было густого леса, и высаживали пехоту с техникой, Брюстер с Эстевесом пошли дальше.

«Эта высадка нам даже на руку, – подумал Макс. – Под шумок двигателей мы спокойно подберемся к ним, буквально встав за их спинами, и тогда уже ничто не помешает мне с ними разделаться». От этой мысли у Брюстера даже мурашки пробежали по телу, оставив после себя ощущение холода.

Шаттлы еще продолжали садиться, когда приятели добрались до четвертого поста, но ничего там не обнаружили. Четвертый пост был пуст. Ни намек на чье-то присутствие.

Обнаружив это, наемники присели, ошестинившись стволами и ожидая любого подвоха. Ситуация, мягко говоря, была непонятной.

– Что за хрень?

– Куда они делись? – вторил Стюарт.

– Может, все же пришли диверсанты? А тела спрятали где-то поблизости и пошли дальше громить базу?

– Слишком навороченная версия, – не согласился Стюарт. – Может быть, они как-то

заметили нас и сидят в засаде?

– Тогда почему не убивают? На них никто бы косо не посмотрел, ведь мы пришли без приглашения, а значит, вполне могли оказаться диверсантами.

– Ничего не понимаю, но нам лучше возвращаться обратно.

– Согласен, пошли отсюда. Блэйд, назад.

Приятели двигались настороже, они не знали, что и думать по поводу отсутствия Яна и Рико на своем посту. Сбежали ли они после первой неудачной попытки ликвидации, или их убили диверсанты, это было неизвестно.

– Знаешь, о чем я сейчас подумал? – спросил Макс Брюстер.

– О том, что они пошли к нам, а мы к ним.

– Точно.

– Тогда где мы разминулись? И почему Блэйд их не засек?

– Да какая теперь разница? Главное, теперь при встрече не оплошать.

– Не оплошаем.

– Ты посмотри, сколько народу выгрузили. Свободного пространства не осталось, и еще продолжают прибывать.

– Эти челноки последние, – сказал Стюарт, посмотрев в небо.

– Ладно, идем дальше.

79

Пинок с Догом со смешанными чувствами смотрели на пустой пост под номером «шесть», они пошли сюда, как только раздались звуки двигателей транспортных челноков, а тут ничего и никого. Хорошо оборудованная огневая точка да несколько личных вещей навели Дога на мысль, что их жертвы сюда еще вернуться, в конце концов, они никуда не могли уйти надолго.

– Что делать будем?

– Что делать? Что делать?! – начал раздражаться Дог. – Я откуда знаю? Ждать будем.

– Ждать, так ждать, – легко согласился Пинок. Он считал, что если бы тот с самого начала не облажался и позвал его, они бы уже летели домой с ладонями Брюстера в морозильном контейнере. – Где будем ждать?

– Вон там, чуть в сторонке. И не трогай тут ничего, – предостерег Дог своего напарника, который хотел поднять вещмешок.

– Хорошо, хорошо...

– Главное, быстро убрать его друга, он опаснее всего. А потом можно приняться за самого хлюпика. Да, еще одно, с песиком поаккуратнее...

– Это я уже понял, – сказал Пинок, улынувшись про себя, вспомнив разодранный маскхалат Дога. Он был разорван буквально на лоскуты.

– Тогда пошли маскироваться.

Дог с Пинком пошли вниз. Там они выбрали удобную расщелину, которую даже не нужно было переделывать. Единственное, что было неудобным, это направление атакующего движения, придется бежать вверх, а остальное все было просто отличным. Наблюдение также не составит особого труда, мелкие кустики вполне их скрывали, и если не приглядываться специально, то ничего не заметно.

– Скоро они появятся здесь. Как только станет возможным, снимем капрала и двигаем вперед. Если покажутся оба, снимаем обоих, но это вряд ли...

– Да понял я, – отмахнулся Пинок. – Чувствуешь?

– Что?

– Земля дрожит, чуть заметно.

– Действительно, как эхо далекого землетрясения. Я уже и не обращаю на такое внимания. Пять лет прожил на Утилане, так там каждый день такая тряска... хотя здесь что-то не так, как будто громыхает что-то. Слышишь?

– Единственное, что я слышу, так это то, что кто-то идет. Кажется они.

Это действительно были они. Дог поднял автомат, ожидая, когда кто-нибудь из них высунется, желая, чтобы это был смуглолицый. Вскоре они действительно высунулись из своего укрытия, но все время соскакивали с прицела из-за недостаточного обзора.

Когда Макс со Стюартом вернулись на свой пост, шаттлы уже давно перестали летать, но они успели проскочить через пятый пост незамеченными.

– Смотри-ка, – Стюарт показал на беспокойного Блэйда, который не находил себе места, припав к земле, прижав хвост. – Что это с ним?

– Не знаю, – Макс прислушался к своим ощущениям и, почувствовав дрожь земли, сказал: – Наверное, землетрясения боится. Животные остро чувствуют природу, не то что мы, дети развитой цивилизации, потерявшие с ней всяческие связи.

– Точно... я тоже чувствую, – Стюарт подошел к краю укрепления и немного выглянул из него. – Смотри, сколько их там, только здесь не меньше пяти тысяч будет.

Макс тоже немного выглянул из укрепления, чтобы посмотреть вниз.

– Только они какие-то беспокойные. Суется все, куда-то бегает...

– А нам то что. Теперь здесь точно никаких диверсантов ожидать не приходится.

И Стюарт, положив под голову вещмешок, лег с явным намерением поспать. Через пять минут он встал и, показав в небо, сказал:

– Посмотри, какие дымные следы в небе...

– На дождик смахивает. Дождик...

Макс посмотрел в указанную сторону и какое-то смутное, а главное, тревожное воспоминание ворохнулось в его душе. Макс смотрел и не мог вспомнить, где и в связи с чем он видел эти несущиеся к земле точки, оставляющие после себя едва различимый дымный росчерк. Но он точно знал, что где-то это уже видел.

– Где же я видел этот дождь? Где?

Но вспомнить он не успел. Его друг, нелепо взмахнув руками, упал на землю, и одновременно с этим послышался звук выстрела.

Макс схватил свой «спрут» и стал стрелять в ответ по взбирающимся в гору Яну с Рико, но они легко уходили с линии огня. К тому же они на ходу обстреливали его, не давая высунуть головы. Тогда Брюстер бросил в них гранату, а когда выглянул, то никого из них не обнаружил. Зато начали рваться снаряды орбитального бомбардировщика.

Дог все время держал на прицеле шестой пост, даже рука начала затекать. И вот он долгожданный миг: поднялся одноухий. Дог немного сместился, выбрав более удобное положение, и спустил курок. Короткая очередь через кусты, несколько стрелянных гильз, и капрал упал. Дог был абсолютно уверен, что попал и попал насмерть.

– Пошли! Я его подстрелил.

Дог с Пинком выскочили из своего укрытия и, стреляя, побежали вверх. Сопляк огрызнулся, но недостаточно быстро.

– Дог!

– Что?!

– Посмотри назад.

Дог обернулся и чуть не пропустил гранату. Но то, что он увидел, было в сто раз страшнее какой-то гранаты.

– Назад, быстро! – и Дог стал на ходу пояснять. – В расщелине мы будем в безопасности, если, конечно, не накроет прямым попаданием! – последние слова он произнес уже в самой расщелине, куда они вдвоем прыгнули, больно ударившись об ее стенку.

Земля гудела от частых взрывов. А самое неприятное заключалось в том, что разрывы становились все ближе, и скоро уже сама гора сотрясалась от попаданий, вызывая самые настоящие каменные лавины. Дог был рад, что они находились почти на самой вершине горы, а значит, завал им не грозит. Но и здесь камней хватало, они волнами сыпались сверху

после каждого удара.

Но один удар их потряс настолько, что буквально чуть не обрушил стенки расщелины. Ударило так, что они буквально втемяшились в стенку, да так сильно, что Пинок стал плевать кровью, а у самого Дога потемнело в глазах. Дог определил, что взрыв произошел совсем недалеко от них и шестого поста.

«Только бы не в шестой пост, – подумал Дог, словно боялся за жизнь тех, кого только что хотел убить. – Ведь если снаряд попал в Брюстера, то от него даже мокрого пятна не осталось и мы не сможем доказать факт его гибели».

80

Дог засек время начала обстрела и только по часам определил, что он продолжался всего десять минут, а было такое впечатление, что целый час. Голова немного гудела, а в теле ощущалась легкая слабость.

– Пинок, ты как, живой? – спросил Дог, встряхнув напарника за плечо, и поразился громкости своего голоса в наступившей тишине. – Все хорошо?

– Да вроде цел, – Пинок тяжело перевалился и отряхнул с себя пыль. – Но бывало и лучше...

– Вставай, у нас еще одно небольшое дельце, которое нужно обязательно сделать.

– Да, я помню... только сейчас автомат откапаю. Он где-то здесь был, – и Пинок стал разгребать камни в том месте, где, по его мнению, находился его автомат. – Вот нашел... теперь можно идти.

– Пошли.

Когда они вышли, то не узнали местность. Лесной массив на несколько километров вокруг просто отсутствовал. А земля напоминала лунный ландшафт с метеоритными кратерами, что, впрочем, было не так далеко от истины. Впереди тоже была здоровенная воронка с оплавленными краями, которую они предпочли обойти.

– Здорово они по нам прошлись, – протянул Пинок. – У федералов громадные потери, и теперь им Хинсан не удержать...

– А нам-то какое дело?

– Да я так... размышления вслух...

Дог посмотрел на медлительного Пинка, подумав, что тот еще явно не отошел от контузии. Что было немудрено, поскольку он и сам себя чувствовал слегка заторможенным.

– Ну, вот мы и пришли... – сказал Пинок, завершив обход воронки, задевавшей краем расположение шестого поста, от которого, собственно говоря, ничего не осталось. – Теперь нужно найти тела.

– А где их искать?

– Тут недалеко... я думаю, в радиусе двадцати метров.

– Ясно, – и Пинок, вглядываясь в землю у себя под ногами, пошел по указанному пути.

Дог, неодобрительно покачивая головой, пошел в другую сторону. Смотреть было не на что, сплошные камни величиной с голову да легкий налет пыли, которая еще продолжала оседать в редкую для этой местности безветренную погоду. «Все-таки удивительно, что нас не сильно задело, – подумал Дог. – Хотя камнями нашу расщелину от такого близкого взрыва могло завалить до краев, вместе с нами, погребя заживо».

– Дог, Дог! Я, кажется, нашел.

Дог поспешил к Пинку, который был совсем плох и сидел возле найденного им тела. Тело лежало на животе, и невозможно было определить, кто это.

– Переверни его, – еще подходя к месту, попросил Дог.

Пинок, по-прежнему сидя, просто толкнул тело ногой и, помогая себе, перевалил его прикладом автомата. Грохнул взрыв, и Пинок повалился на спину с иссеченным лицом, в один миг превратившимся в кровавую маску.

– Черт!!!

Дог быстро подбежал к своему напарнику, тот был мертв. Тело, которое нашел Пинок, теперь было точно мертвым, но это был Стюарт Эстевес. «Наверное, я его тогда только тяжело ранил, – подумал Дог. – А он, поняв, что умрет, решил захватить с собой кого-нибудь из нас. Что ж, уважаю... Но мне все равно нужно найти клиента».

И Дог пошел его искать. Поиск продолжался довольно долго. Сначала он увидел их вещмешки и оружие, все, кроме самого клиента, но вскоре и его нашел. Дог увидел тело, на этот раз оно лежало на спине, и опасаться подлой ловушки одноухого капрала не приходилось.

Дог достал фотоаппарат и сделал первый снимок. Потом подумав, что нужно заснять все тело целиком, отряхнул его и решил откапать ноги, но при ближайшем рассмотрении их на месте не оказалось.

– Вот дерьмо-то какое!

Ноги отсутствовали выше колен, но вот странное дело, крови было совсем немного. Дог посмотрел срезы, они были будто прижженными. «Наверное, оплавленным осколком срезало, – подумал Дог. – Потому и прижгло сразу же». Он сделал очередной снимок и достал нож.

– Не люблю я это делать, но заказ нужно выполнить.

Дог принялся за правую кисть руки. Чтобы кровь сильно не хлестала и не заливала место разреза, он перетянул руку жгутом. Сложнее всего было разобраться с сочленением кисти с рукой. Руки Дога скользили в еще теплой крови, мешая крепко схватить руку и довершить начатое. Наконец это ему удалось, и он, поднатужившись, с хрустом отделил одну кисть. Достал небольшой чемоданчик и положил ампутированную конечность в маленький медицинский холодильник, в которых обычно перевозят имплантанты.

– Ух, парень, ну и намучаюсь я с тобой, – сказал Дог, перетягивая вторую руку новым жгутом. – А ведь мне еще тебе голову отрезать нужно.

Когда началась бомбежка, Блэйд убежал, но теперь он вернулся к своему хозяину и увидел, что кто-то находится рядом с ним. Легкий ветерок донес до него сладковатый запах крови, а вместе с ним и запах врага. Врага нужно было отогнать, как в прошлый раз. Единственное, что его смущало и удерживало на месте, это отсутствие прямой команды хозяина. Но, постояв немного в задумчивости и поняв, что происходит что-то не то, Блэйд бросился вперед.

Дог не сразу увидел несущегося на него пса. Когда он заметил его, то отбросил нож и взял автомат, сразу же пожалев об этом и подумав, что лучше было бы встретить пса с ножом. Первые пули прошли мимо, собака уворачивалась от них, прыжками уходя в стороны. Да тут еще автомат скользил в заляпанных кровью руках, с каждым выстрелом выскальзывая все больше.

Пес был совсем близко, и Дог снова схватился за нож, истратив все патроны и отметив, что при последней очереди две пули отскочили от пса, хотя и свалили того с ног, но только на одно мгновение. Дог подобрался и выбросил руку навстречу Блэйд. Нож соскользнул с бронированной накладки, а сам пес стал валить Дога на землю. При этом он отчаянно рычал и кусался.

Дог уже начал бояться, что не справится с псом. Удары отскакивали от брони четвероногого солдата, а тот, в свою очередь, уже дважды чуть не добрался до его горла. Собравшись с силами, Дог отбросил пса, схватил автомат с чемоданчиком и побежал прочь, решив, что и одной руки вполне хватит, а уж он сумеет что-нибудь наврать. С этим у него проблем не было, и когда нужно его истории получались вполне правдоподобными.

Только утром следующего дня на место бомбардировки стали прибывать спасательные команды. Но спасти в большинстве своем было уже некого. Зачастую санитарам приходилось лишь констатировать смерть и забирать с собой личные жетоны солдат. Тела солдат потом похоронят в братской могиле или в тех же воронках. Забирать их никто не

собирался, поскольку времени для этого не было.

– Так, эти двое мертвы. Кент, держи жетоны.

Кент на лету поймал два жетона брошенных ему Тишем.

– Тиш, посмотри сюда.

– Что тут произошло?

– Понятия не имею, но и так вижу, что клиент мертвее мертвого, – и Кент потянулся за жетоном, чтобы сорвать его.

– Проверь.

– Зачем?

– На всякий случай. На войне всякое случается.

– Как знаешь... – Кент дотронулся до тела медицинским сканером. – Ты смотри-ка, жив! Может, его сразу пристрелить, чтобы не мучился?

– Это не наша работа, оставь это решать медикам. Мы должны его только доставить до транспорта. Так что вколи ему стимулятор, и понесли.

– Смотри, тут еще собака в боевом облачении, и она тоже жива.

Тиш подошел к валявшемуся рядом с солдатом псу и осмотрел его.

– Две пулевые вмятины, множественные порезы и ножевая рана. Что тут, черт возьми, произошло?

– Что с собакой делать будем?

– С собой возьмем. У нас полно свободного места, так что мешать не будет.

Тиш достал из аптечки пластыри и наложил их на раны. Потом вместе с напарником освободили тяжелораненого от бронежилета и положили его на носилки. Там, где должны были быть его ноги, разместили пса и поспешили к транспорту.

– Эй, а это что за дерьмо? – спросил доктор, выглядывая из медицинского «Элепханта» с огромным красным крестом на борту.

– Собака, сэр.

– И что она здесь делает?

– Это собака вот этого солдата...

– Ладно, заносите, но с собакой сами будете разбираться.

– Хорошо, сэр.

81

Доктор Принстоун удовлетворенно потирал руки. На этой неделе к нему поступило много тяжелораненых солдат, но ему было хорошо не оттого, что солдаты страдали, а из-за того, что будет много работы. Это хорошо для компании, филиал которой он возглавлял, а все, что хорошо для компании, хорошо и для него.

Доктор работал на одну из фармакологических корпораций, имевших в своем составе несколько больниц различного профиля. Одна из таких больниц занималась замещением и протезированием конечностей, потерянных в результате несчастных случаев. Несколько филиалов этой больницы заключили договор с Торговой Федерацией на лечение их солдат. Одним из таких филиалов был «Лазарет доктора Принстоуна».

Другое дело, что не всем раненым было по карману лечение, но прибыль нужно было извлекать откуда только можно, и он не собирался упускать ни одного шанса.

В кабинет вошел помощник Дидо Энсен.

– Доктор Принстоун, не желаете взглянуть на новую партию прибывших?

– Сколько их?

– Всего по нашему профилю поступило более двух тысяч клиентов. Три сотни находятся в нашем госпитале. Остальных развезли по другим отделениям.

– Как много! Что ж, пойдем, посмотрим.

– Вот планшет, доктор. На нем вся информация по поступившим пациентам, находящимся у нас.

- Спасибо, Дидо. Кстати, они все платежеспособны?
- Да, доктор, в той или иной степени.
- Понимаю.

Пара в белых халатах двигались вдоль длинных рядов коек, на которых лежали раненые. Большинство из них были «тяжелыми», без рук или ног. Но здесь не было пациентов с тяжелыми огнестрельными ранениями, такими доктор Принстоун не занимался. Такими занимались другие больницы.

Иногда доктор останавливался и интересовался состоянием дел больного. Он набирал цифру интересующей койки на планшете и получал всю необходимую информацию вплоть до суммы на банковском счете, которая его, собственно говоря, и интересовала в первую очередь.

– Ох, ты, какой тяжелый случай, – сказал доктор, остановившись возле раненого. У того отсутствовали ноги и одно запястье. – Вы уверены, что он платежеспособен при таких ранениях?

– Уверен, доктор.

– Давайте посмотрим, – и доктор ввел в планшет цифру «двести девяносто». – Надо же, всего полгода в армии, а сумма, как у полуторалетнего. Он что «фигстер», или как там они у федералов называются?

– «Череп», сэр. Но не похоже, что он один из них. Если хотите, я могу разузнать подробности.

– Не стоит, Дидо, к чему нам лишняя информация? Меньше знаешь, лучше спишь. Ну что, это все?

– Да, доктор. Все, что в этом корпусе.

– Хорошо. Готовьте необходимое число ванн и по мере того, как они будут приходить в себя, будем заниматься их лечением.

– Хорошо, доктор. Вы будете осматривать остальных?

– Пожалуй, нет. Я тебе доверяю.

– Спасибо, доктор.

* * *

Максу Брюстеру казалось, что он дома и бежит за бумажным змеем, которого ему подарил на пятилетие один из многочисленных родственников. Змей был большой, парил высоко в небе и вырывался из рук при сильных порывах ветра. Но вот змей вырвался из слабеньких рук, отправившись в самостоятельный полет. Макс открыл глаза.

Первое, что он увидел, это яркий свет, а в нос ударил специфический больничный запах дезинфекции. Потом тяжелой волной накрыли воспоминания обо всем, произошедшем с ним. О том, как он не мог сдвинуться с места, когда лавина взрывов неслась прямо на него, прямо как в том сне, но только с одной стороны, а не вокруг него. О том, как прямо на него, словно в замедленном воспроизведении, падала бомба. О том, как жарким взрывом ударной волны его подняло в воздух... и... на этом воспоминания о случившемся обрывались.

Думать о том, что с ним случилось, не хотелось. Болели ноги, но что-то подсказывало ему, что это фантомные боли. Но сейчас ему было все равно, есть они или их нет.

– Как себя чувствуете, больной?

Макс не сразу понял, что обращаются именно к нему. Повернув голову, он увидел рядом с собой двух человек в белых халатах.

– Вы меня слышите, больной? – снова спросил один из них, тот, что был постарше.

– Да... – еле разлепив губы, ответил Макс. Во рту было сухо и противно на вкус.

– Отлично. Меня зовут доктор Принстоун, а это мой заместитель, доктор Энсен. Так как вы себя чувствуете?

– Хреново, док...

– Значит, нормально, – улыбнулся Принстоун. Он почему-то лично хотел побеседовать

с этим больным, заработавшим за короткий срок столько денег, будто общение с ним принесет и ему какую-то удачу.

– Что со мной случилось?

– Вам оторвало ноги и правую кисть руки.

«Хотя с этим загвоздка... – подумал доктор Принстоун, изучив отчет санитаров. В нем говорилось, что руки были перетянуты специальным жгутом. – Чтобы это значило? Ну да ладно, меньше знаешь, лучше спишь».

– Странно... – Макс попытался поднять руку, чтобы посмотреть, но сил не хватало. – Во сне ничего про руку не было...

– В каком сне? – не понял доктор.

– Да это я так... Так что вы хотели, док?

– Нужно начинать ваше лечение...

– Так начинайте.

– Не все так просто, – сказал Принстоун. – Существует три методики, и требуется ваш выбор, таковы правила.

– Что еще за методики?

– В первом случае мы просто лечим ваши раны и вы гарантированно отправляетесь домой. Во втором случае мы делаем вам биомеханический протез, с которым вы также едете домой. Здесь есть свои преимущества – модели протезов можно менять.

– А третий?

– Мы отрачиваем вам новые ноги. Костную ткань растить слишком долго и дорого, вы не потянете. Кость мы заменим композитным материалом, практически ничем не отличающимся от натуральной кости ни по массе, ни по свойствам, может, даже чуть более крепким, чем натуральная.

– А в чем подвох?

– Подвох в том, что после излечения по заключению медицинской комиссии вы можете снова встать в строй дослуживать до окончания контракта, правда, уже без активных боевых действий.

– Ясно... Что еще? Ведь это не все?

– Вы правы, не все. Кроме временного, существует еще и ценовой фактор.

– Подробней.

– В первом случае вы едете домой через две недели, потеряв всего пятьсот монет. Во втором случае – через полтора месяца, без половины своей зарплаты. В третьем случае – через семь или восемь месяцев, потеряв все свои заработанные деньги. Ну, может быть, останется двести реалов на мороженое.

– Ого!

– Это действительно дорого, но все же дешевле, чем на гражданке, – сказал Принстоун и стал агитировать за третий метод. В конце концов, он не видел в этом ничего плохого, ведь ему нужно получать прибыль. – Ведь, как бы это цинично ни звучало, технология у нас отработана, да и дешевле выйдет, чем у вас дома, где таким методом пользуются в основном богачи, и потому цены там несколько наворочены.

– Понятно, – и после недолгого молчания Макс добавил. – Давайте по последнему варианту, а то как-то не хочется с протезами ходить.

– Хорошо. Может быть, есть пожелания?

– Например?

– Мы можем сделать вас выше, это не отразится на цене, зато в глазах слабого пола вы станете более привлекательны.

– Не стоит. Делайте, как был.

– Хорошо. Желание клиента для нас закон.

С этими словами доктора ушли, оставив Макса наедине со своими воспоминаниями.

Макс, поднатужившись, пустил струю в свои шорты. Сам он целиком лежал в прозрачной ванне с желтоватой жидкостью, опутанный сетью проводов, подсоединенных к датчикам, и только голова находилась на поверхности. Умные приборы регулировали ее состав, добавляя нужные и убирая ненужные компоненты соответственно. Сами регенерационные ванны находились в отдельных комнатах, чтобы больные своим видом не шокировали друг друга.

Еще в самом начале он поинтересовался насчет туалета:

– А если мне нужно будет... ну, вы сами понимаете.

– Ничего страшного, – сказал один из докторов. – Ходите прямо под себя. Эти шорты герметичные и по специальному каналу выведут все ваши фекалии, ничего не попадет наружу и не загрязнит этот состав.

– Спасибо. А может быть, вы меня тогда введете в искусственный сон на все это время? А то мне как-то не по себе, – признался Макс.

– Можем, но это нежелательно. Приборы могут очень точно показывать состояние организма, но иногда следует обращать внимание на ощущения самого больного.

– Ясно. А как будет происходить процесс регенерации, если в двух словах?

– Хмм... в двух словах. Можно и в двух словах. Мы подсадим в волокна ваши стволовые клетки и с помощью стимулятора, вот этого раствора, вырастим из них новые ткани, которые по мере роста будем цеплять на каркас.

И вот Макс Брюстер уже второй месяц купается в этой ванне. По его просьбе верхнюю крышку накрыли непрозрачной тканью. Он не мог смотреть на полную имитацию костей ног, которые безвольно болтались в растворе, а также на свободно болтающиеся мышцы, которые быстро росли. И вскоре должны были быть приживлены к пластиковой кости.

С рукой дело обстояло гораздо быстрее, и здесь первую операцию по приживлению уже сделали, но он все равно не мог на нее смотреть. Пальцы без кожи, с голыми мышцами – все это походило на фильм ужасов.

– Как себя чувствуете, больной? – спрашивал во время очередного обхода доктор Принстоун.

– Да, нормально.

– Это хорошо, – доктор снял непрозрачное покрывало с крышки. – Пошевелите-ка пальчиками... Да не этими, новыми пальчиками.

– Простите, доктор, – извинился Макс и легонько пошевелил каждым пальцем новой руки по очереди, но только двумя фалангами на каждом. Поскольку третьи фаланги еще находились, как выражался доктор, в свободном полете.

– Не больно? Может, что-то беспокоит?

– Да как будто нет, сэр. – Прислушавшись к ощущениям, ответил Брюстер. – Может быть, необычно как-то, а в остальном все в порядке.

– Замечательно! Недели через две рука будет в полном порядке, и можно будет начинать наращивать кожный покров.

Макс увидел свою руку через образовавшуюся щель между собой и тканью. Увиденное ему было неприятно. С руки свисали еще не приживленные мышцы и какие-то белые ошметки. Все это вызвало у него рвотный спазм.

– Крепитесь, больной, – сказал доктор, расправляя покрывало.

– Буду стараться, – облегченно выдохнул Макс.

– Всего хорошего.

– Спасибо сэр.

* * *

Медленно, но верно восьмимесячный курс регенерации подошел к концу. Новые ткани отросли, и их прижили к фальшивой кости. Поверх наложили кожу, и если особо не

придираться, то конечности от настоящих невозможно было отличить, поскольку были даже настоящие ногти на пальцах.

Теперь шел процесс реабилитации. Макс Брюстер учился заново ходить на пока еще слабых ногах. Но нагрузки с каждым днем возрастали, и ноги с каждым днем наливались силой. Через месяц он начал самостоятельно передвигаться и некоторое время спустя – бегать в тренажерном зале, где кроме него занимались такие же, как он, потерявшие на войне конечности и вновь их приобретшие. Некоторые, у кого не хватило денег, имели только искусственные конечности.

– Макс Брюстер! – позвал однажды санитар.

– Я.

– Идите за мной, вас желает видеть доктор Принстоун.

Санитар привел его в комнату, разделенную надвое прозрачным звуконепроницаемым стеклом. В его части комнаты стоял стул, на который он по приглашению санитара и сел. Во второй половине находились три доктора.

– Что происходит?

– Все в порядке, Брюстер, – сказал доктор Принстоун. – Меня и доктора Энсена вы уже знаете. Это наш коллега, доктор Чински, он привлеченный специалист, так сказать, независимый эксперт. Мы составляем консилиум врачей, которые должны дать заключение по вашему случаю. Поскольку вы прошли весь курс регенерации и реабилитации, мы должны выяснить, поедете ли вы домой или же продолжите службу.

– Понятно, и что вы решили?

Макс весь внутренне подобрался, служить дальше ему не хотелось.

– Не торопитесь, – сказал доктор Чински. – Скажите, как вы себя чувствуете.

– Нормально.

– Вас что-нибудь беспокоит?

– Да нет, вроде... только иногда ноги мерзнут, а так все в порядке.

– Так... хорошо. Вы нас извините, мы немножко пошепчемся, – и доктор Чински отключил связь. – Что скажете, коллеги?

– Что сказать, – задумчиво произнес Принстоун. – Диагноз: ограниченно годен. Подойдет для каких-нибудь охранных служб. Правда, без надлежащего ухода могут возникнуть осложнения и отторжение.

– А вы что скажете, Эсен?

– Полностью присоединяюсь к доктору Принстоуну, но хочу добавить, что это единственный выживший из четвертого батальона Форт-Слейва, фактически он остался один из всего выпуска.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, Эсен, – кивнул головой Чински. – Будь по-вашему.

Доктор Чински восстановил связь и сказал:

– Консилиум пришел к выводу, что вы не годны для дальнейшего несения военной службы в рядах Торговой Федерации. Можете идти.

– Спасибо... – оторопело произнес Макс, вставая, но еще не веря услышанному, и только в дверях обернулся и спросил: – А как же мне быть? Ведь денег у меня всего ничего...

– Об этом не беспокойтесь, – сказал Эсен. – Завтра вас отвезут на ближайший космодром. На попутном военном корабле вы доберетесь до ближайшей освоенной планеты, с которой мы связаны регулярными рейсами. Казначейство приобретет вам билет до любого пункта назначения, указанного вами, но не дальше вашей родной планеты. Так что до Новой Земли на халюва вам прокатиться не удастся.

– Еще раз спасибо, – поблагодарил Макс, сдерживаясь, чтобы не побежать.

Макс все же не сдержался и побежал. До вечера еще было далеко, но ему не сиделось на месте. Шутка ли, из трех лет отслужить только полгода, поскольку время, проведенное в госпитале, не зачитывалось в общий срок службы, и вернуться домой. Потом он стал лихорадочно собирать свои скудные пожитки, среди которых оказался трофейный нож.

После того, как он собрался и немного успокоился, он стал решать, куда ему направиться. Остаться ли на одной из буферных планет, где его никто не сможет достать, или же вернуться домой. «Вернусь домой, – решил Макс Брюстер. – Для жизни на буферных планетах я не приспособлен. У меня нет денег, а начинать все сначала просто не имеет никакого смысла. Дома же у меня хоть что-то есть, и я найду способ, как вернуть себе все, не привлекая внимания мафиози. По крайней мере, я очень на это надеюсь».

Ночь прошла беспокойно, он, как в детстве, ворочался с боку на бок, не спасала никакая армейская привычка засыпать сразу, как только закрыл глаза. Тут еще под конец приснились все его погибшие друзья, они что-то говорили ему, тянули руки, но как только он проснулся, то забыл, что именно они хотели сказать. Макс не знал, как относиться к их появлению. Он где-то слышал, что так мертвые зовут к себе выживших по ошибке. А потому старался больше не думать об этом.

Быстро одевшись, Макс выскочил на улицу. За воротами госпиталя его ждал накануне вызванный джип.

– Пойдите!

Макс остановился, к нему бежал санитар.

– Я что-то забыл сделать?

– Нет, все в порядке. Вы Максимилиан Брюстер? – спросил санитар.

– Он самый.

– Меня зовут Тиш Щитов. Меня сюда недавно перевели, потому не мог сказать раньше, что тот пес – ходячий танк – жив.

– Блэйд?!

– Да, он самый.

– А где он сейчас?

– Подождите немного, – сказал Тиш и убежал к подсобному строению. Из него выскочил Блэйд и понесся прямо на Макса.

– Тихо, Блэйд! Тихо... – Макс потрепал пса. – Я-то думал, что совсем один остался...

– А вот его броня, я ее даже выправил в свободное от работы время.

– Спасибо, – Макс порылся в своем тощем мешке и достал нож. – Вот возьми, это «фигстерский» нож. За него можно выручить неплохие деньги.

Макс расстался с ножом без сожаления, ведь Блэйд, по сути, был самым надежным, умным и преданным оружием. Одним словом, он был дороже всякого оружия.

– Спасибо, это действительно дорогая вещь, – сказал санитар, принимая подарок.

– Ну все, нам пора.

Джип быстро домчал до космодрома, и Макс успел вовремя на отлетающий челнок, который доставил его на военный корабль.

– У нас запрещено с собаками, – сказал грозный боцман, уперев кулаки в бока.

– Он не помешает, – заверил Макс. – И вообще не будет выходить из каюты все время пути.

– Он ведь всю каюту обгадит.

– Не беспокойтесь, он ничего не испортит, а в качестве подтверждения этих слов я готов предоставить залог, – и Брюстер протянул боцману купюру в пятьдесят реалов.

– Залог говоришь? – подозрительно спросил боцман и почесал за ухом.

– Только залог, – подтвердил Макс, но таким тоном, что стало ясно – залог можно не возвращать.

– Проходи... – приглашающе махнул головой боцман, взяв деньги, словно это был проездной билет.

Каюта была довольно тесной, всего четыре квадратных метра, и здесь предстояло провести полторы недели.

Полет проходил спокойно, правда, иногда навевался боцман, но все было чисто, а потому новых «залогов» получать было не за что. Ноги мерзли, и потому приходилось делать легкие физические упражнения, как прописали доктора, но перебарщивать с ними тоже не стоило, поскольку воды на корабле было немного, и его дневной лимит в душевой быстро иссякал.

Однажды, в конце пути, в вечернее время вошла лейтенант связи и протянула билет до Альпамира.

– Вот ваш билет, третий класс. Компания «Галактиклия». Отправление в семнадцать ноль, ноль. В общем, вы разберетесь.

– Разберусь, мэ, – принимая билет, сказал Макс. – Не такая это и сложная наука.

– Вы не могли бы мне сделать небольшое одолжение? – уже почти выйдя из каюты, спросила лейтенант.

– Все, что угодно, мэ.

– Понимаете, дело в том, что мы здесь друг друга все знаем, и служить нам вместе еще довольно долго, а вы уже завтра сойдете с корабля... А я немного стесняюсь тех, кого знаю...

– Понимаю, – сказал Макс, ничего не понимая.

– Ну, так как?

– Почему бы и нет?...

То, что они вытворяли в последующие несколько часов, его несколько обескуражило. Короче говоря, такого он не видел даже в порнофильмах, которые ему когда-то попадались. Строго говоря, он их и не особо стремился смотреть, так, иногда натыкался в ночных каналах.

Проснувшись, он никого не обнаружил, и только жутко смятая постель и специфические следы говорили, что это был не эротический сон. «Вот так дела, – подумал Макс, собирая свои вещи. – Кому расскажешь, не поверят, особенно дома».

Дальше полет продолжался без приключений. На пассажирском лайнере были специальные места для животных, потому с Блэйдом проблем не возникло. Одно плохо, к концу полета у Макса осталось всего пятьдесят реалов.

84

Лейтенант Колумб неделю назад стал капитаном, но продолжал исполнять лейтенантские обязанности, а это могло означать только одно, что его через год отправят на пенсию, и Колумб это отлично понимал. Потому он переключился только на одно дело, забросив все остальные, а точнее передав их своим стажерам, сержантам Банину и Твиксу, стажировка которых заканчивалась через пару месяцев, но уже сейчас они были полноценными полицейскими со всеми правами и обязанностями.

Дело, которое теперь уже капитан мечтал довести до конца, было связано с Антонио Маччини. Невозможность упрятать его за решетку очень сильно отравляла жизнь Колумбу. Желание посадить мафиози в тюрьму превратилось в маниакальную зависимость, все силы были брошены на решение этой задачи. Он временами даже забывал про еду и сон.

– Оил, вы достали необходимую информацию по мошенничеству с землями седьмого округа?

– Да, сэр, вот эти файлы, – сержант Оил Твикс переслал на компьютер капитана затребованные им файлы. Сам он их нелегально достал из министерства по налогам и сборам через «подцепленного» программиста, уличенного в хакерстве, но отпущенного для решения таких вот маленьких просьб.

– Замечательно!

– Что-нибудь еще, сэр?

– Нет, Оил, можете идти. Рабочий день уже закончен. Отдыхайте.

Капитан Колумб не слышал благодарности ушедшего сержанта, он всецело погрузился в изучение полученных материалов. Здесь было все. Многоходовые операции по переходу земельного и иного имущества из рук в руки, венцом которых становился переход всего имущества в собственность Маччини через подконтрольные ему организации и просто физических лиц.

Колумб видел, что, с точки зрения налоговиков, тут все чисто, хотя, по его мнению, и притянута за уши. Но они не знали или не хотели знать других подробностей этих сделок. Половина людей, задействованных в этих аферах, вдруг исчезла или странным образом умерла. Седьмой округ был лишь только звеном в череде других таких же дел.

Капитан проработал до утра, а утром пошел к своему начальнику, полковнику Паоло Крауну.

– Привет, капитан, как жизнь?

– Помаленьку. Я пришел за ордером на арест Антонио Маччини.

– Теодор, ты случайно ночью не с наркоманами веселился, а то у тебя, видно, мозги затекли, – уже каменным голосом сказал полковник. – У тебя нет улики, или все они имеют косвенный характер. За что его брать, улики ведь рассыплются в труху под нажимом его адвокатов. Я не дам тебе ордер.

– Хорошо... – сказал Колумб и, немного подумав, решил достать свой козырь. – У меня есть свидетель, важный свидетель.

– Кто он? – уже мягче спросил Краун. – Какой-нибудь боевичок?

– Я не могу сказать, но это не мелкая сошка и он имеет самое прямое отношение к аферам Маччини. Чудом остался жив после двойного покушения, как нежелательное, слишком много знающее лицо. Все вместе это составит неопровержимую доказательную базу. Вы ведь понимаете, о чем я говорю?

– Понимаю. И что, он все расскажет на суде?

– Расскажет.

Полковник Краун долгим взглядом посмотрел на капитана. Не дать тому ордер, значит, подставить себя под федеральную полицию. Дать ордер – подставиться под удар Маччини, и неизвестно, что хуже. Но вскоре на ум пришло соломоново решение, и он, хлопнув по столу рукой, достал бланк ордера.

– Держи, капитан, – полковник протянул заполненный ордер. – И постарайся довести все до конца, иначе всех нас спишут уже завтра.

– Есть, сэр.

Когда капитан ушел, полковник достал свой телефон и стал набирать длинный номер прямой связи.

А Колумб вызвал своих стажеров и вручил им ордер со словами:

– Передать лично в руки.

– Ого!

– Есть, сэр.

Оил Твикс со своим напарником Миком Баниным ехали в загородный дом мистера Маччини.

– Настоящая крепость, – Банин кивнул головой в сторону дома Маччини.

– Не хилый домик.

Дом Маччини был окружен высоким забором со множеством систем сигнализационной защиты. В башенках самого здания угадывались минометные и артиллерийские позиции. Это не считая бойниц с автоматическими пулеметами. А также других невидимых невооруженным глазом систем защиты.

– Да, так просто его не взять.

– Надеюсь, ордером все и ограничится, – сказал Оил Твикс.

Машина проезжала один пост охраны за другим, и на каждом ее останавливали и тщательно проверяли. На последнем этапе ее даже просканировали, но, не обнаружив ничего

подозрительного, пропустили.

– Что вам нужно? – задал вопрос охранник.

– Немного джину и закуски побольше... вы что, уроды, сколько можно одно и то же спрашивать?!

– Успокойся, Мик. Мы к мистеру Маччини, должны предъявить ему ордер на арест и сопроводить в участок.

– Ну, вы загнули, ребята, – ухмыльнулся во весь рот охранник. – Выходите из машины. Они чистые, – сказал он в рацию после того, как обыскал.

– Проводи их в сад, – послышался из рации четкий ответ.

Антонио Маччини собственноручно высаживал какое-то деревце. Он заботливо присыпал корни землей и поливал водой. Маччини на максимальный срок растянул себе удовольствие, и последний пленник прожил почти год. Метрах в пяти была горка, на которой росли пять кустов разных цветов.

– Чем я могу вам служить, ребята?

Под пристальным взглядом охранника Оил вытащил ордер и сказал:

– Вот ордер на ваш арест. Мы должны немедленно сопроводить вас в отделение.

– Сопроводить, так сопроводить, – легко согласился Маччини. – Пойдемте тогда, что встали?

Маччини в сопровождении полицейских и своры охранников прямо в садоводческой одежде пошел к своему лимузину. Рядом с лакированной машиной уже стояли десять адвокатов в безупречных костюмах.

– Господа, сегодня вам предстоит отработать денежки, которых вы, прямо скажем, не стоите.

Молодые полицейские выглядели слегка пришибленными. Они не верили, что все произойдет так легко, и во всем чувствовали какой-то подвох. Но подвоха не было. Кортёж из двух лимузинов и двух джипов с охраной, не считая полицейской, подкатил к участку. Из одного лимузина вышел Маччини, а из другого его адвокаты.

– Вы меня обижаете, капитан, – сказал Маччини, безглаголиво сядя в предложенное кресло.

– Это чем же? – поинтересовался Колумб.

– Привезли меня в какой-то занюханный участок, и это меня, меня!

– А что, вы? Вас привезли в участок, по которому вы проходите и в котором на вас впервые было заведено дело.

– Неважно. Зачем меня сюда вызвали?

– Вы обвиняетесь в неуплате налогов, мошенничестве по сделкам с недвижимостью и земельными участками, а также в заказных убийствах. Что вы можете на это сказать?

– Невиновен.

– Тем не менее, первое заседание состоится ровно через неделю, в течение которой вы будете содержаться в следственном изоляторе.

– Наш клиент – уважаемое лицо в городе, – взял слово один из адвокатов.

– Он не опасен для общества, – проговорил другой.

– Максимум, что вы можете сделать, это взять подписку о невыезде с планеты.

– Заткнитесь, – прервал разглагольствования адвокатов капитан Колумб, но вынужден был согласиться. – Я беру с вас подписку о невыезде из города, вот, ознакомьтесь и распишитесь.

– Это неслыханно, – заговорил уже четвертый юрист. – Наш клиент очень занятой человек и должен присутствовать на различных совещаниях в различных городах.

– Либо кутузка, либо город.

– Хорошо, я подпишу, – Маччини поставил свою подпись на бланке и одними губами произнес: – Ты пожалеешь об этом.

– Можете идти.

Мик Банин ехал на своей личной машине за Оилом Твиксом. Сегодня был последний день их стажировки, а то, что он был выходным, позволяло провести его с размахом. Стажироваться они должны были еще два месяца, но капитан сказал, что это лишнее и с завтрашнего дня они будут полноценными полицейскими и получают свои лейтенантские звездочки и жетоны.

Подъезжая к дому Оила, он заметил друга и помахал рукой. Вдруг к Твиксу подбежал какой-то оборванец и воткнул ему нож в спину. Мик выскочил из машины и побежал к напарнику, выхватывая парализатор, но оборванца и след простыл.

Оил был мертв, грязная заточка лежала рядом. Банин услышал позади себя легкие шаги, а потом звук рассекаемого воздуха. Он отскочил в сторону и, перекатываясь по грязной бетонке дороги, принялся стрелять по нападавшему, державшему в руке длинный железный прут. Пули уходили мимо, в стенку дома на противоположной стороне улицы, разрывая ночную мглу голубыми всполохами.

Мик отбежал к машине и, заведя ее с полуоборота, понесся, не разбирая дороги, куда глаза глядят.

Выходные прошли спокойно, но капитан продолжал готовиться к самому крупному делу в своей долгой карьере. Колумба посреди ночи разбудил телефонный звонок.

– Алло...

– Капитан, это сержант Банин!

– Что случилось, Мик?

– Оила убили!

– Когда?

– Сейчас, только что, я за ним заехал, на вечеринку к друзьям собирались, а его ножом кто-то. Я еще заметил, что убийца под наркомана косил, но это не нарк.

– Точно?

– Абсолютно! И меня только что пытались прибить, только я успел увернуться.

– Понятно, езжай ко мне, что-нибудь обязательно придумаем.

– Понял, сэр.

Но ничего придумать не удалось. Явных доказательств не было, но они сошлись во мнении, что это дело рук Антонио Маччини. Это подтвердилось уже перед самым выходом из квартиры, когда Мик включил телевизор и наткнулся на канал новостей.

– Сегодня ночью произошла серия из семи взрывов, – вещал репортер. – Есть многочисленные жертвы, сейчас я попрошу режиссера показать картинку с мест взрывов. Покажите, пожалуйста...

Репортера сменили кадры еще горящих квартир, с вырывавшимся огнем боролись мужественные пожарные, входящие прямо в пламя в своих защитных костюмах, хотя и так было ясно, что спасти при таком пламени там некого.

Картинка сменилась несколько раз, оператор снимал все семь случаев в нескольких ракурсах. Здесь были обычные жилые комнаты, загородный дом, подсобное помещение и даже заводской цех.

– Очень странная цепь событий... Полиция пока никак не комментирует случившееся и не выдвигает никаких версий, – продолжал журналист. – Но нам удалось поговорить с одним из пожарных, и он сказал, что есть явные следы взрывчатки. Это все, что нам удалось узнать на этот момент, оставайтесь с нами. Для вас работали оператор Теодор Шлифман и я, репортер Эрик Дуренко.

– Сэр, что с вами? – спросил Банин у шефа.

Колумб сидел на диване и раскачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками.

– Все кончено, сынок, все кончено... Твой приказ об окончании стажировки с собой?

– Да, вот он.

– Давай его сюда, – капитан взял приказ из рук Мика и подписал его. – Теперь ты лейтенант. Полковник заверит его, никуда он не денется...

– Но, сэр, что же все-таки случилось?

– Маччини нашел моего свидетеля и взорвал его. Он нашел как специально мною засвеченные квартиры, так и абсолютно секретные, в одной из которых и был мой свидетель с пятью агентами.

– Что же теперь делать?

– Идем в участок, как ни в чем не бывало.

Как только они заняли кресла в своем кабинете, вошел посыльный капрал.

– Сэр, вас желает видеть полковник Краун.

– Уже иду.

Колумб без стука вошел в кабинет начальника.

– Вызывали, сэр?

– Да, Теодор, вызывал. Присаживайся, в ногах правды нет.

– Ее вообще нигде нет. Так в чем дело?

– Из главного управления пришло распоряжение о твоём увольнении.

– И вы его, конечно же, подписали? – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Колумб.

– Подписал, – кивнул головой полковник. – Вы увольняетесь с полным выходным и пенсионным пособием.

– И на том спасибо, – капитан Колумб аккуратно положил на стол своего начальника жетон и табельное оружие. – Все-таки ты свинья, Краун, и всегда был ею...

Колумб вернулся в кабинет и стал собирать свои вещи.

– Этого нельзя так оставлять, – обо всем догадавшись, сказал Банин. – А то получается, что Оил погиб зря.

– Не оставим.

– Если не можем победить его на своем поле, – продолжил Мик, пристально глядя на Колумба, – то надо сыграть на чужом.

Теперь уже капитан в отставке пристально посмотрел на свою смену и чуть слышно сказал:

– Что ж, сыграем.

86

Макс Брюстер впервые за долгое время вдохнул сладкий воздух Альпамира. Если бы его не продержали целый день в карантине, как человека вернувшегося с неосвоенных и потенциально опасных планет, то воздух показался бы ему еще слаще. В карантине же у него обнаружили пару неопасных вирусов, от которых его быстро избавили, а Блэйдус сделали все необходимые прививки.

Макс боялся, что во время нахождения в карантине его найдут люди Маччини, но этого не произошло. «Наверное, считают, что я никак не могу здесь быть, – подумал он, и тут же пронеслась обнадеживающая мысль: – А может быть, они уже давно меня считают погибшим?» Но рисковать не стоило.

Чтобы не выделяться из общей группы, Макс приобрел гражданскую одежду, и оставшихся денег хватило только на билет в общественный транспорт. Автобус быстро катил по ровной дороге в сторону Франбрета. Макс вышел на нужной остановке и, пройдя несколько кварталов, оказался возле своего дома, а точнее, у того, что от него осталось.

От двухэтажного особняка осталось одно лишь пепелище. Все сгорело дотла. Остался только фундамент с горой мусора посередине. Макс прошелся по пепелищу, поддевая обгорелый мусор, а потом о чем-то вспомнив, прошел в относительно целый гараж, но ни машины, ни ее останков там не было.

– Скажите, уважаемый, – обратился Брюстер к прохожему. – Что здесь произошло?

– Пожар, какая-то шпана забросала дом зажигательными бутылками.
– И давно это произошло?
– Месяцев шесть будет. Сказали, что если через месяц не объявится хозяин, участок уйдет с молотка, и здесь построят новый дом.
– Понятно.

Макс был хмур, дом со всем его имуществом сожгли, машину, по всей видимости, угнали, и он остался совсем без денег. «С таким же успехом можно было поселиться на любой другой планете, – подумал Макс. – Стоп, но ведь у меня еще есть фирма!»

Макс всеми правдами и неправдами, на попутках и «зайцем», добрался до своего предприятия. Но вот что за дела? Охрана явно сменилась, и, заподозрив неладное, Брюстер поинтересовался у молодца, выглядевшего самым туповатым среди остальных:

– Чья это фирма?
– А тебе какое дело?
– На работу устроиться хочу, так сказать, условия работы хочу прозондировать.
– Это фабрика мистера Белучче.
– А он кто? – с хрипотцой в голосе снова спросил Макс.
– Поговаривают, что племянник самого мистера Маччини.
– Вот как... тогда ладно...
– Эй!..

Но Макс уже быстро уходил из опасного места. «Значит, мою фирму прибрал к рукам этот гад, – с ненавистью сказал себе Макс. – Но как он это сделал? Впрочем, это уже не суть важно».

Денег не было совсем, и Макс, немного поразмыслив, решил отправиться к Вольфу Слэйтеру, чтобы занять немного денег. Понимая, что за домами его друзей могут следить, он пошел без предупреждения, надеясь на то, что у соглядатаев притупилось внимание за многие месяцы слежки. Хотя шансы на то, что до сих пор ведется слежка, были минимальными, Макс все же решил учесть и такую возможность.

Вольф был дома и сразу же подошел к видеофону.

– Привет, Вольф.
– Кто вы? И откуда вы знаете мое имя?
– Не узнал? Это я – Макс Брюстер.
– Макс... Ты сильно изменился... Заходи, мы думали, что ты погиб. Тебя ведь объявили без вести пропавшим.
– Вольф, у меня нет времени... мне нужны деньги.
– Сколько?
– Тысячи вполне хватит. Наличными.
– Хорошо, поднимайся ко мне...
– Нет, Вольф, ты отдашь мне деньги внизу... так будет лучше.
– Ладно. Сейчас буду.

Поев, Макс стал размышлять о том, что ему делать дальше. Стало понятным, что его имущество уже не вернуть, поскольку одному тягаться с Маччини было не под силу. Отсюда выходило, что нужно найти союзников, вот только где их искать. На друзей надежды было мало, он знал их с самого детства и сразу понял, что максимум, на что они способны, это снабдить его небольшим количеством денег. Они не станут ввязываться ни в какие авантюры, грозящие их безопасности.

«Тогда полиция, – подумал Брюстер. – А точнее тот полицейский, лейтенант Колумб. Он произвел впечатление здравомыслящего человека и, может быть, посоветует что-нибудь дельное».

С этими обнадеживающими мыслями Макс прибыл к тому самому полицейскому участку. Но заходить внутрь не стал. Он помнил, что в прошлый раз за ним охотились не только преступники, но и полицейские, а значит, он может быть опознан, тем более что на входе висит сканер, который сверит его биометрические параметры и опознает в нем

беглеца, подозреваемого в дюжине преступлений.

Ждал Макс недолго. Интересующий его человек вышел из здания с большой коробкой в руках и направился к машине. Брюстер быстро догнал его.

87

- Здравствуйте, лейтенант Колумб.
- Здравствуйте... не помню вашего имени, хотя лицо знакомо... смутно.
- Я Максимилиан Брюстер.
- Да-да, помню, дело Маччини, мать его... Ты очень долго и успешно скрывался, честно говоря, не ожидал. Так что ты хотел?
- Собственно, хотел узнать, что с моим делом. Ищет он меня или уже нет?
- Ты наемник? – приглядевшись повнимательнее к Брюстеру, спросил капитан, проигнорировав вопрос и собираясь ответить в зависимости от ответа Макса.
- Повоевал немного, – уклончиво ответил Макс. – Так что с моим делом?
- Ищет, – уверенно ответил Колумб.
- Черт. Что же мне теперь делать? Полтора года уже прошло. Неужели его дочка до сих пор не пришла в себя?
- Пришла, но что именно она сказала, мне неизвестно, может, она и не помнит ничего из того, что произошло, так бывает... Давай прокатимся до моей квартиры и там поговорим.
- Давайте, – залезая в машину, согласился Макс. – Но признаться, я устал убегать... Ведь я подался в наемники, чтобы скрыться от Маччини, но и там он меня достал. Но ему немного не повезло, и, как мне объяснили, его люди погибли во время бомбежки, а мне самому тогда оторвало ноги.
- А по тебе не скажешь, что калека.
- Отрастили новые. Как и запястье, – и Макс продемонстрировал новую руку.
- Наука творит чудеса. Но знаешь, пожалуй, есть одно решение проблемы, твоей проблемы.
- Какое?
- Для этого тебе немного придется снова повоевать. Нужно убить Маччини, иначе он достанет тебя рано или поздно.
- Брюстер ехал молча, раздумывая над предложением, молчал и Колумб, и только когда машина стала притормаживать, сворачивая на уличную дорогу с шоссе, Макс сказал:
- Я согласен. Один вопрос, вы же полицейский, а убийство с вашей стороны – это противозаконный метод, или законы за время моего отсутствия изменились?
- Нет, не изменились. Но вчера ночью он убил шестерых полицейских и единственного свидетеля по своему делу, по которому мог бы сесть лет на двадцать. А уже сегодня утром меня уволили, и теперь я капитан в отставке.
- Тогда все понятно, – и после короткой паузы Макс добавил: – Нам нужно составить план, где мы его будем брать.
- Машина свернула практически у самого дома Колумба и поехала в сторону еще более бедных кварталов, которые были не так уж и далеко.
- Куда мы едем?
- К знакомому хакеру, достанем план дома Маччини и всей его оборонительной инфраструктуры, если получится. Будем брать его там.
- Не проще ли его взорвать где-нибудь на дороге? А то шумиха будет...
- Нет. Когда он выбирается из своего особняка, выезжает сразу несколько кортежей и взлетает пара вертолетов. Никогда не известно, в каком транспорте он находится, и выехал ли вообще и не сидит ли в это время дома. Потому будем штурмовать его дом.
- Кучу людей положим, – сказал Макс, поднимаясь по обшарпанной и заплыванной лестнице, казалось, ее не убирали с момента постройки.
- Иначе никак.

Колумб постучал в дверь.

– Кто там?

– А то не видишь?

Макс осмотрелся и действительно заметил едва различимый глазок видеокамеры. Дверь открылась, и они с капитаном вошли вовнутрь.

– Вы меня засветите, – пожаловался щупленький хакер, чем-то похожий на Бертрольда, и сразу же предупредил. – Никаких имен и кличек.

– У меня к тебе последняя просьба, – сказал Колумб, – после которой ты будешь чист.

– Это уже лучше. Что за работа?

– Раздобудь подробный план особняка Маччини. Самый подробный. Все, что только сможешь найти, вплоть до количества слуг, систем вооружения и внеплановых пристроек. Все...

– Ничего себе... но что только не сделаешь для старых друзей, – улыбаясь, сказал хакер, садясь за свой терминал в сумрачной и заваленной всяческим хламом комнате. Он улыбался, потому что это была работа не из легких и, что более приятно – последняя. После которой этот полицейский его больше не потревожит.

Хакер работал быстро, взламывая различные системы защит, и вскоре принтер стал распечатывать подробный план особняка Маччини и даже информацию о вооружении.

– Это все, – сказал он после часового боя в интерактивном мире.

– Этого хватит, – кивнул головой Колумб, рассматривая схемы. – Тебя я больше не потревожу, ты знаешь, мое слово – закон.

– Знаю, а теперь всего хорошего.

Макс рассматривал схемы пятиэтажного особняка в квартире капитана. Это была самая настоящая крепость. Кроме того, на столе лежала самая подробная карта местности, на которой находился этот дом.

– Карнацион в миниатюре...

– Чего? – не понял Колумб.

– Мысли вслух.

– Ты уже знаешь, как будем действовать?

– Общая схема есть, но мне нужно знать, на какую сумму я могу рассчитывать при разговоре с наемниками? А также, каким оружием мы будем располагать?

– Об оружии не беспокойся. Я достану любое оружие в любых количествах.

– Должники? – понятиливо спросил Макс.

– Вроде того, – улынувшись, сказал Теодор.

– Тогда остаются деньги.

– Сто пятьдесят тысяч.

– Немного, конечно, но я постараюсь уложиться в отведенную сумму.

Макс быстро написал необходимый список оружия и протянул его Колумбу.

– Мне нужно это оружие или очень близкие к нему аналоги.

– Да тут целую фронтальную операцию обеспечить можно. Я достану, но вот безоткатных орудий нет. Есть стомиллиметровые минометы.

– Ладно, пусть будут стомиллиметровые минометы, тогда для их мобильности нужно два легко крытых грузовика и как можно больше снарядов, простых осколочных. И последнее. Где мне найти бывших солдат?

– Клуб «Белый попугай». Закажешь у бармена за стойкой «Черного принца» с красным перцем и жди посредника.

– «Черный принц», значит, с красным перцем. Вы не против, если моя собачка у вас посидит, пока я по попугаям ходить буду?...

– Если только она не кусается...

«Белый попугай», несмотря на свое светлое название, был довольно-таки злачным местом, находившимся практически на окраине города и работавшим в ночное время. Макс Брюстер прошел бдительную охрану и оказался внутри. Внутри бар оказался классическим для этих мест: несколько площадок для стриптиз-выступлений, боковая стойка и зал, забитый отдельными столиками.

Макс невольно задержался взглядом на стриптизерше, которая практически заканчивала выступление, но, к его разочарованию, это оказалось выступление топлес, и не более того. Под вялые аплодисменты она ушла к себе в гримерную, а ей на смену вышла новая исполнительница зажигательных танцев.

Макс подошел к стойке, у которой не было свободного места и, столкнув неприятельного посетителя, сделал заказ подошедшему бармену:

– «Черного принца» с красным перцем.

– «Черного принца»?

– Его.

– С красным перцем?

– С ним, урод!

– Прошу прощения, не могли бы вы подождать за отдельным столиком? Вон за тем, что в дальнем углу... ваш заказ мы подадим на столик, – как-то нервно засуетился бармен.

– Могу, – и Макс пошел ко всегда свободному самому дальнему столику.

После ухода Брюстера бармен взялся за телефон, и через минуту к нему подошли трое – девушка и двое мужчин.

– Привет, Толстый, – поздоровался один из них, что был повыше. – Где наниматель?

– Вон он, за вашим столиком сидит.

– Что-то он несолидный какой-то, хотя и бывший наемник. Ты уверен, что он наниматель, а не очередной солдат удачи, желающий найти работу себе по вкусу? Или он, может быть, по ошибке заказ сделал, так сказать, не ведая, что творит?

– Думаю, наниматель или его представитель, – сказал бармен. – Уж очень настойчив был в своем выборе.

– Хорошо. Мари, проверь его.

– Один момент.

– Пометить его? – спросил тот, что поменьше, высовывая из кармана прибор с двумя усиками.

– Пометь. На копа не похож, но все равно, лучше знать, откуда он.

Народ продолжал веселиться, и к Максону Брюстеру, пританцовывая, подошла девушка.

– Потанцуем? – спросила она.

– Я бы с удовольствием, но жду приятелей.

– Понятно... – сказала девушка и, достав телефон, произнесла в него: – Это он делал заказ.

– Связная, что ли?

– Вроде того. Подожди еще минутку.

– Ладно, – Макс пожал плечами. – Мне торопиться некуда.

Через минуту, как и обещала девушка, к столику подвели двое «приятелей». Один из них достал хитрый приборчик и быстро обвел им вокруг Брюстера.

– Чист.

– Я буду говорить только с одним, – сказал Макс, почувствовав себя неуютно сразу с двумя.

– Сходи погуляй, – сказал один из них, и тот, что был с прибором, ушел в центр зала, а оставшийся обратился к Максону. – Тебе точно нужен «Черный принц» с красным перцем?

– Точно.

– Ты не похож на нанимателя, может, ты хочешь записаться в один из отрядов?

– Нет. Я наниматель.

– Хорошо. Сколько и кто тебе нужен?

– Что вы можете предложить?

– Все специальности. Даже пара бывших «робберов» есть. Можешь воспользоваться как свободными наемниками, так и уже состоявшейся группой. А также оружие...

– Оружие у меня есть. Если у вас есть все, то мне нужно двадцать человек линейных пехотинцев, среди них пара минометчиков, три снайпера, пять десантников, стрелка, и все они должны быть из свободных наемников.

– Серьезный заказ. Хотя с минометчиками дело туго, на нашем рынке это довольно редкая профессия. Ты знаешь расценки?

– Нет, но я уверен, что мы договоримся. Только без балды...

– Хорошо. Линейный пехотинец с минометчиком идут по десять тысяч...

– Нет-нет, – отрицательно махнув рукой, возразил Макс. – Это разовая операция. Я не собираюсь их нанимать на целый год. Мое предложение – пять тысяч на нос.

– Может, и не собираетесь, но они, возможно, будут жить на эти деньги целый год до следующей операции, ведь они не так уж и часты. Девять...

– Шесть.

– Восемь.

– Семь и на этом закончим, – сказал Макс.

– Десантники со снайперами берут по двадцать тысяч.

– Это несерьезно. Максимум – семь тысяч.

– Ладно, тринадцать тысяч.

– По рукам, – вынужден был согласиться Брюстер, отметив про себя, что у него серьезный перерасход средств.

– Вертолет стоит пятьдесят тысяч. И это минимальная цена.

– Что за вертолет? Они что, боевые?

– Нет, это гражданские вертолеты, которые можно быстро переделать под конкретную задачу. На ваш выбор есть три типа винтокрылых машин, – посредник осторожно оглянулся. – Легкий двухместный вертолет типа «Даблси» можно переделать под легкий штурмовик. Средний, вроде «Ка10», под десантно-штурмовой. Есть тяжелый «Кит» грузоподъемностью пятьдесят тонн. Какой вам нужен?

– Поподробнее про «Ка10».

– Вместимость – десять человек. Это что-то вроде прогулочного или воздушного такси. Но вертолеты без брони.

– Это мне вполне подходит.

– Теперь разберемся с вооружением...

– С оружием все в порядке, – сказал Макс. – Оружием будем пользоваться моим.

– Что ж, покупатель всегда прав.

– Вот и отлично. Как будем рассчитываться?

– Наличкой естественно, – усмехнулся посредник. – Половина – до операции, половина – после. Если будут погибшие, деньги все равно переходят на их счет. У некоторых есть семьи.

– Согласен, – ответил Макс, быстро подсчитав, какая сумма получилась, и сколько составляет пятьдесят процентов от нее. Получалось, что он еле-еле уложился в отведенный лимит.

«Но вот как я буду расплачиваться после операции с оставшимися тремя тысячами? – подумал Макс Брюстер. – Они же нас на кусочки изрежут. Впрочем, что-нибудь придумаю».

– Что-нибудь еще?

– Нет. Вот адрес, куда должны прибыть наемники, а это адрес вертолетчику, – Макс показал посреднику две бумажки с адресами, и после того, как тот качнул головой в знак того, что запомнил, Брюстер сжег адреса в пепельнице. – Ну, вот и все. Время сообщу дополнительно.

– Было приятно иметь с вами дело.

– Где мой «Черный принц»? – проворчал Макс, когда посредник ушел.

– Вот ваш заказ, – официант поставил бокал с темной жидкостью на стол.

Макс с подозрением посмотрел на бокал с мутной жидкостью, по цвету походившей на отработанное машинное масло. Понюхав, он решительно его отодвинул и вышел на улицу. В ближайшей подворотне он переоделся в другую, заранее приготовленную, одежду, поскольку почувствовал, что во время обыска его несколько раз коснулись прибором, а значит, могли оставить несколько жучков. Потому следовало перестраховаться, особенно когда играешь в серьезные игры.

«Теперь нужно работать очень быстро, – подумал Макс. – Информация о найме распространится в преступной среде со скоростью света, и Маччини может приготовиться серьезнее, так – на всякий случай, даже если и не будет уверен, что это за ним...»

Посредники торговцев смертью стояли возле мусорного бака, в котором лежала помеченная одежда.

– Ну что, Фил, принимаем заказ?

– А что нам остается? Нужно брать любую работу, а то мы слишком долго сидим без дела и теряем вес на рынке услуг.

89

Макс сам встречал наемников в одном из пустых складов на окраине города. Некоторым бойцам было уже под сорок, но выглядели они совсем даже неплохо. Подтянутые, крепко сложенные, какими и должны быть наемники. Но среди них он заметил нескольких хлюпиков, которые явно никогда не нюхали настоящего пороха. Эти украдкой озирались, держали грудь колесом, стараясь выглядеть как можно круче.

– Это что за паршивцы? – спросил Брюстер у посредника. – Я сказал, что мне нужны настоящие солдаты, а не этот сброд. Они же от испуга своих в спину перестреляют.

– Да ладно тебе, – скривившись, сказал посредник. – Я дам тебе на них скидку, по две тысячи с каждого... итого, ты сэкономишь десять тысяч. И потом ты можешь поставить их на переднюю линию, где они никого не подстрелят, кроме врага...

– Дерьмо...

– Да ладно тебе, – повторил посредник. – Зато посмотри, какие десантники. Орлы, а не десантники! С такими в огонь и воду!

Десантники действительно выглядели впечатляюще. Они сразу опознали друг в друге коллег и сбились в отдельную кучку, что-то живо обсуждая. А вот снайперы вели себя по-другому. Каждый из них прибыл со своей винтовкой, спрятанной в футляре, и друг с другом они не общались, складывалось такое впечатление, что они избегали себе подобных и вообще всех. Лица их были умело скрыты от посторонних взглядов. Вроде видишь лицо, но как только отвернулся, уже забыл его очертания.

– Ладно, уговорил, – после долгого молчания, осмотрев всех, сказал Макс. – Грузи их в машины.

– Подъем, ребята! – закричал посредник. – Полезай в фургоны.

Двадцать восемь человек погрузились в машины, и, к счастью для Брюстера, посредник вместе с ними не поехал, иначе его пришлось бы попросить остаться, а Макс не любил подобные разговоры.

Две грузовые машины с желтой вывеской «Транспортная компания Мартинеса» на коричневом брезенте катили по шоссе и через час пути выехали на ровную площадку между гор в два квадратных километра. Здесь уже все было оборудовано под стрельбище с самодельными мишенями из чего попало. Также имелись два легких надувных ангара.

– Это наш полигон, – стал объяснять Брюстер высыпавшим из машин солдатам. – Здесь пройдем небольшую обкатку перед выполнением задания. Сейчас пройдите ко второму ангару и подберите себе необходимое обмундирование от формы до брони с оружием. Свою одежду вам придется сжечь, за этим проследит вон тот старичок с собачкой.

– Слышь, молодой, а что нам делать-то надо будет? – спросил один из наемников.

– Позже узнаете, когда получите оружие и сожжете одежду, а то на вас жучков, как на псине блох.

– Да откуда на нас жучки?!

– Вас посредник по спине рукой хлопал? Может, под локоть брал?

– Было дело, – сказал один.

– Точно, было...

– Ну, вот видите, а теперь идите переодевайтесь.

Через час костер из старой одежды уже догорал, а переодевшиеся солдаты перебирали оружие.

Макс Брюстер собрал вокруг себя снайперов и повеселел, даже сейчас он не мог запомнить их лица.

– Мне хотелось бы поглядеть на ваше оружие и узнать, подойдет ли оно для решения поставленной задачи, то есть я хочу знать его краткую характеристику.

– У меня «Штольц-400», – распаковывая свою винтовку, сказал первый снайпер. – Пятизарядная, дальность стрельбы две тысячи метров.

– «ДСВ7», – сказал второй. – Семь патронов. Дальность – две с половиной тысячи.

– «МР500У», – сказал третий снайпер, доставая свою винтовку, огромный ствол которой смахивал на хобот древней противотанковой винтовки. Остальные два снайпера как-то отчужденно посмотрели на своего собрата. Следующие слова прояснили Максу их странную реакцию. – Антиснайпер. Магазин на четыре патрона, дальность стрельбы пять тысяч метров.

– Ого! – невольно вырвалось у Брюстера. – Что ж, ты можешь идти пристреливаться. – Макс посмотрел на винтовки двух оставшихся и сказал: – Задача, которую я вам поставлю, требует несколько большей дистанции стрельбы, а именно – три тысячи метров. Вы можете взять себе другие винтовки? У нас широкий выбор.

– Мы, конечно, можем взять другое оружие, но вот результат уже гарантировать не сможем. За несколько часов не пристрелять новую винтовку. С ней нужно сродниться, почувствовать ее, как самого себя. С новым оружием этого не получится.

– Ты, конечно, извини, – сказал второй. – Но непрофессионалу этого не понять.

– Что ж, понимаю. Просто для выполнения задачи вам придется подойти к цели слишком близко...

– Это оставь решать нам.

– Мы профессионалы и выполним задачу.

– Хорошо, пусть будет по-вашему, – согласился Макс и повернулся на звук выстрела антиснайпера. Пламегаситель сбил большую часть выхлопа, но и вырвавшийся на полметра сноп произвел впечатление.

Колумб, наблюдавший результат выстрела в бинокль, поднял большой палец в знак того, что мишень на трехкилометровой дистанции была успешно поражена. Остальные солдаты побросали свои дела и окружили стрелка, но тот никому своего оружия не отдавал, как бы его ни просили.

Макс подошел к ним и стал разгонять:

– По местам. Собирайте и пристреливайте свое оружие. Но прежде я хотел бы узнать, кто из вас имел в прошлом дело с минометом?

Из толпы вышли двое.

– Я Том, – представился рыжий. – А это Дик, мы были минометчиками.

– Хорошо. Возьмите себе еще по одному человеку и в темпе обучите их минометному делу, желательно, если они будут из тех сопляков, в бою они мне будут только мешать.

– Тут мы вас понимаем.

– Это решать вам, но чтобы через два часа вы могли подбить вон те бочки, а через четыре – такие же бочки, но на противоположном склоне горы. На все у вас по два ящика снарядов.

– На противоположном не получится, – сказал Дик. – Корректировщик нужен.

– Вы будете бить прямой наводкой, так что корректировщик вам не понадобится. Впрочем, возьмите водителя грузовика, того, что посмышленнее, и сделайте из него корректировщика. Скажите ему, что я заплачу.

– Тогда нет проблем.

– Вот и отлично. Ищите напарников и принимайтесь за работу.

90

Брюстер успел только переодеться в свою форму, как в небе зазвучал стрекот вертолета. И через несколько минут на поле возле ангаров сел «Ка10» в желтой расцветке воздушного такси. Из вертолета выскочил лейтенант Банин и побежал к Колумбу. Лопасты затихли, и из винтокрылой машины вышел пилот, к которому и направился Макс. К вертолету он подошел одновременно с Колумбом и Баниным.

– Здравия желаю, лейтенант Ивар Медиссон, – представился пилот. – Какая работа?

– Не так быстро, сынок, – остановил того капитан. – Сначала закатай свою машину в ангар, навесь вооружение, а потом все объясним.

– Нет проблем. Подтолкните машину.

Макс с Миком помогли пилоту закатить вертолет в ангар, на его удивление, при помощи трех человек он закатился довольно легко.

– Он тебе все объяснит, – сказал Колумб, показав на Брюстера.

– Понял. Вы – заказчик, а он, получается, стратег, – кивнул головой Ивар. – Что ж, давайте для начала познакомимся, меня вы уже знаете, – лейтенант протянул руку.

Колумб с Баниным ушли, оставив Макса наедине с пилотом.

– Максимилиан Брюстер, – назвал свое настоящее имя Макс после недолгого размышления. – Ты не боишься, что компания вышибет тебя, если узнает, как ты пользуешься ее имуществом в свободное от работы время?

– Не вышибет, – уверенно сказал пилот. – Этот вертолет мой.

– Он же кучу денег стоит! Где ж ты столько взял? Он хоть и не новый, но все равно...

– Ну, не так уж и много. А деньги на войне заработал. Трижды горел, еле ноги унес, но дослужил до конца срока. Зато за годичный контракт сбил десятерых, потом взял в банке ссуду и купил этот вертолет. Теперь вот катаю особо нетерпеливых клиентов и иногда вот на такие заработки выхожу. Это, кстати, мой второй боевой вылет.

– Денег, что ли, мало зарабатываешь на основной работе?

– Не в этом дело, просто иногда пострелять хочется, адреналин и все такое...

Пилот открыл дверцу в пассажирский салон и вытащил оттуда угловатую стальную конструкцию.

– Это что такое?

– Моя броня, защитит от легкого стрелкового оружия и касательных попаданий тяжелого. Сам делал. Помогли навесить, это не трудно.

Макс вместе с Иваром нацепили броню на специальные, опять же самодельные, крючки и пазы. Броня огибала корпус, как литая, но защищала только днище и нижнюю половину корпуса. Брюстер вынужден был признать, что Медиссон знаток своего дела. Кроме брони он вытащил и дополнительные крылья с подвесками для вооружения.

– Ну вот, кажись, все. Осталось только оружие подцепить. Кстати, где оно?

Брюстер, ни слова не говоря, ушел в дальний конец ангара и одним сильным взмахом руки сдернул покрывало. Отлетев, тяжелая ткань обнажила ящики с вооружением.

Со стальным звуком выстрелили минометы и ухнули далекие взрывы. Потом послышался отчаянный мат опытного минометчика, поносивших молодых придурков, которые даже не знают, откуда ноги растут и что вместо головы у них задница.

– Что это? – с тревогой спросил пилот.

– Минометчики тренируются. Ну что, будем навешивать?

– Давай. Только что тут у нас?

– Две кассеты неуправляемых ракет «Шмель». В каждой по пятьдесят штук плюс дополнительные ракеты. Два двадцатимиллиметровых пулемета и две бомбы. По одной на каждый заход. Все простенько, но со вкусом.

Вдвоем они навесили кассеты и приладили пулеметы, но заправлять пока не стали. Медиссон только установил систему управления огнем.

– Красота! – восхищенно произнес пилот и погладил машину по корпусу. – Против такого ничего не устоит!

Брюстер с подозрением посмотрел на пилота, заподозрив в нем сумасшедшего. «Либо он действительно псих, – подумал Макс. – Либо просто храбрится».

– Ладно, пойдем, – позвал пилота Макс. – Я сейчас поставлю всем задачу, объясню, что и как, и приступим к основным тренировкам.

После постановки задачи наемники снова налегли на стрелковые упражнения, восстанавливая слегка забытые навыки. Поступило несколько дельных предложений, с частью из которых Брюстер согласился.

Десантники посетовали, что у них нет специального снаряжения, их турборанцев для спуска при десантировании из транспорта, когда они могли покинуть вертолет еще на порядочной высоте или даже подняться с земли на нужную высоту. На что Макс ответил, что он нанял их не для исполнения цирковых номеров, а как профессиональных наемников, прекрасно знающих свое дело.

Минометчики теперь клали свои снаряды гораздо ближе к цели, а снайперы наблюдали за всем этим с легкой улыбкой. Единственный человек, к кому они отнеслись со всей серьезностью, был пилот вертолета, поскольку за свою карьеру им не раз и даже не два приходилось убегать от лавины огня, посылаемой винтокрылыми машинами по обнаруженным снайперам.

Сам вертолет, загруженный только наполовину в виду экономии боеприпасов, сделал один пробный круг и довольно точно положил все ракеты и сбросил имитатор бомбы (простой камень) в очерченный квадрат.

Все системы были проверены, и Макс, измученный сомнениями по поводу секретности, снова подошел к капитану Колумбу.

– Капитан, нам нужны новые машины.

– Зачем?

– Надо. Еще лучше, если ваш знакомый организует целую колонну грузовиков, желательно с маркировкой другой компании и другими марками машин. Он это может?

– Может, – ответил Колумб и еще раз посмотрел на Макса. – Если надо, то сделаем. Лишняя перестраховка не помешает.

– Хорошо. Позже я покажу маршрут движения и вообще весь план операции.

А минометчики дольше всех продолжали свои учения. Они сетовали, что нет специальных самонаводящихся снарядов, с которыми было бы гораздо легче. Впрочем, и с простым боеприпасом они действовали вполне сносно. Загнав водителя-корректировщика на гору, минометчики били через склон, тратя последний отведенный им ящик со снарядами. Результатов их работы было не видно, но то, как они уверенно действовали, наводило на приятные размышления о том, что все должно получиться.

91

Утро выдалось пасмурным, но так было почти всегда, и все знали, что через пару часов солнце разгонит мрачные облака. Но солнца пока не было, и солдаты, увешанные оружием, садились в грузовики под низкими тучами, скрывавшими их от возможного наблюдения из космоса. Антонио Маччини был очень влиятельным человеком, а потому такое предположение выглядело вполне вероятным.

А снайперы еще ночью ушли занимать свои позиции, такова специфика их профессии – спрятавшись, часами лежать неподвижно, чтобы потом их выход на сцену переломил ход

событий.

Машины быстро катили по дороге, вклиниваясь во все уплотняющийся поток транспорта. Тучи рассеялись, и выглянуло солнце.

– Мистер Колумб, – взглянув на часы, позвал Макс по радиии капитана, ехавшего в другой машине. – Где машины, которые я заказывал?

– Не знаю... Наверное, вон они, накрытые синим брезентом. «Макклаун и горцы».

Макс взглянул по сторонам и действительно увидел колонну грузовиков из шести машин. Подъезжая к туннелю, пробитому сквозь горный массив, машины поравнялись с ними, и Брюстер нажал на вызов:

– «Суслик», ты готов?

– Всегда готов, – прозвучало в ответ.

Когда машины въехали в туннель, Макс скомандовал:

– Тогда давай.

Легковая машина, ехавшая впереди колонны, увеличила скорость и, распугивая остальных своей опасной ездой, проскочила туннель насквозь и врезалась в первую же попавшуюся машину на выходе из туннеля. Водитель выскочил из машины и убежал, а создавшаяся аварийная ситуация стала мешать движению транспорта, перекрыв одну из полос и в два раза замедлив поток.

На какое-то время движение транспорта совсем остановилось, коричневые грузовики встали впритык к синим, и в этот момент с них слетели брезентовые покрытия, и солдаты на глазах у изумленных водителей стали перебираться из одних машин в другие. Потом они перетаскали более тяжелое оружие и боеприпасы в многочисленных ящиках, а на двух машинах даже поменялись водители.

Отчаянно сигналив, грузовики выбрались из туннеля и пошли своей дорогой. Коричневые уходили все дальше и дальше, а синие разъезжались по городу, разбиваясь на все более мелкие группы.

– Макс, по-моему, ты перемудрил, – влез Мик Банин на частоту Брюстера. – Только мирных граждан напугал.

– Все может быть, – недовольно ответил Брюстер. – Но вот только что-то говорит мне, что никто из них не позвонит в полицию...

– Тоже верно.

Две синие машины выехали из города, проехав его насквозь. Макс Брюстер настоял на том, чтобы у них был заранее всем известный маршрут движения, чтобы любой мог свободно зайти в интересную систему и проследить их путь, тем самым легализовав себя на дороге вблизи особняка Маччини. Колумб поворчал, но согласился с доводами Макса и «пробил» своего, неизвестного остальным, поставщика оружия и транспорта на подобное решение.

Машины катили дальше, и вскоре показался дом Антонио Маччини, в котором, как было достоверно известно, находился его хозяин собственной персоной, а не какой-нибудь двойник, что было очень немаловажно.

– Все, ребята, приготовились, – сказал Макс по общей связи и посмотрел на часы, потом выглянул из окна и там, где положено, заметил точку вертолета «Ka10».

Слухи, как известно, распространяются очень быстро, особенно в нелегальной среде, где слухам доверяют больше, чем официальной, прямо изложенной информации, скрепленной подписью и удостоверенной гербовыми печатями. И ничто не могло изменить положение вещей, как показывал многолетний опыт, именно такая информация в виде слухов была наиболее достоверной.

Энрике Бэкли был несколько напряжен и скован, потому как, судя по тем же слухам, кто-то нанял целую армию наемников, но вот странное дело, эти слухи не поясняли, кто именно нанял и для каких целей. Энрике был уверен, что не он один сейчас напряжен и обеспокоен, но и другие начальники служб безопасности иных влиятельных людей, проживавших вблизи столицы Альпамира, а таких было немало.

Как только поступила такая информация, Бэкли запустил всю службу на поиск временной базы этих наемников. Работали даже уличные агенты и операторы личного спутника связи, рыскавшие в поисках всего необычного. И вскоре база была обнаружена, но наутро, после того, как рассеялись облака, от нее и след простыл.

– Ищи их, ищи! – подгонял он специалиста космической разведки.

Наружное наблюдение Энрике ставить не стал, его могли засечь, и потенциальные враги могли придумать какой-нибудь другой коварный план, который будет уже невозможно отследить, а потому лучше было не рисковать и вести неизвестных, никак себя при этом не выдавая, дабы их не спугнуть и, если потребуется, уничтожить одним ударом. Ведь, как известно, кто предупрежден, тот вооружен.

– Вот эти грузовики, – наконец выдал оператор снимки машин, на которых совпадали регистрационные номера.

– Отлично, – Энрике был рад, что неизвестные были вновь обнаружены. – Ты смотри-ка, какой лихач! – Бэкли даже радостно ткнул пальцем в экран компьютера, оставив на нем жирный развод.

Посмотрев на уменьшившийся поток транспорта, Бэкли стал есть бутерброд, после пережитого напряжения и наступившего хорошего настроения у него разыгрался аппетит. Вскоре выехали подозрительные грузовики и направились в сторону дома Маччини и его основных владений.

Энрике еще немного понаблюдав за грузовиками и, удостоверившись, что они не представляют опасности, по крайней мере, для мистера Маччини, пошел обедать. Транспорт шел в сторону владений наркобарона – Хулио Игнасиса, и у Бэкли даже возникла мысль предупредить того о приближающихся наемниках, но потом он передумал. «Это к нам совершенно никак не относится, и, соответственно, не наше дело, – подумал он. – Пусть сами разбираются со своей наркотой».

Только оператор космической разведки мистера Маччини, матерясь, все никак не мог вытереть с экрана жир. Сначала он действовал рукавом, потом салфеткой и, только вспомнив о специальном растворе, полез в тумбочку стола.

92

Машины остановились около поворота в сторону особняка Антонио Маччини. Вертолет пошел на первый заход. Системы обороны особняка активизировались, но «Ka10» открыл огонь первым. Неуправляемые ракеты били в башенки с автоматическими пулеметами и пушками, те пытались отстреливаться, но вскоре были разбиты прямыми попаданиями. На стрелковое оружие пилот не обращал внимания. Израсходовав ракетное вооружение, он открыл огонь из пулеметов, но долго задерживаться не стал.

Следуя разработанному плану, вертолет ушел в небольшое пике и сбросил бомбу на стену забора. Она сработала с небольшим замедлением, чтобы дать машине улететь на безопасное расстояние. Взрыв проделал огромную брешь в стене. Далее пилот стал простреливать весь путь от забора до грузовиков, буквально перепахивая землю и создавая широкую дорожку на тот случай, если на всем свободном пространстве заложены мины. И они дали о себе знать сухими щелчками и более масштабными разрывами земли.

Вертолет летел к грузовикам. С кузовов машин слетели синие покрывала, и из них повыскакивали люди.

– Минометчики, огонь! – скомандовал Макс.

Стомиллиметровые минометы, будучи установленными прямо в кузовах грузовиков, выстрелили с хлопками, бьющими по ушам. Первые снаряды упали где попало, зато после небольшой корректировки стали бить прямо в стену особняка.

– Пехота, вперед! – снова скомандовал Макс, когда вертолет, поднимая тучи пыли, заходил на посадку, впрочем, минометчикам это не мешало.

– Давайте, давайте! – кричал, махая рукой, пилот. Показывая, что уже можно проводить

перезарядку.

И Брюстер с Баниным и еще с пятью десантниками стали забивать кассеты длинными цилиндрами ракет.

В это время солдаты продолжали преодолевать широкое пространство от дороги до забора особняка. Кто-то уже валялся на земле, сраженный уцелевшим пулеметом или подстреленный одним из охранников. Но солдат это не смущало, и, добежав до забора, они приготовили одноразовые гранатометы.

Снова взлетел полностью заряженный вертолет, ему поменяли даже патронные короба, и взял курс на особняк. Из-за дома взлетела ракета, но пилот совершил противоракетный маневр, плюс ко всему свое дело сделала устаревшая система глушения «Вьюн», но этого вполне хватило, и ракета ушла в сторону.

Макс наблюдал за взаимодействием отряда. Пехотинцы разрядили несколько гранатометов, и в окнах дома полыхнуло огнем. Работал вертолет, расстреливая все, что не дострелял с первого раза, окончательно осыпая опасные башенки и некоторые углы дома, но, как и следовало ожидать, боеприпас скоро закончился, и вертолет направился на вторую и последнюю перезарядку.

Макс видел, как из-за мертвой для солдат зоны выглянул охранник с ракетным комплексом и навел его на вертолет. Краем глаза Брюстер заметил в горах далекую вспышку света, и ракетчик, крутанувшись на месте, свалился на землю с оторванной рукой, державшейся лишь на лоскуте кожи. «Антиснайпер сработал», – догадался Макс, вспомнив калибр винтовки.

Вертолет заходил на посадку, и с новой силой ударили минометчики, а Макс с остальными стал заряжать винтокрылую машину остатками боезапаса. Кассеты удалось зарядить только наполовину.

– Цепляйте бомбу! – кричал Брюстер.

И два десантника, схватив ящик с пятидесятикилограммовой бомбой, понесли его под брюхо вертолета. Но бомба цепляться никак не хотела. Приглядевшись внимательнее, Макс понял, в чем дело: охранники, обстреливая вертолет, повредили захватывающий механизм. Прямым попаданием его смяло, и он не мог зацепить бомбу.

Макс быстро соображал, что делать. Еще два солдата упали возле стены, они огрызались огнем, но скоро боезапас их наплечных гранатометов закончится, и тогда им нечего будет противопоставить защитникам. Матернувшись, Макс закричал:

– Хрен с ней! Кладите ее прямо на пол, так сбросим!

– Совсем сдурел! – закричал один из десантников, размахивая руками.

Но другие поддержали предложение и с грохотом, заставившим всех непроизвольно присесть и зажмурить глаза, поставили ящик с бомбой на палубу вертолета.

Брюстер подбежал к водителям грузовиков, а точнее к тому, что недавно получил военную специальность коррективщика.

– Давай на склон горы, быстро! Сейчас сюда из города приедет полиция, и вы должны ее задержать. Ты меня понял?!

– Понял!

И водитель-коррективщик побежал к ближайшему склону, который был не таким уж большим и не так уж далеко, но скрывал за собой дорогу.

Брюстер подошел к минометчикам и снова, перекрикивая шум лопастей вертолета, на всякий случай напомнил:

– Продолжите обстрел, как только мы окажемся внутри!

– Мы помним! – прокричал рыжий и показал пальцы кольцом, говоря таким образом, что все будет тип-топ. И загнал снаряд в ствол миномета, который, дернувшись, с хлопком послал его в стену дома. Взрыв выбил кучу осколков, но стену не пробил.

«Уже около трети боеприпаса израсходовано, – отметил Брюстер, посмотрев на ящики, часть которых была пуста и валялась на земле. – И продолжает стремительно таять».

– Да иду я, иду! – прокричал Макс Брюстер в ответ на немые призывы десантников, уже сидящих в вертолете.

Макс подхватил свой автомат, немного устаревший, но знакомый «спартанец». Он был слегка длиннее «спрута», с меньшим магазином, но в остальном почти ничем не отличался. Кроме того, он имел навесной подствольный гранатомет.

Каждый десантник, в том числе и Брюстер, имел порядочный запас магазинов, гранат, а также на боку у каждого дополнительно висел старый добрый пистолет-пулемет «бизон», жуткое оружие со смещенным центром тяжести у его пуль. Они выходили из любого места, но только не из противоположной стороны от входа.

На каждом висела длинная перевязь гранат, которые потребуются для штурма дома. Кроме всего прочего, каждый на спине нес семикилограммовый вышибной заряд для стальной двери.

– Сэр, а вы здесь какого хрена делаете?! – спросил Макс у Колумба, перекрикивая турбины, набравшие обороты. – Мы же договорились, что вы останетесь!

– Для меня это тоже важно!

– Черт!

Вертолет поднялся в воздух, и теперь уже ничего не имело значения.

– Да какая теперь разница? Держите, – Макс протянул ему свой пистолет-пулемет.

– Не надо, у меня свой есть, – и капитан показал свой ствол неизвестной Макс системы, с диском вместо привычного рожка или «пивной банки». Одно было известно точно, он тоже заряжен запрещенными пулями со смещенным центром тяжести.

«Надо будет потом поближе рассмотреть, – подумал Макс и выглянул наружу. – Хотя зачем это мне? Ведь я больше не собираюсь воевать. Видимо, мне, как и говорили врачи, придется пройти дополнительный курс психологической реабилитации, иначе меня обуреет жажда крови».

Внизу двенадцать наемников вели ожесточенный бой с приободрившимися охранниками, используя только стрелковое оружие да подствольные гранатометы, трое были убиты, еще один тяжело раненый без сил прислонился к стене. Наплечные одноразовые гранатометы уже давно закончились. Но пилот охладил пыл охранников, открыв пулеметную стрельбу. Несколько человек упали с пробитыми насквозь телами, а остальные укрылись за стенами различных зданий особняка.

«Что ж, они хорошо делают свою работу, – подумал Макс, пролетая над ними. – Отвлекают на себя все внимание, создавая впечатление, что именно они и есть основная атакующая сила».

Снова выглянул охранник с ракетным комплексом, теперь надежно закрытый стенкой от вычисленного им антиснайпера. И снова свалился, сраженный сразу двумя попаданиями, от которых он как-то странно дернулся, сначала вперед, потом назад. «Наверное, сделали свои выстрелы простые снайперы, – подумал Брюстер. – Интересно, на чей счет они запишут его? Хотя, может быть, сразу на двоих, наверное, такое тоже возможно...»

«Ка-10» выпустил рой последних неуправляемых ракет, и те взорвались, практически осыпав весь угол здания. Вертолет, постоянно стреляя, завис над домом, иногда от него отлетали искры пулевых попаданий, что было не очень приятно, как пилоту, так и его пассажирам.

– Сбрасывайте бомбу! – прозвучал голос пилота в наушниках.

Макс, открыл дверь, которая в принципе не могла защитить от пуль, но была все же закрыта, так было психологически легче, хоть какая-то защита, и, поднатужившись, с помощью Банина, сидевшего напротив него, столкнул ящик вниз. Вертолет сразу же ушел в сторону, чтобы не подставляться под взрыв.

Бомба, упав, вопреки ожиданиям не пробила крышу, а только тяжело подскочила, разломав свой ящик в щепки и оставив после себя здоровую вмятину. Макс испугался, что

она сейчас упадет на землю, и все их старания будут напрасны. Но бомба и не думала падать, скатившись, она ткнулась в бортик крыши и остановилась.

Таймер отсчитал положенное время замедления реакции, и бомба взорвалась. Осыпались последние осколки стекла, которые еще были в рамах. Не выдержали даже бронированные, пойдя мелкими, но частыми трещинами, теряя свое бронированное свойство.

Вертолет сделал крен и пошел на сближение с крышей. Первым, как ни странно, из зависшего в полуметре от нее «Ka10» выскочил Блэйд, за ним выпрыгнули десантники, взяв под свой контроль всю территорию, и только потом выпрыгнули все остальные.

Освободившись от десанта, вертолет пошел в небо, он сделал свою работу и теперь был свободен. В конце концов, если бы он даже и захотел, то не смог бы ничем помочь атакующим, поскольку был абсолютно пустым, небольшой запас патронов к пулеметам не в счет.

Первый десантник упал, сбитый метким выстрелом из крупнокалиберной штурмовой винтовки, но большего охранник сделать не успел. Обрушившийся шквал огня остальных заставил его ретироваться обратно в пролом. Два десантника с разных сторон закинули по одной гранате в образовавшуюся от взрыва бомбы дыру. Как только прогремел сдвоенный взрыв, выбросивший наружу клубы пыли, они бросились внутрь.

– Пошли, пошли! – подтолкнул Макс новичков большой войны. – Сейчас минометы стрелять начнут, тогда и нам достаться может.

Банин, поняливо кивнув, поспешил за десанниками, следом за ним нырнули Брюстер с Блэйдом, последним вошел капитан Колумб.

На чердаке под крышей было чисто, если не считать убитого охранника со штурмовой винтовкой, которую он продолжал крепко сжимать.

Заухали взрывы минометных снарядов. Попадая в дом, они сотрясали его, очередное попадание вконец осыпало часть стены, обнажив пустые ячейки комнат с мебелью, разбитой от прошлых попаданий гранатометов.

Отряд спустился на пятый этаж, не встречая сопротивления, и продолжил двигаться вниз. Следовало осмотреть весь дом, этаж за этажом, в поисках Маччини. Тот мог спрятаться где угодно, но все полагали, что наиболее вероятное место – это подвальные помещения, где у него был своего рода бункер, который нужно было еще вскрыть.

94

Проезжавшие мимо грузовики Энрике Бэкли на всякий случай проверил, но все оказалось чисто, они везли товар в один из городов-спутников. Не станешь же проверять весь проезжающий транспорт? Так можно большие неприятности схлопотать.

Тем неприятнее было теперь ощутить, как по дому «Шмелями» молотит вертолет. Плюс ко всему к дому прорывались шестнадцать человек. Охранник, выглянувший в окно, был сразу же убит снайпером. Его попыток Энрике решил не повторять. Кто-то из снайперов решил стрелять через окно, но не пробил его, хотя у Бэкли чуть не остановилось сердце, пуля явно предназначалась ему.

Тут еще начался минометный обстрел, и Энрике решил увести своего босса в убежище. И как раз вовремя, после их ухода гранатометный заряд пробил окно и искромсал всю внутреннюю отделку.

– Кто это, Энрике?

– Я не знаю, сэр.

– За что я плачу тебе деньги, Энри?

– За охрану...

– Энри, ты грубишь мне?

– Никак нет, сэр, – ответил Бэкли, сдержавшись, чтобы не выхватить пистолет и не пристрелить своего босса лично, благо ситуация располагала.

Пять этажей были преодолены, и они под прикрытием еще двух охранников спустились в подвал. Канонада наверху немного стихла, и Энрике взялся за телефон. Он поставил на синхронизированный вызов сразу нескольких абонентов, командиров городских боевиков, и, когда получил сигнал, что его все слушают, заговорил:

– Быстро все сюда! На резиденцию мистера Маччини совершено нападение.

Немного подумав, решил, что полицейских звать не стоит, толку от них будет немного, более того, от них только одна помеха.

Экран внешнего вида уцелел, и по нему видно было, что атакующих не так уж и много.

– На что они надеются, Энрике? – спросил Маччини, смотревший через его плечо. – Их же так мало, у меня охраны только в этом доме в три раза больше, да ты еще вызвал.

– Не знаю, мистер Маччини, – честно признался Бэкли. – Но если они начали штурм, то на что-то надеются.

– Жаль, что я не послушал своего предыдущего начальника охраны...

Бэкли вспомнил своего начальника, чье место он занял после безвременной кончины оного. Тот предлагал установить цепь огневых точек не только на крыше, но и на вершинах прилегающих сопок, а также усилить саму охрану дома. Со своим предложением этот прямой человек подвернулся под горячую руку босса и закончил свою жизнь под одним из деревцев в саду, который, кстати говоря, перепахали напрочь. Маччини аргументировал свое решение тем, что такого никогда не было, а потому быть не может. Ну, а Энрике с такими предложениями, учтя ошибки предшественника, к боссу не приставал.

Экран погас, это обвалился угол дома, на котором была установлена видеокамера. Другие камеры также не отвечали, значит, тоже были выведены из строя.

Дом тряхнуло от сильного удара.

– Что это, Энри?

– Бомбу на крышу сбросили. Я понял, они высадили десант.

– Так сделай что-нибудь.

Энрике осмотрелся вокруг. Бункер бункером, но он был форменной ловушкой, подкрепление могло не успеть. В бункере, больше похожем на обычную многокомнатную квартиру, только без окон, находилось всего семь охранников.

– Ты и ты, оставайтесь здесь, – Энрике ткнул стволом пистолета в направлении двух охранников. – А остальные за мной.

Минометный обстрел продолжался. Дастину с вершины горы было хорошо видно, как хлопают минометы, машины при этом слегка покачивались на рессорах, и от взрывов осыпались кирпичи дома. Он даже испытывал некое подобие гордости от того, что участвует в подобном, и не просто как свидетель или водитель грузовика, а как настоящий солдат, ведь он был корректировщиком и получал за это пусть небольшие, но деньги.

По основной дороге, за которой наблюдал Дастин, двигался транспорт в обоих направлениях, но определенных, как цель, полицейских машин еще не было. Дастин снова загляделся на слаженную работу минометчиков. Солдаты, стоявшие у стены, стали отступать, всего к машине вернулись семь человек.

Заглядевшись, Дастин чуть не пропустил момент, когда на боковую дорогу, ведущую к месту боевых действий, съехали более тридцати легковых машин и джипов. Это были явно не полицейские, и Дастин соображал, что с ними делать, определить их, как цель, или же пропустить.

Они были совсем близко, машины ехали быстро и как-то нервозно, тогда он наконец решился и вызвал по рации минометчика:

– Том, к нам гости... их много...

– Понял тебя.

Один миномет прекратил стрельбу, его быстро перевели в новое положение. Наблюдавшему за этим в бинокль Дастину казалось, что труба смотрит прямо на него и первый же выстрел придется по нему.

– Дастин, смотри, куда упадет, и сделай корректировку с учетом их скорости движения. Ты водитель, у тебя должно получиться.

– Понял...

Хлопнул миномет, и снаряд действительно со свистом пронесся где-то совсем близко, от этого ощущения у Дастина захватило дух, но он увидел, где произошел взрыв.

– Том, правее на пятьсот метров, по азимуту на себя тридцать метров, – скороговоркой выпалил Дастин.

– Понял!

В тот же миг хлопнул еще один выстрел, взрыв раздался с удалением в сто метров на пути колонны, а значит, он дал правильную ориентировку, и Дастин закричал:

– Огонь, Том, огонь!

Том со своим напарником заработали, как кузнецы молотами, только вместо молотов у них в руках были снаряды, которые они один за другим забрасывали в жерло миномета. Первые снаряды пришили мимо, зато остальные били прямо в цель, и на дороге загорелись первые машины. Последующие старались их объехать, но тоже попадали под губительный огонь и переворачивались от взрывов вместе с бойцами.

Не понимая, что происходит, боевики повыскакивали из машин, ошестившись стволами во все стороны, и кто-то даже открыл стрельбу, думая, что по ним ведут огонь из гранатометов со склонов гор, а значит, можно увидеть своего врага и соответственно убить. Но врагов видно не было, что только усиливало напряженность в рядах боевиков.

– Том, влево на двести метров!

– Понял, Дастин!

Установилась короткая пауза, после которой снова послышались хлопающие звуки и взрывы. Колонна была окончательно разбита, уцелевшие стали отступать назад. Обстрел прекратился.

– Том, добавь, еще на триста метров влево!

– Я бы рад, Дастин, да снаряды закончились.

– Жаль...

Второй миномет продолжал равномерно ухать, но и его боезапас подходил к концу.

95

Бойцы проверяли каждый этаж с особой тщательностью, не желая оставлять у себя в тылу противника. Если помещение казалось особенно подозрительным, то один из десантников вышибал дверь, а второй бросал гранату и только потом заходил сам проверить помещение. Но чаще всего с вышибанием двери комнату просто простреливали из автоматов, для своеобразной профилактики, не тратя более драгоценных боеприпасов.

Макс Брюстер шел в паре с Миком Баниным, их тыл прикрывал Колумб со своим ППХ. Впереди бежал пес в броне, и Макс всецело доверял его чутью, но, тем не менее, приходилось проверять и те комнаты, которые он прошел, оставив без внимания, мало ли что...

Банин выбил очередную дверь, а Макс стал ее простреливать из «спартанца». Автомат бил чуть с большей отдачей, но это не имело значения, и пули крушили все вокруг.

– Сколько же у него здесь спален? – задал Мик риторический вопрос, заглянув вовнутрь.

Широкая комната с не менее широким ложем была в плачевном состоянии, снегом падал пух, выбитый из подушек. Это напомнило Максу их похождения в цитадели на Тайтаре.

– Какая разница...

– Да я просто... куда ни войдем, везде то сортир, то спальня, то сортир, то спальня...

– Тихо! – шепотом просвистел Брюстер, хотя это было лишним, десантники так стреляли из автоматов, что заглушали все вокруг.

Макс смотрел на Блэйда, а пес с явным подозрением смотрел на одну из дверей. Чтобы дойти до нее, пришлось бы пропустить одну комнату без внимания, но Макс решил довериться чутью собаки.

Показав Мику на дверь, он опять жестом приказал двигаться к ней. Банин понятиливо кивнул и стал осторожно смещаться. Пес отошел, а Макс приготовил гранату, поставив таймер на мгновенный взрыв, чтобы никто не смог выбросить ее обратно, как это было в Карнатионе.

Мик приготовился, и как только Макс кивнул, вышиб дверь. Брюстер забросил гранату, и тут же раздался взрыв. Потом они оба принялись простреливать комнату. Отстрелявшись, Макс вошел внутрь и, не сдержавшись, выругался:

– Вот ведь дерьмо какое.

Из-за стола, поставленного на ребро в качестве защиты, выпало три тела. Два женских, наверняка бывших ранее служанками, и мужское, по всей видимости, секретаря.

– Эти ребята дешевых фильмов насмотрелись, – сказал подошедший Мик. – Ну, кто ставит деревянный стол в качестве защиты, пусть даже он сантиметровой толщины? Смех один.

– Вот и посмеялись. Невинные жертвы войны, мля... Ладно, пошли дальше.

В наушниках послышалась скороговорка десантников:

– Первый чисто... второй чисто...

– Третий чисто, – доложил Макс.

– Тогда спускаемся на третий этаж.

– Давайте.

И снова, как в предыдущих случаях, десантники с отскоком сбросили вниз гранату и спустились только после ее взрыва.

– Чисто!

И только после этого направились вниз заказчики нападения. Выбрав себе по коридору, три группы пошли по ним, проверяя их на наличие живой силы противника и простреливая комнаты.

Минометный обстрел ослаб, а потом и вовсе прекратился. Установилась непривычная тишина. Макс знал, что сейчас, в соответствии с планом, грузовики заберут уцелевших пехотинцев и уедут. Останутся только снайперы, на тот случай, если операция пройдет неудачно и придется сматываться на своих двоих. Предполагалось, что в случае удачи они уедут на такси, вызванном к определенному часу.

В наступившей тишине особенно остро прозвучали отчаянные выстрелы. Макс подумал, что десантники кого-то нашли и добивают, но взрывы подствольных гранат означали, что ситуация вышла из-под контроля. Что подтвердили сами десантники.

– Попали в засаду!

Брюстер выскочил из проверенной комнаты. Один из наемников волоком вытаскивал из-за угла своего товарища. Еще двое отстреливались с применением подствольников.

Охранники не отставали и обрушивали на своих противников шквал огня. Еще один десантник упал, и его оттащили к первому раненому. В дело решил вступить Макс. Он подбежал, бросил в коридор гранату и с ужасом заметил, что в его направлении летят целых два аналогичных смертельных посланца.

– Ложись!

Кто смог, отскочили, как можно дальше. К счастью, это были оборонительные гранаты, а потому ущерб оказался не таким серьезным. Но раненым все равно не повезло, и они остались лежать на полу, где их оставили. Граната Макса тоже наделала шороху, чуть не обвалив перекрытие, и кто-то громко стонал далеко в коридоре.

Два оставшихся десантника стремительно добежали до бывшего противника и добили всех раненых, чтобы те не мешали слушать.

– Спускаемся дальше, – сказал Брюстер и первым пошел вперед. – Гранаты экономить.

Макс спустился на второй этаж и никого не обнаружил.

– Я думаю, на втором никого нет, – сказал один из подошедших наемников. – Они на первом...

– Почему?

– Не знаю. Просто нутром чую.

Остальные кивками головы подтвердили мнение десантника.

– Ладно, пойдем сразу на первый, – согласился Макс, у которого было точно такое же ощущение, что на втором этаже никого нет. – Но смотреть в оба. Господин капитан, вы замыкающий.

Брюстер зарядил автомат последним рожком с патронами и поближе передвинул свой пистолет-пулемет.

Блэйд сразу же указал место, где находится засада. И Макс, не долго думая, стал разряжать в дальний конец коридора подствольный гранатомет, быстро продвигаясь вперед. Десантники бежали следом, добавляя в каждую боковую дверь по гранате, взрывавшейся внутри. Следом пятились полицейские, прикрывая тылы, держа наготове свое оружие.

96

Стрельба и взрывы на верхнем этаже оказались для Энрике приятной неожиданностью. «Значит, для меня меньше останется», – подумал Бэкли. Зато неприятным моментом стало обнаружение засады из двух человек в смежных с ним комнатах.

Сам Энрике хорошо приготовился к встрече. В помещении бассейна стояло множество колонн, за которыми и спрятались оставшиеся охранники. Кто-то говорил, что такая необычная колонная архитектура была в древнем мире старой Земли. Дверь была заминирована, и никто не мог пройти через нее неповрежденным.

– Что у тебя там, Энри?

– Пока все спокойно, мистер Маччини.

– Может быть, они уже уничтожены?

– Хотелось бы, но по-моему это не так, – Энрике оборвал связь и позвал Дога. – Сейчас они пойдут к нам, выйди из комнаты и по смежным переходам зайди им в тыл... у тебя две минуты.

– Понял.

«Да где же это чертово подкрепление? – раздраженно подумал Энрике Бэкли. – Оно уже давно должно было быть здесь».

Зазвонил телефон, но его услышал только Энрике.

– Слушаю...

– Босс, мы попали в засаду! Половину наших машин всмятку разнесло! Еле ноги сумели унести! Там был настоящий ад...

– Труссы позорные! – ответил Энрике и разломал телефон о колонну.

За поворотом Блэйд замедлил движение, опустил голову к полу и к чему-то принюхался. Десантник пробежал мимо, пес встал в стойку, означавшую, что впереди находится взрывчатка. Макс ничего не успел крикнуть, наемник вышиб дверь, и сильный взрыв разломил его пополам.

Коридор простреливали пули, и чтобы хоть как-то снизить их плотность, Брюстер забросил в пролом свои последние гранаты. Их взрыв несколько ослабил напряжение, и Макс с остальными бросился вперед, стреляя из «спартанца». Они засели у стены, по обе стороны от пролома.

Завязалась перестрелка. Пули выбивали куски пластика, но, к счастью, стены не пробивали. Бросили последние гранаты, и Макс с последним десантником нырнул в комнату, открыв всеерный огонь, не давая никому высунуть носа.

Упал вошедший следом за ними Банин, но Колумб подстрелил ретивого охранника, и тот вывалился из-за колонны.

Продолжалась слепая перестрелка из-за угла, а точнее из-за столбов, поскольку штурмующие взяли на вооружение тактику обороняющихся.

– Кто вы такие и что вам нужно? – спросил один из охранников.

– Какая разница, кто мы, – ответил Макс. – Мы пришли за Маччини.

– Это же варварские методы решения проблем... хотя я знаю твой голос. Кто ты?

– Просто наемник.

– Давай поговорим...

– Мне платят не за то, чтобы я вел беседы за чашкой чая, – решил продолжить выбранную линию Макс.

– Сколько тебе заплатили, наемник? Мой босс заплатит гораздо больше!

– Это неважно, – ответил Колумб и выстрелил. – Он свое получит.

– Вот тебя я точно знаю, – почти радостно прокричал Энрике. – Пенсионер Теодор Колумб.

– Ты угадал, засранец.

– И тебя я тоже вспомнил, Максимилиан Брюстер. Как твоя рука, Макс?

– Нормально, – и быстро посмотрев, все ли в порядке, Макс проскочил до следующей колонны этого странного бассейна, чтобы быть поближе к источнику голоса. – Тебе-то какое дело, и вообще, откуда ты знаешь про руку?

– Ну, как же, – притворно удивился Бэкли. – Твоя рука закопана в чудесном садике за домом. На холмике растут... росли пять чудесных цветочных кустов, по числу пальчиков...

– Суки! – выкрикнул Макс и отстрелял длинную очередь, одновременно перемещаясь еще ближе к говорящему. Отстрелявшись, Макс выбросил бесполезный автомат и достал миниатюрный «бизон».

Дог выбежал из бассейна и смежными переходами стал пробираться в тыл наступающим. Ему пришлось преодолеть несколько комнат и подсобных помещений, заваленных всяческим хламом, рассыпавшимся после бомбежки. В итоге он оказался в начале коридора, по которому стал осторожно пробираться к бассейну.

Дог преодолел коридор и не смог поверить увиденному. Там был тот самый Брюстер, которому оторвало ноги и он лично отрезал кисть руки. Рядом с ним находился его пес. «Подумать только, – подумал он, – только с костылей сошел, а уже мстить принялся, видно сильно его допекли».

Но Дог определил Брюстера, как второстепенную цель, к тому же он был наполовину скрыт колонной, и попасть в него было не так-то просто. Первостепенной целью он счел двух полицейских, которые срезали бы его, стреляя он по Максусу.

Дог подошел поближе и шаркнул осколками битого пластика. Полицейский повернулся, чтобы посмотреть, что произошло, и стал поднимать свое оружие, но Дог оказался быстрее. Его «пассат» выпустил длинную широковеерную очередь, и старик с молодым согнулись пополам.

Колумб распрямылся, упал на пол и, растянувшись на нем, выстрелил из своего ППХ в подскользнувшегося на пластике противника. Дог почувствовал, как пуля попала ему в ногу, но вот странное дело, он также понял, что именно эта же пуля вошла ему и в живот. По-другому и быть не могло, ведь на нем был бронежилет второго уровня защиты.

В бассейне шла перестрелка, но несмотря на это, Дог сумел поднять свой автоматический пистолет, встретиться глазами с Максом и, понимая, что уже не успеет, открыть огонь. С Колумбом было покончено, но ответная очередь из «бизона» проделала дыру в охраннике. С десяток пуль прошли бронежилет в одной точке и превратили внутренности человека в кашу. Дог упал, и стрельба прекратилась.

Макс осмотрелся, десантник убил последнего охранника, но удаляющийся топот говорил, что кто-то уцелел.

Макс подошел к шевелящемуся полицейскому. Крови было немного, но это, в принципе, еще ни о чем не говорило.

– Мик, ты как?

– Хреново... в живот и в плечо попал, сволочь! Между стыками попал, гад! Но жить буду. Что с капитаном?

Макс переместился к Колумбу. Еще издали было ясно, что он готов, но Брюстер решил удостовериться и прощупал пульс. Пульс отсутствовал.

– Капитан погиб.

– Достаньте этих сволочей... они не должны уйти... – порывисто просипел Банин.

– Достанем, ведь именно для этого мы сюда и пришли.

– Нам нужно торопиться, – сказал подошедший десантник. – Время на исходе.

– Да, да, конечно. Возьми заряды, а я пока с него снимаю.

– Хорошо.

И Макс с наемником стали снимать вышибные заряды, которые нес с собой на спине каждый штурмующий. Все специальные магнитные цилиндры с зарядами они разделили поровну, на двоих пришлось по четыре штуки. Они серьезно отяжеляли экипировку и сковывали движения, но сделать осталось всего ничего, а потому можно было потерпеть эти временные неудобства.

Оба наемника, дозарядив свое оружие, спустились в подвал, на ходу подобрав три оборонительные гранаты охранников. Ловушек, судя по поведению Блэйда, не было, и они спокойно подошли к двери. Дверь оказалась стальной и наверняка очень толстой, с двумя рычагами и поворотным колесом, снабженная к тому же еще и кодовым замком, кнопки которого тускло светились в оседавшей пыли.

– Он тут что, от ядерного удара бункер делал?! – удивился Макс.

– Понятия не имею, но бункер хороший.

– Как будем закладывать мины?

– Что я могу сказать... дверь стандартная, с шестью замыкающими устройствами. По два боковых и по одному сверху и снизу. У нас даже лишние заряды останутся...

– А ты знаешь, где эти замыкающие устройства? И прочие щеколды?

– Примерно здесь, – десантник указал шесть примерных мест.

– Тогда устанавливай.

Наемник без лишних слов стал расставлять заряды в только что показанных местах. Заряды имели кумулятивный характер действия и просто прожигали сталь насквозь направленной струей. Во сколько это обошлось, Макс не знал, но был уверен, что заряды сверхдорогие. Видимо, поставщик оружия действительно был многим обязан капитану.

– Готово. Два заряда я на всякий случай по центру поставил.

– Пошли отсюда.

Наемники отошли за угол коридора. Макс достал пульт, красная лампочка на нем мигала, а значит, все было готово, и после того, как десантник активировал гранаты в ожидающий режим, нажал на кнопку подрыва.

Восемь зарядов взорвались одновременно. Струи горячей плазмы мгновенно расплавили сталь и за долю секунды сделали свое дело. Запирающие стыки просто вывалились наружу из пазов, и дверь с добела раскаленными тридцатисантиметровыми щелями медленно приоткрылась.

Подбежав к ней, Макс приоткрыл ее сильнее, а наемник забросил все три гранаты. После их взрыва, они ввалились внутрь, расстреливая все вокруг без разбору. Два охранника валялись за ширмой, сбитые еще гранатами, но и им досталось.

Макс толкнул ногой следующую дверь и сразу же почувствовал острую боль в еще не до конца заживших конечностях. Несколько пуль отскочили от его бронежилета по касательной, сбив его с ног, а одна смяла его личный жетон. Но дело завершил десантник, расстреляв того, кто там был. Им оказался Энрике Бэкли.

– Его должен был убить я, – поднимаясь, устало сказал Макс, закладывая жетон под

бронежилет. Его личный номер «5925» и номер части «040102» смялись до неузнаваемости.

– Ну, извини, – пожав плечами, сказал наемник, впрочем, в его голосе не чувствовалось ни капли сожаления. И стал быстро перезаряжать «бизон». – Тебе оставляю этого придурка. Кстати, мы не за ним пришли?

– За ним, – приглядевшись повнимательнее, сказал Брюстер, отвернувшись в поисках выроненного пистолета.

Маччини выхватил пистолет, но в его руку вцепился Блэйд. Выстрел ушел в потолок, пес сжал челюсти, и после того, как оружие упало, вцепился в горло.

– Уберите его, уберите от меня пса!

– Ух ты, как здесь! – притворно восхитился Макс, осмотрев убранство и не обращая внимания на вопли Маччини. – Какой здоровый сейф. Там, наверное, хранится много чего интересного.

– Уберите собаку!

– Почему это я должен ее убирать? Ты забрал мое дело... Ох ты, сейф. Код! – потребовал Макс.

– А34С58Д91. Я все верну!

Макс осмотрел содержимое сейфа. Там было множество бумаг юридического и финансового характера, а также наличность. «Ну вот, – подумал он. – Теперь будет чем заплатить наемникам за их нелегкий и опасный труд. Даже лишнее останется. А вот, кстати, и мои бумаги на фирму!».

– Зачем? Я уже взял все, что мне было нужно. Осталась только твоя жизнь...

– Я заплачу еще!

– Ты убил моих друзей.

– Они были насильниками!

– Я не знаю, о ком ты сейчас говоришь, но ты убил тех, с кем я воевал, моих боевых товарищей... да что тебе объяснять, ты все равно не поймешь. Из-за тебя я видел столько смерти, что на всю оставшуюся жизнь хватит! – стал распаляться Макс. – Из-за тебя на моих глазах погибли все, кого я знал! Настоящие, проверенные в бою друзья!

Снова пришло то ощущение пустоты, которое накатило на него в госпитале по поводу смерти его друзей. Когда он видел их смерть, то ничего не чувствовал. Ему объяснили, что это какой-то синдром, и оказали первую реабилитационную помощь. И сейчас он снова переживал чувство утраты.

– Из-за тебя меня сотни раз чуть не убили и, в конце концов, мне оторвало ноги! – уже опустившись на колени, кричал Макс прямо в ухо Маччини. – Так назови хотя бы одну причину, по которой я должен убить пса и оставить тебе жизнь после того, что ты охотился за мной, как за дичью...

– Я уже давно не охочусь за тобой... – прохрипел Маччини сдавленным горлом. – С тех пор, как моя дочь поправилась.

– Даже если ты и прав, это недостаточная причина. У тебя еще одна попытка.

– Оставьте ему жизнь из-за меня... А он даст слово не преследовать вас.

Макс с десантником устали стволы в говорившего, а точнее – в говорившую.

– Папа действительно за тобой давно не охотится. Я рассказала, как все было на самом деле.

– Значит, старик меня обманул?...

Он узнал ее сразу. Это была дочка Маччини, причина всех его бед. «А какого, собственно, черта! – подумал Макс. – Я могу убить их всех, и ее в том числе. Положиться на слово Маччини нельзя, с высокой долей вероятности он будет мстить. Но с другой стороны, если я их убью, у него есть родственники, а у них считается долгом убить убийцу, и от них мне точно не скрыться. И тогда единственной гарантией моей относительно спокойной жизни останется только его слово. Проклятье! Как же все сложно».

Макс посмотрел на наемника, как бы ища у него ответа на вопрос или поддержки, но тот был безучастен. Он просто выполнял свою работу и сделал все, что ему приказали, и не

более того. Жизненные перипетии его не волновали.

– Блэйд, назад! – наконец решился Макс и, повернувшись к мафиози, сказал: – Я жду.

Маччини поднялся на ноги, растирая горло. Посмотрев на дочь, он сказал:

– Я даю тебе слово, что с тобой и с твоими друзьями, со всеми, кто тебе помогал, ничего не случится.

98

Макс Брюстер был полон сомнений, но ему ничего не оставалось, и он вышел из бункера вместе с наемником. Передний фасад был разрушен, и они вышли через гараж, находившийся на противоположной стороне дома относительно обстрела, а потому не пострадавшего.

Проходя мимо «Питер-гольфа», он остановился. Когда-то у него была такая же машина, но только зеленого цвета, вместо этой пошлой серебристой окраски. Присмотревшись внимательнее, Макс остановился. «Почему бы и нет? – подумал он. – Если тот украл фирму, то почему бы не мог прихватить заодно и машину?»

– Нас ждет такси, – напомнил десантник.

– Иди, я возьму одну из этих машин.

– Как знаешь... Полиция может остановить, хлопот не оберешься...

– Да, и прихвати Мика. Ему ни к чему лишние неприятности. А полиция мне даже козырять будет, посмотри на номера...

– Что ж, прихватчу, – пообещал наемник.

Чтобы проверить свою догадку, Макс сел за руль и убедился, что это именно его машина, а другие номера и покраска ничего не значат. Неповторимый рык мотора убедил его в своей догадке. Брюстер только выехал из гаража, как услышал:

– Постой!

– В чем дело?

Брюстер насторожился, это была дочка Маччини.

– Просто... Меня зовут Амалия. Мы уже знакомы, но я так поняла, что прошлая наша встреча вышла не очень удачной. Ведь именно ты спас меня тогда от тех мерзавцев.

– Максимилиан Брюстер...

– Прокатишь меня? Я никогда не ездила на подобных машинах.

Макс посмотрел на Амалию, даже не зная, что и думать. С одной стороны, ему нечего было опасаться, а с другой – она все же была дочерью самого Антонио Маччини, который сейчас валялся в подвале, фактически им уничтоженный и до конца не ясно было, что от него ожидать. Доверять его слову он не спешил.

«С другой стороны, она будет моей защитой», – подумал Макс.

– Садись, прокатимся с ветерком.

Брюстер включил радио, там играла какая-то смутно знакомая песня.

– Ты чего? – захлопывая дверцу машины, спросила Амалия, посмотрев на застывшего Макса. Его глаза, не мигая, смотрели куда-то вдаль.

Блэйд зарычал, почувствовав незнакомый и вражеский запах. Оказывается, на его броне опять остались пулевые и осколочные следы, но сам он остался невредим.

– Что? – очнувшись, спросил Брюстер.

Только сейчас он заметил, что Блэйд рычит на его спутницу и потихоньку приближается ко все дальше и дальше отстраняющейся Амалии и явно не для того, чтобы его потрепали за ушком.

– Спокойно Блэйд, свои... – осадил пса Макс, погладив того по голове. – Ты что-то сказала?

– Да... Что с тобой только что случилось? У тебя глаза сейчас были абсолютно пустыми...

– Ах это... Да вот, та самая песня, с которой все началось, – усмехнувшись, пояснил

Макс, снова мысленно улетаю в прошлое. – И ей же, по всей видимости, все закончилось.

– Почему закончилось? – спросила девушка, странно улыбнувшись. – Может, наоборот, все только начинается?

– Все может быть. – Еще раз взглянув на Амалию, кивнув, сказал Макс.

Он нажал на газ и увеличил громкость радио, так что динамики взревели, а машина поехала по галечной дороге, высоко подбрасывая мелкие камешки из-под задних колес. И только странный смех, доносившийся из динамиков машины, никак не вписывался в окружающий пейзаж полной разрухи и лежащих тел убитых солдат и охранников.

Радио наших надежд
Голосом хриплым поет:
Звезды вербуют солдат
В жестокий поход!
Пусть чей-то яркий успех
Новую веру зажжет,
Армия ложных страстей,
Я твой звездочет!

Звезды – манят и ранят!
Звезды – сияньем своим закрывают
Усмешку жестокой судьбы,
Мы – армия звездной войны!¹

¹ Автор неизвестен (Прим. авт.).